
АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА XX ВЕКА

СЕРИЯ «АИРО — ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ В РОССИИ»
под редакцией Г. А. Бордюгова

FIRES OF HATRED

**ETHNIC CLEANSING
IN TWENTIETH-CENTURY EUROPE**

NORMAN M. NAIMARK

HARVARD UNIVERSITY PRESS

Cambridge, Massachusetts

London, England

2001

Норман М. НЕЙМАРК

ПЛАМЯ НЕНАВИСТИ:
ЭТНИЧЕСКИЕ ЧИСТКИ
В ЕВРОПЕ XX ВЕКА

Перевод с английского И. С. Давидян

Москва – С.-Петербург
2005

СЕРИЯ «АИРО — ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ В РОССИИ»
ОСНОВАНА В 1995 ГОДУ

Печатается по:

Naimark, Norman M. **Fires of hatred: ethnic cleansing in twentieth-century Europe.** — Cambridge, Massachusetts — London, England: Harvard University Press, 2001.

Дизайн и вёрстка: *Сергей Щербина*

Неймарк, Норман М. **Пламя ненависти: этнические чистки в Европе XX века.** Серия «АИРО — ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ В РОССИИ» под ред. Г.А. Бордюгова. — М.: АИРО-XX; СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. — 320 с.

ISBN 5-88735-142-X

ISBN 5-86007-475-1

Термин «этническая чистка», несмотря на его узнаваемость, возник относительно недавно, как определение процесса, сопровождавшего войну в бывшей Югославии. «Вброшенный» в интеллектуальную среду журналистами, он очень скоро стал расхожим и востребованным не только среди политиков и судей Международного Гаагского трибунала, но и среди историков и этнологов. Американский историк в своей книге показывает, что, несмотря на новизну термина, явление «этническая чистка» не только существовало ранее в Европе в XX веке, но и являлось неотъемлемым (хотя и необязательным) атрибутом исторического процесса в этом регионе земного шара.

ISBN 5-88735-142-X
ISBN 5-86007-475-1

© Неймарк, Норман М., 2005
© АИРО-XX, 2005

Катерине,
Саре,
Анне
и Бенджамину

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

*Этнические чистки. — XX век. — Европа. — Конкретные случаи.....*9

Глава 1

АРМЯНЕ И ГРЕКИ В ТУРЕЦКОЙ АНАТОЛИИ

*Османь и армяне. — Движение младотурок. — Армянская катастрофа. — Проблема геноцида. — Последствия. — Выводы. — Греки. — Греческая оккупация. — Турецкое контрнаступление. — Измирская катастрофа. — Лозаннский договор.....*33

Глава 2

ЕВРЕИ В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

*Нацистская идеология. — Евгеника. — Эмиграция. — «Барбаросса». — Последняя стадия. — Холокост и армянский геноцид.....*93

Глава 3

ДЕПОРТАЦИЯ ЧЕЧЕНЦЕВ, ИНГУШЕЙ И КРЫМСКИХ ТАТАР В СССР

*Причины депортаций 1944 года. — Чеченцы и ингуши. — Чеченцы и ингуши в годы Второй мировой войны. — Депортации. — Последствия. — Крымские татары. — Депортация крымских татар. — Заключение.....*136

Глава 4

ИЗГНАНИЕ НЕМЦЕВ ИЗ ПОЛЬШИ И ЧЕХОСЛОВАКИИ

*Изгнание немцев из Судет. — Трансфер («Одсун»). — Польские планы в годы войны. — Изгнание. — Дегерманизация и полонизация Польши. — Итоги.....*173

Глава 5

ВОЙНЫ ЗА ЮГОСЛАВСКОЕ НАСЛЕДСТВО

*Предыстория. — Националистический угар 1980 х. — Война в Югославии. — Босния. — Сексуальное насилие. — Хорваты и боснийские мусульмане. — Косово. — Итоги.....*221

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*Насилие. — Война. — Тотальность. — Памятники и память. — Собственность. — Гендер. — Будущее.....*290

Смотрите, как сильна ещё
и держит форму ненависть
нашего века

Вислава Шимборска
«Ненависть»

ВВЕДЕНИЕ

История Европы в XX веке закончилась плохо. Юго-восточный сектор континента, бывшая Югославия, оказался охвачен войной, этническими чистками и гражданским противостоянием. Результатом самого серьёзного со времён Второй мировой войны вооружённого конфликта в Европе стали сотни тысяч жертв и миллионы вынужденных переселенцев. Там, где раньше сербы, хорваты, боснийцы и косовские албанцы жили в относительном мире и достатке, ныне царит ненависть, нищета и опустошение. Хрупкая многонациональная культура Югославии оказалась уничтожена. Гнев и взаимные обиды раскалывают этнические общины и являются серьёзным препятствием попыткам НАТО и Европейского Союза восстановить многонациональные общественные институты и структуры. Угроза гражданской и межнациональной войны нависла также над Черногорией, Македонией и Албанией. Таким образом, стабильность на европейском континенте продолжает оставаться предметом глубокой озабоченности мирового сообщества.

Говоря о Восточной Европе в целом, следует признать, что «большие надежды», зародившиеся в 1989 г., так и не материализовались — частично, потому что оптимизм, по большому счёту, не был оправданным, частично, потому что переход от коммунизма к демократии и от централизованной экономики к рыночному капитализму в принципе чреват препятствиями, как предвиденными, так и нет. Немцы 45 лет мечтали о восстановлении единства своей страны, однако объединение оказалось куда более проблематичным, чем ожидалось. Конечно, среди бывших коммунистических стран Восточной Европы можно найти несколько вполне удачных примеров посткоммунистического развития (один

из самых заметных — Польша), но список неудачников, в который входит и Россия, гораздо длиннее, и это обстоятельство является источником серьёзного беспокойства. Однако нигде погружение в пучину пессимизма не было таким стремительным и глубоким, как в бывшей Югославии. Ни в одной другой восточноевропейской стране бывшего коммунистического блока распад не сопровождался таким взрывом насилия и бессмысленного разрушения.

Как могло случиться, что надежды и мечты, связанные с падением коммунизма в 1989 г. и крахом СССР в 1991 г., оказались разбиты десятилетием войн, жестокости и этнических чисток в бывшей Югославии? Опять, как когда-то, европейский континент наводнили исторгнутые войной десятки тысяч беженцев, рассказывающих чудовищные истории о насилии, пытках и смертях. Опять военные расстреливали ни в чём не повинных мирных жителей и хоронили их в братских могилах. Опять сжигали дома, убивали скот, взрывали храмы. Опять целые народы заталкивали в вагоны и депортировали из родных мест. И опять «мировое сообщество» с ужасом взирало на это, будучи не в силах ни предотвратить, ни положить конец этим актам насильственной депортации и массового убийства. Что это было — просто повторение отвратительной истории геноцида XX века? Или было нечто новое во всех этих этнических чистках, о которых так много писали и говорили СМИ?

Для того чтобы попытаться ответить на эти и связанные с ними вопросы, я выбрал несколько эпизодов европейской истории XX века, которые помогают разобраться в проблеме этнических чисток, их причинах и последствиях. Сравнительная история, будучи исторической формой социального знания, позволяет увидеть, что было общего и что различного в различных исторических событиях, и понять, что изменилось со временем, а что осталось неизменным. Но самое главное, сравнение даёт возможность лучше осознать причины этнических чисток нашего времени. Следует учитывать, однако, что сравнительный метод исторического анализа связан с целым рядом концептуальных проблем, осложнённых, к тому же, заданными мною ограниченными гео-

графическими и хронологическими рамками данной работы. Ниже я постарался обосновать выбранные рамки, сосредоточившись на трёх компонентах названия книги: этнические чистки, XX век и Европа.

ЭТНИЧЕСКИЕ ЧИСТКИ

Термин этот утвердился в нашем сознании в мае 1992 г., во время первого этапа войны в Боснии (1). В то время под ним подразумевали нападения сербов на боснийских мусульман с целью вытеснить мусульман с территорий, где они проживали. Но изначально этот термин использовался самими сербами для описания того, что происходило с их собственным народом в начале 1980-х гг. в соседнем Косово, где доминировали косовские албанцы (2). Термин «этническая чистка» быстро вошёл в международный лексикон, описывающий преступления сербов на территории бывшей Югославии. (Позднее его использовали и для описания агрессии хорватов против мусульман, и сербов против хорватов, а совсем недавно — сербов против косовских албанцев. Общим для всех этих случаев было то, что изгнание жертв с их земель происходило намеренно, поскольку агрессоры считали эти земли своими). Журналисты, представители НАТО, европейские юристы и американские политики с удивительным постоянством прибегали к нему (3), хотя появились и критики: некоторые комментаторы считали термин как минимум неточным, а как максимум — эвфемизмом понятия «геноцид». Более серьёзные исследователи возражали против использования термина, родившегося не в головах ученых или юристов, а на страницах газет (4).

В своей книге я попытаюсь доказать, что термин «этническая чистка» является полезным и необходимым для понимания не только событий в бывшей Югославии, но и ряда других, схожих, катаклизмов, имевших место в XX веке. Появление новых терминов в истории происходит постоянно, это обусловлено

необходимостью более глубокого понимания событий прошлого. В этом смысле, понятие «этническая чистка», вошедшее в употребление в мае 1992 г. и используемое сегодня всё чаще, несколько отличается от понятия «геноцид», обретшего своё значение в работах Рафаэля Лемкина о преступлениях нацизма, написанных им в годы Второй мировой войны. Более того, сегодня термин «этническая чистка» всё чаще звучит на заседаниях Гаагского трибунала, обретая тем самым юридический смысл, — точно так же, как обрело юридический смысл понятие «геноцид», после того как определение его было дано во второй статье Конвенции ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» от 9 декабря 1948 г. (5).

Новый термин понадобился потому, что этнические чистки и геноцид по сути своей разные виды деятельности, и это различие имеет принципиальное значение. Как и в случае с определением «убийства первой степени», главное отличие состоит в намеренности. Геноцид есть намеренное, полное или частичное, истребление той или иной этнической, религиозной или национальной группы; уничтожение народа или народов (по-немецки *Völkermord*) как главная цель. В основе же этнической чистки лежит намерение убрать тот или иной народ с какой-то конкретной территории, или, иными словами, избавиться от «чуждой» национальности, этнической или религиозной группы и захватить контроль над территорией их прежнего обитания. С одной стороны, этническая чистка по своему значению смыкается с понятием «принудительная депортация» и тем, что называют «перемещением населения»: смысл состоит в том, чтобы заставить людей уехать, и средства и методы, которые предполагается использовать для этой цели, носят вполне или частично легальный характер. Но если посмотреть с другой стороны, этническая чистка отличается от геноцида лишь конечным намерением, и она легко выливается в геноцид, как только в качестве «чистящего средства» начинают применять массовые убийства.

Чётко провести черту между этнической чисткой и геноцидом мешает ещё и тот факт, что принудительная депортация редко обходится без насилия, зачастую в форме физического унич-

тожения. Люди, как правило, не хотят добровольно покидать свои дома. Они до последнего держатся за свою землю и свою культуру, что взаимосвязано. Они противятся указам о депортации, они цепляются за свои дома и своё добро, они всеми возможными способами стараются остаться там, где веками жили их семьи и где находятся могилы их предков. В результате принудительная депортация часто принимает формы, присущие политике геноцида, когда людей силой выбрасывают из их домов, а тех, кто сопротивляется, убивают.

Но даже в случаях, когда принудительная депортация не преследует цели истребления населения, её последствия зачастую оказываются сходными с последствиями геноцида. Миллионы людей в XX веке были выдернуты из их привычных мест обитания; голодные толпы гнали пешком на огромные расстояния, набивали битком в грузовики, автобусы и трюмы кораблей и отправляли в далекое путешествие, за время которого они тысячами умирали от голода и болезней. Но и тех, кому было суждено пережить все тяготы насильственного переселения и добраться до места назначения, ждали те же голод, болезни, а также горечь и отчаяние из-за необходимости жить в лагерях беженцев, питаясь подаванием и пытаясь обрести убежище на новых землях. Многие не выдерживали и кончали жизнь самоубийством.

Помимо отличия от геноцида, термин «этническая чистка» важен ещё и тем, что с ним связаны весьма значимые ассоциации. Славянские формы этого слова (*чистка* в русском языке, *ciscenja* в сербохорватском) употребляются для обозначения процесса устранения политических врагов. Например, в Советском Союзе репрессии внутри компартии именовались «чистками». Немецкое слово *Säuberung* имеет тот же смысл, особенно в коммунистической истории, но оно также связано с развитием «расовой теории» в Германии в начале XX века (6). Достигшая в тот период расцвета евгеника по сути и была *Säuberung*, расовой чисткой, хотя и не подразумевала непременно геноцид (7). В то время как собственно словосочетание «этническая чистка», насколько мне известно, в начале XX века в германском и славянском контексте не использовалось (8), в немецкой расовой теории возникло

понятие *völkische Flurbereinigung*, позаимствовавшее сельскохозяйственный термин, чтобы нагляднее продемонстрировать процесс выравнивания, очищения почвы от чуждых, в данном случае этнических, элементов. Гиммлер, к примеру, любил использовать его, говоря об «арианизации» (от «ариец», «арийский») территории Германии (9). И у славян, и у немцев, таким образом, «чистка» имеет двойной смысл: очищение территории обитания коренного населения от инородцев и очищение своего собственного народа от чуждых, враждебных элементов внутри него. Подобное толкование, делающее значительный акцент на самоочищении, в некоторой степени объясняет присущие ряду этнических чисток чудовищные случаи, когда убийству и насилию подвергаются близкие знакомые и соседи.

Слово «этнический», употребляемое нами сегодня в применении к этнической группе, происходит из греческого «этнос», или нация. Порой этому слову придаётся уничижительный оттенок, чтобы подчеркнуть, что речь идёт о чём-то меньшем, чем нация или национальность. В данном случае ничего подобного не подразумевается. В то же время, понятия «этническая группа» и «этничность» чрезвычайно трудно поддаются определению. Зачастую их границы очерчиваются другими, доминирующими, группами, стремящимися создать образ «чужих». Кроме того, границы этничности постоянно смещаются. Кто входит, а кто не входит в ту или иную этническую группу, определяется отнюдь не «объективными» критериями — в силу того, что те категории, которые мы могли бы использовать: расовая, религиозная принадлежность, цвет кожи и т. д., — сами по себе являются умозрительными и материализуются лишь за счёт неоднократного употребления.

Наиболее убедительным мне показалось определение этничности, данное Дж. Эли и Р. Суни, которые отмечали: «Этничность возникает во взаимодействии групп. Она существует в границах, искусственно создаваемых между ними». Не менее важно и то, что границы эти весьма подвижны и подвержены изменению во времени, в зависимости от ситуации в обществе. Иными словами, значение термина «этничность» зависит от времени, места, куль-

туры и даже отдельных личностей, вкладывающих новый смысл в это понятие. «Возникновение и изменение — понятия, принадлежащие истории, и только через историю мы можем понять их» (10). То же можно сказать и по поводу этнических чисток: суть этого явления — в перипетиях истории XX века.

XX ВЕК

Во все времена, с момента появления письменной истории, более сильные нации нападали на более слабых соседей и сгоняли их со своих земель. «Илиада» Гомера и Библия содержат немало примеров того, что можно было бы назвать этническими чистками. Бостонский социолог Эндру Белл-Фиалкофф, автор первого и до сих пор наиболее значительного научного исследования об этнических чистках, начинает свой экскурс в историю проблемы с ассирийцев и вавилонян (11). С этой точки зрения, такие разбросанные во времени и пространстве события, как разрушение Карфагена (146 г. до н. э.), Альбигойские войны (начиная с 1209 г.), изгнание евреев из Испании (1492 г.), испанское завоевание территорий инков и ацтеков (XVI в.), истребление немцами племени герреро в юго-западной Африке (1904–1905 гг.) и вытеснение североамериканских индейцев с их исконных земель (XIX в.), тоже относятся к этническим чисткам. Подобное широкое толкование понятия, однако, имеет один существенный недостаток: слишком широк хронологический диапазон, слишком много вариаций одной и той же темы. Задача исследователя, таким образом, сводится к выявлению фундаментальных общечеловеческих черт явления и поиску связи между современностью и мифологическими либо библейскими временами (12). Моё понимание проблемы этнических чисток в XX веке состоит в том, что формы и методы их осуществления напрямую зависели от особенностей того или иного государства, общества и идеологии именно этого периода. Белл-Фиалкофф называет XX век третьей, «современ-

ной», фазой в истории этнических чисток (13). На мой взгляд, XX век в этом отношении настолько существенно отличается от предшествующих эпох, что должен быть выделен в особую историческую категорию.

Опыт этнических чисток в бывшей Югославии, с этой точки зрения, представляет собой глубоко современный опыт, связанный с предшествующими событиями XX века, но не являющийся продуктом «застарелой ненависти», как зачастую представляется политикам и журналистам, которые, ссылаясь на книгу Иво Андрича «Мост над Дриной», стремятся доказать, что Балканы — это вечное насилие. (Тот факт, что книга нобелевского лауреата Андрича больше уделяет внимания событиям Второй мировой войны, нежели временам турецкого господства, похоже, мало кого смущает). Точно так же, еврейские погромы в России конца XIX века, число жертв которых явно не соответствовало той волне возмущения, которая была поднята по этому поводу в западной прессе, коренным образом отличались от предполагаемых планов Сталина по депортации российских евреев в Сибирь в 1952–1953 гг. Эти планы, о которых до сих пор не слишком много известно, в силу недоступности российских архивов, вполне могли привести ко второму *Шоа*, как называют евреи Холокост. Турецкие гонения на армян во времена правления Абдул Хамида II в 1894–1895 гг., несмотря на их размах и жестокость, представляли собой принципиально иное социально-историческое явление, нежели геноцид 1915 г., направленный против армянского народа в целом. Массовые убийства евреев в нацистской Германии не были просто новой стадией в развитии германского антисемитизма от средневековья до наших дней, что бы ни писал по этому поводу Дэниел Голдхаген (14). Существенные отличия, характеризующие Холокост, делают его неотъемлемой принадлежностью своего века.

Одним из таких существенных отличий явился рост популярности современной формы национализма — расового национализма, распространившегося в Европе и на Западе вообще в конце XIX — начале XX века. Постпозитивистская и постдарвинистская, эта новая крайняя форма национализма представляла «эс-

сенциалистский» (в отличие от «конструктивистского») взгляд на нации, не оставлявший места «другим» и напроочь отвергавший ассимиляцию. Утверждалось не только то, что расы — это общности, объединяющие исключительно себе подобных, но и то, что любые «примеси» ослабляют силу нации, делают её уязвимее. Германский антисемитизм приобрел гораздо более угрожающий характер, чем когда бы то ни было; даже полностью ассимилированные евреи, по новым антисемитским законам, не могли быть спокойны за свою судьбу. В начале XIX века романтический национализм Иоганна Готфрида фон Гердера призывал нации развивать собственный язык и культуру на более или менее равной основе (15). Национализм конца XIX века, представленный в Польше Романом Дмовски, в Англии — Фрэнсисом Гэлтоном, а в Германии — Эрнстом Гекелем, был уже принципиально иным. Научнообразный по форме, он судил о расе по величине черепа и по форме торса, диагностируя предполагаемые дефекты. Следуя букве социал-дарвинизма, новое расовое мышление провозгласило, что в мире наций идёт такая же жестокая борьба за выживание, как и в животном мире, и, как и в животном мире, выживают в ней сильнейшие, наиболее приспособленные нации, а более слабые остаются на обочине. Когда на рубеже веков этот «интегральный национализм» дополнился империалистическим стремлением к подавлению интересов коренных народов, геноцидный потенциал господствующих наций начал расти ускоренными темпами. В начале XX века массовые убийства на расовой основе были уже составной частью европейской колониальной истории. Так национализм превратился в фитиль, который было достаточно поджечь, чтобы вызвать взрыв геноцида (16).

Постулаты современного расового национализма явились необходимым условием для этнических чисток в XX веке — необходимым, но не достаточным. Очень важную роль сыграло современное государство, в основу строения и функционирования которого всё чаще, особенно после Балканских и Первой мировой войн, закладывался этнический критерий. По мнению Зигмунда Баумана, брачный союз современного национализма и послевоенного, возникшего после Первой мировой войны, государства

оказался фатальным, в особенности для евреев. «Расизм немислим без прогресса современной науки, современной технологии и современных форм государственной власти. В этом смысле расизм есть безусловно современный продукт. Современность сделала расизм не только возможным, но и востребованным. Эпоха, провозгласившая успех единственным мерилом человеческой ценности, нуждалась в теории, обосновывающей необходимость пересмотра принципов проведения и охраны границ в новых условиях, делающих пересечение этих самых границ делом как никогда более легким. Короче говоря, расизм — это абсолютно современное оружие, используемое для ведения досовременной или, как минимум, не вполне современной борьбы» (17). В соответствии с этой схемой, религиозные различия не являются определяющими для этнических чисток, как это нередко бывало в прошлом. Даже в конфликтах в Боснии и Косово религия служит, в первую очередь, признаком этнической принадлежности, а не собственно вероисповедания (18).

Этнические чистки XX века есть продукт самой развитой, «высшей» стадии развития современного государства. Ей присуще то, что Джеймс Скотт назвал «высоким модернизмом» (*«high modernism»*) — особый тип государственной идеологии, целью которой является превращение общества в упорядоченный и «здоровый» организм, отвечающий потребностям руководства в порядке, прозрачности и управляемости (19). Современное государство проводит перепись населения и земельных ресурсов, считает, измеряет, взвешивает, классифицирует и гомогенизирует. Оно материализует географические границы и следит за тем, чтобы их не нарушали. Свой народ оно подвергает слежке и манипуляции (20). Оно вмешивается в семейную жизнь и контролирует рождаемость. С помощью средств массовой информации оно насаждает в обществе ценности правящей элиты. До прав меньшинств, языковых различий, неравномерного развития и примитивного земледелия или ремесла «высокому модернизму», как правило, нет дела. Зато, как подчёркивает Бауман, он очень заинтересован в выявлении этнических групп и определении степени и сути их «инакости» с целью последующего устранения.

Разумеется, государство и правящая бюрократия занимались этим и задолго до XX века. Современное государство уходит корнями в век Просвещения и даже ранее, в эпоху Великих географических и научных открытий (21). Однако государство XX века, прошедшее через опыт мобилизации общества в годы Первой мировой войны, достигло такой степени контролирования и манипулирования населением, которую в прежние времена невозможно было представить.

Неспособность современного суверенного государства терпеть в своих пределах крупные национальные меньшинства приводит — в зависимости от политической ситуации и исторического контекста — или к созданию программ ассимиляции, или к этническим чисткам. Но так или иначе, стремление к гомогенизации является неотъемлемой чертой государства XX века. Конечно, это государство также обеспечивает своим гражданам небывалый уровень социального обеспечения, здравоохранения и образования. В некоторых случаях оно даже воплощает в жизнь просветительские идеи о человеческом достоинстве и правах граждан. В тех странах, которым особенно повезло, эти права позволяют гражданам использовать силу государства и возможности политической системы для того, чтобы сдерживать свои худшие инстинкты. Ну а там, где гражданам не повезло, к власти приходят тираны, которые используют государство для воплощения своих кошмарных расистских фантазий (22).

Современные достижения науки и технологии немислимы без непосредственной поддержки со стороны государства и его структур. Однако эти достижения превращаются в палку о двух концах, когда речь идёт об этнической чистке. Приказы о депортации поступают по телеграфу, телефону, телетайпу, а сегодня ещё и по электронной почте. Принадлежность к тому или иному этническому меньшинству отслеживается по сведениям из паспортных столов, деревенским переписям и налоговым спискам, где стараниями государственных служащих соответствующие данные зафиксированы. Причины депортации разъясняются через современные средства массовой информации: прежде это были газеты, радио, кинохроника, теперь — телевидение, видео

и Интернет. Параллельно с развитием информационных средств развиваются и методы пропаганды, направленные в равной мере на поддержание имиджа государства и на очернение внутреннего врага. Помимо системы массовых коммуникаций, государство поддерживает и развивает транспортную систему, необходимую в случае этнической чистки: чаще всего депортированных перевозят по железной дороге, но также используют грузовики и автобусы, выпускаемые в том числе и государственными предприятиями. Плодами развития современной технологии являются автоматы «узи» и «калашников» — излюбленное оружие участников этнических чисток, причём и то, и другое производится в массовом порядке на государственных оружейных заводах. Даже мачете, которыми хуту вырезали тутси в Руанде, были импортированы из Китая, где налажено их массовое и вполне современное производство. Причины, ведущие к этнической чистке, складываются, таким образом, не только из стремления современного государства довести до конца начатую политику и покончить с проблемами, но и из имеющихся у него для этого технических возможностей.

Как отмечают многие исследователи (например, Омер Бартов и Элизабет Домански), решающую роль в становлении и развитии современного национального государства с его склонностью к массовым политическим акциям сыграла Первая мировая война (23). Наряду с Балканскими войнами она привела к тому, что вынужденная депортация и обмен населением стали обычной практикой как мирного, так и военного процесса. Тотальная мобилизация населения для тотальной войны позволила европейской бюрократии глубоко проникнуть в личную жизнь своих граждан, в такие её сферы, как регулирование рождаемости, жилищный вопрос или нормирование труда. Но особого размаха вмешательство государства в личную жизнь граждан достигло в межвоенный период в Германии и в СССР. Даже в относительно отсталых странах, таких как Турецкая республика во главе с Мустафой Кемалем (Ататюрком), государство, встав на путь модернизации, принялось вмешиваться в те сферы жизни своих граждан, которые традиционно контролировались религиозными

общинами (миллетами). Первая мировая война также привела к тому, что понятие «массовое убийство» прочно вошло в сознание европейцев и стало одной из реалий европейской государственной системы. Убийство превратилось в нечто обыденное; оно совершенствовалось и приобретало всё более «научный» характер за счёт использования новых технологий и «научных принципов».

При всей важности роли современного государства и современного национализма в этнических чистках как явлении XX века, главную ответственность за конкретные случаи несут, тем не менее, политические элиты. В своей борьбе за власть они апеллируют к национализму, чтобы завладеть потенциалом недовольства больших групп населения, представляющих этническое большинство. Используя возможности государства, средств массовой информации и своих политических партий, лидеры нации манипулируют чувством недоверия к «чужим» и намеренно пробуждают межэтнические противоречия, спящие порой глубоким сном, а порой только дремлющие. Они прямым или косвенным образом инициируют кампании этнических чисток, и они же обладают властью их остановить, если пожелают, но они этого не делают. Без прямого вмешательства или попустительства со стороны политических лидеров этнические чистки в XX веке не могли бы состояться. Каким бы потенциалом насилия на национальной почве ни обладало общество, этнические чистки не были просто спонтанными всплесками ненависти. Арнольд Тойнби, которому довелось оказаться свидетелем зверств, чинимых как турками, так и греками во время греко-турецкой войны 1921–1922 гг., отмечал, что пламя национальной ненависти и взаимной обиды раздувалось политическими лидерами. «Эта отвратительная возможность заложена во всех нас, но, к счастью, даже при наличии соответствующих стимулов, зверства редко совершаются большими массами людей стихийно... Гораздо чаще болезнь овладевает несколькими индивидами, а затем передаётся от них массе, хотя бывают случаи, когда жажда крови в толпе возбуждается теми хладнокровными охотниками, которые хотят только убить дичь, а азарт охоты для них самих не имеет значения» (24).

Однако политические элиты не одиноки в своей ответственности за этнические чистки. За ними стоит государственный и партийный аппарат, полиция, военные и военизированные силы. Они пользуются поддержкой профессионалов: юристов, врачей, профессоров, инженеров, — которые в большинстве случаев являются как создателями современного государства, так и теми, кто пользуется его благами. Младотурецкая революция, окончившаяся армянской резней, в большой степени обязана своим успехом участию военных врачей (25). Стараниями многочисленных авторов, в том числе Роберта Лифтона (26), стало известно о роли нацистских врачей в становлении германской расовой идеологии и нацистской практики уничтожения людей, вплоть до личного участия в «экспериментах». Высокообразованные профессионалы-«технократы» контролировали процесс создания гетто и организованного умерщвления евреев, депортации чеченцев и ингушей с их исконных земель в Советском Союзе и выселения армян из Анатолии. Лидер боснийских сербов Радован Караджич, признанный военным преступником, до войны был профессиональным психиатром. Ещё один военный преступник, Слободан Милошевич, имел докторскую степень в юриспруденции и работал в банковской структуре в Сербии. Оба лидера получили образование за рубежом и предпочитали космополитический образ жизни. Все эти примеры говорят о том, что современные кодексы профессиональной этики не мешают некоторым людям принимать участие в этнических чистках и массовых убийствах.

ЕВРОПА

Случаи, ставшие предметом рассмотрения в данной книге, взяты из европейской истории, включая историю Советского Союза и Оттоманской империи и Турции. Мой выбор объясняется двумя причинами. Во-первых, я не чувствую себя вправе писать об этнических чистках в регионах, чья культура, история и историо-

графия мне незнакомы. Я не сумел бы проанализировать историю Африки, Латинской Америки, Азии и Северной Америки так, как я могу это сделать в отношении истории Европы. И хотя я не знаю всех языков европейских стран, о которых пишу, я изучал их прошлое, принимал участие в событиях их настоящего, много путешествовал по их территории. Сравнительный метод обычно труден для историков, которые полагают, что нужно непременно знать языки и культуру тех стран, о которых пишешь. Я же, выбрав тему этнических чисток, видел свою задачу в том, чтобы расширить, насколько возможно, исследовательское поле за счёт тех европейских областей, чью историю я изучил по литературе, хотя и не имел возможности читать в оригинале первичные источники. Но компенсировать чем-либо моё полное незнание истории и культуры, скажем, Камбоджи, Руанды или Индии и Пакистана, я думаю, мне вряд ли удалось бы.

Вторая причина, по которой я сознательно ограничил своё исследование европейскими рамками, носит концептуальный характер. Все случаи этнических чисток, которые я анализирую, принадлежат истории Европы в XX веке в целом, а не только истории отдельных стран. Офицеры германской армии, к примеру, принимали активное участие в событиях, связанных с армянским геноцидом в Анатолии. Но не только они — действия России и Франции также повлияли на развитие ситуации. Британская позиция и британские политики сыграли существенную роль в исходе греко-турецкой войны и подписании Лозаннского мирного договора. Младотурки, чтобы избежать наказания за свои преступления, бежали в Германию. Один из них, Талат-Паша, был убит армянским националистом на улице Берлина. Гитлер и нацисты были подробно осведомлены о событиях армянского геноцида и не раз ссылались на них в дискуссиях о массовом убийстве. Ясная и очевидная связь прослеживается между приходом к власти нацистов и распространением их влияния в Европе, с одной стороны, и утверждением власти Сталина и сталинизма в Советском Союзе, с другой. Когда по окончании Второй мировой войны чехи и поляки депортировали немцев со своих территорий, это был вполне осознанный акт изгнания бывших гонителей.

Этнические чистки в Боснии и Косово были тесно связаны как с политикой, проводимой здесь нацистами в годы войны, так и с послевоенным влиянием Москвы. Завершивший войну в Боснии Дэйтонский договор 1995 г. связан с Потсдамским (1945 г.) и Лозаннским (1923 г.) договорами. Всё это говорит о том, что этнические чистки в Европе имеют свою собственную историю. Конкретные случаи, которые я исследовал, взаимосвязаны и являются неотъемлемой частью европейской истории XX в., поэтому их надо рассматривать не только в сравнительном, но и в историческом аспекте.

КОНКРЕТНЫЕ СЛУЧАИ

Каждая глава данной книги посвящена какому-то конкретному событию, служащему примером этнической чистки. В некоторых случаях я обращался к архивам, чтобы восполнить недостаток историографического и документального материала. В других случаях (Холокост, например) тема настолько хорошо исследована и опубликованный материал настолько обширен, что архивной работы не требовалось. И во всех случаях я глубоко признателен тем коллегам-историкам, чьими неустанными трудами была заложена основа исследования этнических чисток в каждом конкретном регионе. В то же время, чтобы разобраться в спорных и трудных вопросах, затрагивающих национальную гордость и коллективную память, я старался разыскать документальные источники.

Первая глава посвящена исследованию армянского геноцида 1915 г. Из всех случаев, включенных в данную книгу, этот во многих отношениях является наиболее спорным. Турецкие и армянские историки до сих пор не достигли согласия по фундаментальным вопросам, что позволило бы более глубоко исследовать отдельные эпизоды. Слишком высок ещё накал страстей при обсуждении событий 1915 г., поэтому объективная история тех

событий до сих пор так и не написана. Абсолютно по-разному оценивают историки той и другой стороны количество жертв среди армянского населения. Роналд Суни приводит разброс цифр от «нескольких сот тысяч», как наименьшей оценки, до 1,5 миллионов, на чем иногда настаивают армянские историки (27). Немало споров по-прежнему вызывает вопрос о преднамеренности акции: планировало ли младотурецкое руководство истребить часть армянской нации или эта трагедия явилась случайным побочным продуктом запланированной депортации? И здесь армянские и турецкие историки радикально расходятся во мнении. В этой же главе я анализирую событие, имевшее место позднее армянской катастрофы, но определённым образом с ней связанное: изгнание греческого населения, примерно 1,4 млн. чел., из Анатолии, ставшее следствием греко-турецкой войны 1921–1922 гг. Эта насильственная депортация, организованная новым турецким правительством Мустафы Кемалья, была узаконена Лозаннским договором 1923 г. Поскольку впоследствии Лозаннский договор был признан образцом мирного обмена населением между странами, проводимого под контролем международных гуманитарных организаций, очень важно взглянуть на предысторию и обстоятельства этого обмена.

Во второй главе я анализирую нацистские гонения на евреев. Этой теме посвящено огромное количество научных работ, исследующих проблему полно, детально и, по большей части, добросовестно. С точки зрения фактических данных, я могу добавить очень мало к тому, что мы сегодня знаем о «дороге к геноциду». Свою задачу я видел в том, чтобы попытаться ответить на вопрос: можно ли рассматривать «окончательное решение» еврейского вопроса как частный случай этнической чистки, и если да, то где проходит граница между этнической чисткой и геноцидом? Для ответа на этот вопрос я сосредоточился на периоде между нападением Германии на Польшу в сентябре 1939 г. и вторжением в СССР в июне 1941 г. С конца лета — начала осени 1941 г. в нацистской политике по отношению к евреям начинается новый, страшный этап. В тылу наступающей германской армии айнзатц-группы СС, иногда при поддержке частей вермахта, начали мас-

совое истребление евреев. По некоторым данным, в начале осени 1941 г. было принято решение об уничтожении всех евреев (28). Процесс подготовки к Холокосту завершила состоявшаяся в январе 1942 г. Ванзейская конференция, на которой была разработана система лагерей смерти. Начиная с этого момента (если не ранее), речи об этнической чистке или депортации уже не шло: последние шаги к Холокосту, *Шоа*, массовому уничтожению целой нации были пройдены.

Третий — парный — случай этнической чистки взят из советской истории: насильственная депортация чеченцев и ингушей с Северного Кавказа в феврале 1944 г. и крымских татар из Крыма в мае 1944 г. Чечено-ингушский и татарский случаи имеют ряд особенностей, обусловленных своеобразием советской системы. Депортация производилась в пределах одного государства, и на землях депортированных народов селились представители не одной, а разных национальностей. Однако большое количество погибших в ходе переселения (35–45% от общего числа депортированных) и тщательность процесса этнической чистки заслуживают внимания. Все представители чеченского и ингушского народов (примерно 489 тыс. чел.) и все крымские татары (ок. 185 тыс. чел.) были вынуждены уехать. Никому не позволили остаться; были стёрты все следы пребывания этих народов на их бывших территориях. Даже географические названия были изменены или ликвидированы. Никто не спрашивал и не обсуждал, что случилось. Всё выглядело так, словно эти нации растворились в воздухе.

Процесс изгнание немцев из Польши и Чехословакии в конце Второй мировой войны и сразу после неё стал предметом моего рассмотрения в четвёртой главе. Примерно 11,5 млн. немцев было изгнано с польских и чешских земель, 2,5 млн. чел. погибло в ходе переселения, в основном от голода и болезней (29). Герхард Вайнберг назвал этот процесс «крупнейшей краткосрочной разовой миграцией населения из всех, о которых мы знаем» (30). Польский и чешский случаи интересны тем, что меняют моральный угол зрения, под которым мы рассматриваем этнические чистки. Преступления, совершённые немцами на территории Чехословакии и, особенно, Польши в годы войны, привели к тому, что

их участь мало у кого вызывала сочувствие. Этический аспект в данном случае усугублялся ещё и за счёт грубости методов проведения чистки. И если в польском случае грубость более или менее объяснима: немцы убили 6 млн. польских граждан, включая евреев, а живых безжалостно эксплуатировали на грубой работе, вознамерившись превратить польскую нацию в рабов рейха, — в Чехословакии всё было по-иному. Относительно немного чехов погибло в годы войны; промышленность страны успешно развивалась, рабочие не бедствовали; насильственные акции, направленные непосредственно против чешских граждан, были редкими и не носили систематического характера. Тем не менее, чехи мстили немцам так же жестоко, как и поляки, если не более.

Польский и чешский случаи показательны ещё и в том смысле, что этнические чистки здесь замышлялись и осуществлялись демократическими режимами. И польское, и чехословацкое правительства в изгнании, нашедшие прибежище в Лондоне, призвали свои народы к изгнанию немцев (31). В этом вопросе позиции либеральных и консервативных политиков в лондонской эмиграции и коммунистов в подполье либо в Москве были практически одинаковыми в обеих странах. Фашисты и антифашисты, бойцы Соппротивления и обыватели, мужчины, женщины и дети, — почти никто не сомневался в том, что немцы должны уйти. В Чехословакии эту миссию взяло на себя правительство Эдварда Бенеша, известного демократического политика. Большую помощь ему оказали коммунисты. В Польше, где правительство находилось под контролем коммунистов, этническую чистку возглавили коммунистические лидеры. Но и здесь некоммунисты проявили солидарность с коммунистами: так, самый крупный некоммунистический политик, лидер Аграрной партии Станислав Миколайчик, неоднократно выступал с призывами изгнать всех немцев. При этом жестокость и насилие, которыми сопровождалось это изгнание, похоже, ни Бенеша, ни Миколайчика не волновали. Для них, как и для коммунистов, главное заключалось в том, чтобы обеспечить послевоенную реконструкцию своих стран на этнически однородной основе.

Последняя глава моей книги посвящена этническим чисткам в бывшей Югославии. Первоначально я намеревался сосредоточиться на агрессии сербов против мусульман в Боснии и Герцеговине, сделавшей этнические чистки предметом международного осуждения. Ни в коей мере не умаляя ответственности сербов за их преступления в Боснии, я решил, что было бы справедливо включить сюда же хорватские атаки против мусульман и сербов соответственно в Боснии и Крайне, а также происходившие время от времени вспышки мусульманской агрессии. К сожалению, история этнических чисток в бывшей Югославии не завершилась с подписанием Дэйтонского мирного договора 1995 г. Сербская этническая чистка в Косово зимой и ранней весной 1998 г. привела к натовским бомбардировкам Сербии и оккупации Косово международным контингентом войск. После установления контроля НАТО над регионом косовские албанцы повели войну против сербов, и этот конфликт продолжился в новом столетии. Похоже, что политические элиты бывших многонациональных республик Югославии всерьёз взяли курс на «несмешивание народов» (32).

Сравнивая все эти конкретные случаи этнических чисток в европейской истории XX века, я надеюсь ответить на вопрос о причинах и последствиях этого разрушительного явления, а также подчеркнуть потенциальную опасность перерастания этнической чистки в геноцид. Именно по этой причине проблема заслуживает внимания со стороны международного сообщества и тех организаций, которые считают своей целью препятствовать возникновению и развитию этого явления. Данное исследование показывает, что задача эта не из простых. Разделяемые большинством стран принципы государственного суверенитета делают затруднительным вмешательство во внутренний конфликт международных организаций. Кроме того, национальные интересы «великих держав» редко совпадают с гуманитарными нуждами. Для политики невмешательства всегда находится гораздо больше причин. В своё время международная общественность и ведущие политические деятели прекрасно знали и об армянском геноциде, и о выселении греков, и о Холокосте, но не сделали ничего, чтобы

предотвратить их. О депортации чеченцев, ингушей и крымских татар в СССР на Западе не было известно, но это не имеет значения: активных действий против Советов тогда было бы предпринято не больше, чем полвека спустя против России, которая обстреливала и сравнивала с землёй чеченские сёла и города. Потсдамское соглашение, призвавшее к гуманному переселению немцев с территорий Польши и Чехословакии, было принято в августе 1945 г., то есть тогда, когда самая ужасная из всех этнических чисток уже произошла. В этом смысле между Потсдамом, Лозанной и Дэйтоном есть определённое сходство: все эти договоры скорее подтверждали факт той или иной этнической чистки, вместо того чтобы её предотвращать.

Сравнительный анализ этнических чисток в разных странах позволяет также пролить свет на политические и социальные основы этого явления. Комментаторы балканских событий слишком часто и уверенно относят этнические чистки на счёт культурных и исторических особенностей развития южнославянских народов, в особенности сербов. На мой взгляд, дело не столько в культуре: западной или восточной, христианской или мусульманской, — сколько в исторической случайности, стечении обстоятельств, особенностях политического руководства и той межобщинной враждебности, которая присуща современному государству. Ни армянский, ни еврейский геноцид не были неизбежными. Они вызрели в конкретных обстоятельствах, порождённых мировыми войнами, а детонатором послужили извращённые амбиции современных политиков. Конечно, это ни в коей мере не умаляет ни ответственности отдельных граждан за бесчинства, чинимые в их сообществах против нацменьшинств, ни ответственности международных организаций за то, что они не вмешались тогда, когда имели возможность предотвратить конфликт либо смягчить его ужасные последствия.

Сравнительный подход к анализу проблем этнических чисток приводит нас также к выводу о том, что каждый случай должен рассматриваться во всей полноте и в его собственном непосредственном контексте, а не просто как часть того или иного протяжённого во времени исторического конфликта между наро-

дами (33). Этнические чистки не являются производной особенностей культурного развития турок, немцев, сербов или каких-то других народов. К несчастью, следы этого явления можно найти в любом обществе, поскольку соответствующий потенциал заложен в нас самих. Только такой взгляд на этнические чистки позволит нам понять, как это происходит в других местах и что нужно сделать, чтобы это не произошло снова, здесь или там.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Laura Silber and Alan Little*. Yugoslavia: Death of a Nation. — New York: TV Books, 1995. P.244.

2. *Veljko Vujacic*. Communism, Nationalism, and Democracy in Russia and Serbia: 1985–1993 (draft ms). P.149, n.30. Я благодарю автора за предоставленную возможность ознакомиться с его рукописью.

3. См.: *William Safire*. On Language //New York Times Magazine. March 14. 1993. P.24.

4. См.: *Robert M. Hayden*. Schindler's Fate: Genocide, Ethnic Cleansing, and Population Transfers //Slavic Review, 55. №4 (Winter 1996). P.727–748.

5. О происхождении и значении термина «геноцид» см.: *Robert Melson*. Revolution and Genocide: On the Origins of the Armenian Genocide and the Holocaust. Chicago: University of Chicago Press, 1992. P.22–24; *Leo Kuper*. Genocide: Its Political Use in the Twentieth Century. — New Haven: Yale University Press, 1981. P.52–56.

6. См.: *Michael Burleigh and Wolfgang Wippermann*. The Nazi Racial State: Germany 1933–1945. — Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P.28–37; *George L. Mosse*. Toward the Final Solution: A History of European Racism. — Madison: University of Wisconsin Press, 1985. P.215–222.

7. *Frank Dikötter*. Race Culture: Recent Perspectives on the History of Eugenics //American Historical Review, 103. №2 (April 1998). P.467.

8. Некоторые хорватские источники утверждают, что сербы ещё в 1807 г. употребляли слово «чистка» по поводу желаемого изгнания из Белграда турок, евреев и цыган. — См. The «Liberation» of Sarajevo — Oslobođenje, 1st. English Ed. (1994). P.14.

9. *Götz Aly*. «Endlösung»: Völkerverschiebung und der Mord an den Europäischen Juden. — Frankfurt am M.: S. Fischer Verlag, 1995. P.35–50.

10. *Geoff Eley and Ronald Grigor Suny*. Introduction //Becoming National: A Reader. — New York: Oxford University Press, 1996. P.21.

11. *Andrew Bell-Fialkoff*. Ethnic Cleansing. — New York: St. Martin's Press, 1996. P.7.

12. Примером удачного применения теорий Рене Жирапа (Rene Girard) к проблеме этнического конфликта является провокационная работа Роберта Хамертона-Келли: *Robert Hamerton-Kelly. The Gospel and the Sacred: Poetics of Violence in Mark.* — Minneapolis: Fortress Press, 1993.

13. *Bell-Fialkoff. Ethnic Cleansing.* P.21.

14. *Daniel Jonah Goldhagen. Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust.* — New York: Alfred A. Knopf, 1996. P.23. Голдхаген считает, что в Германии задолго до прихода нацистов к власти получил развитие т. наз. «элиминационный» вариант антисемитизма, призывавший к устранению еврейского влияния или самих евреев из германского общества. Придя к власти, нацисты, таким образом, получили общество, буквально пропитанное негативным отношением к евреям и готовое к восприятию самой крайней формы «элиминации».

15. *Daniel Chirot. Herder's Multicultural Theory of Nationalism and Its Consequences //East European Politics and Societies, 10. №1 (Winter 1996).* P.11–13.

16. *Helmut Bley. Southwest Africa under German Rule, 1894–1914.* — London: Heinemann, 1971. P.163–164. Генерал, командовавший германскими колониальными войсками в юго-западной Африке, заявлял: «Племя гереро должно уйти из этой страны. Если они этого не сделают, я заставлю их уйти силой». В другом месте он пишет: «Я убеждён, что гереро должны быть уничтожены как нация».

17. *Zygmunt Baumann. Modernity and the Holocaust.* — Ithaka: Cornell University Press, 1989. P.61–62.

18. См. *Peter F. Sugar. Nationalism and Religion in the Balkans since the 19th century //The Donald W. Treadgold Papers. University of Washington, 8 (July 1996).* P.35.

19. *James C. Scott. Seeing like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed.* — New Haven: Yale University Press, 1998. P.4–6.

20. *Peter Holquist. Information Is the Alpha and Omega of Our Work: Bolshevik Surveillance in Its Pan-European Context //Journal of Modern History, 69 (September 1997).* P.415–450.

21. *Bjorn Wittrock. Social Theory and Intellectual History: Towards a Rethinking of the Formation of Modernity //Fredrik Engelstad and Ragnvald Kalleberg, eds. Social Time and Social Change: Perspectives on Sociology and History. Oslo and Stockholm: Scandinavian University Press, 1999.* P.195–198.

22. *Daniel Chirot. Modernism without Liberalism: The Ideological Roots of Modern Tyranny //Contention, 5. №1 (Fall 1995).* P.144–147.

23. *Omer Bartov. Murder in Our Midst: The Holocaust, Industrial Killing, and Representation.* — New York: Oxford University Press, 1996. P.3–11; *Elisabeth Domansky. Militarization and Reproduction in World War I Germany //Geoff Eley, ed. Society, Culture, and the State in Germany, 1870–1930.* — Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996. P.427–463.

24. *Arnold J. Toynbee*. The Western Question in Greece and Turkey: A Study in the Contact of Civilizations, 2nd. ed. — London: Constable and Company Ltd., 1923. P.265.

25. *Vahakn N. Dadrian*. The Role of Turkish Physicians in the World War I Genocide of Ottoman Armenians //Holocaust and Genocide Studies, 1. №2 (Autumn 1986). P.169–192.

26. *Robert J. Lifton*. The Nazi Doctors: Medical Killing and the Psychology of Genocide. — New York: Basic Books, 1986. См. также *Burleigh and Wippermann*. The Nazi Racial State. P.136–197; *Götz Aly, Peter Chroust and Christian Pross*. Cleansing the Fatherland: Nazi Medical and Racial Hygiene. — Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1994. P.22–99. О роли «технократов» см. *Christopher R. Browning*. The Path to Genocide: Essays on Launching the Final Solution. — Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P.59–76; о роли врачей см. там же. С.145–168.

27. *Ronald G. Suny*. Rethinking the Unthinkable: Toward an Understanding of the Armenian Genocide //Looking Toward Ararat: Armenia in Modern History. — Bloomington: Indiana University Press, 1993. P.114.

28. *Christopher Browning*. Hitler and the Decisions for the Final Solution. Elsie B. Lipset Lecture, Stanford University, March 4, 1997. См. также: *Browning*. The Path to Genocide. P.125–144; *Philippe Burrin*. Hitler and the Jews: The Genesis of the Holocaust. — London: Edward Arnold, 1994. P.120–129.

29. *Gerhard Ziemer*. Deutscher Exodus: Vertreibung und Eingliederung von 15 Millionen Ostdeutschen. — Stuttgart: Seewald Verlag, 1973. P.94, 227.

30. *Gerhard Weinberg*. A World at Arms: A Global History of World War II. — Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P.895.

31. *Detlef Brandes*. Grossbritannien und seine osteuropäischen Alliierten 1939–1943. — Munich: R. Oldenbourg Verlag, 1988. P.230–231.

32. *Rogers Brubaker*. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. — Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P.10.

33. В превосходной статье, в которой Кристофер Браунинг высказывает эту мысль, он также критикует германоцентристское объяснение Холокоста, предложенное Даниэлем Голдхагеном. *Christopher Browning*. Human Nature, Culture and the Holocaust //Chronicle of Higher Education, October 18, 1996. P.A72.

Глава 1

АРМЯНЕ И ГРЕКИ В ТУРЕЦКОЙ АНАТОЛИИ

Распад Османской империи, случившийся в начале XX века, стал тем фоном, на котором в течение столетия происходили этнические чистки и геноцид в юго-восточной Европе и Анатолии. Не нужно быть поклонником *Rah Ottomanica*, чтобы понять, что крах Турецкой империи привел к разгулу национализма и ошибкам в деле государственного строительства, последствия которых мы до сих пор можем наблюдать в современных Боснии и Косово. Слабость османских правителей, вмешательство западных стран (в том числе и России) и мощное национально-освободительное движение среди порабождённых Турцией народов создали критический узел, приведший к Балканским войнам 1912–1913 гг. Содержащиеся в отчёте Фонда Карнеги за 1913 г. описания убийств и других преступлений на этнической почве в этом регионе вполне применимы к недавним югославским событиям, стоит только изменить несколько имен, географических названий и дат (1). В результате Балканских войн массовые перемещения групп населения и этнический сепаратизм впервые оказались в числе реалий современного европейского конфликта и стали терминами миротворческого процесса. Болгары, сербы и греки стремились создать собственные национальные государства в новых границах, и решение этой проблемы видели в изгнании национальных меньшинств и формировании собственных эксклюзивных национальных интересов (2). Таким образом, уже в годы, предшествующие Первой мировой войне, окончательно изменившей карту Европы, требования передела границ и создания этнически однородных

государств, звучавшие на юго-востоке континента, подрывали старый европейский порядок.

Убийство в июне 1914 г. террористами из группы «Млада Босния» австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда заставило великие державы втянуться в Балканский конфликт, что привело к неожиданной по своим масштабам интернационализации и милитаризации противостояния. Среди бурных последствий Первой мировой войны оказались рухнувшие одна за другой, подобно карточным домикам, империи — не только Османская, но и Российская, Германская и Австро-Венгерская. Крушение многонациональных империй и возникновение на их обломках национальных государств, основанных на принципе самоопределения, поставило под угрозу положение национальных меньшинств в этих странах, сделав их зависимыми от государственной идеологии господствующей нации. И хотя в рамках Версальского договора были приняты специальные соглашения о защите прав меньшинства, они не устранили главную слабость вильсоновского понятия самоопределения — вопрос о том, *чьё именно* право на самоопределение будет решающим в новых государствах. Политические элиты наций, представляющих большинство населения, попытались ответить на этот вопрос по-своему, ограничивая права и влияние меньшинств. А если учитывать при этом то мощное влияние, которое оказали на идеологию национализма как господствующей, так и подчиненной нации расовые теории, то этнический конфликт оказывался неизбежным следствием.

Швейцарский антрополог и этнограф Жорж Монтандон был одним из первых, кто понял опасность сложившейся ситуации и предложил способ решения. Ещё в 1915 г. он написал, что границы между государствами должны быть «естественными», то есть установленными по этническому признаку, и что те нации, которые не хотят и не могут становиться частью большинства, должны быть подвергнуты «массовому переселению» за пределы новых государств, с тем чтобы присоединиться к группам компактного проживания своего населения за рубежом (3). По замыслу Монтандона, нации-меньшинства теряют все права собственности, а также гражданские права на территории государства, созданно-

го нацией-большинством. После Балканских войн и этнических столкновений в ходе Первой мировой войны учёные и политики разных направлений приходили к тому же выводу, что и Монтандон: для решения проблемы национального меньшинства есть только один путь — переселение.

ОСМАНЫ И АРМЯНЕ

Историки Османской империи обычно не жалеют розовой краски, описывая положение подчинённых Турцией народов (4). В отличие от них, историки самих этих подчинённых народов: болгарского, сербского, греческого или армянского, — напротив, стараются подчёркивать жестокость османского ига и неизбежность победоносной национально-освободительной борьбы против него, а в армянском случае — неизбежность постигшей нацию трагедии (5). Центральным пунктом разногласий выступает вопрос об оценке системы миллетов, в рамках которой основным религиозным группам гарантировалась свобода совести и относительная автономия религиозных общин. Если сравнивать эту систему с тем, что было раньше (Византийская империя), и тем, что возникло потом (современная Турция), несомненно, положение меньшинств при Османах было относительно благополучным. Во всяком случае, в начале нового времени они пользовались большей религиозной свободой, чем меньшинства в странах Западной и Центральной Европы в тот же период. Но было бы ошибочным полагать, что Османы демонстрировали расовую и этническую терпимость, потому что вообще в таких категориях не мыслили. Безусловно, вера в Аллаха и преданность султану были важнейшими требованиями к кандидатам на высшие имперские должности. Тем не менее, среди руководителей османского государства и армии было немало принявших ислам сербов, албанцев и греков. В период возвышения Османской империи (1453–1623 гг.) только пятеро из её Великих визирей имели турецкое происхож-

дение. Даже для тех групп населения, в которых обращение в ислам не носило массового характера — например, еврейская община сефардов, переместившаяся на земли Османов из Испании, или исконно армянская община, исповедующая григорианство, — возможности для обретения богатства или статуса в османском обществе не были закрыты. Армяне вообще считались самым лояльным миллетом (*миллет и-садика*), поскольку почтительно относились к власти и были умелыми ремесленниками и торговцами (6).

Справедливости ради картину относительной толерантности османского общества следует дополнить тем фактом, что, согласно идеологии ислама, все немусульманские нации считались однозначно неполноценными (7). Бенджамин Брауде и Бернард Льюис пишут, что «гонения были редкими и нетипичными» для Османской империи, но «дискриминация была постоянной и неизбежной, присущей системе, и поддерживалась как «священным законом», так и повсеместной практикой» (8). В соответствии с законом и традицией Османской империи, «неверные» (*заяры*) причислялись к населению «второго сорта». Христиане не могли претендовать на равные с мусульманами позиции в юридической, налоговой системе, высшие посты в правительстве и армии им также были недоступны. Кроме того, они были вынуждены платить огромный налог за освобождение от военной службы. Но если христиане и евреи принимали эти ограничения, им ничто не мешало процветать и развиваться в своих общинах. А поскольку ислам не поощряет занятия мусульман торговлей и банковским делом, армяне, евреи и греки стали играть всё более доминирующую роль в развитии экономики империи. В XIX веке в эгейскую Анатолию, где имелись развитые в экономическом и социальном смысле и зажиточные греческие общины, начали в массовом порядке мигрировать греки из Пелопонесса и с островов. Еврейская сефардская община Салоников, что в османской Македонии, играла ведущую роль в местной экономике и способствовала превращению города в пункт оживлённой транзитной торговли. В Стамбуле и прибрежных городах Киликии практически вся медицина, юриспруденция, инженерное дело, а также текстиль-

ное производство и сельское хозяйство оказались в руках армян, которые всё больше принимали облик современной европейской буржуазии.

В XIX веке хрупкий баланс между формальным неравенством и фактической относительной толерантностью был нарушен неспособностью Османской империи конкурировать в экономическом и военном отношении с европейскими державами. Получившая в середине века от Николая I прозвище «европейский больной» (кстати, Российская империя в этом смысле тоже не могла похвастаться здоровьем), Османская Турция вступила в полосу глубокого кризиса, от которого ей так и не суждено было оправиться. Слабость империи определялась многими факторами, не последним из которых было внушаемое туркам исламской верой чувство имперского превосходства и уверенности в вечности их государства. Реформы середины XIX века (*танзимат*) начались слишком поздно и оказались слишком ограниченными — в первую очередь, из-за скептического отношения к ним османской элиты. Диктуемая исламом имперская гордость, отстранённость от европейских проблем и упорное нежелание видеть проблемы внутренние делали военное давление на турок — прежде всего, со стороны русских, а также сербов, греков, австрийцев — ещё более болезненным (9). Необходимость модернизировать турецкую армию во многом диктовалась ещё и тем растущим имперским интересом, который питали к Ближнему Востоку Французская, Британская и новая Германская империи. Пресловутый «восточный вопрос» не сводился только к контролю над проливами, а подразумевал целый ряд проблем, связанных с Турцией: от судьбы Египта до борьбы за независимость балканских народов.

Возросший интерес европейских держав к будущему Османской империи стал причиной всё более частого вмешательства с их стороны в дела турецкого правительства (*Блистательной Порты*). Ещё в XVII веке Османы начали предоставлять европейским странам и городам-государствам торговые привилегии в форме особых концессий — так называемых *капитуляций*. В конце XVIII века в капитуляциях было зафиксировано право европейцев

на покровительство христианским меньшинствам империи. Вскоре христианские общины (преимущественно армянские и греческие) начали использовать европейское влияние на Порту с целью добиться для своих меньшинств прав, как формальных, так и фактических, внутри империи. В союзники они привлекли немногочисленную группу европеизированных турецких либералов — сторонников конституции, которые активно пропагандировали лозунг «османизма»: равенство гражданских прав в империи для мусульман и немусульман. Большие надежды возлагались на провозглашённую в 1876 г. Мидхат-пашой конституцию, призванную изменить баланс власти в государстве, передав часть полномочий от султана и его совета имамов светскому правительству. Но османские традиционалисты в правительстве и за его пределами не были заинтересованы в конституционной реформе. В ходе правительственного кризиса, вызванного русско-турецкой войной 1877–1878 гг., конституция была упразднена, а султаном провозглашён Абдул-Хамид II. Деспотическое и теократическое правление было уготовано Турции ещё на тридцать лет.

Несмотря на этот возврат к традиционализму в управлении империей, армяне, ободренные поддержкой потенциальных союзников в стране и за рубежом, повели решительное наступление на правительство с целью добиться реформ. Берлинский договор 1878 г. стал первым свидетельством того, что мольбы армян о защите от регулярных нападков курдов и черкесов были услышаны великими державами. В статье 61 говорилось: «Блистательная Порта берёт на себя обязанность осуществить без промедления и в соответствии с требованиями с мест реформы в областях, населённых армянами, и гарантировать их безопасность... О предпринятых шагах она должна регулярно информировать державы, взявшие на себя контроль над их осуществлением» (10). Ходатайствовать за принятие этого решения в Берлин специально прибыл глава григорианской церкви, армянский католикос. Но молодые образованные армяне желали большего. Под воздействием десятилетней социалистической агитации со стороны в основном русских народников они основали в 1890 г. в Тифлисе

Армянский революционный союз «Дашнакцутюн» (11). С точки зрения дашнакской доктрины, лозунг «молодых османов» «равенство и единство» не отвечал национальным интересам и чаяниям армянского народа, права которого могла гарантировать только автономия армянской области в составе Османской империи. Ещё более радикальные требования выдвигала партия «Гнчак» («Колокол»), основанная в Женеве в 1887 г. «Гнчаки» добивались полной независимости для шести вилайетов в Восточной Анатолии, считавшихся исконной территорией армянского государства, и, несмотря на марксистскую платформу, ратовали за использование террористических методов для достижения этой цели (12).

Хотя «Дашнакцутюн» и «Гнчак» были очень небольшими политическими партиями, а о требованиях Берлинского договора большинство армян даже не слышало, консервативные и либеральные круги Османской империи очень подозрительно относились к этим армянским инициативам. «Самый лояльный миллет» империи превратился в их глазах в самый потенциально опасный. Для Абдул-Хамида II (1876–1909), за свою жестокость получившего прозвище «кровавый султан», армяне олицетворяли всё то, что мешало жить империи. Они поддерживали реформы и конституцию. Они привлекали на свою сторону европейские державы и были тесно связаны с вражеской Россией. Их процветающая деловая и профессиональная элита была светской и прозападной. С точки зрения Абдул-Хамида, богатство армян обеспечивалось тяжёлым трудом простых мусульман и наивной поддержкой правительственных чиновников, ведающих вопросами снабжения. «Проблемы возникали, когда мусульмане видели, что евреи или христиане становятся слишком богатыми и слишком влиятельными и начинают этим открыто пользоваться» (13). Богатая армянская элита, облюбовавшая для проживания галатский сектор Стамбула, своим поведением и образом жизни начала привлекать внимание турецкой публики и официальных лиц. Особенно важным было то, что армяне нарушили негласное соглашение с Османской системой о соблюдении границ миллетов и тем самым лишились права на защиту со стороны исламского государства.

С точки зрения султана, единственно возможной реакцией на нарушения должно было стать наказание армян (14).

Летом 1894 г. армяне высокогорного района Сассун отказались платить двойной налог, которым их обложили османские власти и предводители местных курдских племен. Активисты «Гнчака» решили превратить эту стихийную акцию протеста в общеармянское восстание. Однако, несмотря на отдельные вспышки вооружённого сопротивления, серьёзного выступления не получилось. Тем не менее, это не помешало Абдул-Хамиду бросить против сассунских армян свои нерегулярные войска (так называемых «хамидитов»), устроивших чудовищную резню (15). В поисках защиты армяне обратились к европейским державам, настаивая на том, чтобы гарантией для исполнения условий Берлинского договора стало предоставление ограниченной автономии шести армянским вилайетам. Поведение армян повлияло на разгневанного султана, как красная тряпка на быка, и он развязал кампанию террора против армянского населения. В октябре 1895 г. произошла резня в Трабзоне на понтийском побережье, которая затем перекинулась в горные селения.

Эти кровавые армянские погромы 1894–1896 гг. были куда более кровавыми и разрушительными, чем еврейские погромы, происходившие примерно в то же время в Российской империи. Тем не менее, и тем, и другим были присущи важные черты, роднившие их между собой. Во-первых, питательной средой для всех этих городских бунтов и этнических столкновений явилась межобщинная рознь, усугубленная классовым и религиозным антагонизмами, а также обманутыми экономическими ожиданиями. Не менее важным обстоятельством было и то, что и в том, и в другом случае сигналы к началу и концу беспорядков исходили от правительства, полиция получала указание не вмешиваться, а немногие арестованные погромщики очень скоро оказывались на свободе или отделялись легким наказанием. Результатом армянского погрома стали почти 200 тыс. убитых и раненых армян.

Однако, несмотря на большое количество жертв и провокационную роль правительства, армянские погромы 1894–1896 гг. — в отличие от событий 1915 г. — нельзя назвать геноцидом, по-

скольку преследуемая цель заключалась в суровом наказании, но не истреблении. Понятие этнической чистки к ним также не подходит: никто не выселял армян из их домов и не пытался депортировать их из страны. Ричард Хованисян отмечает, что резня 1894–1896 гг. была вызвана стремлением поставить армян «на место», в то время как в 1915 г. младотурецкое правительство преследовало цель создания такой системы, в которой армянам не было места вообще (16). Исследователь германских колониальных войн в юго-западной и восточной Африке Трутц фон Трота предложил различать две разновидности военных операций, призванных усмирить непокорное или взбунтовавшееся племя: «ограниченная война» и «война в форме геноцида» (17). Армянская резня 1894–1896 гг. явно относится к первой категории. По своему характеру она напоминает те «карательные экспедиции», которые проводились с целью восстановить влияние и контроль над какой-либо группой населения и одновременно наказать за «непокорность». В отличие от геноцида, подобные акции не носят ни непрерывного, ни поголовного характера: у потенциальных жертв есть возможность бежать, укрыться от насилия, а затем, когда всё закончится, вернуться.

В связи с армянским случаем уместно привести ещё одно наблюдение фон Трота — о том, что массовые формы убийства ведут к дегуманизации жертв, а не наоборот, как принято считать в теории геноцида. «Резня, — пишет он, — есть форма коллективной дегуманизации» (18). Иными словами, именно то обстоятельство, что в 1894–1896 гг. армян, по свидетельствам очевидцев, «резали, как овец», сделало турков равнодушными к их страданиям и гибели впоследствии и, в конечном счёте, привело к геноциду 1915 г.

Погромы и убийства армян в этом регионе не прекращались вплоть до начала Первой мировой войны. Самая чудовищная резня произошла в 1909 г. в провинции Адана: погибло от 15 до 20 тысяч армян (19). Мятеж, начатый исламскими фундаменталистами в столице («Шариат в опасности! — кричали они. — Нам нужен шариат!»), был поддержан сторонниками Абдул-Хамида в провинции (20). Ситуацию в Адане осложняло присутствие тысяч

голодных и бездомных рабочих-мигрантов, большинство из которых составляли мусульмане — турки и курды. Аданская трагедия началась с рассказов о «зверствах» армян. Молодой армянин застрелил двух турецких бездельников — якобы за сексуальные домогательства в адрес его и его жены. Как всегда в таких случаях, когда армяне защищают себя с оружием в руках, среди мусульман поползли слухи о том, что банды вооружённых и жаждущих мщения армян вот-вот захватят Адану. Первые убийства армян произошли на аданском рынке 14 апреля. Весть об этом мгновенно распространилась по городу и за его пределами, где жили мигранты. Укрыться армянам было негде; полиция самоустранилась и не оставила им шанса. Более того, части турецкой армии, направленные в Адану для восстановления порядка, тоже поначалу приняли участие в убийствах и грабежах (21).

ДВИЖЕНИЕ МЛАДОТУРОК

В период, когда происходили эти выступления турок против армян, сама Османская империя уже балансировала на грани исчезновения. Если бы она просто рухнула под собственной тяжестью, как это случилось с монархией Габсбургов или Российской империей (последней, правда, «помогли» пасть большевики), вполне возможно, что трагедии геноцида армянам удалось бы избежать. Но по иронии судьбы, именно попытки младотурок реформировать и вдохнуть новую жизнь в империю привели к армянской драме в Анатолии. Выдвинувшиеся на первый план борьбы за национальное возрождение младотурки были преимущественно молодыми офицерами, выходцами из прогрессивных рядов турецкой армии (в том числе медицинского корпуса), расквартированных в европейской части империи. Образованные профессионалы, они были преданы идее модернизации и конституционного правления. Политической базой их движения стал «Комитет единения и прогресса» (*Иттихад ве Теракки*), осно-

ванный в 1900 г. в медицинской школе Стамбульского университета как тайное общество борьбы за демократию. Перед приходом к власти своей главной задачей младотурки считали восстановление конституции и смещение теократического и реакционного правительства Абдул-Хамида II.

В поисках союзников младотурки обратились к армянским националистам и встретили в их лагере, особенно среди дашнаков, полное понимание. Армянские радикалы поддержали младотурецкую революцию 1908 г. и пришли ей на помощь во время попытки реакционного переворота в 1909 г. Младотурки даже дали армянам оружие, чтобы те могли сражаться против консервативных исламистов за новую османскую конституцию. Турецкие и армянские националисты вместе торжествовали, когда в апреле 1909 г. контрреволюция провалилась, Абдул-Хамид был низложен, и власть перешла в руки его более сговорчивого брата, Мехмед-Решада. Но как только султан оказался свергнут, а конституция восстановлена, младотурецкое руководство целиком сконцентрировалось на проблеме удержания власти и мобилизации ресурсов государства. Предоставление автономии, а тем более независимости армянским вилайетам в их планы вовсе не входило. По мнению младотурок, никакого «армянского вопроса» в империи не существовало, а все национальные проблемы должны были разрешиться после проведения в Турции «всеобщих реформ» (22).

Сильное влияние на младотурецкую позицию оказало новое поколение турецких националистов, которым, как и всем европейским националистам конца XIX — начала XX века, было свойственно превозносить достоинства своего народа, носителем которых в данном случае выступал крепкий турецкий крестьянин. Зия Гёкальп, ведущий идеолог движения и член центрального комитета партии с 1908 г. по 1918 г., отверг главные принципы османизма, предусматривавшие равное внимание к нуждам всех граждан империи, а взамен выдвинул свою версию пантюркизма: объединение всех населённых турками земель, от Анатолии до Средней Азии, в империю, вызывающую в памяти имена Чингисхана и Тамерлана. «Земли врага будут опустошены, — говори-

лось в одном из самых известных его стихотворений, написанных в начале Первой мировой войны, — Турция станет тюркской» (23). Идеи Гёкальпа имели мало общего с исламом; его религией стала нация (24). Лозунг пантюркизма поддержали Исмаил Гаспринский и Юсуф Акчура — турецкие интеллектуалы из Крыма, а также другие так называемые «внешние турки» из Российской империи (25). До младотурок лишь немногие представители османской элиты осознавали себя турками. Теперь же Гёкальп и его товарищи из «Комитета единения и прогресса» упорно твердили о «великой турецкой расе», в своё время сумевшей завоевать и покорить огромное пространство Азии и Европы.

Однако во всём остальном, что не касалось турецкого национализма, идеология младотурок оставалась эклектичной и изменчивой. Так, она не отрицала идею традиционной многонациональной империи, управляемой исламской элитой (26). Османизм был перемешан в ней с панисламизмом и пантюркизмом (27). Даже среди членов младотурецкого правящего триумvirата (Джемаль-паша, Энвер-паша и Талат-паша) не было единства по поводу идейной сути движения. В своих мемуарах Джемаль-паша так писал о своей приверженности османизму: «Что до меня, то я прежде всего осман, хотя и не забываю, что я турок, и никто не разубедит меня в том, что именно турецкая нация является фундаментом Османской империи» (28). Энвер-паша твёрдо придерживался пантюркистских воззрений и потому был более озабочен судьбой «внешних турок». Что касается Талат-паши, то он был скорее прагматиком, более всего заинтересованным в светской модернизации османского общества и государства. К нему больше всего подходит данное Кейдером определение младотурок как приверженцев превращения Османской империи в «Японию на Ближнем Востоке» — светскую, с универсальными нормами права и гражданством» (29). Идеённое брожение и окончательное становление идеологии турецкого национализма, отвергшего идеалы пантюркизма, панисламизма и османизма в угоду интересам коренных жителей Анатолийского нагорья, завершилось только с приходом к власти Мустафы Кемаля (Ататюрка) в 1923 г.

Турецкий национализм (в сочетании с уступками всё ещё влиятельной исламской элите) в руках младотурок превращался в действенное оружие против угрозы как справа, так и слева. Непрекращающиеся попытки бросить вызов османскому владычеству на Балканах: оккупация Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908 г., албанское восстание 1911–1912 гг., наконец, Балканские войны 1912–1913 гг., — только укрепляли националистические чувства младотурок и их преемников. Столкнувшись с реальной угрозой целостности османских земель, младотурецкий триумvirат поспешил похоронить либеральный османский принцип равенства прав для граждан всех национальностей и начал проводить политику, призванную обеспечить доминирующую роль турок в государстве и обществе. В период между 1908 г. и началом Первой мировой войны это означало обязательное изучение турецкого языка во всех школах и пропаганду исконных турецких ценностей, включая ислам и его институты (30). А после переворота 1913 г., вернувшего к власти ультра-националистическое крыло партии, младотурецкий национализм и пантюркизм подтолкнули их к установлению более тесных связей с тюркскими народами на востоке — с целью более успешной борьбы с Россией и её христианскими союзниками, включая армян (31).

Подобно российским большевикам и германским нацистам, младотурки не ограничивали свои задачи только обретением власти и озвучиванием идей, направленных на мобилизацию общества, но стремились установить полный контроль над партией и государством. С этой целью они уделяли большое внимание организационным вопросам и созданию разветвлённой партийной сети по всей империи, в частности, отделения были созданы во всех крупных городах собственно Анатолии, где изначально влияние младотурок было самым слабым. Свою власть триумvirат осуществлял посредством Центрального комитета, состоящего из 12 членов; именно ЦК был ответственен за принятие окончательного решения о депортации армян (32). К началу Первой мировой войны наиболее важные государственные посты также находились под контролем младотурок. Энвер-паша был военным

министром, и своей прогерманской позицией османское правительство обязано в первую очередь ему. Кроме того, его брак с представительницей османской династии стал связующим звеном между младотурками и старой османской знатью. Под контролем Талат-паши, занимавшего должность министра внутренних дел, находилась деятельность полиции и жандармского корпуса империи. Умный и опасный человек, он, без сомнения, более, чем кто другой в руководстве империи, нес ответственность за армянский геноцид. Министр морского флота Джемаль-паша служил в правительстве своего рода «палочкой-выручалочкой» — человеком, умеющим решать проблемы. К числу его заслуг, в частности, относилось безжалостное подавление контрреволюции 1909 г. Впоследствии он отличился на посту губернатора Стамбула, а после войны был послан решать проблемы юга страны в качестве губернатора Сирии.

АРМЯНСКАЯ КАТАСТРОФА

Причины, непосредственно ведущие к геноциду, следует искать в разных реакциях турок и армян на утрату части османских земель в результате Балканских войн 1912–1913 гг. Тот факт, что практически всё христианское население Балкан одновременно восстало против османского владычества, резко усилил националистические устремления младотурок и существенно дискредитировал в их глазах идеи османской многонациональности. Войны на Балканах и последующее изгнание оттуда сотен тысяч мусульман, наводнивших Османскую империю, породили горечь и гнев в среде младотурок. Крупнейшие христианские общины Анатолии — греки и армяне — рассматривались как потенциальные очаги предательства и измены. Считалось, что анатолийские греки оказывают поддержку антимусульманским мероприятиям греческого правительства, а армяне подозревались в тайном сговоре с Россией (33). К началу 1914 г. младотурецкое руководство

вынашивало планы очистки стратегически важного западного побережья Анатолии от греческого населения. Армянское население, сосредоточенное в основном вдоль восточной границы империи, в непосредственной близости от потенциального врага турок, Российской империи, также не осталось без внимания.

С целью разрешения специфических проблем, связанных с безопасностью империи, на базе военного министерства была создана так называемая «Тайная организация» (*Тескилат-и махсуса*). Задачи организации разрабатывались партийным руководством младотурок, а затем доводились до неё через соответствующие государственные структуры. Накануне Первой мировой войны «Тайная организация» получила задание осуществить насильственную депортацию греков с эгейского побережья Турции и из Фракии. За короткий период из Турции в Грецию и на острова Эгейского моря было выдворено около 150 тыс. греков, и ещё как минимум 50 тысяч были депортированы во внутренние районы Анатолии. Этот сколь жестокий, столь и эффективный процесс продолжился в 1915–1916 гг. и унёс тысячи греческих жизней (34). Впрочем, депортация греков накануне войны была всего лишь прологом грядущей армянской трагедии.

Между тем, «Тайная организация», возглавляемая доктором Бахаеддином Шакиром и имевшая штаб-квартиру в г. Эрзурум на востоке Анатолии, ещё до официального вступления Турции в войну начала готовить плацдарм для проникновения на Кавказ. Задача, поставленная младотурецким руководством, заключалась в создании сети турецкого влияния по ту сторону восточной границы Османской империи. Вербуя наёмников преимущественно в среде тюремных заключённых и специально с этой целью амнистированных преступников, Шакир сформировал сотни небольших вооружённых банд общей численностью примерно 12 тыс. чел., которые нападали на армянские поселения на Кавказе и обеспечивали охрану турецких крепостей по обе стороны восточной границы (35).

Армяне также вели себя активно в этот период. Заручившись поддержкой России, они стремились добиться закрепления тех прав меньшинств, которые были гарантированы им Берлинским

договором. Результатом их усилий стало навязанное османскому правительству великими державами «Соглашение об армянской реформе» от 8 февраля 1914 г. Согласно этому документу, турки обязывались допустить на свою территорию международных инспекторов, уполномоченных следить за соблюдением прав армян (36). Младотурки были в бешенстве. Армянскую инициативу они сочли актом предательства, присутствие иностранных инспекторов — плевком в свою сторону, а очередную победу великих держав — лишним доказательством пагубного влияния режима капитуляций на османский суверенитет. Кроме того, они были обеспокоены тем, что вмешательство великих держав в решение армянского вопроса может привести к созданию автономной армянской области из шести вилайетов, что, в свою очередь, станет реальным шагом к распаду турецких земель (37). Поэтому едва ли не первое, что сделало османское правительство, вступив в ноябре 1914 г. в мировую войну на стороне Центральных держав, — отвергло соглашение от 8 февраля. А 5 сентября 1916 г. последовала официальная отмена режима капитуляций, положившая конец незаконному вмешательству иностранных держав во внутренние дела Турции.

Геноцид родился из этого опасного стечения обстоятельств: младотурецкого национализма, подъема антиармянских настроений и мобилизации турецкого общества накануне Первой мировой войны. Не было какого-то конкретного приказа, решения или акции, которые можно было бы считать началом событий. (Как и в случае Холокоста, приказы высшего руководства или отсутствуют, или их подлинность спорна; не хватает документов для того, чтобы точно установить, когда и с чего начался геноцид). Первая успешная турецкая кампания против русских войск на Кавказе сопровождалась действиями «Тайной организации» против армян. Однако последовавшее зимой 1914–1915 гг. контрнаступление русских не только отбросило турок от Карса и Ардагана, но и нанесло серьезный удар по пантюркистским устремлениям младотурецкого руководства. И хотя армяне, служившие в османской армии, честно выполняли свой долг, младотурки поспешили обратить внимание на другое: на то, что армяне-доброволь-

цы сражались также на стороне русской армии и что многие армяне в Анатолии были солидарны с ними. Поскольку Анатолия была последним бастионом османской власти, младотурки приняли в марте 1915 г. решение депортировать оттуда всех армян (38). Как позже объяснял Талат-паша на съезде своей партии, «чтобы не допустить ситуации, когда наша армия оказалась бы между двух огней, было признано необходимым устранить армян со всех театров войны и из районов, прилегающих к железным дорогам» (39). Месяцем ранее Энвер-паша издал приказ о том, что армяне, призванные на службу в действующую османскую армию, должны быть уволены, разоружены и отправлены в трудовые батальоны. В марте последовал приказ о разоружении армянской нации в целом, и ответственность за его исполнение была возложена на жандармерию и подразделения «Тайной организации». Краткую и выразительную оценку сложившейся ситуации дал Кристофер Уолкер: «Война, — писал он, — стала тем глухим чёрным бархатным занавесом, за которым младотурки могли действовать безнаказанно» (40).

Жестокие и грубые методы, которыми проводилось разоружение армян, не сулили ничего хорошего. Полицейские ходили по домам, допрашивали армян, арестовывали, если кто-то отказывался выдать оружие, угрозами заставляли назвать имена соседей, прячущих винтовку или ружье. «Хлыст и дубинка постоянно в ходу у полиции, — писал американский врач в Конье Уильям Додд в письме послу США Генри Моргентгау, — достаётся даже женщинам и детям». Не только бедных, но и «культурных и образованных» армян «гоняют и бьют, как собак. Я видел женщину, всю покрытую синяками от причинённых ей побоев» (41). Были случаи, когда мужчин забирали в тюрьму и подвергали там пыткам. Некоторых забивали до смерти. Отчаявшиеся армяне специально покупали оружие, чтобы было что сдать властям. В некоторых местах, ещё до того, как 27 мая правительство поспешно приняло формальное постановление о депортации армян, начались выселения и убийства.

Когда приказ о разоружении докатился до города Ван на востоке Анатолии, местная, весьма многочисленная, армянская

община уже была наслышана о том, что подчинение почти наверняка гарантирует резню. Местные армянские лидеры организовали отряды самообороны, изолировали турецкий гарнизон и стали ждать возобновления русского наступления в надежде, что русские войска спасут их от мести турецких властей. Весть о героическом восстании в Ване быстро распространилась по всей Анатолии и Европе. В ответ на армянское предательство турецкие власти арестовали и депортировали 235 ведущих представителей армянской общины Стамбула. Это произошло 24 апреля — день, отмечаемый армянами сегодня как день памяти жертв геноцида. Впоследствии численность депортированных из столицы возросла десятикратно; многие из них скончались в ссылке (42). Ванское восстание было жестоко подавлено огнём турецкой артиллерии при участии германских военных специалистов, но это уже не имело значения: маховик репрессий был запущен.

В мае 1915 г. чиновникам восточной Анатолии устно и по телеграфу был передан приказ: депортировать всех армян за Евфрат, в пустыни Месопотамии. В июне–июле подобные приказы получили руководители центральных и западных вилайетов Анатолии, а также Фракии. Надо заметить, что принудительные переселения как христианского, так и мусульманского населения (так называемая практика *сюрдюн*) были обычным делом в Османской империи и традиционно использовались для обживания стратегически важных областей страны, а также в качестве наказания для провинившихся общин (43). Но по масштабу и последствиям эти переселения не шли ни в какое сравнение с депортациями 1915 г.

На практике депортации в разных регионах и даже в разных деревнях происходили по-разному, однако общая схема всюду была одинаковой, что позволяет предположить наличие централизованного плана. Сначала шла кампания по разоружению населения, затем начинались аресты среди уважаемых и влиятельных членов общины: священников, бизнесменов, врачей, торговцев. Насилия при этом удавалось избежать немногим. В подавляющем большинстве случаев арестованных подвергали избиению и пыткам, жестокость и изощрённость которых поистине не знала пре-

дела: среди наиболее «популярных» были «подковывание» человека конскими подковами и «бастинадо» — битьё по пяткам — обычно ассоциирующееся с испанской Инквизицией (44). После многодневных пыток и издевательств несчастных узников связывали попарно, а иногда и по 4–5 человек и под конвоем жандармов и отрядов «Тайной организации» отправляли в ссылку. Далеко уйти им, правда, редко удавалось: в большинстве случаев в пути их ожидала насильственная смерть (45). Иногда их расстреливали сами жандармы, иногда это дело поручали курдам — в обмен на одежду и ещё сохранившиеся ценности жертв. Когда у жандармов не хватало мужества закончить экзекуцию, инициативу брали в свои руки головорезы из «Тайной организации».

В то время как армянские мужчины подвергались арестам, пыткам и ссылкам на неминуемую смерть, армянские женщины, дети и старики пребывали в состоянии, которое американский миссионер в Харпите преподобный Генри Риггз охарактеризовал как «предельный ужас» (46). Приказы о депортации обычно заставляли их врасплох и предусматривали от нескольких часов до четырёх-пяти дней на сборы. За это время надо было ненужное продать, а нужное собрать в дорогу. Те, кто не подозревал, какая судьба ожидает депортированных, лихорадочно распродавали своё имущество, чтобы обеспечить себя всем необходимым для переезда. Этим бессовестно пользовались их соседи-мусульмане, скупая армянское добро буквально за бесценок. К концу же, по свидетельству доктора Додда, процесс скупки и вовсе превратился в откровенный и повсеместный грабёж (47). Более зажиточные семьи старались нанимать экипажи и вьючных животных с погонщиками, но нанятые работники, как правило, получив деньги, через пару дней бросали армян на дороге. Однако многие армянские семьи уже знали, что такое депортации, и готовились к худшему. Они видели собственными глазами несчастных депортированных из северных и восточных районов, когда те брели толпами через их города и села. Поэтому армяне делали всё возможное, платили любые деньги, чтобы спасти себя и своих детей, — впрочем, как правило, безуспешно. Некоторые молодые женщины и девушки предлагали себя соседям-мусульманам в качестве

жён и наложниц. Другие, не желавшие отправляться в гарем, старались выглядеть и одеваться, как мусульманки (48). По мере ухудшения ситуации к этому пути спасения прибегало всё больше девушек и женщин. Преподобный Риггз писал, что «некоторые девушки, встретившиеся с хорошим обращением в турецких семьях, сумели, похоже, приспособиться к неестественным для себя условиям жизни, зато другие страдали неопишимо и даже теряли рассудок» (49).

Каким бы разным ни оказывалось начало депортации для армян, беды и тяготы, поджидавшие их в пути, были практически одни и те же. Тех армян, которых перевозили по железной дороге, ждало путешествие в закрытых товарных вагонах и вагонах для перевозки скота по магистрали Берлин–Багдад и второстепенным трассам на юг. Мужчины и мальчики обычно ехали на крыше. Кроме того, чтобы вдвое увеличить вместимость вагона, в нём сооружали второй ярус. Теснота была такой, что многие не выдерживали. Двери вагонов редко открывали до прибытия на место назначения, где выживших размещали в пересылочных лагерях и откуда им предстояло отправляться далее пешком. Каждый такой вагон, как заметил один наблюдатель, был похож на калькуттскую «Чёрную дыру»*, полную больных и голодных людей (50). Железнодорожные перевозки были настолько чудовищны, что нередко матери выбрасывали своих детей из поезда в надежде, как писал доктор Додд, что тем самым «спасут их от дальнейших несчастий» (51). В Конье, главном перевалочном пункте, где пересекались железнодорожные и пешие маршруты депортаций, десятки тысяч армян размещались в лагере под открытым небом в самых отвратительных условиях. Перед глазами посетившего лагерь Додда предстало кошмарное зрелище: почти 45 тысяч больных, полураздетых, голодающих мужчин, женщин, детей, вперемешку с мертвыми и умирающими. «По всему лагерю, — писал он, — я видел мужчин и женщин, лёжа

* Страшная тюрьма, где, по преданию, индусы содержали британских узников; символ очень тесного, лишённого воздуха и света места заточения. — *Прим. перев.*

в канавах, наполовину заполненных водой и грязью, выпускали последний вздох; некоторые из них при этом были в сознании, а некоторые без» (52). Турецкие охранники, сторожившие транзитный лагерь, прикрывали носы губками, чтобы уберечься от ужасного зловония, исходящего больной и умирающей человеческой массой.

Тем, кому выпало передвигаться по железной дороге, ещё повезло. Большинство армян просто гнали, как скот, пешком по анатолийским степям. Днём они страдали от нещадно палящего солнца, а ночью — от холодных, пронизывающих ветров. Порой казалось, что конвоиры нарочно выбирали самые длинные и извилистые дороги, словно их цель была не довести, а уморить депортируемых (53). Изабель Харли описала одну такую группу ссыльных армян, двигавшуюся на юг, которую она встретила на окраинах Харпута: «Усталые, голодные, больные, избитые, грязные, вшивые, испуганные, загнанные, убитые горем существа... Они не знали ни куда идут, ни когда это всё кончится. Таков был план правительства: заставить их двигаться, пока последний не упадёт» (54). Бредущих людей, как скот, подгоняли в пути плетьюми и палками. Они не получали в достаточном количестве воды и пищи, даже когда с этим не было проблем. Из всего этого можно сделать единственный вывод: правительство не было заинтересовано в выживании этих людей и не позаботилось об этом. Истории об охранниках, за деньги пропускавших к реке за водой, встречаются так часто, что трудно в них не поверить. Ни крыши, ни навесы во временных лагерях для ссыльных не были предусмотрены; единственным убежищем для них становились подобия шалашей, сооружаемые ими же самими из подручных тряпок. Им не разрешалось останавливаться на вокзалах и контактировать с местным мусульманским населением, которое могло проникнуться к ним жалостью и оказать помощь.

Смертность от болезней, голода и истощения постоянно росла, тем не менее времени на отдых и восстановление сил ссыльным не полагалось. Тех, кто был слишком слаб, для того чтобы идти, просто расстреливали или оставляли на обочине дороги умирать своей смертью. Элизабет Уэбб описала свою встречу

с группой ссыльных женщин на дороге в окрестностях Аданы: «Все были в лохмотьях и грязны неопишимо. Их загоревшая и обветрившая кожа по цвету напоминала мумию. Многие были почти слепы — результат долгого голодания, и большинство производило впечатление тронувшихся умом» (55). Доведённым до состояния «голодных животных», по выражению преподобного Риггза, «армянам не оставалось ничего иного, как есть жуков и траву». Женщины и дети копались в навозе, оставленном лошадьми охранников, выискивая в нём зёрна ячменя или пшеницы (56). А в тех редких случаях, когда раздавали хлеб, ссыльные сражались, как безумные, за каждую крошку.

Лесли Дэвис, американский консул в Харпуте, писал 11 июня 1915 г. послу Моргентау о группах армян, следовавших транзитом из Эрзурума и Эрзинкана: «Более жалкое зрелище невозможно себе представить. Почти все без исключения оборванные, грязные, голодные и больные. Впрочем, это неудивительно, если учесть, что они около двух месяцев в пути и не имели возможности помыться, сменить одежду, укрыться от непогоды и вдоволь поесть. Я видел однажды, как им привезли пищу — дикие животные не могли бы вести себя хуже. Они набрасывались на охранников, несущих еду, а те в ответ били их дубинками, да с такой силой, что одного удара хватило бы, чтобы убить наповал. Глядя на них, трудно было поверить, что это люди» (57). Наблюдатели неоднократно замечали, что в результате жестокого голода армяне оказались доведены до животного состояния: в отчётах фигурировали «руки, похожие на лапы», и «лихорадочно горящие глаза», когда они, «словно голодные псы», дрались за еду (58). Рут Пармали писала, что испытания, выпавшие на долю армян, похоже, «негативным образом сказались на их человеческих чувствах» (59).

Подобно тому как позднее Геббельс любил порассуждать о «недочеловеческом» состоянии обитателей еврейских гетто — грязных, голодных, больных и кишаших, как насекомые, — чтобы оправдать их истребление, дегуманизация армян служила целям младотурецкого руководства, вознамерившегося очистить от них турецкую родину. Никакие мольбы и просьбы американцев, шве-

дов, официальных представителей других нейтральных стран в Стамбуле не могли убедить османское правительство разрешить международным миссиям и благотворительным обществам оказывать помощь депортируемым. Обладавший немалым влиянием в Стамбуле германский посол Ханс фон Вангенхайм запретил германским миссионерам вмешиваться во внутренние дела своего союзника — Турции. Отказ младотурок от международной помощи ссыльным был ещё одним подтверждением того, что армяне были обречены на смерть.

Ужасна была женская доля: даже в том жалком положении, в котором оказались армянские ссыльные женщины, они подвергались эксплуатации, издевательствам и насилию со стороны своих турецких конвоиров. Самые здоровые и сильные становились добычей разбойников-курдов, похищавших их и уводивших в свои селения. Некоторые, не выдержав мучений и издевательств, сходили с ума и бродили по пустыне, полностью обнажённые, с запекшимися от жажды ртами и до волдырей обожженной солнцем кожей (60). Изуродованные тела других, забитых насмерть или зарезанных охранниками, женщин были разбросаны вдоль дороги (61). В целом, как свидетельствовали очевидцы, картина была такой, что не поддаётся описанию. Но из всех нечеловеческих страданий, выпавших на долю армян, возможно, самое сильное впечатление производит страшная судьба детей. Тела мёртвых и умирающих младенцев оставались лежать на обочине дороги, так как их матери были не в силах прокормить их. Дети постарше сами были вынуждены бросать больных матерей. В тех редких случаях, когда группа ссыльных встречала в пути свободных горожан или миссионеров, матери отчаянно пытались «подарить» им своих детей в надежде, что те избегут уготованной им страшной судьбы. Иногда старшие дочери, чтобы спасти своих матерей и младших братьев и сестер, старались поступить в гарем к первому встречному турку или курду, а порой ради сохранения жизни даже становились наложницами и рабынями. Когда, в конце концов, уцелевшие в пути армяне достигли Евфрата, многие матери настолько были вне себя от голода и отчаяния, что топили собственных детей в реке. Некоторые

сами прыгали в воду, привязав к себе детей. Были также случаи, когда охранники сбрасывали в воду своих подопечных, предвзвешенно связав их.

По оценкам наблюдателей, Евфрата достигли лишь 15 процентов армян, депортированных пешим маршем (62). Но даже те, кто дошёл и сумел переправиться через реку, часто были настолько истощены и слабы, что умирали, едва добравшись до места назначения. Впрочем, тех, кому повезло добраться живым до сирийских городов Халеб (Алеппо), Дейр-эз-Зор и некоторых других, тоже никто не ждал. Они были вынуждены жить на улице, пробиваясь подаванием. Для компактного поселения власти обычно отводили им самые неблагополучные места на городских окраинах (например, болота или мусорные свалки). Неудивительно, что в среде депортированных, несмотря на периодическую помощь миссионеров и благотворительных мусульманских организаций, то и дело случались вспышки инфекционных заболеваний — тифа, малярии, дизентерии. Время от времени ссыльных настигали новые депортационные приказы, и тогда та или иная группа армян вновь пускалась в дорогу, держа путь дальше на юг. Некоторые армяне добрались таким образом до Бейрута, Иерусалима, Каира и Багдада, где получили возможность постепенно встать на ноги и начать новую жизнь; другие обрели новую родину за пределами Османской империи.

Однако, поскольку армяне в большинстве своём воспринимали случившееся с ними как очередную османскую «резню», многие (по оценкам армянской патриархии, более 300 тысяч чел.) пожелали вернуться в Анатолию, как только пик насилия миновал (63). По понятным причинам они избегали возвращаться в восточную Анатолию, являвшуюся к тому же зоной боевых действий, а предпочитали селиться в более безопасных Адане, Зейтуне или Айнтабе (Антее). Депортированные ранее протестанты и католики также поспешили воспользоваться формальным прекращением гонений на них, чтобы вернуться в Анатолию. Потянулись на прежние места жительства и те, кто, воспользовавшись курдской помощью, укрылся от преследования в горах. Однако зачастую они находили свои дома занятыми турками и курдами

и были вынуждены селиться где придётся (64). Были случаи, когда по возвращении армяне подвергались повторной депортации или погрому, от которых некоторые бежали на российскую территорию.

ПРОБЛЕМА ГЕНОЦИДА

На самом деле, то, что мы сегодня называем армянским геноцидом, с трудом поддается описанию в тех же терминах, что и «классический» пример геноцида в XX столетии — Холокост. При всей жестокости расправы младотурецкого правительства с армянами, той безжалостно-последовательной расовой идеологии, которая обязывала нацистов уничтожать всех европейских евреев до последнего, в армянском случае не было. Армянские общины Стамбула и Измира (Смирны) остались в большинстве своём нетронутыми, что несомненно объяснялось присутствием в обоих городах влиятельных иностранных наблюдателей (65). Тысячи (по некоторым данным, порядка 20 тысяч) армян сумели избежать уготованной им участи, обратившись в мусульманство. В основном это были молодые женщины и девушки, оказавшиеся в турецких и курдских гаремах и просто вынужденные принять ислам (иногда по собственной воле, но гораздо чаще насильно). В некоторых случаях лидеры местных мусульманских общин убеждали принять ислам армянских лавочников и ремесленников, чьи специальности и бизнес были важны для общины, — особенно ценились аптекари и каменщики — в обмен на последующую защиту от депортации. Сходным образом происходило обращение некоторых профессионалов, в особенности инженеров и военных врачей (66). Иногда мусульманские семьи брали на воспитание армянских сирот, также обращая их в свою веру, — в отношении еврейских детей в нацистской Германии такое даже трудно себе представить. Наконец, вмешательство иностранных дипломатов, включая послов Германии и Австрии, оказывавших

постоянное давление на младотурок, способствовало освобождению от депортаций армян-католиков и протестантов. Правда, соответствующий приказ был издан тогда, когда тысячи армян данной категории уже были депортированы, да и турецкие депортационные чиновники явно не спешили им воспользоваться. Кроме того, обращённые армяне не всегда могли предъявить документы, подтверждающие факт обращения, и были вынуждены разделить судьбу своих правоверных соплеменников. Тем не менее, многочисленные исключения, сопровождавшие практику депортации тех или иных категорий армян, придают этому случаю этнической чистки характер, существенно отличающий его от Холокоста.

У армян имелось несравнимо больше возможностей для сопротивления, в том числе и успешного, а также для спасения бегством и выживания, чем было у евреев в оккупированной нацистами Европе. Армяне могли за деньги купить протекцию местных турецких или курдских авторитетов, защищавших их от преследований правительства. Приблизительно 250–300 тысяч армян нашли убежище в восточноармянских землях на территории Российской империи, хотя впоследствии многие из них умерли от голода, холода и болезней, а также погибли, сражаясь с армией Мустафы Кемаля в 1918 г. Ещё примерно 250 тысяч армян сумели пережить чудовищные условия депортации и ссылки — и это не считая тех, кому повезло уехать от гонений в Европу и Америку (у евреев до начала войны подобная возможность тоже существовала, правда, в ограниченном масштабе).

И всё же кое-что в языке младотурок определённо напоминало язык нацистов. Так, знаменитое обещание Гитлера уничтожить всех евреев, если они начнут войну, сделанное им во время выступления в Рейхстаге 30 января 1939 г., перекликалось с угрозой, прозвучавшей в обращении Энвер-паши к армянскому патриарху, о том, что младотурки «будут вынуждены использовать крайние меры», если армяне поддержат русских в грядущей войне (67). Американский посол Моргантау был поражён, что младотурки говорили о своём намерении уничтожить армянский народ, как о чём-то «абсолютно приемлемом» (68). В итоге наци-

стская агрессия против евреев оказалась куда более жестокой и последовательной. Нацистская идея истребления буквально пропитала насквозь германское общество и государство, что было невозможно в Османской империи при младотурках. Тем не менее, отношение к объекту агрессии во властных структурах было поразительно похожим: жалости к жертвам никто явно не испытывал.

Но если понятие геноцида не вполне применимо к армянским событиям, то и этнической чисткой — в том смысле слова, который известен нам по войнам в бывшей Югославии, — их тоже назвать нельзя. Да, младотурки стремились освободить от армян значительные пространства османских земель, в особенности области в восточной Анатолии, граничащие с Российской империей и являющиеся объектом её притязаний. Это было формальным объяснением депортаций для современников и аргументом, к которому впоследствии прибегало турецкое правительство для оправдания действий своих предшественников. Но если главная цель младотурок заключалась в том, чтобы выдворить армян из восточной Анатолии (эту же цель, как мы увидим чуть позже, преследовал режим Кемаля, когда восемь лет спустя изгонял греков с эгейского и понтийского побережий), зачем понадобилось целенаправленно преследовать, мучить, истязать и убивать сотни тысяч людей? И зачем было депортировать армян из областей, которые никоим образом не могли повлиять на военное положение Турции, причём с той же жестокостью, что и из стратегически важных?

Напуганные событиями 1915 г. наблюдатели: иностранные дипломаты, миссионеры и уцелевшие армяне, — называли геноцид резнёй. И хотя это помогало объяснить убийства, ставя их в единый контекст с событиями 1894–1896 гг. и более ранними случаями резни, современники чувствовали, что смысл происходящего этим термином не исчерпывается. Все понимали, что на их глазах происходит нечто пугающим образом отличное от того, что бывало раньше, и старались подчеркнуть это отличие, употребляя выражения типа «резня, какой ещё не было», «резня, которая меняет представление о резне в мире», «всем резням резня».

Преподобный Генри Риггз отмечал, что вовсе не масштаб убийств делал резню 1915 г. особенной. В ней не было разгула «мусульманского фанатизма... Всё слишком холодно, слишком расчётливо и слишком эффективно» (69). Примерно о том же писал послу Моргентау доктор Уильям Додд: «Нет способа остановить эту чудовищную резню. Её цель — просто уничтожить всех армян до единого. Сами турки говорили нам об этом. Это резня, но скрытая и в более дьявольской форме, более хладнокровная и просчитанная» (70). И Додд, и Риггз были правы. Армянская «резня» 1915 г. была разновидностью «убийства первой степени», совершённой во исполнение директив правящей младотурецкой партии и явившейся следствием определённых действий османского правительства. Однако доказательства намеренности этого преступления — решающего фактора при определении геноцида, в соответствии с резолюцией ООН 1948 г. — не столь убедительны и бесспорны, как хотелось бы историку. Прямых архивных свидетельств очень мало, историография относительно скудна и спорна (естественно, по сравнению с Холокостом) (71), к тому же армянские и турецкие историки всё ещё слишком по-разному оценивают многие значимые события и факты (72). Тот факт, что в историографическую схватку оказались вовлечены армянские национальные организации, с одной стороны, и турецкое правительство, с другой, также не способствовал решению спорных вопросов (73). В то же время существует достаточное количество свидетельств, прямых и косвенных, говорящих об ответственности младотурецкого правительства за организацию убийств (в том числе документы официального расследования деятельности лидеров партии, проведённого турецкими властями в 1918 г.) и уместности термина «геноцид» (74). Несмотря на отсутствие того типа источников, который так облегчает изучение нацистского случая: мемуаров и дневников самих османских руководителей, — многочисленные свидетельства других лиц, включая мемуары и дневники американских и германских миссионеров, не говоря уже об армянских источниках, подтверждают, что на места приказы о депортации приходили сверху (75). Не меньшее количество источников свидетельствует, что пред-

ставители младотурецкой партии лично приезжали на места, чтобы удостовериться в выполнении верховных распоряжений (76).

Предельно чёткий и последовательный анализ турецких намерений содержат документы американского посла Моргентау. В своём дневнике он зафиксировал свой разговор с Талат-пашой, в котором тот якобы заявил, что заступничество посла армянам не поможет, поскольку на три четверти с ними уже покончено, и накал ненависти так высок, что придётся довести дело до конца (77). «Это самая печальная вещь из всех, о которых я когда-либо читал или слышал, — писал Моргентау раввину Стивену Уайзу в Нью-Йорк. — Вместо того, чтобы удовлетвориться их [армянских мятежников] наказанием, они [младотурки] считают, что должны уничтожить целую расу» (78). Вывод, который Моргентау сделал в заключении к своим опубликованным мемуарам, несмотря на частое цитирование, до сих пор поражает чёткостью понимания сути проблемы: «Когда турецкие власти отдавали приказы об этих депортациях, они попросту подписывали смертный приговор целой расе. Мало того, они прекрасно это понимали и в разговорах со мной даже не пытались скрыть этот факт» (79).

ПОСЛЕДСТВИЯ

Как историческое событие армянский геноцид не имел какого-то чётко выраженного конца. Более того, многие историки полагают, что у него не может быть конца до тех пор, пока турецкое правительство не признает свою ответственность за геноцид и не сделает доступными все документы, имеющие к нему отношение. При всей важности такой постановки вопроса речь всё-таки о другом: о том, что армянский геноцид не завершился в одночасье, а шёл на убыль постепенно, волнами. Даже после поражения Центральных держав в войне в 1918 г. и бегства (или ареста) лидеров младотурецкого движения армяне продолжали подвер-

гаться насилию. Когда в ноябре 1919 г. французские войска, в соответствии с секретным франко-британским соглашением 1916 г. о разделе сфер влияния в Анатолии, оккупировали Киликию, они привели с собой, наряду с колониальными войсками из Алжира и Сенегала, внушительный Армянский легион. К тому времени многие местные армяне уже вернулись из сирийской ссылки в родные киликийские города, и Армянский легион взял на себя заботу о возвращении их собственности и бизнеса. По свидетельству большинства очевидцев, армяне не слишком церемонились с турками и не упускали возможности отомстить (80). Проблема, однако, состояла в том, что французы вовсе не горели желанием тратить средства на установление жёсткого контроля над регионом. Тем временем националисты во главе с Мустафой Кемалем использовали оккупацию и возобновление армянского присутствия в Киликии как призыв к вооружённому сопротивлению. Всё чаще и успешнее турецкие войска вступали в схватку с французскими. Без защиты оккупационных войск армяне вновь оказались под ударом. И хотя ширококомасштабной резни, которую можно было ожидать после окончательного вывода французских войск в апреле 1921 г., не произошло, сотни армянских солдат погибли в сражениях с кемалистской армией и ещё несколько тысяч армян было убито во время погромов в городах Мараше и Мерсине (81).

Гораздо большую опасность для будущего армянской нации представляла судьба тех 300 тысяч армян, которые бежали от турецких зверств на восток — в Карс, Ардаган и далее на Кавказ. После падения Российской империи в 1917 г. Кавказ пережил череду переворотов и войн, нанёсших большой урон местному армянскому населению, но особенно губительно сказавшихся на переселенцах, многие из которых не успели как следует обустроиться. Транспортная разруха и нехватка продовольствия в регионе усугубляли картину. Ситуация не улучшилась и с образованием в Закавказье весной 1918 г. независимых национальных государств Грузии и Армении. Армянские войска немедленно вторглись в восточную Анатолию, оккупировав на короткое время Ван, Эрзурум и Трабзон. Как и в Киликии, по отношению

к турецкому населению оккупированной зоны армяне были безжалостны. Турецкие источники утверждают, что за время оккупации восточной Анатолии армяне убили бесчисленное количество мусульман, и это не всегда преувеличение (82). Так или иначе, вскоре армия Мустафы Кемаля пошла в наступление против заметно уступающих ей в подготовке и вооружении войск независимой Армении. В сентябре 1920 г. турки заняли Карс и Ардаган, по пути предав огню армянские города и селения и убив не менее 60 тысяч армян, большинство из которых составляли беженцы. Триумфальный марш турецкой армии, дошедшей почти до Еревана, смогли пресечь только успешные действия Красной Армии в Закавказье и вступление Армении в СССР. Это предотвратило, по словам Вахана Дадрияна, «почти гарантированное исчезновение армянской нации» (83).

Голод и болезни также продолжали преследовать армянских беженцев, особенно тех, кто обосновался на бывшей российской территории в районе Карса и Ардагана. Страдало от голода и армянское население Еревана и Тифлиса (Тбилиси). Американские благотворительные миссии пытались оказывать помощь голодающим, но в тех условиях им было не под силу обеспечить провизией всех нуждающихся. Американцы, оказавшиеся свидетелями трагедии, были потрясены её масштабами. «Положение, в котором оказались все эти люди, настолько ужасно, что в это невозможно поверить», — писал Абрахам Тулин (84). «Ситуация повсюду самая удручающая, — докладывал Говард Хайнц, — а то, что я видел здесь в плане голода и нищеты, поистине не поддаётся описанию» (85). Самым чудовищным было распространение среди армян каннибализма, что подтверждали многочисленные источники. «Что касается сообщений о каннибализме, приходящих время от времени из этого района [г. Игдир], то мне невольно пришлось поверить в их истинность. Я собственными глазами видел расчленённые останки трупов, которые были выкопаны из свежих могил, а директор одного из армянских детских приютов сообщил мне, что встретил женщину, несущую человеческую руку, которая в ответ на его вопрос, что она собирается с ней делать, сказала: “У меня нет другой еды”» (86). И это неудивительно,

если учесть, что «во всём Игдирском районе не осталось ни собаки, ни кошки, ни лошади, ни верблюда, ни какой иной живности» (87), не говоря уже про отсутствие хлеба. Главной пищей людей была травяная похлёбка, и смертность росла неумолимо: только в 1918–1919 гг. умерло порядка 250 тысяч армян (88).

20 августа 1920 г. союзные державы вынудили новое османское правительство подписать Севрский договор, обязывавший Турцию создать на основе шести восточных вилайетов независимое армянское государство. Тем самым Вудро Вильсон и лорд Керзон подарили значительно поредевшему армянскому населению этого региона надежду на то, что у них, как минимум, будет своё маленькое государство в границах, включающих Эрзурумскую область и черноморский порт Трабзон (89). Однако заключённый спустя три года Лозаннский договор пересмотрел решения, принятые в Севре, и похоронил надежды армян на самостоятельное государство в восточной Анатолии. Ни Армения, ни армяне в договоре даже не были упомянуты (90). Утратив надежду обосноваться на анатолийской территории, армяне, численность которых значительно уменьшилась в результате геноцида, голода и болезней, поняли, что им придётся искать свою судьбу за пределами Турции.

Точные цифры погибших в ходе геноцида армян назвать очень трудно. Начиная с 1915 г. и вплоть до окончания греко-турецкой войны 1921–1922 гг., убийства и погромы не прекращались; много жизней унесли также голод и болезни. Проблема усложняется ещё и тем, что никто точно не знает, сколько армян проживало в Османской империи накануне геноцида: по оценке Армянской патриархии — 2,1 млн. чел., а по данным османской переписи — только 1,3 млн. Арнольд Тойнби приводит приблизительную цифру 1,6 млн. чел., из которых 600 тыс. избежали депортации и ещё 600 тыс. погибли в ходе геноцида (91). Немецкий критик депортаций д-р Иоганн Лепсиус считает, что депортации подверглось 1,4 млн. армян, причём большинство из них — в период между 14 июня и 19 августа 1915 г. (92). Недавно турецкие историки привели цифру 800 тыс. чел., что выглядит убедительно, если исходить из того, что данные османской переписи

о численности армян в империи накануне геноцида — 1,3 млн. чел. — верны (93).

ВЫВОДЫ

Более важным, по сравнению с точной численностью жертв геноцида, является тот факт, что младотурки в итоге достигли своей порочной цели — уничтожить армян как серьёзный фактор политической и социальной жизни Анатолии. Османская империя была очищена от армян в этническом смысле, а они, в свою очередь, оказались навеки отрезаны — демографически и культурно — от своей анатолийской родины. Великие державы не видели возможности повернуть процесс вспять. А турки, как всегда в случае этнической чистки и геноцида, постарались разрушить даже историческую память об анатолийском прошлом армянского народа. Армянские памятники и храмы были взорваны, кладбища распаханы под посевы зерновых, а армянские кварталы в городах либо разрушены и растащены по бревнышку и камешку, либо переименованы и заселены турками. Американский автор армянского происхождения Питер Балакян с болью пишет о том, что турецкие учебники истории и справочники, в том числе туристические, редко упоминают о том, что армяне и Армения когда-либо существовали на турецкой земле. Встретить Армению на турецких исторических картах практически невозможно (94). Иными словами, турки не только отрицают факт геноцида, но и всячески затевают ту важную роль, которую армяне и Армения играли в истории Турции и Османской империи. Такая «чистка» памяти нарушает целостность и османской, и армянской истории.

Армянский геноцид как явление содержал много элементов средневековых религиозных гонений, погромов, резни. Мусульмане — турки и курды — нападали на армян, потому что те, по их мнению, будучи приверженцами менее достойной религии, были высокомерными и «неверными». Турки не проводили стро-

гого различия между армянской нацией и армянами как религиозной группой. Эти понятия часто смешивались и накладывались одно на другое. В этом смысле турки очень отличались от нацистов. В турецком понимании, национальность можно было даже изменить, приняв другую веру. Армяне нетрадиционной религиозной ориентации — католики и протестанты — формально освобождались от депортаций, хотя на практике турецкие начальники на местах не видели различия между течениями в христианстве. Тысячи армянских детей, выросшие в турецких семьях, были воспитаны как турки и мусульмане, а обращение в ислам для женщин и девушек, ставших женами турецких, курдских или черкесских мужчин и попавших к ним в гарем, вообще было обычным делом. В 1918–1922 гг. по инициативе западных держав и турецких политиков, настроенных против младотурок, некоторые из этих женщин и детей получили возможность воссоединиться со своими армянскими семьями и общинами. При этом женщины 17 лет и старше, а также те, чьими мужьями были мусульмане, могли сами решать, покинуть им новую семью или остаться; и многие оставались. Во время французской оккупации многие армянские дети были возвращены их приёмными турецкими семьями армянской общине, но, как писал один американский офицер, «многие из них просились назад» (95).

Накануне своего краха Османская империя представляла собой государство с крайне неравномерным развитием. При всей своей отсталости она имела весьма передовую идеологию, отвечающую тому стандарту, который Джеймс Скотт назвал «высоким модернизмом». Её авторы, младотурки, позаимствовав немало идей у германского милитаризма, лелеяли мечты о технократически развитом турецком государстве в границах древней Анатолии. Эти мечты включали в себя строительство железных и шоссейных дорог, создание современной армии и флота, модернизацию государственного аппарата, более доступное образование и здравоохранение. Кемалистская Турция выросла как раз из этих семян, посеянных передовыми младотурецкими профессионалами: военными, врачами, инженерами, техническими специалистами. Атака на армян была организована вовсе не реакционными му-

сультманскими фундаменталистами, а теми, кто считал себя архитекторами новой, современной османской Турции, в которой не было места нации, подобной армянам и олицетворявшей такие понятия, как плюрализм, неоднородность, разногласие, а, следовательно, предательство.

ГРЕКИ

Положение греков в Османской империи было одновременно и похожим, и не похожим на положение армян. Оба народа заселили свои части Анатолии задолго до прихода туда турок в XI веке. Оба принадлежали к восточнохристианской церкви. Оба имели примерно одинаковую численность населения (без учёта столичных жителей) — 1,2–1,5 млн. чел. (Согласно османским переписям, греческое население было более многочисленным, поскольку они учитывали ещё и большие общины греков, живших до Балканских войн во Фракии, а также в Стамбуле). Греческие торговые центры на эгейском и понтийском побережьях по своей оживлённости и роли в османской экономике соперничали с армянскими портами в Киликии. Греческий православный миллет имел ту же организацию, что и армянский, а его связи с богатым византийским прошлым этого региона давали грекам ощущение непрерывности и преемственности своего существования в нем — подобное тому, что чувствовали армяне по отношению к своей родине в восточной Анатолии.

Что касается различий, то главное из них заключалось в том, что у греков было своё собственное независимое государство за пределами Османской империи, а у армян не было. При всей своей слабости балканская Греция неизменно пользовалась поддержкой и помощью европейских держав, в то время как армяне были для европейцев, в некотором смысле, открытием. Даже Российская империя, злейший враг Османов на протяжении столетий, довольно поздно проявила интерес к армянской судьбе.

Понятно, что младотурки были вынуждены вести себя с греками намного осторожнее, чем с армянами, из-за боязни спровоцировать иностранную интервенцию. Но по существу их отношение к обоим народам было одинаковым. Новое туркоцентричное Османское государство, искавшее связей с тюркскими и исламскими государствами на востоке, не могло себе позволить делить пространство с многочисленным чуждым и потенциально предательским христианским населением, будь то греческое или армянское. Именно пророссийская позиция армян накануне Первой мировой войны сделала их положение в империи угрожающим. Что касается греческой проблемы, то к её решению младотурок подтолкнула опасная, на их взгляд, концентрация греческого населения на эгейском побережье и связи греков с экспансионистской и пробритански настроенной балканской Грецией. Вслед за заключением в ноябре 1913 г. договора с Болгарией, названного Джозефом Шехтманом «первым в новой истории межгосударственным договором о [добровольном] обмене населением», младотурки вступили в переговоры с греческим правительством о «добровольном» обмене эгейских греков на турок, проживавших в Греции (96). Однако начавшаяся вскоре мировая война помешала осуществлению этого соглашения.

Тогда османские власти решили попросту депортировать сотни тысяч греков с эгейского побережья и из Фракии во внутренние области Анатолии, на острова и в Киликию. Там их привлекли к выполнению сельскохозяйственных работ — на первых порах, чтобы заменить призванных в армию турецких крестьян, а после 1915 г., чтобы восполнить острый дефицит рабочей силы, усугубленный депортацией армян. Кроме того, как армян, так и греков призывали на службу в армейских трудовых батальонах, где они выполняли самые тяжёлые работы, включая транспортировку военных грузов, когда другие транспортные средства, в том числе вьючные животные, отсутствовали. И хотя депортации подверглись не все греки и она не означала для них неизбежной гибели, насильственное переселение, тяжёлые условия жизни и труда на новом месте причиняли им невыносимые страдания. Многие греки умерли от голода и лишений. В интервью журна-

листу Диллону Талат-паша признался, что «очистка» от эллинов побережья, расположенного как раз напротив греческих островов, была намеренным актом, предпринятым с целью лишить греков способности влиять на исход будущего конфликта (97).

ГРЕЧЕСКАЯ ОККУПАЦИЯ

В 1918 г., параллельно с кратковременным вторжением в восточную Анатолию войск новообразованного армянского государства, решение о создании своей зоны оккупации в рассыпающейся Османской империи приняло греческое правительство. Греческая армия, в отличие от армянской, была сильной, хорошо подготовленной и опиралась на поддержку британских вооружённых сил. Кроме того, греческий премьер-министр Элефтериос Венизелос пользовался репутацией «величайшего политического лидера страны новейшего времени», способного убедить нерешительного короля Константина I поддержать свои экспансионистские замыслы (98). В конце декабря 1918 г. греческий эсминец «Лев» высадил десант морских пехотинцев в Измире (Смирне) (99). К маю 1919 г. греки захватили эгейское побережье Анатолии и внутренние области к востоку от него. Режим греческой оккупации стал для турок тяжёлым испытанием; реакцией на него стала растущая враждебность местного турецкого населения и всплеск националистических настроений в центральных районах Турции (100). Адмирал Марк Бристол, американский верховный комиссар в Стамбуле, писал американскому консулу в Измире: «Грекам было гораздо легче переносить турецкое господство, чем туркам — греческое. Турки время от времени совершают против греков самые ужасные преступления, но большую часть времени с ними было довольно просто уживаться. Эллинский гнёт носит непрерывный и мелочный характер, что, в конечном счёте, оказывается более эффективным, чем грубые методы турок. Эллины

вынуждают депортироваться добровольно, в то время как турки делают это насильственно, сопровождая процесс резнёй» (101).

Если бы ситуация осталась на этом уровне, изгнание греков из Анатолии, возможно, не было бы таким жестоким. Однако премьер Венизелос, греческий король Константин и командование греческой армии, вдохновленные сравнительно легкой оккупацией Измира и окрестностей, решили замахнуться на большее. Крах Османской империи они восприняли как возможность осуществления идеи «Великой Греции» за счёт объединения греческих земель Эллады и Анатолии и возвращения грекам византийской столицы — Константинополя. Преследуя эти цели, греческие войска в начале июля 1921 г. начали наступление со своего эгейского плацдарма в северном и восточном направлении, намереваясь изгнать новое альтернативное турецкое правительство во главе с Мустафой Кемалем из его новой столицы Анкары (Ангоры). Не встречая сильного сопротивления со стороны преимущественно нерегулярных турецких войск, греки быстро продвигались вперёд, достигнув к августу реки Сакарья, всего в 40 км от Анкары. Здесь греческое наступление захлебнулось; обе стороны окопались в ожидании решающего сражения, а греки тем временем продолжили укреплять свои позиции в завоёванных землях, сжигая турецкие деревни и подвергая их жителей таким же мучениям, как те, что претерпели анатолийские греки в ходе депортаций накануне Первой мировой войны.

Многие греки из этого региона тогда были согнаны в лагерь беженцев на острове Митилен (Лесбос), другие остались в Анатолии, но были вынуждены служить в трудовых батальонах в ужасных условиях. Связь между различными эпизодами этнических чисток особенно заметна в этом случае, поскольку среди турок, нападавших на греков накануне Первой мировой войны, было немало тех, кто был ранее депортирован с Балкан в ходе войн 1912–1913 гг. В своём отчете комиссия Британского парламента по расследованию деятельности греческих оккупационных властей на полуострове Измит вынесла обвинительное заключение по поводу поведения греков во время наступления 1921 г. Члены комиссии писали о «сожжённых и разграбленных турец-

ких деревнях» и взрыве насилия греков и армян в отношении турок. В то же время в отчёте комиссии было отмечено, что насилие, по-видимому, носило организованный характер: «Существует чёткий план уничтожения мусульманского населения. Осуществляется этот план руками греков и армян, действующих, похоже, по указанию греческих властей и иногда даже при поддержке регулярных войск» (102).

Арнольд Тойнби, много писавший о своём путешествии через оккупированную греками Анатолию, был так потрясён зверствами греков, что практически в одиночку взялся привлечь к ним внимание мировой общественности. Его описания событий лета 1921 г. являются одними из самых пронзительных в литературе, посвящённой этническому насилию и этническим чисткам. Это было противостояние, писал он, в котором одна сторона была вооружена, а другая нет, одной была дана власть над жизнью и смертью, а другой лишь страх неопределённости, — жестокая и смертельная игра в кошки-мышки, в которой кошка не спешила убивать мышку, наслаждаясь в полной мере агонией и страхом беспомощной жертвы. «Самое ужасное, — писал он, — что и в кровожадном инстинкте охотника, и в страхе жертвы было что-то нечеловеческое» (103).

ТУРЕЦКОЕ КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ

Успех греческого продвижения вглубь Анатолии подлил масла в огонь турецкого националистического движения, неустанно набиравшего силу с момента исторической высадки войск Мустафы Кемалья в Самсуне в мае 1919 г. Разместив штаб командования Третьей армии в Эрзуруме, Кемаль основал так называемый Национальный пакт, ставший основой нового националистического движения в Турции. В сентябре 1919 г. в г. Сивас состоялся первый съезд кемалистов, принявший программу движения, основными положениями которой стали тюркизм, централизм

и независимость. Кемаль был ловким политиком и способным военным руководителем. На какое-то время он скрыл свои истинные цели, связанные со свержением султаната и подрывом теократических принципов руководства государством, и формально продолжал подчиняться османскому правительству и военному командованию в Стамбуле. Однако установление контроля союзных держав над столицей, высадка французских войск в Киликии и распространившиеся сообщения о зверствах греков на западе страны дали Кемалю необходимый предлог, для того чтобы возглавить национальное восстание.

В августе–сентябре 1921 г. Кемаль предпринял тщательно спланированную контратаку против греческой армии у Сакарьи, коренным образом изменившую ход боевых действий и предотвратившую широкомасштабное отступление греков назад, к Эгейскому морю. По сведениям всех наблюдателей, греческое отступление имело для местного населения ещё более страшные последствия, чем оккупация. (К тому же, в середине отступления у греков сменилась верхушка командования, что вызвало панику и мятеж в войсках). Уцелевшее турецкое население подвергалось грабёжам и насилию, деревни — как турецкие, так и греческие — предавались огню (104). Сотни тысяч греческих беженцев, чьи дома были сожжены своими же солдатами, устремились на побережье и в Измир, гонимые страхом турецкого возмездия. Офицер американской разведки, опросивший нескольких из тысяч беженцев, разместившихся на вокзале в Измире, писал: «Они все рассказывали одну и ту же историю и даже выразительно ругались в адрес эллинских греков. Каждая группа беженцев утверждала, что они оставили свои дома по приказу деревенского начальства или греческого военного командования и что как только они уходили из деревни, её сжигали... Они не могли вернуться назад, к туркам, после того как бросили их ради своих эллинских братьев» (105).

Греческие беженцы прекрасно понимали, в каком затруднительном положении они оказались. Они знали, что турки воспользуются их бегством, для того чтобы очистить западную Анатолию от коренного греческого населения. Войска балканской

Греции уже проделали за них большую часть работы, спалив и разрушив сотни домов греков. Кроме того, Мустафа Кемаль и его Национальный пакт ещё решительнее, чем младотурки, настаивали на том, что Анатолия есть исконно турецкая земля, а никак не греческая или армянская. Турецкое наступление, таким образом, приобретало все характерные черты этнической чистки. Оставшиеся греки изгонялись или уничтожались. «Очистка» городов западной Анатолии, проводимая турецкими войсками вкупе с их сторонниками — бандами вооружённых четтов, — сопровождалась многочисленными грабежами и изнасилованиями. Греческие военнопленные, захваченные турками в ходе наступления, были отправлены в лагеря в центральных районах страны.

Картина освобождённой турками территории была безрадостной. Американский лейтенант Перри, посетивший внутренние области западной Анатолии, докладывал своему начальству: «Все города, кроме Менема, практически полностью разрушены огнём. Всюду рассказывают истории о грабежах, мародерстве и изнасилованиях, совершаемых отступающими частями греческой армии... Страна совершенно опустошена, всё, что может служить убежищем и источником пропитания, уничтожено... Особенно часто разрушению подвергались мечети. Собранный урожай зерновых культур был уничтожен огнём... Тысячи людей ходят по полям в поисках пищи» (106).

ИЗМИРСКАЯ КАТАСТРОФА

В страхе перед наступающими турками греки бежали на запад. Дороги, ведущие в Измир (Смирну), были запружены отступающими войсками (часто без офицеров), артиллерией, верблюдами, женщинами, детьми, стариками, двухколесными повозками, груженными немудрящим домашним скарбом. В период между 3 сентября 1922 г., когда последние подразделения греческой армии

покинули Измир, и 9 сентября, когда туда вошли передовые отряды турецкой кавалерии, город пребывал в состоянии паники. Десятки тысяч беженцев наводнили городские учреждения, школы, церкви, зернохранилища и склады. В резиденциях иностранных миссий толпились «свои» граждане, в том числе натурализованные. Слухи о том, что греки собираются перед уходом, по своему обыкновению, поджечь город, заставили толпы беженцев устремиться в порт. Там, те немногие, кто был в состоянии, нанимали лодки и уплывали прочь, а большинство просто расположилось лагерем вдоль берега на безопасном расстоянии от домов.

Как только греческие власти, эвакуировавшиеся вместе с армией, покинули город, он превратился в территорию, открытую для воров, грабителей и разбойников всех мастей. Турецкие банды рыскали по Армянскому кварталу, врываются в дома, грабя и убивая всех без разбора. Базары, как писал один очевидец, были «полностью разгромлены и, похоже, считались общественной собственностью» (107). Тем временем внушительное иностранное сообщество Измира, второе по численности и влиянию после стамбульского, готовилось к встрече турок. На выходе из гавани расположились наготове несколько иностранных военных кораблей — на случай, если придётся спасать своих сограждан.

9 сентября, когда в Измир вошли турки, страх и паника среди греческих беженцев достигли апогея. Тысячи людей, преимущественно женщин, детей и стариков, теснились на пристани, с ужасом ожидая резни. Многие бросались в воду и пытались доплыть до стоявших на внешнем рейде кораблей союзников, другие нанимали маленькие судёнышки и набивались в них в таком количестве, что лодки попросту переворачивались, топя своих пассажиров. Ситуация в городе была не лучше. Типичное зрелище представляло из себя американское консульство. Внутри него скопилось около 150 натурализованных граждан, охраняемых десятком военных моряков. Снаружи, у самых дверей, расположились сотни беженцев в надежде, что близость к зданию гарантирует им безопасность. А неподалеку на фасаде местного

кинотеатра по-прежнему висела реклама последнего шедшего там фильма: «*Le Tango de la Mort*», «Танго смерти» (108).

В целом, турецкая армия оказалась гораздо более сдержанной и дисциплинированной, чем опасались в городе, хотя её офицеры практически ничего не делали, чтобы прекратить убийства и грабежи, продолжавшиеся в Армянском квартале и в других районах города. Иногда турецкие солдаты или четты вмешивались, но чаще всего оставались безучастными. В результате каждое утро возле домов и на улицах Армянского и Греческого кварталов появлялись всё новые трупы. Первоочередной целью турок было избавиться от греков. Мужчины призывного возраста были объявлены военнопленными и отправлены в лагеря в центре страны и в Киликии. Остальным почти 200 тысячам греческих беженцев было запрещено покидать Измир и возвращаться на прежние места жительства. Когда американские морские офицеры предложили командующему турецкими войсками в Измире Нураддину-паше в целях ослабления паники и напряжённости в городе всё-таки позволить беженцам вернуться домой, он ответил очень жёстко: «Забирайте их из Измира! Присылайте немедленно корабли и увозите их в какую-нибудь другую страну». И добавил, что если бы американцы «видели те страшные разрушения, которые производила отступающая греческая армия, и те зверства, которым они [греки] подвергали мусульманское население», они бы поняли, что ждёт беженцев, если они вернутся (109). Но это было лишь предлогом для этнической чистки. Мустафа Кемаль и другие лидеры националистического движения уже решили, что за пределы Турции будут выдворены все греки: не только армия и оккупационные власти балканской Греции, но и анатолийские греки, веками жившие в этом регионе.

13 сентября, только на пятый день пребывания турок в Измире, в городе начался пожар. Пламя вспыхнуло ближе к концу дня в Армянском квартале и, благодаря ветру, дующему в сторону гавани, и бездействию властей, быстро охватило город. Капитан Хепберн, начальник штаба американской морской эскадры, докладывал в тот день, что по наступлении сумерек он взобрался на крышу табачного склада, самого высокого здания близ порта,

и установил, что огонь движется тремя потоками: два — из Армянского квартала и ещё один — «откуда-то слева». Главную опасность представляли первые два, которые полыхали особенно яростно и быстро распространялись по направлению к порту. «Спустившись на улицу, — продолжал капитан Хепберн, — я обнаружил, что массовое бегство от пожара только начиналось. Все беженцы, ранее размещившиеся там и сям на улицах или нашедшие убежище в церквях и других учреждениях, устремились в направлении порта. Толпа непрерывно возрастала за счёт тех городских жителей, чьи дома оказались в полосе огня... Стемнело. На пристани сгрудились десятки тысяч испуганных беженцев, бесцельно двигавшихся взад и вперёд между зданием таможни и краем причала, а люди всё прибывали и прибывали, пока вся портовая зона не превратилась в одну сплошную массу из людей и вещей». Ночью пожар достиг такой силы, что воздух, даже в спасительном для беженцев порту, раскалился. «Лишь несколько коротких кварталов отделяло толпу от сплошной стены огня, двигавшейся прямо к порту и подгоняемой сильным бризом. К шуму ветра, гудению огня и грохоту падающих зданий примешивались резкие частые звуки, напоминавшие винтовочные выстрелы или взрывы боеприпасов в горящей зоне. Но все прочие звуки перекрывал непрерывный вой и плач охваченной страхом толпы» (110).

Лейтенант Меррилл, посланный в Стамбул для консультаций с адмиралом Бристолом по поводу решения измирской проблемы, вернулся в город ранним утром 14 сентября. Находясь на борту корабля, он записывал: «Всё утро можно было видеть зарево, а затем и пламя горящей Смирны. Мы вернулись примерно за час до рассвета, и зрелище было неопишное. Весь город был охвачен огнём и в бухте было светло, как днём. Тысячи беженцев сновали взад и вперёд по раскалённой пристани — паника, охватившая их, была близка к безумию. Больно было слышать душевраздирающие крики женщин и детей. В приступе отчаяния многие из беженцев бросались в воду, и некоторые даже доплывали до кораблей. Но попытки причалить к пристани лодку, как правило, кончались трагически: несколько лодок были тут же потоп-

лены безумным порывом гигантской толпы... Стремясь оказаться подальше от огня и ближе к кораблям, стоящим на якоре, люди так отчаянно теснились, что избежать давки можно было, только бросившись в море. К счастью, вскоре подул морской бриз, не позволивший причалу раскалиться до такой степени, чтобы зажарить столпившихся на нем несчастных. Тем не менее, жара там, должно быть, была ужасная, раз она чувствовалась на корабле, стоящем в 200 ярдах от берега. Вдобавок ко всему, тюки, принадлежавшие беженцам и содержавшие в основном ковры и одежду, загорались от искр, образуя цепочку костров длиной во всю набережную» (111).

К чести капитана Хепберна, он сразу понял, что «только немедленные действия международных сил» могут спасти измирских беженцев от нависшей над ними неминуемой катастрофы. Заручившись разрешением и поддержкой турецких властей и командующего группой стоящих в гавани британских эсминцев, Хепберн начал 14 сентября эвакуацию греков. Операция была далеко не простой, хотя турки и разрешили греческим судам под контролем союзников причалить к берегу и забрать людей. Британские и американские моряки пытались поддерживать на берегу хоть какой-то порядок, в то время как десятки тысяч напуганных людей теснили и давили друг друга в стремлении убежать от огня и от турок. На пристани турецкие солдаты и служащие нерегулярных частей, вместо наведения порядка, периодически грабили и избивали греков, а тех, кто сопротивлялся, арестовывали. Сохранилось немало свидетельств о «хороших турках», помогавших пожилым женщинам справиться с их поклажей и честно старавшихся поддерживать порядок в греческой толпе, изо всех сил стремившейся попасть на пирс, где один за другим грузились спасительные корабли. Но гораздо больше было свидетельств, запечатлевших бессмысленную жестокость, бесконечное воровство и насилие турок. Не помогало даже американское и британское вмешательство. От страха и безысходности некоторые греки добровольно расставались с жизнью, прыгая в воду с тяжёлыми тюками на спине. Многие дети оказались затоптаны, а взрослые

задохнулись в давке, которой сопровождалась погрузка на корабли. Немало жертв также было унесено непосредственно огнём.

Пострадали не только греки. Когда вспыхнул пожар, турки были убеждены — и остаются убеждены по сей день — что поджог совершили армяне, то ли по собственной инициативе, то ли по заданию греческих оккупационных властей, которое те дали перед уходом. По сведениям лейтенанта Меррилла, полученным им от турецких властей, 22 человека было арестовано по подозрению в причастности к армянскому заговору поджигателей, однако встретиться с предполагаемыми заговорщиками ему самому так и не удалось (112). Тот факт, что некоторые молодые армяне бросали бомбы и стреляли в турецких солдат, когда те входили в город, только осложнял ситуацию. Так или иначе, армяне жестоко страдали от турецкой оккупации. Капитан Хепберн писал, что у него сложилось впечатление, будто «любой физически крепкий армянский мужчина, где бы он ни находился, немедленно становился объектом преследования и убийства, причём в охоте принимали участие даже мальчишки 12–15 лет» (113).

К 15 сентября пожар практически везде потух, однако эпизодические проявления турецкого насилия заставляли союзников и греков поторопиться с эвакуацией беженцев. Как отмечал лейтенант Меррилл, поддержание греков в состоянии страха было на руку туркам, заинтересованным в скорейшем избавлении от них. Он даже был уверен — как и греческие историки — что турки сами устроили пожар по этой причине. Меррилл не верил, что турки хотели вырезать греков, как это было в случае с армянами. «Если бы они хотели, они могли бы вырезать всех греков — сотни тысяч — за один день. И их не волнует, что скажет мир — не это причина, по которой они не убивают их всех. Во всяком случае, тела тех, кого они убили, несколько дней лежали на главных улицах у всех на виду. Что они сделали, так это нагнали страху на всё христианское население. Греки сожгли свои дома в центральных районах страны и нашли убежище в Смирне. А теперь турки сожгли их убежище в Смирне, и им ничего не остаётся, как двигаться дальше на Запад» (114).

Мнение Меррилла о том, что ответственность за измирский пожар лежит на самих турках, подтверждается свидетельствами очевидцев. Когда огонь уже пылал, многие свидетели видели, как турецкие солдаты разливали керосин вокруг некоторых зданий, в том числе американского консульства. В ответ на эти обвинения турецкие власти заявили, что, сжигая отдельные здания, они хотели предотвратить дальнейшее распространение огня (115). Но если это действительно было так, странно, что при этом не пострадал Турецкий квартал. Непонятно также, почему не использовались никакие другие методы пожаротушения. В то же время, достаточно твёрдых и убедительных свидетельств того, что пожар — дело рук турок, пока не найдено, и напротив, имеется масса аргументов в пользу того, что это было не в их интересах. Кроме того, и у греков, и у армян было немало собственных веских причин устроить пожар — достаточно вспомнить отступление греков от Сакарьи или атаку, которой подверглись армяне в первый день оккупации.

Едва ли когда-нибудь представится возможным выяснить, сколько именно греков и армян погибло в ходе измирского пожара и эвакуации. По мнению некоторых греческих исследователей, цифра может достигать 125 тыс. человек; более реалистичные подсчёты дают результат 10–15 тыс. человек (116). Американские наблюдатели в Измире полагали, что непосредственно от огня погибло от 2 до 5 тысяч человек (117).

К 22 сентября, по данным наблюдателя от «Красного Креста», с огнем было покончено везде, кроме развалин табачного склада «Гэри Тобакко», где всё ещё тлели груды табака (118). Некогда процветающий торговый порт Измир, или Смирна, один из самых привлекательных и оживленных центров торговли на Ближнем Востоке, был сожжён дотла. От 150 до 200 тысяч греков были эвакуированы (119), и ещё примерно 30 тысяч греков и армян были насильственно вывезены вглубь страны, многие из них умерли или были убиты по дороге. Почти трёхтысячелетняя история греческого присутствия на эгейском побережье Анатолии внезапно оборвалась. Димитрий Пентцопулос писал: «1922-й

год можно без преувеличения назвать “самым злосчастным во всей современной греческой истории”» (120). Измирский пожар поставил в ней точку.

ЛОЗАННСКИЙ ДОГОВОР

Вытеснив из западной Анатолии греческий экспедиционный корпус и захватив Измир, Мустафа Кемаль тем самым совершил решающий шаг к обеспечению господства в Турции националистических сил, а подписанное 11 сентября 1922 г. Муданьинское перемирие сделало невозможным дальнейшее вмешательство в дела Турции союзных держав. В начале ноября Великое национальное собрание отменило султанат, подтвердив, по словам кемалистов, господство турецкой нации на её исконной территории. «Мы добились суверенитета насильственным путем. В своё время именно насилие помогло сынам Османа захватить власть над турецкой нацией и удерживать её более шести столетий. И вот теперь нация восстала против этих узурпаторов, поставила их на место и обрела подлинный суверенитет» (121). В следующем году Кемаль основал новую правящую партию, которая, без труда победив на выборах в июне 1923 г., перенесла столицу в Анкару и провозгласила Турцию республикой. Эти меры, наряду с отменой халифата в мае 1924 г., завершили Турецкую революцию, начатую ещё младотурками. Так возникла новая Турция — современная, республиканская, мононациональная — нация-государство XX века.

Наряду с консолидацией национальных сил, успехи Кемалья окончательно решили судьбу греков в Анатолии. Уже во время изгнания греческих экспедиционных сил в августе–сентябре 1922 г. этническая чистка была неотъемлемой частью политики турецких властей. Греков выселяли не только из западной Анатолии и Измира, но и из центральных областей, из Киликии и с

преимущественно греческого Понтийского побережья Черного моря. Насильственные депортации носили жестокий и грубый характер. Как правило, грекам предоставлялось от нескольких часов до нескольких дней, для того чтобы собраться и прибыть в ближайший порт на побережье — чаще всего Самсун, а также Синоп и Трабзон — откуда их транспортировали в Стамбул и дальше в Грецию и на острова. По пути они подвергались нападениям бандитов и грабителей, мужчин избивали, а женщин и девушек насиловали и иногда похищали. Особенно нелегко приходилось грекам в Понтийских горах, где царило полное беззаконие.

Добравшись до портового города, они, чаще всего, оказывались уже без вещей и средств к существованию и плохо представляли себе, где разместиться и как прокормить себя и семью. Миссионеры изо всех сил старались помочь, но продовольственные запасы были ограничены. Беженцы размещались прямо под открытым небом во дворах церквей и школ и с нетерпением ожидали, когда придут греческие корабли и заберут их на Запад. В беженской среде быстро распространялись болезни, особенно тиф. Даже в крупных прибрежных городах греки нередко подвергались нападению турецких, лазских и черкесских бандитов и, кроме того, были вынуждены платить втридорога за еду и убежище, предоставляемое им продажными местными властями. Турки, заинтересованные в том, чтобы поскорее избавиться от греков, практически ничего не делали, чтобы облегчить их страдания. Следующее описание бедственного положения греческих беженцев в Трабзоне, сделанное лейтенантом Гарднером, военврачом с американского корабля «Фокс», является весьма типичным: «Положение беженцев достойно всяческого сожаления... Очевидно, что никакой иной помощи, кроме скорейшего выдворения из страны, турки им оказывать не собираются; они и пальцем не пошевелили ради их размещения и удобства... О распространности болезней можно судить уже по тому, что по улицам проносят носилки с трупами; многих больных, не способных самостоятельно передвигаться, тащат на спинах родственники; другие сидят, скорчившись в грязи, на обочинах, с явными при-

знаками болезни и выражением муки на лицах, и их громкие стоны усиливают общий шум и беспорядок. Многие взрослые и большинство детей недоедают» (122).

В ноябре 1922 г. в Лозанне начались переговоры относительно пересмотра Севрского договора с Турцией, в том числе и по вопросу о положении меньшинств. Турки с самого начала отказались рассматривать предложения о создании в восточной Анатолии армянского государства. Кроме того, они были решительно против того, чтобы включать в договор отдельную статью о правах меньшинства. Предполагалось, что все граждане Турции, армяне в том числе, будут пользоваться одинаковыми правами. Что касается греческого вопроса, то здесь турецкие представители вернулись к идее обмена населением, предложенной младотурками накануне Первой мировой войны, только на этот раз они предпочли настаивать на принудительном, а не добровольном обмене. Яростные споры вокруг проблемы меньшинств не прекращались всю зиму 1922/23 гг., а греки, между тем, продолжали испытывать лишения, как в ходе депортации, так и в лагерях беженцев, в которых они оказались по прибытии в Грецию и на острова. Наконец, 24 июля 1923 г. Лозаннский договор был подписан. Среди прочих обязательств, предусмотренных им, было и обязательство о принудительном обмене анатолийских греков на греческих турок.

Для надзора за процессом обмена населением создавались специальные Смешанные комиссии. Всего надлежало переселить от 1,2 до 1,5 млн. греков из Анатолии и 356 тыс. турок из Греции (в основном из Эгейской Македонии). Почти все греки, за исключением 290 тыс. чел., уже были выселены из Турции и проживали в лагерях беженцев на территории материковой Греции и на островах (123). И, как признавался греческий премьер-министр Венизелос, «изгнание малоазиатского населения не было следствием Соглашения об обмене, а являлось к тому времени уже свершившимся фактом». Договор просто зафиксировал «согласие Турции забрать из Греции турецких мусульман, чтобы можно было разместить греческих беженцев» (124). Как и Дэйтонский мирный договор 1995 г., завершивший войну в Боснии, Лозанн-

ский договор едва ли может считаться образцом креативного международного решения проблем национального меньшинства. Он лишь положил конец этнической чистке и узаконил притязания турецких националистов на однородность населения Турции. Лорд Керзон, возглавлявший на конференции в Лозанне британскую делегацию и до конца боровшийся за принятие такого решения, которое не лишало бы родины целые нации, назвал принудительный акт обмена турецкого и греческого населения «глубоко ошибочным и порочным решением, за которое миру придется расплачиваться следующие сто лет» (125).

Что касается греков и армян, то они своё уплатили сразу и сполна. По данным Стивена Ладаса, «десятки тысяч» греков погибли в ходе переселения в Грецию (126). На каждом этапе этого процесса их поджидали опасности, от нападений мусульманских бандитов и различных болезней в лагерях беженцев до опасного путешествия по морю на перегруженных кораблях, в давке, без достаточных запасов еды и воды. Греческое правительство и благотворительные организации делали всё, что могли, чтобы справиться с наплывом населения, почти в четыре раза превышающего население самой Греции. Лагеря беженцев в Пирее, Салониках и на островах испытывали острую нехватку самых необходимых вещей, в том числе еды и лекарств, результатом чего была высокая смертность. Сотрудники благотворительных миссий сообщали, что каждый день в лагерях умирало по 40–50 человек, и ещё сотни умирали в развёрнутых там же временных госпиталях (127). Даже в середине 1924 г. один чиновник отмечал, что половина из 1 млн. 250 тыс. греческих беженцев лишена всяких средств к существованию и нуждается в серьёзной помощи (128). Предусмотренные Лозаннским договором компенсации беженцам так и не были выплачены из-за сложности процедуры. Только благодаря совместным усилиям Международного Красного Креста, греческого правительства и «Американской организации помощи» (АРА), ситуацию удалось стабилизировать к концу 1920-х гг.

Помимо экономических трудностей, сопровождавших процесс адаптации на новой родине, греческие беженцы из Анатолии

испытывали серьёзные трудности культурно-бытового характера. Многие не знали греческого языка, а те, кто знал, говорили на диалектах, не понятных местному населению. По своим обычаям и традициям анатолийские и балканские греки различались настолько, что между общинами возникли серьёзные антагонизмы, мешавшие сближению. Некоторые из этих антагонизмов живы и по сей день (129).

Положение турецких беженцев было немногим лучше — в основном за счёт их меньшей численности в абсолютном и относительном исчислении (130). Большинство из них оказалось после переселения в разорённых областях западной Анатолии, откуда были изгнаны или бежали греки и где возможности для обустройства были минимальные. Ситуация осложнялась тем, что это была уже вторая волна мусульманских переселенцев в этом регионе (первая была вызвана Балканскими и Первой мировой войнами), а анатолийские турки, сами претерпевшие немало лишений в годы войны, не были настроены делиться своими крохами с «чужаками» из Македонии. К тому же, большинство из этих пришлых так называемых турок либо вообще не знало турецкого языка, либо знало плохо и чувствовало себя в турецкой среде настолько же чуждо, как и большинство греческих беженцев — на Балканах. Кстати, в процессе обмена греко-турецким населением, в соответствии с мышлением того времени, показателем национальной принадлежности чаще всего выступала религия. Таким образом многие греческие мусульмане (цыгане, славяне и валахи) оказались в Турции, а православные курды и черкесы — в Греции. Но о ком бы ни шла речь, всем субъектам этого обмена по обе стороны Эгейского моря понадобились поколения, чтобы ассимилироваться в новой культурной среде, пустить корни и, наконец, почувствовать себя дома.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *The Other Balkan Wars: A 1913 Carnegie Endowment Inquiry in Retrospect.* Washington, DC: Carnegie Endowment, 1993. Сходные данные можно

найти в корреспонденции Льва Троцкого: *The Correspondence of Leon Trotsky: The Balkan Wars, 1912–13*. — New-York: Pathfinder, 1981.

2. *Katrin Boeckh*. Von den Balkankriegen zum Ersten Weltkrieg. — Munich: Oldenbourg Verlag, 1996. P.227.

3. *George Montandon*. Frontières nationales: Détermination objective de la condition primordiale nécessaire à l'obtention d'une paix durable. Lausanne, 1915. Цит. по: Hans Lemberg. «Ethnische Säuberung»: Ein Mittel zur Lösung von Nationalitäten Problemen? //Aus Politik und Zeitgeschichte. B 46//92 (November 6, 1992). P.45–46. См. также *Joseph B. Schechtman*. Postwar Population Transfers in Europe, 1945–1955. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1962. P.389.

4. См., напр.: *Nancy Reynolds*. Difference and Tolerance in the Ottoman Empire: Interview with Aron Rodrigue //Stanford Humanities Review, 5. №1 (1995). P.81–93.

5. Подобная тональность в полной мере присуща многочисленным работам Вагана Дадрияна о положении армянского народа в Оттоманской империи. См., напр.: *Vahakn N. Dadrian*. The History of the Armenian Genocide: Ethnic Conflict from the Balkans to Anatolia to the Caucasus. — Providence: Berghahn Books, 1995. P.xx-xxi. См. также его рассуждение о «религиозном измерении» резни 1894–1896 гг. — Там же. P.147–151.

6. *Ronald Grigor Suny*. When Genocide: Interpretations of the Causes and Timing of the Armenian Deportations and Massacres (March 2000), ms. P.20.

7. *Vahakn Dadrian*. Warrant for Genocide: Key Elements of Turko-Armenian Conflict. — New Brunswick: Transaction Books, 1999. P.5–28.

8. *Benjamin Braude and Bernard Lewis*, eds. Christians and Jews in the Ottoman Empire. — New York: Holmes and Meier Publishers, 1982. P.3–4.

9. *Bernard Lewis*. The Emergence of Modern Turkey, 2nd. ed. — New York: Oxford University Press, 1968. P.34–35.

10. The Armenian Genocide in the U.S. Archives, 1915–1918. Chadwyck Healy, Inc., Microfilms. (Далее сокращенно — AGUSA). Fiche 325, Treaty of Berlin, Article 61.

11. *Ronald G. Suny*. Looking Toward Ararat: Armenia in Modern History. — Bloomington: Indiana University Press, 1993. P.77–78.

12. Ibid. P.19, 74–75, 85–86. См. также *Richard G. Hovannisian*. Armenia on the Road to Independence, 1918. — Berkeley: University of California Press, 1967. P.15–18.

13. *Braude and Lewis*, eds. Christians and Jews. P.7.

14. См. *Dadrian*. The History of the Armenian Genocide. P.147–151.

15. Ibid. P.114–119.

16. *Richard G. Hovannisian*. The Historical Dimensions of the Armenian Question, 1878–1923 //R.G. Hovannisian, ed. The Armenian Genocide in Perspective. New Brunswick: Transaction Books, 1986. P.25–26.

17. *Trutz von Trotha*. Die deutschen Kolonialkriege: Vom begrenzten zum genozidalen «Pazifizierungskrieg» (lecture, Hamburg, HIS, June 11, 1999). P.1–7.
18. *Ibid.* P.3.
19. *Taner Akcam*. Armenien und der Völkermord: Die Istanbul Prozesse und die türkische Nationalbewegung. — Hamburg: Hamburger Edition, 1999. P.34.
20. *Lewis*. The Emergence of Modern Turkey. P.215.
21. См.: *Vahakn Dadrian*. The Circumstances Surrounding the 1909 Adana Holocaust // *Armenian Review*, 41. №4 (1988). P.1–16. В этой статье Дадриан анализирует связь между провалом контрреволюции, направленной против младотурок, и их участием в аданской резне.
22. *Ernest Edmundson Ramsaur, Jr.* Prelude to the Revolution of 1908. — Beirut: Khayats, 1965. P.33–38.
23. См.: *Christopher Walker*. Armenia: The Survival of a Nation. — New York: St. Martin's Press, 1980. P.198.
24. *Ibid.*
25. *Robert Melson*. Provocation or Nationalism: A Critical Inquiry into the Armenian Genocide of 1915, in Hovannisian, ed. The Armenian Genocide in Perspective. P.77.
26. *Jacob M. Landau*. Pan-Turkism: From Irredentism to Cooperation. — Bloomington: Indiana University Press, 1995. P.7–14, 46; *Hugh Poulton*. Top Hat, Grey Wolf and Crescent: Turkish Nationalism and the Turkish Republic. — London: Hurst & Co., 1997. P.72–80.
27. *Serif Mardin*. The Ottoman Empire // *Karen Barkey and Mark von Hagen*, eds. After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building. — Boulder: Westview Press, 1997. P.118–119.
28. *Ahmed Djemal Pasha*. Memories of a Turkish Statesman, 1913–1919. — New York: George Doran Co., 1922. P.324.
29. *Caglar Keyder*. The Ottoman Empire, in After Empire. P.37.
30. *A.L. Macfîe*. The End of the Ottoman Empire, 1908–1923. — London: Longman, 1998. P.61.
31. *Suny*. When Genocide: Interpretations of the Causes and Timing of the Armenian Deportations and Massacres. P.20.
32. *Hovannisian*. The Historical Dimensions of the Armenian Question. P.27. Человека, сведущего в вопросах национализма, едва ли удивит тот факт, что многие из младотурецких ультранационалистов сами не имели турецкого происхождения. Гёкальп был курдом из Диярбекира, Талат-паша — выходцем из болгарских цыган, а Энвер-паша имел черкесские и албанские корни. — См. *R. Hrair Dekmejian*. Determinants of Genocide: Armenians and Jews as Case Studies // *Hovannisian*, ed. The Armenian Genocide in Perspective. P.93.
33. *Akcam*. Armenien und der Völkermord. P.59.

34. *Richard Clogg*. The Greek Millet in the Ottoman Empire // *Braude and Lewis*, eds. Christians and Jews. P.200.

35. *Akcam*. Armenien und der Völkermord. P.43. Джозеф Шехтман считает, что число депортированных и погибших в ходе операции греков было много выше. — См. *European Population Transfers 1939–1945*. — New York: Oxford University Press, 1946. P.12. Американский посол Моргентгау писал: «Точно неизвестно, сколько именно [греков] оказалось рассеяно таким образом; оценки колеблются от 200000 до 1000000». — *Henry Morgenthau*. Ambassador Morgenthau's Story. Garden City: Doubleday, Page & Co., 1918. P.325.

36. *Dekmejian*. Determinants of Genocide. P.93.

37. *Dadrian*. The History of the Armenian Genocide. P.194.

38. *Akcam*. Armenien und der Völkermord. P.46.

39. Перевод отчёта Талат-паши на съезде партии в Хилале, 19 и 30 сентября 1916 г. AGUSA, fiche 11. P.10.

40. *Walker*. Armenia: The Survival of a Nation. P.200.

41. William S. Dodd to Morgenthau, September 8, 1915. AGUSA, fiche 81. P.4.

42. *Johannes Lepsius*, ed. Deutschland und Armenien, 1914–1918: Sammlung Diplomatischen Aktienstücke. — Potsdam: Der Tempelverlag, 1919. P.189. *Akcam*. Armenien und der Völkermord. P.52.

43. *Akcam*. Armenien und der Völkermord. P.49.

44. Statement of Miss Alma Johanson, AGUSA, fiche 12. P.7; Statement of Dr. Floyd O. Smith, AGUSA, fiche 346. Альма Йохансон, шведская медсестра, работавшая в германской миссии в Муше, так описывала пытки: «Людей прибивали к деревянным столбам, пробивая им гвоздями руки, ноги, грудь; вырывали ногти на руках и ногах; выщипывали бороды и брови; в стопы загоняли гвозди, подобно тому как подковывают лошадей; иных же подвешивали вниз головой над отхожим местом».

45. Inquiry Documents, Mrs. T.W. Atkinson, April 11, 1918, AGUSA, fiche 344. P.10.

46. Rev. Henry H. Riggs. Personal Experiences in Kharput 1915–1917, AGUSA, fiche 341. P.66.

47. William S. Dodd, Konya, to Morgenthau, August 15, 1915, AGUSA, fiche 79.

48. Diary of John Clayton of The Chicago Tribune, AGUSA, fiche 106. P.20.

49. Riggs. Personal Experiences, AGUSA, fiche 342. P.114.

50. Inquiry Documents, Mrs. Cyril H. Haas, Adana, May 11, 1918, AGUSA, fiche 343. P.2.

51. Inquiry Documents, William S. Dodd, M. D., Konya, December 21, 1917, AGUSA, fiche 344. P.2.

52. Ibid. P.3.

53. Riggs. Personal Experiences, AGUSA, fiche 342. P.155.
54. Inquiry Documents, Miss Isabelle Harvey, Kharput, April 15, 1918, AGUSA, fiche 344. P.6.
55. Inquiry Documents, Elisabeth S. Webb, June 1, 1919, AGUSA, fiche 346. P.4.
56. Reports of Jesse B. Jackson, Aleppo, to Secretary of State, AGUSA, fiche 86. P.5.
57. Leslie A. Davies to Morgenthau, Kharput, June 11, 1915, AGUSA, fiche 69.
58. Morgenthau to Secretary of State, September 25, 1915 (citing Dodd report), AGUSA, fiche 383; Riggs. Personal Experiences, AGUSA, fiche 342. P.162.
59. Inquiry Documents, Miss Ruth A. Parmalee, Mezereh, June 21, 1918, AGUSA, fiche 344.
60. Documents of the American Relief — Administration: European Operations 1918–1922, Vol. 12. — Stanford: Stanford University, 1932. P.127–128.
61. Inquiry Documents, Miss Myrtle O. Shane, Bitlis, April 10, 1918, AGUSA, fiche 344. P.7.
62. Morgenthau Papers, J.B. Jackson, Consul in Aleppo, to Morgenthau, September 29, 1915, AGUSA, fiche 183.
63. Documents of the American Relief Administration, Vol. 12. P.135.
64. President George E. White, Anatolian College, Marsovan, AGUSA, fiche 346. P.9.
65. В Измире, например, благодаря решительному вмешательству американского посла Моргентау, удалось отсрочить расправу над руководителями армянской общины и отодвинуть на неопределённый срок осуществление планов депортации армянского населения. — См. Morgenthau, Ambassador Morgenthau's Story. P.352–353.
66. *Marjorie Housepian*. The Smirna Affair. — New York: Harcourt, Brace, Jovanovich, 1966. P.26; AGUSA, fiche 346. P.8.
67. Morgenthau to Secretary of State Lansing, November 18, 1915, AGUSA, fiche 12. P.5.
68. Morgenthau to Secretary of State Lansing, November 4, 1915, AGUSA, fiche 12. P.6.
69. Riggs, Personal Experiences, AGUSA, fiche 341.
70. William S. Dodd to Morgenthau, August 15, 1915, Morgenthau Papers, AGUSA, fiche 382. P.5.
71. По поводу армянской литературы по проблеме геноцида 1915 г. см.: *Richard G. Hovannisian*. The Armenian Holocaust: A Bibliography Relating to the Deportations, Massacres, and Dispersion of the Armenian People, 1915–1923. — Cambridge, MA: Armenian Heritage Press, 1978.
72. По поводу турецкой позиции см.: *Mim Kemal Öke*. The Armenian Question 1914–1923. — Oxford: K. Rustem & Brother, 1988. P.126–136;

Heath W. Lowry. *The Story behind Ambassador Morgenthau's Story*. — Istanbul: The Isis Press, 1990; *Stanford Jay Shaw and Ezel Kural Shaw. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey, Vol.2*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1977. P.30.

73. См., напр., проблему участия турецкого правительства и его главы Ататюрка в дискуссии о геноциде, проводимой в рамках курса турецкой истории в Принстоне. — *Roger W. Smith, Eric Markusen, and Robert J. Lifton. Professional Ethics and the Denial of the Armenian Genocide // Holocaust and Genocide Studies, 9. №1 (Spring 1995). P.1–22.*

74. По поводу следственных документов см. *Akcam. Armenien und der Völkermord. P.230–359.*

75. См., напр.: *Carol Edgarian. Rise the Euphrates*. — New York: Random House, 1994; *Abraham Hartunian. Neither to Laugh nor to Weep*. — Boston: Beacon Press, 1968; *George Horton. The Blight in Asia*. — Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1926.

76. См., напр.: Jesse B. Jackson to Secretary of State, September 7, 1921, AGUSA, fiche 375; telegrams from Talat to Governor of Aleppo, January 16, AGUSA, fiche 375; Morgenthau to Secretary of State, May 14, 1915, AGUSA, fiche 10; American Consul, Aleppo to Secretary of State, April 20, 1915, AGUSA, fiche 9.

77. Undated diary entry, Papers of Henry Morgenthau, Sr., AGUSA, fiche 386.

78. Morgenthau to Doctor and Mrs. Wise, October 19, 1915, AGUSA, fiche 380.

79. Цит. по: *Leo Kuper. The Turkish Genocide of Armenians, in Hovanisian. The Armenian Genocide in Perspective. P.48.*

80. Admiral Mark Bristol, War Diary, August 14, 1922, AGUSA, fiche 37. P.7. В отличие от Моргентхау, Бристол скорее сочувствует туркам. Он пишет, что «армянские солдаты из французской армии ведут себя так плохо, что их должно было бы распустить».

81. Report to American Embassy, December 18, 1919, AGUSA, fiche 22; J. Pierrepont Moffat, U.S. Embassy. *Turkish History, 1918–1923*, AGUSA, fiche 52. P.12–13; U.S. Naval Intelligence Report, Conditions in Cilicia, Syria and Palestine, July 25 and June 25, 1920, AGUSA, fiche 324; Admiral Bristol to Barton, Near East Relief, April 5, 1920, AGUSA, fiche 331.

82. См. материалы о зверствах армян, фигурировавшие на Парижской мирной конференции: *Armenian atrocities*, AGUSA, fiche 350. P.4–7. В них, в частности, утверждается, что армяне резали турок, «как скот», насиловали мусульманских женщин и что зверства, чинимые против турецкого населения, были не единичными, а систематическими. Многие данные были предположительно взяты из дневников русских офицеров, сражавшихся на стороне армян.

83. *Dadrian. The History of the Armenian Genocide. P.360.*

84. Abraham Tulin to Herbert Hoover (copy), May 4, 1919, in Hoover Institution Archives (HIA), ARA, Paris Office Country File, box 46.
85. Howard Heinz to Herbert Hoover, May 6, 1919, *ibid.*
86. *Ibid.*
87. Barton to Vickery, Near East Relief, March 14, 1919, AGUSA, fiche 151.
88. ARA report, June 20, 1919, in HIA, ARA, Paris Office Countries File, Armenia. В отчете говорится, что смертность среди армян могла быть ещё выше, если бы не была снята блокада с путей транспортировки продовольствия через Грузию.
89. *Dadrian*. The History of the Armenian Genocide. P.356.
90. *Hovannisian*. The Historical Dimensions of the Armenian Question. P.37.
91. *Robert Melson*. Provocation of Nationalism: A Critical Inquiry into the Armenian Genocide of 1915. P.65.
92. *Lepsius*, ed. Deutschland und Armenien. P.xxv.
93. *Akcam*. Armenien und der Völkermord. P.76; *Dadrian*. The History of the Armenian Genocide. P.225, 233 n.40.
94. *Peter Balakian*. Black Dog of Fate: A Memoir. — New York: Broadway Books, 1997. P.269.
95. Lt. J.N. Gregory, U.S.S. Cole, AGUSA, fiche 333. P.25. American Committee for Relief in the Near East, notes, March 6, 1919, Documents of the American Relief Administration, Vol.12. P.127.
96. Schechtman. European Population Transfers. P.12.
97. Conversations with Talat in Smirna, Stanford University Green Library Special Collections, Papers of E.J. Dillon.
98. *John O. Iatrides*, ed. Ambassador MacVeagh Reports: Greece 1933–1947. — Princeton: Princeton University Press, 1980. P.11.
99. Near Eastern Intelligence, December 31, 1918, AGUSA, fiche 15.
100. Старший офицер военно-морского флота США докладывал: «В течение всего времени своей оккупации Смирны они [греки] ведут себя отвратительно и должны быть полностью выведены [из страны]. Они не заслуживают ни малейшего уважения». — Report, November 9, 1919, AGUSA, fiche 21. P.2.
101. Admiral Mark Bristol to George Horton, May 4, 1920, AGUSA, fiche 336.
102. Reports in the District of Yalova and Geremlek and in the Ismid Peninsula, presented to Parliament. №1 (1921), His Majesty's Stationary Office, AGUSA, fiche 325.
103. *Toynbee*. The Western Question in Greece and Turkey. P.262.
104. War Diary of U.S. Naval Detachment, Report of Intelligence Officer Lt. A.S. Merrill, September 6, 1922, AGUSA, fiche 337.
105. *Ibid.*, September 7, 1922, AGUSA, fiche 337.

106. Lt. Perry, U. S. S. Edsall, October 3, 1922, AGUSA, fiche 337.
107. Lt. Merrill, War Diary, September 10, 1922, AGUSA, fiche 337.
108. Ibid., September 12, 1922, AGUSA, fiche 337. P.13.
109. Ibid., September 11, 1922, AGUSA, fiche 337; War Diary of U. S. Naval Detachment, Report of Chief of Staff Capt. A. J. Hepburn, U. S. S. Scorpion, AGUSA, fiche 159.
110. Capt. Hepburn, AGUSA, fiche 159. P.26–27, 29.
111. Lt. Merrill, War Diary, September 14, 1922, AGUSA, fiche 337. P.1.
112. Lt. Merrill, message, September 15, 1922, AGUSA, fiche 337.
113. Capt. Hepburn, report, September 14, 1922, AGUSA, fiche 337.
114. Lt. Merrill, War Diary, September 16, 1922, AGUSA, fiche 337.
115. Ibid, September 15, 1922, AGUSA, fiche 337.
116. Первая цифра, названная Лисимахосом Экономинсом в его книге (см.: *Lysimachos Econominos*. The Martyrdom of Smirna and Eastern Christendom. — London: George Allen & Unwin, 1922. P.84), скорее всего, учитывает общие греческие потери в районе Измира от всех возможных причин: военное поражение от турок, этническая чистка в регионе, убийства в Измире и окрестностях, смерти греков в городе от болезней, огня, давки при эвакуации и насилия. Цифра 12 тысяч чел. предложена Димитрием Пентцопулосом — см.: *Dimitri Pentzopoulos*. The Balkan Exchange of Minorities and Its Impact upon Greece. — Paris: Mouton & Co., 1962. P.47.
117. См., напр.: Е.М. Yantis, Manager of the Gary Tobacco Co., Inc., report on the fire, AGUSA, fiche 159.
118. Clifton Davis to Admiral Bristol, November 8, 1922, AGUSA, fiche 160.
119. *J. Pierrepont Moffat*. Turkish History, 1918–1923, U. S. Embassy, AGUSA, fiche 55. P.33. Моффат утверждает, что из Измира было эвакуировано 262587 греков, из них большая часть — при участии и под контролем американцев.
120. *Pentzopoulos*. The Balkan Exchange of Minorities. P.47.
121. Cited in Macfie. The End of the Ottoman Empire. P.198.
122. Lt. Gardner (Med. Corps), February 24, 1923, AGUSA, fiche 47.
123. *Pentzopoulos*. The Balkan Exchange of Minorities. P.1. №79. По мнению Стивена Ладаса, непосредственно по Лозаннскому договору было переселено 189916 греков в Грецию (в 1924–26 гг.) и 355635 мусульман в Турцию (в 1923–24 гг.). Ещё более 1 миллиона греков бежали из Анатолии до подписания договора в Лозанне. — *Stephen Ladas*. The Exchange of Minorities: Bulgaria, Greece and Turkey. — New York: Macmillan, 1932. P.17, 441.
124. *Macfie*. The End of the Ottoman Empire. P.210.
125. Lord Curzon in response to a speech by Izzet Pasha at Lausanne, AGUSA, fiche 119. P.4.
126. *Ladas*. The Exchange of Populations. P.724.

127. League of Nations, Greek Refugee Settlement (translation) (Geneva: Publications of League of Nations, 1926). P.4. Red Cross Commissioner to the Prime Minister of Greece, March 9, 1921, HIA, American Red Cross, box 7.

128. Memorandum to British Ambassador, June 3, 1924, AGUSA, fiche 365.

129. *Renee Hirschon*. Heirs of the Greek Catastrophe: The Social Life of Asia Minor Refugees in Piraeus. — Oxford: Clarendon Press, 1989. P.1–4, 11; *Michael Herzfeld*. A Place in History: Social and Monumental Time in a Cretan Town. — Princeton: Princeton University Press, 1991. P.64–66.

130. John Randolph, American Consul, Angora, Economic and Political Information Re Turkey, March 12, 1924, AGUSA, fiche 51. P.4.

Глава 2

ЕВРЕИ В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

22 августа 1939 г., незадолго до вторжения нацистской Германии в Польшу, Гитлер выступил с речью на собрании лидеров нацистской партии и генералов вермахта в Оберзальцбурге. Германской армии предстояло пройти первое серьёзное боевое испытание, и Гитлер хотел, чтобы её руководители поняли: эта война будет принципиально иной. «Наша цель, — заявил он, — не достижение определённой линии [на востоке], а физическое уничтожение противника». А затем, по свидетельству некоторых источников, добавил: «Кто, в конце концов, говорит сегодня об уничтожении армян?» (1). Ссылаясь Гитлер на армян в той речи или нет, нам досконально неизвестно (2), однако, если это так, то армянский пример ему понадобился для того, чтобы подтолкнуть своих генералов к выполнению убийственной задачи — уничтожению польской нации (а вовсе не для оправдания убийства евреев, как полагают некоторые). Без сомнения, Гитлер и нацистское руководство знали и об армянском геноциде, и о том относительно небольшом влиянии, которое он оказал на события Первой мировой войны и послевоенную дипломатию. Немцы были очень тесно связаны с младотурецкой администрацией, а в годы войны ряд генералов вермахта служили советниками в османской армии. Некоторые немецкие офицеры могли даже принимать непосредственное участие в армянском геноциде (3).

При поддержке германских военных часть младотурецких лидеров, опасаясь арестов и преследования со стороны османского

правительства, бежала в 1918 г. в Германию. Среди них был главный архитектор геноцида Талат-паша, застреленный в 1921 г. на берлинской улице армянским националистом. Суд присяжных убийцу Талата оправдал, что вызвало шумный протест и негодование в германской прессе. Неудивительно, что Гитлеру и другим лидерам нацизма столь импонировали турки и их решительная манера избавления от чуждой нации (4). Однако нацистская политика по отношению к евреям вызревала в иных условиях, частью похожих, а частью абсолютно отличных от тех, что привели к рождению армянского геноцида. Эти условия включали в себя идеологию, замешенную на германском национализме, расизме и антисемитизме; современное государство и правительство, инициировавшее антиеврейское законодательство и поддерживавшее массовые убийства; и Вторую мировую войну, которая, как и Первая для турок, явилась формальным прикрытием и оправданием для геноцида.

Историография Холокоста велика и растёт день ото дня. На эту тему уже написано не менее сотни тысяч книг, очерков и статей, и, судя по обилию специализированных институтов, журналов, университетских и архивных центров, будет написано ещё больше (5). Историкам XX века повезло, что тема эта привлекла внимание таких необычайно талантливых ученых, как Омер Бартов, Иегуда Бауэр, Кристофер Браунинг, Сол Фридлендер, Рауль Хилберг, Джордж Моссе, и это лишь те, кто пишет на английском языке, да и то далеко не все. Столь пристальное внимание исследователей к проблеме объясняется просто: Холокост стал одной из главных исторических метафор нашего времени. Говорим ли мы сегодня о свободе слова, смешанных браках, абортах или вторжении на Балканы — мы так или иначе учитываем еврейский опыт Холокоста. С начала 1960-х гг. Холокост стал практически неотъемлемой частью нашей интеллектуальной, моральной и духовной жизни (6). Уроки Холокоста, если использовать их бережно и в разумных пределах, на самом деле могут служить путеводными маяками в современном мире (7). Можно понять недовольство Роберта Хейдена тем, что этнические чистки в Боснии очень скоро стали интерпретировать в духе Холокоста, но

при этом следует признать, что рассмотрение проблем этнической чистки или геноцида невозможно без обращения к образам, языку и реалиям, рождённым нацистской политикой истребления евреев (8). Так или иначе, избежать темы Холокоста нам не удастся; задача состоит в том, чтобы использовать — по мере необходимости — его уроки для углубления нашего понимания прошлого и будущего.

НАЦИСТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

В нацистском мировоззрении ариец (немец) воплощал собой всё самое хорошее, доброе, здоровое и естественное. Полной противоположностью немцу был еврей — фальшивый, лживый, некультурный азиат. Германская демонология представляла еврея лжецом, хитрецом, обманщиком и паразитом (термины, использованные в гитлеровской *Mein Kampf*), и никакая ассимиляция не способна была очистить кровь еврейской расы от якобы присущего ей вечного фундаментального зла. Задолго до принятия нацистами решения об уничтожении европейских евреев риторика подобного рода заполонила страницы нацистских газет, зазвучала в речах нацистских лидеров, документальных фильмах, агитационных плакатах. Евреев называли грязными вшами, клопами, паразитами, переносчиками опасной заразы, которых необходимо истребить, чтобы обезопасить здоровый организм германского общества (9). Евреи были опухолью, которую нужно было удалить, расовым туберкулезом, требующим изоляции и уничтожения (10). Это была хирургическая задача, не уставал повторять Геббельс. «Нужно было резать и резать глубоко», — писал он в дневнике 2 ноября 1939 г., — иначе Европа погибла бы «от еврейской заразы» (11).

В соответствии с нацистской идеологией, само существование евреев бок о бок со здоровыми европейскими нациями таило в себе опасность заражения. А своими прямыми действиями ев-

реи якобы непосредственно угрожали выживанию германской нации. Они насиловали невинных немецких девушек, тем самым ослабляя арийскую кровь нации. Всякая немецкая горничная или кухарка в еврейском доме рассматривалась нацистами как потенциальный объект сексуального домогательства. Аморальные от природы, еврейские мужчины тяготели к проституции, порнографии и другим формам сексуальных отклонений, распространяя повсюду сифилис и прочие венерические заболевания. Ничем не лучше были еврейские женщины, развращавшие расово чистых немецких мужчин, насильственно приобщая их к своей порочной и упадочной субкультуре. Сочетание подавленного влечения, женоненавистничества и антисемитизма, которое нацисты-мужчины зачастую испытывали к еврейским женщинам, впоследствии проявилось в действиях комендантов и охранников концлагерей, которые использовали тела еврейских женщин для воплощения своих самых грубых сексуальных фантазий (12).

Помимо биологического, нацистская идеология выдвинула и политическое обоснование еврейской угрозы. Утверждалось, что еврейская раса повсюду — и в Европе, и в мире — всеми силами препятствовала достижению немцами их национальных целей. Предатели-евреи были виноваты в поражении Германии и Австрии в Первой мировой войне; своими интригами они вогнали «нож в спину» германских интересов и украли у Германии столь реальную военную победу. Еврейский заговор привёл к тому, что Германии навязали тяжкое бремя репараций и территориальных потерь, узаконенное Версальским договором. Создание Веймарской республики, которую нацисты считали чуждой германской нации и противоречащей её интересам, также приписывалось козням евреев.

Аргументы о еврейском заговоре во многом были позаимствованы из российской и европейской антисемитской литературы конца XIX века, особенно из так называемых «Протоколов сионских мудрецов», в которых утверждалось, что некая международная еврейская лига якобы тайно планировала захватить власть во всём мире. Сфабрикованные российской тайной полицией в середине 1890-х гг., «Протоколы» вызывали к жизни древние

христианские мифы о «крови христианских младенцев», которую евреи якобы использовали в ритуальных целях. В нацистской интерпретации почерпнутые из «Протоколов» теории заговора были привязаны, с одной стороны, к СССР и международному коммунизму как порождению «жидо-большевизма», а с другой — к международному капиталу, олицетворением которого выступал контролируемый евреями Уолл-стрит. Причастность евреев — всех евреев — к заговору считалась абсолютной и бесспорной. Никакая ассимиляция, никакая германизация не могла преодолеть эту неизбывную еврейскую чуждость стране обитания. Для нацистов евреи были своего рода антинацией, неизменно преданной лишь собственной идее подрыва нынешней цивилизации. Но как только какая-то нация сумеет правильно понять предупреждение, посыл «Протоколов», писал Гитлер, «еврейской угрозе придёт конец» (13).

ЕВГЕНИКА

Расовое мышление в начале XX столетия пользовалось языком науки. Тогда была «открыта» связь между размером черепа и преступными наклонностями человека, а структура общественного класса была уподоблена строению скелета. Из подобного успеха биологии родилась наука евгеника — попытка идентифицировать человека по расовым признакам, а также улучшать эти признаки путём направленной селекции. Если какие-то расовые типы оказывались генетически более склонными к криминальному поведению, наследственным заболеваниями или умственным отклонениям, их следовало изолировать от здорового населения и лишить возможности воспроизводства, с тем чтобы избавить нацию или расу от асоциальных элементов, а также слабых или больных особей. Налицо были две выгоды: нация освобождалась от вредных примесей, а современное государство — от бремени забот о непродуктивных членах общества.

Поначалу евгеника, будь то в Германии, Англии или США, расценивалась как современный и рациональный способ обращения с социальными и биологическими маргиналами. Она полностью отвечала потребностям современного государства, заинтересованного в порядке и единообразии населения. «Евгеника вовсе не была набором политически консервативных и научно несостоятельных убеждений, характерных исключительно для нацистской эпохи, — писал Фрэнк Дикеттер. — Она была частью политического словаря практически каждой крупной модернизирующей силы в период между двумя мировыми войнами» (14). В руках нацистов, однако, евгеника превратилась в опасное оружие расовой чистки и борьбы с асоциальными элементами, физически и умственно неполноценными гражданами — и евреями. Для Гитлера и его сподвижников привнесение евгеники в расовое мышление усложнило его внешний облик, но не изменило общей элиминационной направленности. Германской нации предстояло очистить себя, выкинув из страны (и в целом из Европы) все инородные элементы, в особенности евреев. Кроме того, чуждые элементы предстояло вырезать из тела самой германской нации. И, наконец, нужно было очистить кровь нации от испорченных фракций. «Чистота крови, — писал Ули Линке, — была той телеологической целью, достигнув которой, германская нация могла обрести спасение» (15).

Последствия развития германской евгеники, как практические, так и идеологические, ускорили нацистское решение еврейского вопроса. После прихода Гитлера к власти в 1933 г. многие немецкие врачи и учёные предпочли сосредоточить свои исследования на проблемах расовой гигиены, так как это сулило гранты, профессорские звания и возможности для успешной работы (16). Как с гордостью заявил один учёный того времени, нацистский режим был «биологией в действии» (17). Путём контроля за рождаемостью и изоляции слабых и больных нацисты хотели усилить арийскую расу. Практически сразу после прихода нацистской партии к власти немецкие врачи стали практиковать насильственную стерилизацию умственно отсталых и физически неполноценных женщин детородного возраста. Согласно закону,

принятому 14 июля 1933 г., насильственной стерилизации могли быть подвергнуты лица, страдающие следующими недугами: врождённым слабоумием, шизофренией, маниакально-депрессивным психозом, наследственной эпилепсией, врождённой слепотой или глухотой, болезнью Хантингтона, а также имеющие серьезные физические недостатки. Кроме того, в список попали лица, «страдающие от хронического алкоголизма» (18).

Зимой 1938–1939 гг. нацистский медицинский персонал начал практиковать отказ от искусственного поддержания жизни смертельно больных детей путём отключения соответствующей аппаратуры либо введения смертельных инъекций. Эта государственная программа эвтаназии получила дальнейшее развитие в октябре 1939 г., после начала войны с Польшей, когда Гитлер провозгласил политику «милосердной смерти» для тех, «кто страдает неизлечимыми заболеваниями» (19). Плановый показатель был установлен на уровне 65–75 тысяч смертей — отчасти для того, чтобы разгрузить санатории и больницы для размещения немецких переселенцев из Прибалтики в рамках гиммлеровской программы «Heim ins Reich» («Домой в рейх») (20). Нацистская пропаганда тем временем начала призывать к применению эвтаназии и «милосердного убийства» в ещё более широких масштабах, апеллируя к непоправимым расходам, идущим на содержание физически и умственно неполноценных людей. Однако протесты родственников и знакомых больных детей и других пациентов, загадочным образом исчезнувших или умерших во время пребывания в больницах и санаториях Третьего рейха, привели к гневному осуждению порочной практики церковью и общественностью.

В августе 1941 г. Гитлер был вынужден отменить свой указ, хотя, как подчёркивают многие учёные, убийства в больницах не прекратились, просто это стало делаться тише и более избирательно (21). Кого-то из пациентов просто забрали из больниц солдаты СС и расстреляли. Большинство же было уничтожено в рамках операции, носившей кодовое название «акция Т-4», при помощи газовых камер, порой замаскированных под душевые кабины. В декабре 1941 г. в Хелмно евреев уже умерщвляли

угарным газом, подаваемым в фургоны, специально оборудованные для этой цели (22). Технология газовых furgонов была разработана сотрудниками медицинских учреждений, уже принимавших участие в программе умерщвления душевнобольных пациентов. Ричард Брейтман назвал Хелмно «по сути, первым действующим лагерем смерти» (23). Газ, который применили для отравления евреев, был тем же, что применялся в больницах при эвтаназии, и сама идея была той же. Таким образом, в некотором смысле евгеника предоставила и теоретическое обоснование, и механизм для радикального решения «еврейского вопроса» — с помощью газовых камер.

ЭМИГРАЦИЯ

На протяжении всей своей карьеры Гитлер сохранял удивительную последовательность в том, что касалось его идей и целей. Джордж Моссе высказался по этому поводу весьма убедительно: «Уничтожение евреев, несомненно, было его [Гитлера] конечной целью, однако он всегда был готов подправить своё политическое расписание в соответствии с требованием момента» (24). С точки зрения Гитлера, евреи должны были быть уничтожены, но само это понятие — «уничтожение» (*Vernichtung*), по-видимому, понималось по-разному, в зависимости от конкретного периода и контекста. В какой-то момент оно означало лишение евреев способности влиять на свою судьбу, в другой — устранение присутствия евреев в Германии (и, в конце концов, в Европе), а иногда — физическое уничтожение (т. е., убийство). Некоторые исследователи полагают, что до лета и осени 1941 г. *Vernichtung* означало уничтожение еврейской общины в Европе посредством принуждения к эмиграции, а уже потом стало означать массовое убийство (25). Тот факт, что Гитлер и нацисты употребляли термины *Verbannung* («запрещение») и *Entfernung* («устранение») вперемешку с *Vernichtung*, подтверждает предположение, что по край-

ней мере изначально *Vernichtung* могло означать принудительную депортацию евреев. Слово *Ausrottung* имело менее двусмысленное значение («истребление»), но в определённом контексте могло быть прочитано как «устранение» — из вида, из общества и физически из страны.

Даже понятие *Endlösung* («окончательное решение») в нацистском контексте могло иметь множество значений. Кристофер Браунинг, например, считает, что в периоды до и после нападения Германии на Советский Союз в июне 1941 г. оно означало разные вещи (26). А по мнению Кристиана Герлаха, *Endlösung* во время войны вообще не означало немедленного уничтожения евреев, этот смысл был вложен в него уже после Второй мировой войны (27). Тем не менее, любой из упомянутых терминов легко может ассоциироваться с массовым убийством. Какой бы ни была политика Гитлера по отношению к евреям в каждый конкретный момент времени, где-то подспудно он всегда держал мысль о нанесении решающего удара. Вот как пишет об этом современный биограф Гитлера Йён Кершоу: «Для Гитлера, какими бы ни были его тактические соображения, неизменной целью оставалось уничтожение евреев — его главная политическая идея, начиная с 1919 г. Свой подход к её решению он продемонстрировал на собрании региональных лидеров партии, состоявшемся в конце апреля 1937 г. Сразу за комментариями по поводу евреев, он заявил: «Я вовсе не хочу насильно заставить противника бороться. Я не говорю “борись”, потому что я хочу бороться. Вместо этого я говорю: “Я хочу тебя уничтожить!” И пусть мастерство поможет мне сначала загнать тебя в угол — настолько, чтобы ты не мог нанести ответный удар, — а потом ты получишь нож в сердце» (28).

Риторика и даже долгосрочные задачи нацистов на протяжении всех 1920–30-х гг. носили в той или иной степени элиминационный характер. В то же время, Гитлер неоднократно выступал за проведение политики, которая вынудила бы евреев покинуть Германию и Европу. «Долой евреев, которые отравляют наш народ», — призывал Гитлер 24 июня 1920 г. (29). 13 августа 1920 г. в речи, озаглавленной «Почему мы антисемиты», Гитлер снова

дал понять, что евреям придётся уехать, — «не потому что нам мешает их существование», а чтобы, добавил он с сарказмом, иметь возможность «поздравить весь остальной мир по случаю их прибытия» (30).

Первым шагом к выдворению евреев должна была стать их изоляция — в Германии и (что предпочтительнее) за рубежом. Эта стратегия основывалась на твёрдой уверенности Гитлера в том, что евреи — это паразиты на теле здоровых наций. «Если бы евреи, — писал он в *Mein Kampf*, — были одни в этом мире, они бы задохнулись от грязи и вони; они попытались бы конкурировать друг с другом и в этой исполненной ненависти борьбе истребили бы друг друга» (31). Будучи изолированными от германского общества, они оказывались в положении, когда для вытеснения их из страны достаточно было простой и целенаправленной политики: «притеснение и ещё раз притеснение», как выразился мемуарист Виктор Клемперер (32). По сути, то, что делал в 1930-е гг. Гитлер, пытаясь при помощи государственной машины и воинственной нацистской партии изгнать из Германии евреев, было формой насильственной депортации и этнической чистки. «Этносом» в данном случае выступали евреи, причём в чисто расистской интерпретации Нюрнбергских законов. Как писал тот же Клемперер, для причисления к евреям достаточно было иметь 25% еврейской крови — «как в Испании в XV веке. Но тогда это был вопрос веры, а теперь зоология и бизнес» (33).

Изначальные цели нацистов и средневековых испанских гонителей евреев действительно совпадали: и те, и другие стремились навсегда избавиться от евреев, изгнать из своей страны. Однако, что с изгнанными произойдет в дальнейшем, испанцев не волновало, а вот у нацистов на этот счёт были весьма специфические взгляды. Западные страны, считали они, очень скоро на себе ощутят то губительное влияние этой нации, которое давно осознали немцы. Поднимется волна антисемитизма, и евреи будут признаны париями во всём мире. Для нацистов также было безразлично, куда именно поедут изгнанные евреи. Дело в том, что, по убеждению Гитлера, евреи в своё время использовали всё своё влияние в Германии и в мире, чтобы помешать нацистам

прийти к власти. Когда из Лондона, Парижа и Нью-Йорка раздались протесты против антисемитизма и насилия в нацистской Германии, нацисты немедленно приписали это влиянию еврейского лобби. Опасаясь, что изгнанные из Третьего рейха евреи спровоцируют на Западе ещё больший размах антинацистской агитации, германские ревнители еврейской эмиграции предпочитали направить её поток куда-нибудь ещё (тем самым, как, впрочем, и во многом другом, противореча самим себе).

Первоначально планировалось сделать конечной целью еврейской эмиграции Палестину. Подобно польскому ультранационалистическому правительству конца 1930-х гг., нацисты готовы были в какой-то мере объединиться с сионистами, чтобы подтолкнуть германских и европейских евреев эмигрировать в Палестину. С точки зрения Гитлера, это было идеальное место, чтобы «сплавить» евреев, — изолированное, экономически не развитое и не обладающее природными ресурсами. Кроме того, Палестина находилась под контролем британцев, которые, Гитлер был уверен, никогда не дали бы евреям создать там собственное государство. Дело в том, что, стремясь убрать евреев подальше от западных центров власти, нацисты в то же время опасались, что те, будучи предоставлены сами себе на Ближнем Востоке, сумеют и оттуда управлять мировым капиталом. Палестинский вариант, таким образом, не только избавлял Германию и Европу от еврейской угрозы, но и делал Великобританию, в чьих руках оказывался контроль над еврейской Палестиной, гарантом европейской расовой чистоты.

Механизм принудительной эмиграции был запущен подписанием 27 августа 1933 г. между нацистским правительством Германии, с одной стороны, и Англо-Палестинским банком и Германским сионистским союзом — с другой, так называемого «Соглашения о перемещении» (34). За пять следующих лет из Германии в Палестину эмигрировали примерно 60 тысяч евреев, причём, по условиям перемещения, половину своей собственности они оставили рейху для финансирования германского экспорта в Палестину (35).

Соглашение о перемещении не сумело, однако, удовлетворить страстное желание нацистов избавиться от евреев; к тому же,

ни одна из сторон не проявила должного рвения в его осуществлении. Подавляющее большинство германских евреев вовсе не собиралось эмигрировать, не стремилось в Палестину и мало смыслило в сионизме. Сол Фридлендер отмечает, что ни руководство еврейской общины, ни рядовые евреи Германии реально не представляли себе «совершенно непредсказуемого» будущего (36). Если относительно состоятельных германских евреев британцам ещё удалось уговорить переехать в Палестину, то для иммиграции бедноты, представителей рабочего класса, а также недавно пополнивших германскую еврейскую общину польских евреев «Соглашение о перемещении» явно не подходило: ни одна из этих групп не обладала достаточным капиталом, чтобы вложить его в палестинскую экономику и ещё оставить половину на депозите германского правительства. Немаловажным (если не более важным) фактором была также растущая в самой Палестине арабская оппозиция притоку евреев с европейского континента. В результате к концу 1930-х гг. британцы полностью прекратили еврейскую эмиграцию в Палестину, похоронив надежды сионистов на спасение европейских евреев путём их перемещения на Ближний Восток.

Параллельно с поисками подходящего места для эмиграции нацисты усилили давление на евреев с целью вынудить их уехать. Злобные нападки прессы и публичное глумление были частью нацистской стратегии. «Травля евреев и погромные настроения усиливаются день ото дня», — записал в дневнике Клемперер 21 июля 1935 г (37). Продолжали нацисты наступать и на правовые позиции евреев. Особую роль в этом сыграло принятие в июле 1935 г. так называемых Нюрнбергских законов. Этот юридический документ не только зафиксировал врождённые («расовые») признаки, по которым надлежит определять принадлежность к еврейству, но и лишил евреев германского гражданства, а с ним и права на судебную защиту. По свидетельству, сохранившемуся в дневнике гитлеровского адъютанта Герхарда Энгеля, Гитлер позже сожалел, что Нюрнбергские законы оказались недостаточно драконовскими, для того чтобы выгнать из Германии всех евреев. «13 августа 1938 г. фюрер в узком кругу вновь гово-

рил о Нюрнбергских законах и их последствиях. На самом деле, если смотреть на них в ретроспективе, говорил он, эти законы были даже слишком “гуманными”. У евреев забрали некоторые права и отстранили их от жизни государства; зато у них осталась свобода рыночной деятельности, а это именно то, что их интересует больше всего... Теперь он подумывает о целесообразности введения дополнительных законов, которые столь вызывающим образом ограничили бы жизненную свободу евреев в Германии, что те просто сами не захотели бы здесь оставаться. И это был бы наилучший способ избавиться от них» (38).

О том, что нацисты намеренно урезали евреев в правах, лишая их возможности добывать средства существования и тем самым вынуждая их покинуть страну, свидетельствуют и дневниковые записи Геббельса. Так, 4 августа 1938 г., в связи с недавним постановлением, запретившим евреям вести медицинскую практику, он записал: «Идёт систематическое наступление на евреев». А 31 августа, отметив, что берлинских евреев обязали задекларировать свою собственность и передать её в руки государства и/или частных лиц арийского происхождения, Геббельс подчеркнул, что эта политика должна быть продолжена, несмотря на протесты со стороны как евреев, так и неевреев (39). Евреи, констатировал он 13 октября, эмигрируют из Берлина в таком большом количестве, что другие страны уже начинают роптать по поводу их приезда. «Евреев будут гнать из страны в страну, и вот тогда они пожнут плоды своих бесконечных интриг, своих агитационных кампаний, своей подлости» (40). Геринг, Геббельс, Гейдрих и другие лидеры нацистов проявляли редкую изобретательность, выдумывая всё новые способы, позволяющие ограничить еврейскую активность внутри Германии, обособить евреев от «здорового» германского населения и исчерпать экономические и моральные ресурсы еврейского сообщества (41).

Впрочем вскоре нацистские лидеры пришли к выводу, что вся их политика правовой дискриминации, антисемитская пропаганда и факельные шествия не слишком-то напугали евреев. Последние не спешили покидать Германию, а оставшиеся не боялись подвергнуться наказанию за свою самонадеянность. В этом

проявилось ещё одно из странных и неожиданных противоречий, свойственных нацистской риторике и практике: с одной стороны, германских евреев всячески вынуждали эмигрировать, а с другой, их использовали как заложников, призванных защитить Германию от мирового еврейского заговора. Но как бы то ни было, заложники или потенциальные эмигранты — евреи заслуживали наказания, и «хрустальная ночь» явилась результатом этого двойственного подхода.

«Хрустальная ночь» началась с инцидента, произошедшего 9 ноября 1938 г. в Париже: Гершель Гриншпан, в знак протеста против насильственной депортации из Германии польских евреев, смертельно ранил германского дипломата Эрнста фон Рата. Разъяренный дерзостью выходки, Геббельс спровоцировал в Германии антисемитские демонстрации, призывающие наказать германских евреев (а вместе с ними и всё мировое еврейство) за безобразное преступление. В Касселе и Дессау толпы демонстрантов громили еврейские магазины и поджигали синагоги. Геббельс, согласно его дневниковой записи от 10 ноября, обратил внимание фюрера на выгодные возможности, которые сулила ситуация. «Он [Гитлер] решил: нужно позволить демонстрациям продолжаться. Отозвать полицию. На сей раз евреи должны в полной мере ощутить ненависть народа» (42). Геббельс, будучи в восторге от перспективы свести счёты с евреями, отдал соответствующие распоряжения. «Мы не позволим этому подлому убийству остаться без ответа. На этот раз мы дадим событиям идти своим чередом». Однако уже на следующий день Гитлер и Геббельс, обеспокоенные тем, что грабежи вышли из-под контроля, отдали приказ прекратить «акцию».

Геринг, в ведении которого находилась экономика Третьего рейха, был возмущён масштабом и бессмысленностью разрушений «хрустальной ночи», хотя и признавал, что она имела свой положительный эффект: стало очевидно, что «вопрос о поголовной эмиграции встал ребром», а весь мир убедился, что «в Германии еврею не место» (43). С точки зрения нацистских лидеров, после «хрустальной ночи» у них появилась возможность усилить давление на евреев. По свидетельству Геббельса, Гитлер при-

знался ему, что хочет ввести против евреев «очень жёсткие меры», с тем чтобы выставить их из Германии (44).

На самом деле, речь шла не только о Германии, а о Европе вообще. Убийство Гриншпаном фон Рата вновь показало, что в нацистском восприятии еврейская проблема имела европейский, если не мировой масштаб. Европейский вопрос обострился в конце 1930-х гг., когда нацистская Германия аннексировала Австрию и Судетскую область, установила контроль над Чешским протекторатом и присоединила часть земель после недавнего раздела Польши. Стремление Гитлера расширить *Lebensraum* («жизненное пространство») германского народа привело к существенному росту численности евреев в пределах Третьего рейха, и от них тоже предстояло избавиться. Понятия «раса» и *Lebensraum*, таким образом, были для нацистов взаимосвязанными (45). Сюда же относился и термин *völkische Flurbereinigung* (выравнивание почвы, устранение чересполосицы), использованный Гиммлером для описания судьбы новых германских территорий на востоке. «Нечистые» расы (евреи, цыгане, поляки и прочие), писал он, будут заменены «чистыми» немцами, в том числе «вернувшимися по призыву» рейха из Прибалтики, Украины и других мест, а также «спасёнными» от денационализации и растворения в море славянских народов. При этом процесс определения, кто есть немец, а кто нет, носил решительно ненаучный характер, даже по невысоким стандартам нацистской «расовой теории» (46). По чертам лица, фигуры, цвету глаз и волос Гиммлер мог судить о том, что перед ним поляк, украинец или немец. Но в отношении евреев — как стопроцентных, так и тех, в чьих жилах текла лишь часть еврейской крови, — подобные размытые критерии были неприемлемы. Еврей всегда оставался евреем. Куда бы нацисты ни пришли, евреям там не было места.

После объединения с Австрией (*Anschluss*) в марте 1938 г. нацисты основали в Вене специальный орган — Центральное бюро эмиграции евреев, целью которого было как можно скорее изгнать евреев из Остмарка (так нацисты называли Австрию). Но евреев надо было не просто выкинуть из Австрии, но и, как и в Германии, наказать. Начались аресты и погромы. Гейдрих попы-

тался обуздать наиболее вопиющие проявления насилия, но лишь потому что они мешали процессу экспроприации еврейской собственности в пользу германского рейха (47). При Адольфе Эйхмане изгнание евреев из Австрии носило бесперебойный характер. Средства для депортации нашли за рубежом сами еврейские организации. За полгода приблизительно 40 тысяч евреев были насильно высланы из страны (48). Принадлежавшие евреям предприятия промышленности и торговли были либо закрыты, либо переданы в руки «арийских» собственников.

Численность покинувших Австрию евреев могла быть гораздо выше, если бы эмигрантам было куда ехать. Палестина в конце 1930-х гг. уже была закрыта, а эмиграция евреев в соседние страны была нежелательна для Гитлера, да и для самих этих стран тоже. В Соединенных Штатах, Канаде, Южной Африке, Великобритании и Австралии были установлены эмиграционные квоты для выходцев из Германии, которые строго соблюдались. В качестве потенциального места высылки евреев по-прежнему рассматривался французский Мадагаскар и другие африканские колонии южнее экватора. В июле 1938 г. представители 25 ведущих стран и ряда благотворительных организаций собрались во французском Эвиане для обсуждения проблемы еврейской эмиграции. Несмотря на поддержку Лиги наций, Эвианская конференция окончилась безрезультатно: ни одна из стран, вне зависимости от размеров территории, плотности населения и формы политического режима, не пожелала принять толпы еврейских беженцев. И хотя участники конференции настойчиво твердили о практической сложности приёма большого количества иммигрантов, трудно отделаться от мысли, что главную роль в принятии их решения сыграл антисемитизм. Нацисты тем временем попытались «делать деньги» на растущем отчаянии потенциальных еврейских эмигрантов и еврейских организаций за рубежом. По свидетельству Иегуды Бауэра, они предложили продать Западу полмиллиона евреев по цене 250 долларов за человека (49).

Стремление Гитлера довести до конца решение еврейского вопроса росло по мере роста его дипломатических и военных успехов на европейском континенте. Оккупация Германией

Рейнской области, аншлюс Австрии и присоединение Чехословакии не вызвали сколько-нибудь серьёзной оппозиции со стороны европейских держав. Впрочем, подобная соглашательская позиция всё чаще сопровождалась критикой во Франции, России, Соединённых Штатах и, особенно, в Великобритании, и это не могло не раздражать Гитлера, несмотря на все его успехи. Не меньшее раздражение вызывали у него непрекращающиеся разговоры об антисемитизме и преследовании евреев в нацистской Германии, и, естественно, виновными во всей этой шумихе он считал евреев. В своей часто цитируемой речи перед Рейхстагом 30 января 1939 г. Гитлер пригрозил евреям массовым уничтожением, если они не прекратят раздувать недовольство в мире шагами Германии, направленными на достижение заслуженного господства в Европе: «Мне в жизни часто доводилось быть пророком и по большей части надо мной смеялись... Сегодня я снова буду пророком: Если международным еврейским финансовым кругам в Европе и за её пределами удастся снова втянуть народы в мировую войну, то её результатом станет не большевизация мира и, следовательно, победа еврейства, а уничтожение еврейской расы в Европе» (50).

Тот факт, что в последующие годы Гитлер и его окружение неоднократно напоминали об этом грозном предостережении, служит историкам подтверждением того, что конечной целью Гитлера всегда был геноцид (51). Он-де пообещал истребить евреев, если начнется война, и, когда она началась, сделал это. Однако, как отмечает Ганс Моммзен, контекст речи Гитлера придавал его «пророчеству» совсем другой смысл: это была своего рода «фигура речи», с помощью которой он хотел добиться принятия мировыми державами и комитетами по делам беженцев его финансовых условий депортации всех евреев (52). Позже, по мнению Моммзена, Гитлер использовал ссылки на эту речь как риторический приём, призванный оправдать «кумулятивную радикализацию» нацистской политики (53). Другие части «рейхстагской речи» подтверждают мнение Моммзена, что Гитлер хотел просто шантажировать Запад с целью навязать ему сделку в вопросе о еврейской депортации. «В Европе никогда не будет покоя,

если не позаботиться о решении еврейского вопроса. Очень возможно, что некоторые европейские страны, которые не находят сегодня общего языка, могли бы, рано или поздно, прийти к согласию. В мире полно места для обитания. Нужно раз и навсегда покончить с мыслью о том, что еврейскому народу самим Всевышним начертано благоденствовать за счёт других народов и их производительного труда. Пусть еврейский народ строит свою жизнь, исходя из собственных внутренних возможностей, как это делают другие народы; в противном случае его рано или поздно ждёт кризис, масштабы которого даже трудно представить» (54).

Палестина, Аляска, Доминиканская Республика, Австралия, Мадагаскар — все эти территории в разное время фигурировали в качестве потенциальных мест депортации германских и европейских евреев, но место для Гитлера не имело значения. Принципиальным для него было лишь одно: евреи должны убраться и побыстрее, иначе случится что-то плохое. Ту же мысль преследовало и выступление Альфреда Розенберга перед иностранными дипломатами в Берлине 8 февраля 1939 г.: если Запад действительно хочет предложить свою «дружбу евреям», ему стоит в ближайшее время задуматься о подходящем месте для «еврейской резервации» (55).

Явившийся шоком для Запада дипломатический союз со Сталиным, формальным воплощением которого послужил советско-германский Пакт о ненападении от 23 августа 1939 г., стал преддверием гитлеровской агрессии против Польши. 1 сентября 1939 г. одновременным ударом с земли и с воздуха войска нацистской Германии вторглись на территорию Польши и уже 9 сентября окружили Варшаву. К 17 сентября, когда Советский Союз, двигаясь с востока, в свою очередь, захватил причитающуюся ему часть Польши, от этого, говоря словами Молотова, «уродливого детища Версальского договора» ничего не осталось (56).

Англия и Франция поспешили объявить Германии войну. И хотя англичане сражались достаточно решительно и смогли оказать Германии неожиданно длительное сопротивление, поражение Франции в июне 1940 г. сделало фюрера главой огромной европейской империи, чьи границы простирались от Парижа на

западе до реки Буг на востоке. Оставались, правда, неразрешенные проблемы на Балканах, послужившие причиной разрыва его соглашения с Советами (57), и в Москве у власти оставался его главный враг — «жидо-большевизм». Тем не менее, Гитлер мог поздравить себя с несколькими выдающимися победами.

Триумфальное покорение Европы Гитлером означало катастрофу для евреев. В особенно критическом состоянии оказались три миллиона польских евреев, сотни тысяч из которых проживали на территории, ставшей теперь частью рейха. В Познани, Гданьске (Данциге) и Западной Пруссии евреев выгоняли из домов и насильно депортировали в так называемое генерал-губернаторство, созданное на остальной территории Польши и управляемое ставленником рейха, чтобы освободить жизненное пространство для немцев, возвращающихся из Балтийского региона и из Украины. До лета 1941 г. таким образом было депортировано 250 тыс. евреев и 600 тыс. поляков — к вящему неудовольствию генерал-губернатора Ганса Франка (58). Впрочем, бюрократическую схватку с СС Франк проиграл: Гиммлер был непреклонен в стремлении очистить новоприобретённые территории от евреев и поляков.

Местами обитания евреев, как в средневековые времена, становились закрытые гетто, призванные отделить их от остальной части населения, причём не только немцев, но и поляков. При этом гетто считались лишь промежуточной инстанцией на пути к изгнанию. В соответствии с расовой политикой нацистов, гетто представляли собой ещё одну форму наказания для евреев. Нормы снабжения водой и пищей не превышали минимального уровня. Условия проживания были ужасающими, прежде всего из-за скученности и отсутствия самого необходимого. Зверства эсэсовских охранников и их помощников-полицейских из числа самих обитателей гетто дополняли картину.

По мнению Кристофера Браунинга, нацистская концепция гетто была представлена преимущественно двумя моделями, причём в первые годы существования обе действовали одновременно и в различных сочетаниях. Некоторые нацистские руководители полагали, что гетто не более чем место заключения,

тюрьма, в которой люди живут до тех пор, пока голод и болезни не прикончат их естественным образом. Другие видели в обитателях гетто решение растущей проблемы нехватки рабочей силы в Германии, а привлечение к труду требовало хотя бы минимального продовольственного снабжения и обеспечения самых основных жизненных условий (59). Первую модель, в большей или меньшей степени, представляло Варшавское гетто, вторую — Лодзинское.

Между тем, гетто не могли вместить всех устремившихся в них евреев. Тогда было решено создать в районе города Люблин большую резервацию (*Reservat*). Окруженный колючей проволокой и кольцом нацистской охраны, резерват близ Ниско на реке Сан превратился в «огромный концентрационный лагерь, в котором людская скученность, смрад, бедность, болезни и хаос достигли ни с чем не сравнимой степени» (60). Но даже если бы его создатели преследовали цель уморить большое количество евреев в резервации, этого всё равно было бы недостаточно для решения проблемы устранения всех евреев из Европы (61). По мнению Филиппа Буррина, условия содержания в Люблинском «гетто рейха» были настолько ужасными, что возникшие в середине марта 1940 г. планы по его расширению были отвергнуты из-за возможности неблагоприятной реакции за рубежом, особенно в Соединенных Штатах (62). Противником идеи выступил и вермахт, рассматривавший люблинский регион как стратегически важный для ведения потенциальных военных действий против Советского Союза. Ганс Франк, мечтавший вообще убрать евреев из Польского генерал-губернаторства, также продолжал оказывать давление на Берлин с целью активизировать поиски решения еврейского вопроса. В результате на передний план опять вышел мадагаскарский вариант, идея которого почти десятилетие муссировалась антисемитскими кругами Германии и Польши.

После «хрустальной ночи», которая, по мнению Геринга и Шахта (нацистского министра экономики в 1934–1937 гг. и президента Дойчебанка в 1933–1939 гг.), не принесла ничего, кроме ущерба германским экономическим интересам, Шахт обратился к идее депортации оставшихся германских и австрийских

евреев (в общей сложности 600 тысяч человек) на Мадагаскар. План Шахта, одобренный Гитлером в декабре 1938 г., содержал призыв к еврейским организациям на Западе вносить средства на осуществление принудительной эмиграции евреев трудоспособного и детородного возраста (пожилым и больным позволялось остаться) и их семей (63). В ходе переговоров с главой Международного комитета по делам беженцев Джорджем Рубли была выработана схема перечисления еврейских средств в фонд поддержки германского экспорта, схожую с той, что работала во время палестинской эмиграции тремя годами ранее. Депортация евреев ни в коем случае не должна была стоить Третьему рейху ни пфенинга; напротив, еврейские деньги должны были поработать на германскую экономику. Принципиальное различие между палестинским и мадагаскарским вариантами состояло в том, что последний был решительно отвергнут сионистскими и другими еврейскими организациями, абсолютно не заинтересованными в том, чтобы вкладывать деньги в переселение европейских евреев на пустынный и мало пригодный для обитания остров.

Тем не менее, проблемы, созданные захватом Польши, и ограниченные возможности Люблинского резервата вновь породили у нацистских чиновников надежду на то, что Мадагаскар — это выход. Скопившиеся в генерал-губернаторстве массы евреев раздражали нацистов и мешали Гимmlеру осуществить его *Generalplan Ost*, предусматривавший изменение этнических границ на востоке, перемещение миллионов людей и устранение евреев из региона (64). Возможности для осуществления столь грандиозного предприятия предоставила сама война; как выразился один из помощников Гейдриха, «можно было действовать относительно свободно, без оглядки на мировое общественное мнение» (65). Конечно, для того чтобы беспрепятственно провозить евреев по морю, нацистам пришлось бы дождаться конца войны и поражения англичан, под контролем которых находились все главные морские пути. Но уже после поражения Франции летом 1940 г. германское министерство иностранных дел стало проявлять серьёзный интерес к мадагаскарскому плану. По некоторым сведениям, Гитлер в тот момент стремился поскорее отделаться от еврей-

ской проблемы и передать её решение в руки французов (66). В начале июля 1940 г. министерство иностранных дел подготовило соответствующий доклад, Гейдрих и Эйхман внесли в него свои дополнения и исправления, и 15 августа 1940 г. окончательный вариант увидел свет. От первоначальной идеи Шахта этот новый план отличался лишь количеством евреев (в общей сложности, 4 миллиона), которых предстояло депортировать на Мадагаскар (67).

По мнению Кристофера Браунинга, нацисты поспешили вернуться к мадагаскарскому варианту летом 1940 г. из-за проблем, с которыми столкнулись во время проведения демографических преобразований в восточной Европе (68). Ненавистные евреи занимали слишком много места, и немцев с востока было некуда селить. Зачастую откликнувшиеся на призыв возвращаться «домой в рейх», немецкие переселенцы были вынуждены жить в транзитных лагерях, испытывая голод и беспомощность (69). Генерал-губернаторство было уже перенаселено поляками и евреями. В этих условиях мадагаскарский план многим представлялся выходом из тупика. Нацисты даже не сочли нужным скрывать его от евреев. 1 июля 1940 г. Адам Черняков, один из обитателей Варшавского гетто, записал в своём дневнике, что он слышал от нацистов, что «война через месяц закончится и что всех нас отправят на Мадагаскар» (70).

Во всех своих вариантах мадагаскарский план был частью нацистского «окончательного решения» еврейского вопроса; меньше всего в нём было от желания найти подходящий дом для европейских евреев. 26 июля 1940 г. Геббельс записал в своём дневнике, что после войны Мадагаскар станет «германским протекторатом с германским полицейским управляющим во главе» (71). Евреям не будет позволено создать собственное государство или иметь собственные органы власти, это было понятно ещё в ходе осуществления палестинского плана. Тщательное изучение природных условий острова Мадагаскар показало, что климат там неблагоприятный и значительная часть территории занята малярийными болотами, не пригодными для обитания «европейцев». Евреи смогут взять с собой лишь минимум вещей,

хотя некоторым ремесленникам и специалистам будет позволено взять свои рабочие инструменты. Еврейский капитал останется в Германии. Тропические болезни и тяжёлые условия жизни на острове доконают евреев. А главное, как считал Гитлер, евреям там будет некого эксплуатировать, кроме друг друга, и их неизбежная гибель будет им наказанием за всё то зло, которое они причинили здоровым расам Европы.

«БАРБАРОССА»

Как и многое другое в нацистской риторике, мадагаскарский план имел мало общего с реальностью. Великобритания не думала сдаваться, морские пути оставались под её контролем, сулящим опасность для германского судоходства, а правительство Петэна не желало отказываться от притязаний на Мадагаскар (как, впрочем, и на все остальные части французской колониальной империи). В любом случае, рассчитывать на то, что удастся без труда транспортировать 4 млн. евреев из Европы в Восточную Африку и что мировое еврейское сообщество будет оплачивать эту ссылку, едва ли было можно. Однако нацисты продолжали твердить о возможности депортации евреев на Мадагаскар, и эти разговоры не прекратились даже после принятия в конце 1940 г. плана «Барбаросса» (план нападения на Советский Союз) и его осуществления 22 июня 1941 г.

В то время как в нацистских кругах продолжало нарастать стремление «окончательно решить» еврейский вопрос, появился ещё один шанс избавиться от европейских евреев. Гейдриху, которому было поручено разработать в течение зимы 1940/41 гг. план нападения на СССР, пришла в голову идея депортировать евреев ещё дальше на восток (72). Можно было забросить их за Урал, в Сибирь, подальше от «жизненного пространства» Третьего рейха, включавшего Украину и Крым. По подсчётам Гитлера, победа над Советами заняла бы максимум четыре месяца, по

подсчётам Геббельса — «гораздо меньше» (73). Вообще среди командного состава вермахта, как отмечает Городецкий, «возможность русского сопротивления не рассматривалась вовсе», «все были уверены, что Красная Армия будет разбита за восемь дней» (74). Победа над Советами позволит выслать в Сибирь и на российский Север евреев из восточной Европы. К тому времени англичане, деморализованные поражением СССР, запросят мира; дорога на Мадагаскар для западноевропейских, а заодно и североафриканских евреев будет открыта (75).

Собираясь сослать часть евреев за Урал, нацисты не делали им никакой привилегии. Предполагалось, что арктический холод и кишашие мошкаркой сибирские болота рано или поздно уничтожат их. В конце сентября 1941 г. Гейдрих и Геббельс вели между собой долгие разговоры о возможности отправки евреев в Гулаг — самое подходящее, по мысли нацистских идеологов, для них место, поскольку именно еврей-большевики, в первую очередь, несли ответственность за создание этой системы «исправительно-трудовых» лагерей и тюрем (76). О северном Гулаге как «наилучшем будущем доме для 11 миллионов европейских евреев» Гейдрих говорил и в феврале 1942 г., выступая перед руководителями НСДАП в Чешском протекторате (77). То есть, о депортации лидеры нацистов продолжали твердить даже спустя месяцы после того, как айнзатцгруппы расстреливали евреев десятками тысяч летом и осенью 1941 г.

Историки Холокоста справедливо отмечают важную роль, которую сыграл в деле эскалации насилия, направленного против евреев, так называемый «приказ о комиссарах» от 3 июля 1941 г. Гитлер дал понять Гимmlеру и генералам Кейтелю и Йодлю, что приближающийся конфликт с Россией будет не просто вооружённым противоборством двух стран; это будет «конфликт идеологий». В ходе этого конфликта «еврейско-большевистская интеллигенция... должна быть уничтожена». Гитлер также предупредил, что на Гимmlера и СС возлагается задача обеспечения безопасности на завоёванных землях. Это вызвано «необходимостью немедленно нейтрализовать всех лидеров большевиков и комиссаров». То, что «нейтрализовать» означало «убить»,

становилось понятно из дальнейших слов Гитлера: судов военного трибунала не понадобится, обо всём позаботятся отряды СС (78).

В ходе осуществления операции «Барбаросса» айнзатцгруппы и регулярные части вермахта расстреливали взятых в плен советских офицеров, предполагаемых партизан (и их пособников), а также евреев. Кампания с самого начала шла под лозунгом: «Еврей это партизан, а партизан это еврей» (79). Было признано, что евреи представляют реальную угрозу безопасности рейха и потому подлежат уничтожению (80). Поданное таким образом убийство евреев оказывало вполне определённое влияние как на сознание, так и подсознание воюющих немцев. Вот как об этом пишет Ульрих Герберт: «То, что евреев убивали как предполагаемых диверсантов, подтверждало предположение [немецкого солдата], что он имеет дело с врагами Германии — иначе их не наказывали бы так жестоко. Деяние [убийство] делало предрассудок фактом» (81).

В нацистской риторике и идеологии советский противник и евреи оказались объединены в один совокупный образ зла. Нападение Германии на Россию не было сродни нападению на Великобританию или Францию (хотя и в этих конфликтах, как считалось, были виноваты евреи). В восприятии нацистов, опасная смесь из большевистского интернационализма и мирового еврейского заговора представляла смертельную угрозу для германской нации и её права на главенство в Европе. «Барбаросса», таким образом, была крестовым походом против еврейско-большевистских демонов, призванным сокрушить их и смести с лица земли. По мере того как убийства евреев начали принимать будничность, события на русском фронте всё более убеждали немцев в правильности той интерпретации реальности, которой была пронизана крестоносная идеология нацистов.

Омер Бартов писал, что даже рядовых солдат вермахта заставляли увериться в том, что их враги — русские и евреи — являются воплощением дьявола. Как утверждалось в одной из многочисленных пропагандистских листовок, распространяемых в войсках, «всякий, кто хоть раз взглянул в лицо красного комис-

сара, знает, что из себя представляют большевики. Вот где не нужны научные выражения. Мы оскорбили бы животных, если стали бы описывать этих людей, преимущественно еврейского происхождения, как диких тварей. Они есть воплощение бешеной, сатанинской ненависти ко всему благородному человеческому роду. Образ этих комиссаров являет для нас пример восстания *Untermenschen* [“недочеловеков”] против благородной крови. Массы людей, которых они послали на смерть, используя для этого все доступные им способы, включая безжалостный террор и нездоровый энтузиазм, могли означать конец всякой осмысленной жизни, если бы в последний момент этому извержению [зла] не был поставлен заслон» (82). Пропаганда работала хорошо. Офицеры и рядовые вермахта с готовностью принимали участие в расправах над евреями и, прямо или косвенно, несут ответственность за гибель от 1 до 1,5 млн. человек (83).

Массовые убийства происходили как на фронте, так и за линией фронта. Жестокость исполнителей, будь то войска СС, регулярные части или полицейские, не знала границ (84). Не только евреи, но и русские военнопленные, если не расстреливались на месте, то подвергались избиению и пыткам. Подобное поведение германской армии только ожесточало сопротивление бойцов Красной Армии и партизан, поскольку они знали, что им грозит в случае попадания в руки немцев. Об этом генералы вермахта сообщали своему берлинскому руководству. Но что было, видимо, ещё важнее, руководство Третьего рейха рассчитывало использовать русских военнопленных в качестве рабочей силы для германской экономики. Между тем, 12 декабря 1941 г. Геббельс записал в своём дневнике: «Наша надежда на то, чтобы задействовать в германской экономике труд почти 4 миллионов пленных большевиков, оказалась нереальной. 900 тысяч из них уже умерли от голода и болезней, и очень многие ещё умрут в ближайшие недели и месяцы. Огромное большинство большевиков в лагерях военнопленных находится в такой стадии истощения, что даже самый лучший уход не сможет вернуть их к жизни» (85). В результате, 6 июня 1942 г. «приказ о комиссарах» был отменён, хотя к тому моменту уничтожение евреев уже было передано

в руки СС и недавно созданной системы лагерей смерти. Впрочем, как писал Омер Бартов, пропаганда ненависти, внедрение в сознание рядовых солдат стереотипов *Untermenschen* и привычки к убийству гражданских лиц привели к тому, что участие армии и полиции в расправах над евреями и другими лицами, не имеющими отношения к армии, не прекратилось и после отмены приказа (86).

ПОСЛЕДНЯЯ СТАДИЯ

В течение лета и осени 1941 г. политика нацистов в отношении евреев приобрела характер и масштаб геноцида. В своих докладах командиры айнзатцгрупп скрупулезно фиксировали результаты смертоносных акций. Так, на счету 3-го штурмового диверсионного отряда, действовавшего на территории Латвии и Литвы (его штаб располагался в г. Ковно), было 133 тыс. казнённых мужчин, женщин и детей, огромное большинство из которых были евреями. И, если в июле 1941 г. немцы из этого отряда, действуя совместно с так называемыми «литовскими партизанами», убивали преимущественно мужчин, то к концу августа пол и возраст жертв уже не имели значения. 1 декабря 1941 г. полковник СС Егер докладывал: «На сегодня я могу констатировать, что 3-м штурмовым диверсионным отрядом достигнута цель разрешения еврейской проблемы в Литве. Единственные оставшиеся евреи — это рабочие и их семьи. Осуществление подобных акций представляет, в первую очередь, организационную проблему. Евреев требовалось собрать в одном или нескольких населённых пунктах, а также выкопать канаву в нужном месте и нужного размера... Евреев доставляли к месту казни группами по 500 человек, дистанция между группами составляла минимум 1,2 мили... Только благодаря тщательному планированию отряда удавалось осуществлять по 5 акций в неделю и при этом не прерывать свою работу в Ковно» (87). Полковник Егер даже не пы-

тался представить дело так, будто он борется с еврейскими партизанами. Он был преданным нацистом, который верил, что, убивая евреев, он выполняет приказы Гитлера и Гиммлера. Зная, что нельзя расстреливать евреев, приписанных к трудовым батальонам, он предлагал стерилизовать трудоспособных мужчин-евреев, «чтобы пресечь всякое воспроизводство», а женщин-евреек, которые, несмотря ни на что всё-таки забеременеют, уничтожать (88).

Массовые казни евреев в июле–августе 1941 г. в Галиции, Белоруссии, Литве и Украине сделали практику убийства евреев — ещё до принятия решения об их полном уничтожении — обыденной и законной. Практика эта в разных регионах имела свои особенности, что указывало на отсутствие прямого руководства из Берлина. В Галиции казни евреев начались ещё в июне и затронули вначале мужчин, принадлежавших, как считалось, к разряду «интеллигенции». Однако к началу октября расстреливали уже и женщин, и детей (89). Во время вторжения в Белоруссию в середине июля «чистке» подвергся весь «класс интеллигенции», и расстрелы евреев ещё не были поголовными (90). Но уже в начале августа и в Белоруссии айнзатцгруппы стали расстреливать женщин и детей. В период между серединой августа и серединой сентября впервые были уничтожены целые еврейские общины (91). Однако ни в Галиции, ни в Белоруссии расправы с евреями не носили столь систематического характера, как в Литве, где в этот процесс оказалось втянуто чуть ли не всё местное население. Тот факт, что в конце лета число жертв массовых казней существенно возросло за счёт женщин и детей, мог быть связан с посещением в середине августа 1941 г. оккупированных территорий России Гиммлером (92). Кроме того, непрерывно растущий, начиная с конца лета, дефицит продовольствия в оккупированной зоне способствовал распространению в среде нацистской администрации мыслей о том, что от «нахлебников», прежде всего евреев, необходимо избавиться (93).

Евреев уничтожали на фронте, они умирали от голода и болезни в лагерях и гетто. В Варшавском гетто ежедневно умирали сотни евреев. «Тиф свирепствует. Друзья и знакомые вокруг меня

все при смерти», — записал 4 декабря 1941 г. в своём дневнике Адам Черняков (94). «Евреи в Польше постепенно вымирают», — констатировал 20 июня 1941 г. Геббельс и, как обычно, добавил: «Справедливое наказание за то, что сеяли смуту в других народах и начали войну. Фюрер предрекал им это» (95). Этими замечаниями Геббельс сопроводил высказанное им пожелание депортировать всех оставшихся берлинских евреев в польские гетто. Не только в Берлине, но и в Праге, Вене и недавно присоединенной Познаньской области нацистские лидеры летом и осенью 1941 г. предпринимали шаги с целью депортировать евреев на восток. Генерал-губернатор Ганс Франк настаивал на том, чтобы его территория была «очищена» от евреев, которых следовало выслать с глаз долой подальше на восток, где они не смогут причинить вреда развитию германской экономики. Сибирь и тем более Мадагаскар в новых условиях представлялись слишком далёкими и недостижимыми. Поэтому десятки тысяч евреев отправлялись из рейха как в недавно построенные гетто Риги, Каунаса, Вильнюса и Минска, так и в уже существующие в Варшаве, Лодзи и Люблине. Не все из них доехали до места назначения, пав жертвой истребительных отрядов полковника Егера, остальных ждала отупляющая жизнь в гетто. Геббельс, посетивший Вильнюское гетто в ноябре 1941 г., когда стало очевидно, что война затягивается, а еврейская проблема так и остается нерешённой, записал: «Первое впечатление от короткой экскурсии по гетто ужасает. Евреи повсюду, отвратительные фигуры, на которые противно даже взглянуть, не то чтобы дотронуться... Евреи это вши на теле цивилизованных наций. Их нужно каким-то образом вывести [*ausrotten*]... Только действуя с необходимой жестокостью, мы сумеем справиться с ними. Тот, кто защищает их, со временем непременно падёт их жертвой» (96).

31 июля 1941 г. Геринг поручил Гейдриху и руководству СС «осуществить все необходимые приготовления: организационные, технические и материальные, — для тотального решения еврейского вопроса во всей зоне германского влияния в Европе». Чуть ранее, 28 июля, Геринг заявил, что евреи, проживающие в регионах с германским правлением, отныне не могут иметь там

бизнес (97). Генри Фридлендер назвал приказ от 31 июля «санкцией, имеющей обратную силу», которая подготовила почву для Холокоста, заставив немецких чиновников сотрудничать с Гиммлером и СС в окончательном решении еврейского вопроса (98). Вероятнее, однако, что под «тотальным решением» Геринг всё ещё имел в виду поголовную депортацию евреев на советскую территорию, в ходе которой многие из них умрут естественной смертью.

На исходе лета 1941 г. войска СС и айнзатцгруппы перешли к более радикальной тактике — массовому расстрелу евреев — применяемой всё более интенсивно в течение осени и начала зимы. 8 декабря 1941 г. войска СС начали эксперименты с применением газа в Хелмно. Иногда, чтобы ввести в заблуждение свои жертвы, они надевали белые халаты и стетоскопы. За 15 месяцев в мобильных газовых камерах Хелмно нашли смерть почти 145 тысяч евреев (99). Эта программа была «признана успешной», пишет Мартин Гилберт, «и была продолжена во всё возрастающем объёме» (100). И хотя разговоры о насильственной депортации евреев не утихали, по мере того как война на восточном фронте принимала затяжной характер, массовые убийства набирали силу. Когда стало понятно, что зимней кампании не избежать, это усилило решимость Гитлера разделаться с наболевшей еврейской проблемой (101). До сих пор ответственность за убийство десятков тысяч евреев на восточном фронте лежала на командирах отрядов СС, айнзатцгрупп и особо рьяных нацистских наместниках в оккупированных областях; о реакции Гитлера на эти акции нам почти ничего не известно. Узаконение массового убийства произошло ещё и потому, что никто, по сути, не возражал: ни военные, ни гражданские официальные лица, ни местное нееврейское население, ни власти в Берлине. Похоже, все причастные к убийствам стороны были полностью «за».

Сам Гитлер, мнивший себя военным гением сродни Наполеону, был слишком поглощен чтением военных сводок и стратегическим планированием, чтобы лично заниматься проблемой мести евреям. Однако поразительная стойкость англичан, неожиданное сопротивление русских и вступление в войну в декабре 1941 г.

Соединённых Штатов заставили Гитлера вплотную заняться еврейским вопросом, чтобы разрешить его раз и навсегда.

Впечатление Геббельса от речи Гитлера, произнесенной им 12 декабря 1941 г. перед гауляйтерами, не оставляло сомнения в том, что евреи понесут самое суровое наказание за развязанную ими войну и тяготы, которые приходится терпеть Германии: «Что касается еврейского вопроса, то Фюрер решил покончить с ним. Ранее он предрекал евреям, что если они снова развяжут мировую войну, их ждёт уничтожение. Это не были просто слова. Мировая война началась, её неизбежным следствием будет уничтожение евреев. Нужно смотреть на дело без всякой сентиментальности. Мы здесь не для того, чтобы жалеть евреев, а для того, чтобы сочувствовать своему собственному народу. Если германский народ вновь несёт потери в восточной кампании и уже потерял 160 тысяч человек, то зачинщик этого кровавого конфликта должен заплатить за это своими жизнями» (102). Некоторые немецкие учёные назвали это фундаментальным решением (*Grundsatzentscheidung*), давшим начало Холокосту (103). Вплоть до этого момента нацисты рассуждали об убийстве евреев в рамках борьбы с большевизмом, обретения жизненного пространства, уничтожения «чёрного рынка» и ликвидации «лишних ртов». Теперь «окончательное решение» означало не что иное, как массовое истребление. Подтверждением тому может служить речь Франка, с которой он выступил перед аппаратом Польского генерал-губернаторства 16 декабря 1941 г. Евреи, заявил он, «должны исчезнуть». «Здесь у нас 3,5 миллиона евреев, которых мы не можем расстрелять, не можем отравить. Но есть вещи, которые мы можем сделать, и эти меры так или иначе приведут к ликвидации [евреев]» (104). По мнению современного польского исследователя, отсчёт массовых убийств евреев в генерал-губернаторстве в рамках «окончательного решения» нужно вести с начала декабря 1941 г. (105).

Оправданием для геноцида, как ни цинично это звучит, послужила Вторая мировая война. Она стала прикрытием для массового убийства евреев — точно так же, как стала прикрытием для армянского геноцида турок Первая мировая. Убийства евреев

на фронте начались уже летом и осенью 1941 г. и не вызвали серьёзного протеста ни в Германии, ни за рубежом. Кроме того, евреи тысячами умирали в гетто и по дороге туда. Кликушеские пророчества нацистов о мировой войне стали явью 8 декабря 1941 г., когда японцы напали на Перл-Харбор и в войну вступили Соединённые Штаты. На земле не осталось места, пригодного для депортации евреев и безопасного для интересов Германии. Чудовищное обращение с евреями на фронте и в тылу, в гетто, способствовало ещё большей дегуманизации их образа в глазах нацистов.

Как показывает исследование Кристофера Браунинга и Гётца Али, переговоры между Гитлером, Гиммлером и Гейдрихом дают полное основание утверждать, что уже в октябре 1941 г. нацистские лидеры пришли к выводу, что ни одна из схем депортации не имеет шанса стать работающей и что единственным решением может быть массовое убийство (106). Для рассмотрения еврейского вопроса в этом духе на конец ноября было назначена конференция ведущих членов нацистской партии и правительства, однако она была отложена. Только 20 января 1942 г. на вилле, расположенной в пригороде Берлина, в Ванзее, собрались представители нацистской партии и высокопоставленные чиновники Германии, чтобы обсудить проблему физического уничтожения евреев Европы. Был разработан хладнокровный план «промышленного» умерщвления людей в функционирующей под контролем СС системе концентрационных лагерей. В этих лагерях евреям была уготована смерть либо в газовых камерах, либо от голода и изнурительного труда. Таково было «окончательное решение»: все евреи Европы должны были умереть (107).

Однако, в то самое время, когда в Ванзее заканчивалась разработка планов Холокоста, Гитлер продолжал говорить об эмиграции и насильственной депортации. 23 января 1942 г. в присутствии Гиммлера и ещё нескольких своих соратников фюрер заявил, что «евреи должны очистить Европу, иначе между европейцами не будет понимания. Всеми мешают именно евреи... Со своей стороны, я ограничиваюсь тем, что говорю им: вы должны уйти. Если по дороге они сломают свои трубки, я ничего не смогу

с этим поделаться. Но если они откажутся уходить добровольно, иного выхода, кроме уничтожения, я не вижу» (108).

Четыре дня спустя, 27 января 1942 г., Гитлер вновь говорил о том, что евреи должны покинуть Европу: «Евреи должны собрать вещи и исчезнуть из Европы. Пусть едут в Россию. Когда речь идёт о евреях, у меня нет ни капли жалости» (109). Но что характерно, уже через месяц, 22 февраля, в разговоре с Гиммлером и одним датским деятелем СС Гитлер опять вернулся к теме геноцида: «Открытие вируса еврейства является одной из величайших революций в мире. Борьба, которую мы ведём сегодня, сродни той борьбе, которую вели в прошлом веке Пастер и Кох... Только уничтожив евреев, мы сможем выздороветь» (110).

Судя по «застольным беседам» Гитлера (и его выступлениям на митингах и собраниях, сохранившимся в пересказе Геббельса), его позиция, как до начала русской кампании, так и после, колебалась между тем, что мы сегодня назвали бы призывами к геноциду, массовому убийству и Холокосту, и требованием этнической чистки, насильственной депортации евреев из Германии и Европы в целом. Что касается государственной политики и практики, то здесь происходило плавное перерастание (границы не заметили даже сами нацистские лидеры) мании изгнания, депортации, изоляции евреев в каком-нибудь отдалённом уголке мира в кампанию массового убийства, «промышленного» уничтожения — в Холокост.

ХОЛОКОСТ И АРМЯНСКИЙ ГЕНОЦИД

Между уничтожением евреев в нацистской Германии и геноцидом армян в Турции существует, безусловно, много общего, хотя есть и различия. В обоих случаях приказ о массовом убийстве исходил от политического руководства (младотурок и нацистов), и создание условий и институтов для массового уничтожения людей осуществлялось на государственном уровне. В обоих слу-

чаях государственные лидеры стремились действовать тайно и отказывались признавать чудовищность происходящего. То, что Гитлер или младотурецкий триумvirат несут главную ответственность за массовые убийства, не может вызывать сомнений. Хотя однозначных доказательств намеренности действий руководства (письменных приказов, недвусмысленных документов) нет или недостаточно (особенно в турецком случае), бюрократы обоих государств неоднократно заявляли, что следовали приказам и выполняли свой долг. В этом смысле, свидетельств государственного происхождения массовых убийств более чем достаточно.

Процесс геноцида и в том, и в другом случае отличался хладнокровностью и эффективностью. Это были не спонтанные погромы и резни, спровоцированные очередной вспышкой ненависти к евреям или армянам, а спланированные и организованные акты массового истребления, обоснованные государственной необходимостью и вдохновленные современной националистической идеологией. Общим также было то, что оба случая геноцида «выросли» из этнической чистки. Нацисты, прежде чем принять решение о массовом истреблении евреев, сначала хотели избавиться от них путём депортации за пределы Германии и оккупированной Европы. Хотя в турецком случае однозначных свидетельств тому нет, можно полагать, что первоначальной целью младотурок было изгнание армян из восточной Анатолии в Сирийскую пустыню. Для обоих случаев также была свойственна эскалация и рутинизация насилия; иными словами, геноцид явился одновременно логическим завершением процесса и руководством к действию.

В то же время, такие категории, как «функционализм» и «интенционализм», столь часто дебатлируемые в литературе о Холокосте, не являются абсолютными ни в том, ни в другом случае (111). «Функционалисты» исходят из того, что стремление к принятию всё более радикальных мер против ненавистного меньшинства было заложено в самих системах, а «интенционалисты» делают упор на намеренности действий руководства (нацистского или младотурецкого), у которого якобы имелся долгосрочный план уничтожения этого самого меньшинства. На самом деле, и в

Германии, и в Турции радикализация зависела от случая и контекста. Смена приоритетов под влиянием меняющихся обстоятельств явилась определяющей для обеих трагедий. Ничего неизбежного ни в одной из них не было (112).

Сходством, труднее всего поддающимся объяснению, является тот факт, что в обоих случаях народы-палачи испытывали полное безучастие к страданиям народов-жертв. Действительно, чем хуже становилось положение евреев (или армян), тем более жестоким и грубым, казалось, было поведение их преследователей. Важно, что и в том, и в другом случае политика геноцида осуществлялась под прикрытием войны, в условиях которой солдаты регулярной армии и военизированных подразделений привыкли действовать согласно приказу, убивать и принимать как должное страдания других людей, будь то друзья или враги. Вот как описывал свои впечатления от пребывания на восточном фронте один из солдат вермахта: «Становишься жестоким и бесчувственным. Ты уже не ты» (113). Мировая война в XX веке означала тотальную войну; во Второй мировой погибло в два раза больше гражданских лиц: молодых и старых, женщин и детей, — чем солдат и офицеров (114). Однако ещё более важной для создания потенциала массового убийства оказалась в обоих случаях способность государственной идеологии создавать образ внутреннего врага, «чужака», объекта ненависти и презрения. В обоих случаях дегуманизация жертв осуществлялась идеологически и физически. Их деградация в глазах гонителей служила подтверждением их «чуждости» и «бесчеловечности».

Непрерывный поток нацистской антисемитской риторики и наглядной агитации, соединившись с традициями германского антисемитизма, породил культурный контекст, в котором уничтожение евреев — тем или иным способом — выглядело абсолютно естественным. Заполненные до отказа лагеря и гетто, превращавшие еврейское население в безвольную массу измождённых скелетов, с точки зрения нацистов, похоже, делали ещё более оправданным применение газовых камер. Точно так же физическая деградация армян, заброшенных в Сирийскую пустыню: голодных, больных, побирающихся, — усиливала турецкую мо-

тивацию массового убийства. В уничтожении армян, как и в последующей агрессии против греков, свою роль также сыграла государственная идеология — в данном случае, совокупность искажённых исламских идей о превосходстве мусульман с девальвацией традиционных терпимости и протекционизма в отношениях с немусульманскими народами. Турецкий национализм, в период между аданской резнёй 1908 г. и началом Первой мировой войны приобретший всё более антиармянскую направленность, и определённая традиция армянской резни, сложившаяся на рубеже XIX–XX веков, также способствовали развитию событий в сторону геноцида.

Характерным и для еврейского, и для армянского случая является особая роль женщин как объекта этнической чистки и геноцида. В отличие от войны (даже тотальной, характерной для XX века), этническая чистка и геноцид направлены почти исключительно против мирного, гражданского населения — не столько против мужчин и юношей, сколько против женщин и девушек. Мужчины обычно либо эмигрируют, либо вступают в отряды сопротивления, либо используются как источник рабочей силы для трудовых батальонов и специальных производств. Женщины же чаще всего (хотя и не всегда) остаются дома с детьми и стариками и как объект нападения весьма уязвимы. В идеологии геноцида и этнической чистки женщине отводится важное место как хранительнице культурного и биологического наследия нации. Женщина передает своим детям национальную память, устои и символы национальной принадлежности, а вынашивая и выращивая детей, она продлевает жизнь нации. Женщины, таким образом, становились объектом агрессии, потому что они там были и потому что они были женщинами.

Армянских женщин депортировали, убивали, насиловали и иногда лишали национальности, насильственно обращая в ислам и принимая в мусульманские семьи. Для еврейских женщин последний вариант был невозможен, так как противоречил нацистской расовой теории. До того как главным средством решения нацистами еврейского вопроса стало массовое убийство, они предпочитали воздействовать на способность еврейских женщин

иметь детей, развивая методы насильственной стерилизации (115). После Ванзейской конференции нацисты сосредоточили своё внимание на уничтожении будущего еврейской нации путём преимущественного убийства женщин и детей. Мери Фелстинер отмечает, что в газовые камеры посылали в первую очередь еврейских женщин и детей, в то время как еврейские мужчины, хотя и были тоже обречены на смерть, чаще оказывались привлечены к тяжёлым работам и разнообразным лагерным повинностям (116). Однако многие учёные и исследователи не торопятся проводить различия между судьбой мужчин и женщин, считая, что «быть евреем» в нацистской Германии значило гораздо больше, чем принадлежность к тому или иному полу (117).

Всеобъемлющее воздействие нацистской расовой идеологии и её маниакальное, псевдобиологическое обоснование — вот то, что, в конечном счёте, коренным образом отличает Холокост от армянского геноцида. Нацистское государство и его бюрократия сумели «индустриализировать» убийство в масштабах, которые туркам даже не снились. Но именно создание образа «антирасы», евреев, «сеющих заразу» везде и всюду, явилось определяющим для Холокоста. Сосланные в Палестину, на Мадагаскар или на север Сибири, они неизбежно должны были уничтожить друг друга и исчезнуть, как паразиты, лишённые тел, на которых они привыкли паразитировать. В случае, если убрать, выкинуть евреев из Германии и Европы не удалось бы, Гитлер намеревался преследовать их и уничтожать повсюду, где бы они ни находились. Нацисты также дали понять, что после победы Третьего рейха евреи во всём мире не будут чувствовать себя в безопасности (118). Хотя младотурки и считали армян «расой» и даже выдвигали угрозы их существованию за пределами Османской империи, всё-таки их главная цель заключалась в том, чтобы убрать, выдворить армян тем или иным способом из турецкой Анатолии, а сколько при этом прольётся крови, определяли обстоятельства. Именно потому что младотурки пролили *так много* крови ради осуществления своих целей, мы называем армянский случай геноцидом. Холокост же был явлением принципиально иного масштаба. Термин *Rassenwahn* (расовое безумие) очень точно харак-

теризует этот процесс перерастания этнической чистки в беспрецедентное по размаху массовое убийство. Ни до, ни после него ничего подобного в истории не было.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Aufzeichnung ohne Unterschrift», IMG Nürnberg 1014-PS, Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918–1945, Serie D (1937–1945), Vol.7 (Baden-Baden: Imprimerie Nationale, 1956). P.171.

2. См.: *Kevork B. Bardakjian*. Hitler and the Armenian Genocide. — Cambridge, MA: The Zoryan Institute, 1985. P.1–36.

3. См.: *Vahakn N. Dadrian*. German Responsibility in the Armenian Genocide: A review of the Historical Evidence of Complicity. — Watertown, MA: Blue Crane Books, 1996. P.116–137.

4. *Bardakjian*. Hitler and the Armenian Genocide. P.25–32.

5. *Hans Jansen*. Der Madagaskar-Plan: Die beabsichtigte Deportation der Europäischen Juden nach Madagaskar. — Munich: Herbig, 1997. P.1.

6. *Peter Novick*. The Holocaust in American Life. — Boston: Houghton Mifflin Company, 1999. P.268.

7. *Tony Judt*. «The Morbid Truth», New Republic, July 19 and 26, 1999. P.40.

8. *Robert M. Hayden*. Schindler's Fate: Genocide, Ethnic Cleansing, and Population Transfers //Slavic Review, 55. №4 (Winter 1996). P.727–749.

9. I Shall Bear Witness: The Diaries of Victor Klemperer, 1933–41. — London: Weidenfeld and Nicolson, 1998. P.122.

10. *Ian Kershaw*. Hitler, 1889–1936: Hubris. — New York: Norton, 1999. P.152.

11. *Elke Fröhlich*, ed. Die Tagebücher von Joseph Goebbels, part 1, «Aufzeichnungen», Vol.7 (July 1939 — March 1940). — Munich: K.G. Saur, 1998. P.177. См. также запись от 17 октября 1939 г. (ibid. P.163).

12. Исследования Клауса Тевеляйта о пугающих психосексуальных фантазиях немецких ветеранов из Freikorps (отрядов самообороны, созданных после Первой мировой войны для защиты немецких интересов в областях, отошедших от Германии, но сохранивших значительное немецкое население) являются очень показательными в этом отношении. См. *Klaus Theweleit*. Male Fantasies, 2 vols, tr. Stephen Conway. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987.

13. *Adolf Hitler*. Mein Kampf, tr. Ralf Mannheim. — Boston: Houghton Mifflin, 1999. P.308.

14. *Frank Dikötter*. Race Culture: Recent Perspectives on the History of Eugenics // *American Historical Review*, 103. №2 (April 1998). P.467.

15. *Uli Linke*. Blood and Nation: The European Aesthetics of Race. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1999. P.200–201.

16. The Posen Diaries of the Anatomist Hermann Voss // *Götz Aly, Peter Chroust, and Christian Pross*, eds., *Cleansing the Fatherland: Nazi Medicine and Racial Hygiene*. — Baltimore: The John Hopkins University Press, 1994. P.104–105.

17. *John Weiss*. Ideology of Death: Why the Holocaust Happened in Germany. — Chicago: Ivan R. Dee, 1996. P.326.

18. *Michael Burleigh and Wolfgang Wippermann*. The Racial State: Germany 1933–1945. — Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P.136–137.

19. *Ibid.* P.147–148.

20. Гётц Али утверждает, что для этой цели до конца 1941 г. в рамках программы эвтаназии было умерщвлено примерно 30 тысяч человек. — *Götz Aly*. «Judenumsiedlung»: Überlegungen zur politischen Vorgeschichte des Holocaust // *Ulrich Herbert, ed.* Nationalsozialistische Vernichtungspolitik 1939–1945: Neue Forschungen und Kontroversen. Frankfurt am Main, 1998. P.88–89.

21. *Aly, Chroust and Pross*. *Cleansing the Fatherland*. P.23.

22. *Aly*. «Judenumsiedlung». P.88–89; *Burleigh and Wippermann*. The Nazi Racial State. P.150–151.

23. *Richard Breitman*. The Architect of Genocide: Himmler and the Final Solution. — New York: Alfred Knopf, 1991. P.202.

24. *George L. Mosse*. Toward the Final Solution: A History of European Racism. — New York: Howard Fertig, 1978. P.233.

25. *Jansen*. Der Madagaskar Plan. P.397.

26. *Christopher Browning*. Nazi Resettlement Policy and the Search for a Solution to the Jewish Question, 1939–1941 // *German Studies Review*, 9. №3 (1986). P.519. *Philippe Burrin*. Hitler and the Jews: The Genesis of the Holocaust. — London: Edward Arnold, 1994. P.88.

27. *Christian Gerlach*. The Wannsee Conference, the Fate of German Jews, and Hitler's Decision in Principle to Exterminate All European Jews // *Journal of Modern History*, 70 (December 1998). P.777.

28. *Kershaw*. Hitler. P.573.

29. *Jansen*. Der Madagaskar Plan. P.179.

30. *Ibid.* P.180.

31. *Hitler*. Mein Kampf. P.302.

32. *Klemperer*. I Shall Bear Witness. P.9.

33. *Ibid.* P.12.

34. *Saul Friedländer*. Nazi Germany and the Jews: The Years of Persecution, 1933–39, Vol. 1. — New York: Harper Collins, 1997. P.62–63.

35. *Ibid.* P.63. Ганс Янсен приводит цифру 45 тысяч чел. См.: *Jansen*. Der Madagaskar Plan. P.199.

36. *Friedländer*. Nazi Germany and the Jews. P.62.
37. *Klemperer*. I Shall Bear Witness. P.122.
38. Цит. по: *Jansen*. Der Madagaskar Plan. P.243.
39. Die Tagebücher von Joseph Goebbels, part 1, «Aufzeichnungen 1923–1941», Vol.6. P.33, 45.
40. *Ibid*. P.143.
41. *Friedländer*. Nazi Germany and the Jews, Vol. 1. P.281–283.
42. *Ibid*. P.179.
43. Цит. по: *Aly*. «Judenumsiedlung». P.73.
44. *Ibid*. P.182.
45. *Mosse*. Toward the Final Solution. P.204.
46. Hoover Institution Archives, Heinrich Himmler: box 14, folder 10 (Kreisleitertagung, November 28, 1940. P.7); box 8, folder 307, notes of April 29, 1944, April 2, 1943, May 14, 1943, and «Stellungnahme zum Schreiben des Gauleiters und Reichsstatthalters Greiser vom 16 März 1943».
47. *Friedländer*. Nazi Germany and the Jews, Vol. 1. P.242.
48. *Jansen*. Der Madagaskar Plan. P.231; *Friedländer*. Nazi Germany and the Jews. Vol.1. P.245–246.
49. *Yehuda Bauer*. Jews for Sale: Nazi-Jewish Negotiations, 1933–1945. — New Haven: Yale University Press, 1994. P.32.
50. *Max Domarus*. Hitler: Reden und Proklamationen 1932–1945, Vol.2. Wiesbaden, 1963. P.1058.
51. Как подсчитал Л. Хартог, свою угрозу Гитлер повторил шесть раз, правда, он намеренно ошибся в дате первого «пророчества», приписав его 1 сентября 1939 г. — первому дню войны. *L. J. Hartog*. Der Befehl zum Judenmord: Hitler, America und die Juden. — Syndikat: Bodenheim, 1997. P.15.
52. *Hans Mommsen*. Hitler's Reichstag Speech //History and Memory, 9. №1–2 (Fall 1997). P.151. Точку зрения Моммзена по существу разделяет и Фридлендер, отмечая при этом, что нацистское генеральное наступление на дипломатическом фронте имело все шансы заставить западные державы занять более активную позицию по еврейскому вопросу. *Friedländer*. Nazi Germany and the Jews, Vol. 1. P.310–311. Хартог считает, что предупреждение Гитлера было в основном адресовано Соединенным Штатам и их влиятельной еврейской общине. *Hartog*. Der Befehl zum Judenmord. P.12.
53. *Mommsen*. Hitler's Reichstag Speech. P.157–158.
54. *Domarus*. Hitler: Reden und Proklamationen. Vol.2. P.1057.
55. *Völkischer Beobachter*, 40 (February 9, 1939).
56. *Robert C. Tucker*. Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928–1941. — New York–London, 1990. P.602.
57. *Gabriel Gorodetsky*. Grand Delusion: Stalin and the German Invasion of Russia. — New Haven: Yale University Press, 1999. P.44–45, 318–319.
58. *Robert L. Koehl*. RKFDV: German Resettlement and Population Policy, 1939–1945. — Cambridge: Harvard University Press, 1957. P.129–130.

59. *Browning*. The Path to Genocide. P.40–42.
60. *Breitman*. The Architect of Genocide. P.81.
61. *Dieter Pohl*. Die Ermordung der Juden im Generalgouvernement //Nationalsozialistische Vernichtungspolitik 1939–1945. P.100.
62. *Burrin*. Hitler and the Jews. P.75–76.
63. По поводу плана Шахта и его переговоров с представителями еврейских и беженских организаций см.: *Jansen*. Der Madagaskar Plan. P.268–276.
64. *Ulrich Herbert*. Vernichtungspolitik: Neue Antworten und Fragen zur Geschichte des «Holocausts» //Nationalsozialistische Vernichtungspolitik, 1939–1945. P.26.
65. *Götz Aly*. «Endlösung»: Völkerverschiebung und der Mord an den Europäischen Juden. — Frankfurt am Main: S. Fischer, 1995. P.9.
66. *Burrin*. Hitler and the Jews. P.77.
67. *Ibid*. P.341–348.
68. *Browning*. Nazi Resettlement Policy. P.511.
69. *Aly*. Endlösung. P.167–169.
70. *Raul Hilberg, Stanislaw Staron and Josef Kermisz*, eds., The Warsaw Diary of Adam Czerniakow: Prelude to Doom. — New York: Stein and Day, 1979. P.169. Из-за мадагаскарских ожиданий в гетто были даже остановлены некоторые строительные планы. *Ibid*. P.39.
71. Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Vol.8. P.206.
72. *Aly*. «Judenumsiedlung». P.90–91.
73. Die Tagebücher von Joseph Goebbels, part 1, Vol.9 (June 16, 1941). P.377.
74. *Gorodetsky*. Grand Delusion. P.131.
75. *Jansen*. Der Madagaskar Plan. P.390.
76. Die Tagebücher von Joseph Goebbels, «Diktate». Part 2. Vol.1 (September 24, 1941). P.480.
77. *Peter Witte, Michael Wildt, et al.*, eds. Der Dienstkalender Heinrich Himmlers 1941/42. — Hamburg: Hans Christian Verlag, 1999. P.353. В этой речи Гейдрих также говорил о возможности высылки в Сибирь чехов. Что касается названной им цифры «11 миллионов», то она включала всех европейских евреев плюс евреев из французских колоний в Северной Африке. *Aly*. «Judenumsiedlung». P.73–74.
78. *Alfred Streim*. Die Behandlung sowjetischer Kriesgefangener im «Fall Barbarossa»: Eine Dokumentation. — Heidelberg: C. F. Müller, 1982. P.35–36.
79. *Hannes Heer*. Killing Fields: The Wehrmacht and the Holocaust in Belorussia, 1941–1942 //Holocaust and Genocide Studies, 7. №1 (Spring 1997). P.79.
80. *Herbert*. Vernichtungspolitik. P.49.
81. *Ibid*. P.53.
82. *Omer Bartov*. Murder in Our Midst: The Holocaust, Industrial Killing, and Representation. — New York: Oxford University Press, 1996. P.83.

83. *Bartov*. Hitler's Army: Soldiers, Nazis and War in the Third Reich. — New York: Oxford University Press, 1992. P.83–92; *Hannes Heer*. Krieg ist ein Gesellschaftszustand: Reden zur Eröffnung der Ausstellung «Vernichtungskrieg: Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944». — Hamburg: Hamburger Edition, 1998. P.107.
84. *Hannes Heer*. Tote Zonen: Die deutsche Wehrmacht an der Ostfront. — Hamburg: Hamburger Edition, 1999. P.21.
85. Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Part 2, Vol.2. P.484.
86. *Bartov*. Hitler's Army. P.84–87.
87. Тогда они остались живы, поскольку рейхскомиссар и армия настояли, что «их расстреливать не нужно».
88. The commander of Security Police and Security Service, Kovno, December 1, 1941 // *Raul Hilberg*, ed. Documents of Destruction: Germany and Jewry 1933–1945. — Chicago: Quadrangle Books, 1971. P.46–57.
89. *Dieter Pohl*. Die Ermordung der Juden im Generalgouvernement // Nationalsozialistische Vernichtungspolitik. P.104.
90. *Bernard Chiari*. Alltag hinter der Front: Besatzung, Kollaboration und Widerstand in Weissrussland, 1941–1944. — Düsseldorf: Droste, 1998. P.251.
91. *Christian Gerlach*. Deutsche Wirtschaftsinteressen, Besatzungspolitik und der Mord an den Juden in Weissrussland 1941–1943 // Nationalsozialistische Vernichtungspolitik. P.279, 313–315; *Chiara*. Alltag hinter der Front. P.263.
92. *Herbert*. Vernichtungspolitik. P.49.
93. *Ibid*. P.50; *Gerlach*. Deutsche Wirtschaftsinteressen. P.289, 313–315.
94. The Warsaw Diary of Adam Czerniakow. P.305.
95. Die Tagebücher von Joseph Goebbels, part 1, Vol.8. P.390.
96. *Ibid*., part 2, Vol.2 (November 2, 1941). P.222.
97. *Gerlach*. The Wannsee Conference, the Fate of German Jews, and Hitler's Decision // Journal of Modern History, 70. №4 (December 1998). P.777.
98. *Henry Friedlander*. The Origins of Nazi Genocide: From Euthanasia to the Final Solution. — Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1995. P.285.
99. *Burleigh and Wippermann*. The Racial State. P.102; *Gerlach*. Hitler's Decision to Exterminate European Jews. P.763.
100. *Martin Gilbert*. Atlas of the Holocaust. — New York: William Morrow and Co., 1988. P.83.
101. Кристофер Браунинг убеждён, что ускорила решение Гитлера уничтожить евреев не столько забота о зимней кампании, сколько эйфория по поводу победы. *Browning*. The Path to Genocide. P.54.
102. Die Tagebücher von Joseph Goebbels, part 2, Vol.2. P.498–499.
103. *Herbert*. «Vernichtungspolitik». P.62. Герберт полемизирует здесь с Кристианом Герлахом.
104. Цит. по: *Aly*. «Judenumsiedlung». P.95; *Gerlach*. Hitler's Decision to Exterminate European Jews. P.790.

105. *Bogdan Musial*. Deutsche Zivilverwaltung und Judenverfolgung im Generalgouvernement: Eine Fallstudie zum Distrikt Lublin, 1939–1944. — Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999. P.220.

106. *Browning*. Path to Genocide. P.120–121; *Aly*. Endlösung. P.358–362. Филипп Буррин относит это решение к концу сентября 1941 г. *Burrin*. Hitler and the Jews. P.120–127.

107. *Gerlach*. Hitler's Decision to Exterminate European Jews. P.760.

108. *Hitler's Secret Conversations, 1941–1944*. — New York: Farrar, Straus and Young, 1953. P.193.

109. *Ibid*. P.212.

110. *Ibid*. P.269.

111. См. об этих школах: *Browning*. Beyond «Intentionalism» and «Functionalism»: The Decision for the Final Solution Reconsidered //The Path to Genocide. P.86–121.

112. Несколько иная версия этого утверждения в отношении Холокоста представлена в книге Арно Майера: *Arno J. Mayer*. Why Did the Heavens Not Darken? The «Final Solution» in History. — New York: Pantheon Books, 1988. P.12.

113. Цит. по: *Heer*. Tote Zonen. P.312.

114. *Williamson Murray and Allan R. Millet*. A War To Be Won: Fighting the Second World War. — Cambridge: Harvard University Press, 2000. P.554.

115. Hoover Institution Archives. Heinrich Himmler. Box 332, file 13.

116. *Mary Lowenthal Felstiner*. To Paint Her Life: Charlotte Salomon in the Nazi Era. — New York: HarperCollins, 1995. P.205–211.

117. *Dalia Ofer and Lenore J. Weitzman*, eds., Women in the Holocaust. — New Haven: Yale University Press, 1998. P.12–13.

118. Во время продолжительной беседы с Геббельсом в Растенбурге 19 августа 1941 г. Гитлер вновь повторил своё «пророчество» о том, что, начав мировую войну, евреи будут уничтожены, и добавил: «Их [евреев] последним прибежищем остается Северная Америка, но и там их постигнет расплата, рано или поздно». *Die Tagebücher von Joseph Goebbels*, part 2, Vol. 1, «Diktate», 1941–1945. P.269.

Глава 3

ДЕПОРТАЦИЯ ЧЕЧЕНЦЕВ, ИНГУШЕЙ И КРЫМСКИХ ТАТАР В СССР

С момента своего возникновения Советское государство стремилось мобилизовать своих граждан и, одновременно, контролировать их. Эта противоречивая цель являлась для советской системы источником проблем вплоть до самого её краха. Одним из способов мобилизации многочисленных нерусских народов, населявших огромное евразийское пространство СССР, было предоставление им автономии и некоторой степени самоуправления. После победы революции 1917 г. большевики быстро отказались от своих лозунгов о праве наций на независимость и самоопределение вплоть до отделения. Вместо этого советская национальная политика 1920-х — начала 1930-х гг. призвала союзные субъекты развивать своё национальное самосознание в строго определённых географических границах (1). В этих границах Советское государство выращивало национальные элиты и создавало им структуры управления собственными народами. Там, где было невозможно обеспечить национальное самоуправление (имеется в виду низший уровень организации — автономные области и округа), Советская власть использовала этнический принцип в создании колхозов и совхозов. Так, в Крымской области, входившей в состав Российской Федерации, существовали еврейские, немецкие, армянские, татарские и болгарские колхозы и совхозы, которым была предоставлена возможность сохранять своё национальное наследие и развивать национальную культуру (2).

Как первый нарком по делам национальностей и уроженец Кавказа, Сталин прекрасно понимал, какую разрушительную силу таит в себе национализм и какую угрозу он представляет для нового, многонационального Советского государства. Поэтому, возглавив государство, он тут же начал создавать эту тщательно продуманную структуру формальной автономии для отдельных этнических групп, чтобы обуздать националистические устремления народов Советского Союза, поставить их на службу новой власти. Идея состояла в том, чтобы на период, пока национальные различия в СССР не исчезнут окончательно, сделать его «национальным по форме, социалистическим по содержанию». Коммунистическая партия, тем временем, должна была вести пропаганду среди менее прогрессивных народов, обучая их социализму и пресекая все ростки национализма, который, как считалось, мог быть только буржуазным или реакционным.

Одновременно Советское государство планировало осуществлять контроль за перемещениями населения по стране, несмотря на её огромные размеры и многонациональный характер. Начало ведению статистики народонаселения, а также действенному контролю за миграцией и переселением больших масс людей в России было положено ещё имперским правительством. В XIX веке царскими специалистами в области военной статистики и планирования были разработаны модели, позволявшие контролировать разбросанные по всей империи народности (3). Всероссийская перепись 1897 г., первая полная перепись в российской истории, была призвана создать статистическую базу, которая бы облегчила решение вопросов налогообложения, военной службы и гражданства, и, тем самым, ускорить процесс модернизации. В годы Первой мировой войны, в частности, царские власти использовали эти данные о национальностях, чтобы депортировать более миллиона подданных империи: евреев, немцев, мусульман, китайцев, корейцев и прочих (4).

Советская статистика, опираясь на данные, полученные царскими специалистами, проявила ещё больший интерес к выявлению, описанию и классификации национальных особенностей, обусловленный стремлением государства к эффективному управ-

лению населением (5). Подсчитанное, классифицированное и упорядоченное по месту жительства и национальной принадлежности, население СССР, при всём своём многообразии, гомогенизировалось и становилось материалом для того, что Ричард Стайтс назвал «административным утопизмом» (6). В соответствии с разработанными «наверху» планами, сотни тысяч молодых людей и квалифицированных рабочих отправлялись строить новые города в Сибири, возводить дамбы и прокладывать каналы в прежде недоступных районах страны. В Арктике и в сибирской тундре появились металлургические заводы. Крестьяне Украины осваивали безлюдные степи Казахстана и западной Сибири. Между тем, и место жительства национальных меньшинств государство определяло по своему усмотрению. В своей книге «Магнитная гора», посвящённой строительству города Магнитогорска, Стивен Коткин назвал этот процесс неотъемлемой частью цивилизации Советского Союза. Советское государство, пишет он, стремилось переделать «демографический состав населения страны почеловечно, одного за другим». Как утверждалось в одной магнитогорской газете, «население есть вопрос огромной политической важности» (7).

Однако для того, чтобы управлять населением, настолько разнообразным в историческом, культурном и экономическом отношении, каким было население СССР, советской национальной политики, централизованного планирования и модернизаторской идеологии было недостаточно. Необходимы были полицейский контроль и слежка. Создание в 1918 г. ЧК — чрезвычайной комиссии для борьбы с «контрреволюцией и саботажем» — положило начало советской тайной полиции. Все эти «карательные органы» (ГПУ, ОГПУ, НКВД и позже КГБ) имели решающее значение для существования Советской власти и управления населением национальных республик и автономных образований. С введением в конце 1920-х — начале 1930-х гг. паспортной системы и сложной процедуры прописки контроль Москвы за населением ещё более ужесточился, сделав возможным перемещение больших групп людей с целью экономического освоения того или иного региона страны, строительства новых объектов

или в качестве наказания (а иногда — всего сразу) (8). Раз страна взяла курс на построение социализма, никто не мог (во всяком случае, теоретически) увильнуть или исчезнуть. Контроль границ, контроль за перемещением населения и контроль за местом работы людей были призваны обеспечить всеобщее участие.

Коммунистическая партия Советского Союза и её руководство (сначала Ленин, а затем Сталин) всюду стремились довести этот сложный механизм контроля до совершенства, требуя неукоснительного соблюдения принципов единства, служебного подчинения и отчетности. Однако, как показывают недавние исследования в области сталинизма, объединения людей и учреждения на местах находили способы участвовать в системе с пользой для себя и исподволь саботировать выполнение решений партии (9). Иными словами, систему использовали ей самой во вред. Как подчёркивает Джеймс Скотт применительно к ряду других случаев, «высокий модернизм» часто спотыкается о местные экономические системы и предпочтения людей (10). Процесс советизации национальностей в СССР подтверждал это в полной мере. Собственные представления народов об их нуждах и правах едва ощутимо, но реально противоречили с пожеланиями, которые высказывало Советское государство.

В системе, основанной на марксистско-ленинской идеологии, важную роль в успехе мобилизации населения играла борьба с врагами системы. Самыми первыми врагами нового государства были аристократия и буржуазия, но они, как гласила официальная версия, были полностью повержены в ходе гражданской войны. В конце 1920-х гг. появился новый враг — кулаки — зажиточные крестьяне и те, кого считали зажиточными, и их семьи. В 1932 г. основная их масса — в общей сложности, примерно 1,1 млн. человек — была депортирована на Крайний Север, в Сибирь, в Казахстан и Среднюю Азию (11). Такая же судьба постигла в начале 1930-х гг. инженеров и других так называемых буржуазных специалистов (12). По мнению Амира Вейнера, переломным моментом для этого процесса борьбы с классовыми врагами стал 1936 г., принятие новой советской («сталинской») конституции, провозгласившей построение социализма и офици-

ально закрепившей понятие «враги народа». Начиная с этого момента, считает Вейнер, фокус борьбы сместился с классовых врагов на национальных (или «биологических»), а депортации враждебных классов сменились депортациями враждебных народов. В каком-то смысле, категории «класс» и «нация» слились воедино (13).

После 1937 г. советская пропаганда впервые заговорила о превосходстве «великого русского народа» над всеми остальными. Русские оказались отныне «первыми среди равных», и эти «равные», другие народы взирали на них с глубоким уважением и священным «чувством дружбы, любви и признательности» (14). Примерно в это же время многие мелкие этнические группы и подгруппы были уничтожены как реакционные и ненужные (15). В 1937, 1938 и 1939 гг. насильственной депортации подверглись некоторые крупные национальные общности в составе СССР (16). Финнов депортировали из пограничных районов Карелии (17). Корейцев и китайцев убрали из прибрежных районов Дальнего Востока и отправили в Казахстан и Среднюю Азию. Туда же депортировали из западных областей европейской части СССР поляков и немцев. Корейская депортация, проведенная осенью 1937 г., послужила, в частности, важным прецедентом для подобных крупномасштабных операций в будущем (18). Советские руководители получили представление о том, как нужно проводить военные операции против собственного населения, используя факторы внезапности и скорости для достижения максимального эффекта. Потребовалось дополнительное развитие железнодорожного транспорта — для перевозки больших масс людей, а также обучение делу депортации специальных подразделений НКВД — как на начальном этапе, так и по прибытии в место назначения в Казахстане (19). Но, возможно, ещё важнее было то, что для Советского правительства это был первый случай депортации целого народа: все корейцы, независимо от пола, возраста, социального статуса и партийности, были переселены.

Вплоть до этого момента депортации народов в СССР сводились к переселению из пограничных районов в глубь страны «неблагонадежных», с точки зрения безопасности, национальных

меньшинств. Немцы, поляки, украинцы, финны и эстонцы были депортированы на восток, чтобы «очистить» западные границы СССР от потенциальных предателей в случае войны. Депортация советских немцев — 1,2 млн. чел. из 1,5 млн., проживавших на территории СССР — явилась самой масштабной в советской истории по численности (20). Теми же причинами было обусловлено переселение на запад, подальше от восточных границ СССР, корейцев и китайцев. По сути своей, все эти депортации носили преимущественно превентивный, а не карательный характер, и осуществлялись с куда меньшим размахом насилия и числом жертв, нежели предшествующие им репрессивные депортации кулаков и последующие депортации народов Северного Кавказа в годы войны.

ПРИЧИНЫ ДЕПОРТАЦИЙ 1944 ГОДА

Этнические чистки и проявления геноцида часто случаются на фоне войны или при переходе от войны к миру. Вторая мировая война многократно обострила страхи Сталина по поводу врагов народа — как внутренних, так и внешних. Что касается самого советского народа, то в ходе войны и немецкой оккупации в нём стали гораздо более заметны националистические настроения. Классовый язык почти полностью исчез как из официального, так и неофициального обихода, зато усиливались, с одной стороны, проявления родственной симпатии по отношению к другим славянским народам, а с другой — расовые стереотипы в восприятии немцев, евреев, коренных жителей Кавказа и Средней Азии. Если для Гитлера война против Советского Союза была столкновением двух мировоззрений, то Сталин видел в ней смертельную схватку славян с германцами (21). Но и с той, и с другой стороны, это была расовая война: для нацистов — с жидо-большевиками, для Советов — с тевтонскими завоевателями.

В том, что касалось противоборства с немцами, советская пропаганда выше других превозносила роль русского народа. В своём первом с начала войны программном выступлении 7 ноября 1941 г. Сталин, чтобы укрепить патриотический дух своего народа, воззвал к памяти знаменитых защитников Отечества: князей Александра Невского и Дмитрия Донского, разбивших войска тевтонских рыцарей и татар, героев «Смутного времени» Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского и великих полководцев времен наполеоновских войн Александра Суворова и Михаила Кутузова. Трудно было не заметить тот факт, что все они были русскими. Газеты были полны русской националистической риторики. «Накануне жестокой битвы мы говорим себе, как говорил Суворов в такие же моменты своим замечательным солдатам: мы русские!» — писал журналист «Красной звезды». «Патриотизм — это чувство, веками формировавшееся в нашем народе», — писал другой. «Теперь, когда идёт война, мы ещё теснее и горячее ощущаем кровную связь в основателями и творцами великой русской культуры» (22).

Свою роль национального лидера, особенно лидера военного времени, Сталин рассматривал как роль царя, соединив воедино две собственные сущности — советского и русского вождя (23). Придавать этому слишком много значения, однако, не следует: ради достижения собственных целей Сталин мог использовать и использовал любые образы. Тем не менее, он предпочитал не вспоминать о традициях «освободительной борьбы» украинского казачества или народов Кавказа, так как эти традиции слишком часто обретались в борьбе с владычеством русских царей (24). Конечно, некоторая доля местного национализма допускалась: так, украинские и белорусские лидеры использовали призывы к национальному патриотизму, чтобы усилить сопротивление захватчикам. Но среди неславянских народов СССР это было крайне редко. Советская пропаганда ни у кого не оставляла сомнения в том, что именно безусловное превосходство русского народа и славян вообще обеспечило победу в войне (25).

Было бы известным преувеличением предполагать, что Сталин и Гитлер учились друг у друга в годы войны. Конечно, и сам

Гитлер, и другие лидеры нацизма не раз с восторгом отзывались по поводу безжалостности Сталина в уничтожении политических врагов и его готовности пойти на любые жертвы — людские и материальные — ради военной победы (26). Весной 1940 г. Гитлер заявил Муссолини, что «грузин Сталин сумел одержать верх и сломить еврейское влияние; Советский Союз воссоединился с вечной Московией» (27). Для Гитлера Сталин был «хитрым кавказцем», «гениальным варваром», «потрясающей личностью», «зверем, но зверем колоссального масштаба». В Сталине, писал Тревор-Роупер, Гитлер видел «единственного достойного врага» (28). Что думал Сталин о Гитлере, сказать значительно сложнее — особенно, учитывая скудость источников. Но были моменты, когда он откровенно восхищался нацистским диктатором. Одним из таких моментов, отмечает Роберт Такер, была расправа Гитлера над Эрнстом Ремом в 1934 г. «Слышали, что случилось в Германии? Молодец Гитлер! Знает, как обращаться с политическими оппонентами» (29). Даже после войны, когда Германия была уже разгромлена, Сталин сожалел об утрате столь выгодного партнерства. По воспоминаниям его дочери, Светланы Аллилуевой, он часто вздыхал: «Эх, вместе с немцами мы были бы непобедимы» (30).

К концу войны Сталин разделял многие позиции гитлеровского антисемитизма. Присущее нацистам расовое мышление, включая порочный стереотипный подход и ненависть к евреям, получило распространение в послевоенный период и в советском обществе. Украинцы, белорусы, русские и другие народы, прожив в условиях оккупации, впитали в себя многое из нацистской пропаганды и своими глазами увидели последствия антисемитизма. В этом вопросе взгляды общества и руководства совпали. Отношение Сталина и его окружения к евреям и Еврейскому антифашистскому комитету становилось всё более недоверчивым. Руководству комитета запретили публиковать в СССР «Чёрную книгу советского еврейства», являвшуюся документальным свидетельством преступлений нацизма против евреев. Любое упоминание о том, что евреи особенно пострадали в годы войны, пресекалось как антисоветское. Сам комитет в 1948 г. был распушен по обви-

нению в антисоветской деятельности и пособничестве иностранной разведке. 12 января 1948 г. глава комитета, известный еврейский актер Соломон Михоэлс был найден зверски убитым в Минске: его несколько раз переехал грузовик. Ставшие не так давно доступными советские документы подтверждают, что приказ о «немедленной ликвидации» Михоэлса глава госбезопасности Виктор Абакумов получил непосредственно от Сталина (31).

Духом нацизма были пропитаны и злобные антисемитские карикатуры, появившиеся в советской прессе в январе 1953 г., когда был раскрыт так называемый «заговор врачей». Группе кремлёвских врачей, преимущественно еврейского происхождения, было предъявлено обвинение в заговоре с целью подготовки убийства видных партийных и правительственных деятелей, в том числе Сталина. Круг советских официальных лиц, вовлечённых в заговор, среди организаторов которого числились ЦРУ и сионистские организации, постоянно расширялся. Перед самой кончиной Сталина 5 марта 1953 г. по Москве распространились слухи, будто бы всех евреев собираются отправить в Сибирь (32). Историки до сих пор спорят, насколько эти слухи о депортации соответствовали реальным планам руководства.

Призванное опровергать очевидные аналогии между нацистским режимом и послевоенным СССР, Советское государство, между тем, продолжало исповедовать идеологию, поддерживающую превосходство русского (и, в меньшей степени, украинского и белорусского) над другими народами. Все субъекты многонационального советского государства должны были брать пример с русских — «самого выдающегося [народа] из всех» (33). Образ «старшего брата» стал неотъемлемым атрибутом послевоенной пропаганды, осуществляемой с экрана кинематографа, страниц популярной печати, литературы о войне. Если в 1930-е гг. советские историки отказались от принятого ранее безусловного осуждения политики царизма на Кавказе и в Центральной Азии, то после войны, в эпоху «высокого сталинизма», они принялись беззастенчиво прославлять русский народ, нёсший культуру и цивилизацию отсталым народам Российской империи. Сдвиг произошёл и в международных отношениях СССР, где важную роль

начал играть наметившийся в годы войны элемент неопанславизма. Восточноевропейским союзникам было рекомендовано поощрять развитие славянского самосознания и использовать его в своей внутренней и внешней политике. Однако, как и в панславистской идеологии XIX века, Россия вновь была «старшим братом», главным в семье славянских народов. Остальные: чехи, словаки, болгары, сербы и прочие, — должны были поддерживать политику России и способствовать достижению её целей.

В этом контексте новый советский человек должен был внешне выглядеть, как русский (украинец, белорус), говорить по-русски и, если и не быть на самом деле русским (славянином), то признавать безусловное превосходство русского народа в историческом развитии той территории, откуда он родом, и в современной политике. Советский патриотизм, в том виде, в каком он возник в ходе войны, стремился вобрать в себя патриотизм других советских наций и растворить его в русском патриотизме (34). Так или иначе, но в рядах советской армии, плечом к плечу с русскими, украинцами и белорусами, сражались сотни тысяч солдат других национальностей. Многие из них только на фронте выучили русский и испытывали чувство законной гордости за причастность к общей победе. Однако любая нация, ставшая на пути этого процесса единения советского и русского патриотизма, неизбежно оказывалась под угрозой. Депортации чеченцев, ингушей и крымских татар в 1944 г. могут быть объяснимы только в этом контексте.

ЧЕЧЕНЦЫ И ИНГУШИ

Как пишет Джоанна Николс, чеченцы и ингуши — это «разные этнические группы, говорящие на разных языках, но столь тесно связанные между собой и столь похожие, что удобнее описывать их как единый народ» (35). История этих северокавказских народов

насчитывает почти шесть тысяч лет (36). Клановые связи, имеющие здесь глубокие и прочные корни, делают привязанность чеченцев и ингушей к их семьям, соседям и селениям в горах и на равнинах гораздо более сильной, чем к любой идее национальной или территориальной общности (37). Известные в дореволюционной российской истории просто как «горцы», чеченцы и ингуши были объединены в кланы и группы кланов, имевшие порой более тесные связи с другими «нациями» своего региона, нежели с собственным народом. То же относилось и к соседним мусульманским народам Дагестана, и к карачаевцам с балкарцами, которые, наряду с чеченцами и ингушами, подверглись насильственной депортации в годы Второй мировой войны.

В первой половине XIX века, с началом продвижения русских на Кавказ, чеченцы и ингуши, как и другие горцы-мусульмане, оказались объектом казацких набегов и посягательств на то, что они считали своей землей. Они отчаянно сражались, отстаивая целостность своего мира и уклада. Когда казаки основывали свои поселения и крепости в долинах и предгорьях, чеченцы и ингуши отступали дальше в горы и уже оттуда совершали периодические набеги и вылазки против русских поселенцев. Чеченцы и ингуши приняли активное участие в восстании под предводительством великого дагестанского воителя имама Шамиля, которое полыхало на Северном Кавказе 20 лет (с 1840 по 1859 год) и оказало глубокое влияние на русских писателей XIX века Льва Толстого и Михаила Лермонтова.

Вопреки большевистской риторике об освобождении народов Северного Кавказа от царского колониализма, самые суровые испытания выпали на долю чеченского и ингушского народов именно в советский период. Во время гражданской войны чеченцы и ингуши сражались, отстаивая своё право на автономию. Только в 1925 г. большевикам силами Красной Армии удалось сломить сопротивление горцев и начать процесс советизации. Но и после этого борьба не прекратилась. Чеченцы и ингуши выступили против коллективизации, которая, даже по мнению советских учёных, просто не соответствовала местным кочевым традициям сельскохозяйственного производства (38). Чеченцы и ингуши пред-

почитали резать свой скот и уничтожать зерно, чтобы только не передавать их в руки официальных заготовительных органов. В 1932–1933 гг., прежде чем дать загнать себя в колхозы, они вели настоящую войну с подразделениями Красной Армии и милиции (39). Вообще на протяжении всех 1930-х гг. чеченцы и ингуши противостояли натиску советской «цивилизации», будь то индустриализация, коллективизация, принудительные сельхозпоставки или более безобидные кампании, такие как ликвидация безграмотности, программа секуляризации и различные просветительские акции. Чеченские женщины и девушки по-прежнему сидели дома и занимались хозяйством, а чеченские мужчины, в поисках спасения от советизации, всё чаще вступали в суфистские братства.

Одновременно с насильственным приучением чеченцев и ингушей к социалистическим нормам и институтам, советские власти предусмотрели для них, как и для других малых народностей, формы территориальной автономии. Сначала в 1921 г. была создана Горская АССР, в которую вошло большинство народов Северного Кавказа, в том числе и чеченцы с ингушами — кроме народов Дагестана, образовавших собственную республику. Однако уже в 1922 г., в интересах отдельных народов, Горская республика была разделена на несколько более мелких национально-территориальных образований, включая Чеченскую автономную область. В 1925 г., после непрекращающихся вооружённых столкновений с чеченцами, Москва сделала попытку разоружить население области и «устранить главарей контрреволюционных бандитских формирований» (40). С этой целью в регион были стянуты значительные военные силы, включая авиацию и артиллерию. Десятилетняя борьба с чеченцами и ингушами завершилась объединением в 1934 г. двух народов в единую автономную область. Чечено-Ингушская АО (затем АССР) стала одним из результатов кампании по укрупнению национально-территориальных образований в СССР. Сегодня республики Чечня и Ингушетия — вновь отдельные субъекты в составе Российской Федерации. Недавно обретшие статус «стран», как и многие другие на территории бывшего Советского Союза, они по сути явились порождением большевистской национальной политики.

ЧЕЧЕНЦЫ И ИНГУШИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Отношения между советскими властями и жителями Чечено-Ингушетии в 1930-е гг. могут быть оценены как очень напряжённые. С советской точки зрения, регион был наводнён «контрреволюционными бандитами», которые пользовались помощью и поддержкой местного населения (41). НКВД фиксировал непрекращающиеся вооружённые столкновения между своими частями и чечено-ингушскими «бандгруппами». В самом начале войны руководство НКВД заявило о том, что на Северном Кавказе ликвидированы 963 банды численностью 17563 чел., из которых подавляющее большинство были чеченцы (42). Николай Бугай, работая в архивах НКВД, обнаружил сведения о десятках антисоветских заговоров, существовавших в Чечено-Ингушетии в 1941–1943 гг., включая создание «национал-социалистской» партии, якобы планировавшей восстание в республике, совпавшее бы с началом вторжения на её территорию немецко-фашистских войск (43). Чеченский эмигрантский историк Абдурахман Авторханов полагает, что данные в отчётах о контрреволюционных бандах намеренно завышались сотрудниками НКВД из карьеристских соображений. Александр Некрич тоже считает, что размах борьбы был преувеличен (44). Тем не менее, когда немцы в августе–сентябре 1942 г. начали забрасывать в республику парашютно-десантные группы, состоявшие из немцев и горских эмигрантов, они нашли у местного населения определённую поддержку. И хотя значительное число чеченцев и ингушей, наряду с другими северокавказскими народами, вступило в армию, чтобы защищать Советский Союз в Великой Отечественной войне, было много тех, кто сопротивлялся мобилизации, дезертировал или просто не вызывал доверия властей. В результате, в конце 1942 г. призыв на военную службу в регионе был приостановлен (45).

Вторая мировая война явилась тем непосредственным обстоятельством, которое сделало возможной депортацию чеченского и ингушского народов. Официальное объяснение причин депортации называло в качестве основной причины коллаборационизм чеченцев: «Многие чеченцы и ингуши были предателями родины, переходили на сторону фашистских оккупантов, вступали в ряды шпионов и диверсантов, оставляемых немцами в тылу Красной Армии. Они формировали по приказу немцев вооружённые банды, сражавшиеся против Советской власти» (46). Конечно, невероятно, чтобы чеченцы проявили себя в войне большими советскими патриотами, чем другие мусульманские народы Кавказа или Средней Азии, но и в то, что они оказались меньшими патриотами, верится с трудом. Точный ответ на вопрос о мере чечено-ингушского коллаборационизма невозможен без тщательного изучения всех советских и германских архивных источников. Пока же имеющиеся в наличии данные говорят о том, что масштабы их сотрудничества с врагом не были сколь-нибудь значительными. Более того, участие чеченцев и ингушей в военных усилиях СССР было не меньшим, чем у других нерусских народов, которые не подверглись насильственному переселению (47). Джон Данлоп подтверждает замечания первых историков чечено-ингушской депортации Александра Некрича и Роберта Конквеста о том, что было не больше сотни документально доказанных случаев «помощи и содействия» врагу (48). Даже НКВД в одном из своих отчётов этого периода утверждал, что в республике действовало всего 335 «бандитов» (49). Почему же их тогда депортировали? Объяснений два, и оба касаются рационализации: первое — государственной (более рациональная, с политической точки зрения, организация населения), второе — исторической (сведение старых счётов). И то, и другое легче было сделать во время войны.

Хотя обвинения в коллаборационизме едва ли соответствовали действительности, чеченцы и ингуши явно были для Москвы бельмом в глазу. Мусульманские горские народы общей численностью около полумиллиона человек, чеченцы и ингуши были гораздо более автономны в культурном и религиозном отноше-

нии, чем того хотелось Советам. Особую угрозу, по мнению Александра Яковлева, представляли для властей «антисоветские» суфистские братства, во множестве расплодившиеся в горах в годы войны (50). Документы областного партийного комитета свидетельствуют о невосприимчивости чеченской клановой верхушки к идеям советской пропаганды и о трудности привлечения чеченцев к работе на производстве, связанном почти исключительно с местной нефтяной промышленностью (51). Чеченские женщины оставались практически не достижимыми для партийного влияния — прежде всего, потому что их отцы и мужья, и беспартийные, и партийные, запрещали им принимать участие в общественной жизни (52).

Сталин и Берия не могли забыть, как чеченцы и ингуши отказывались разоружаться в годы гражданской войны и после неё. Свежо в их памяти было и воспоминание о чечено-ингушском сопротивлении коллективизации, перераставшем зачастую в настоящие боевые действия (53). Привязанность чеченцев и ингушей к их землям, господство традиций и нежелание традиционалистского общества принимать навязываемые ему государственные формы, а также способность этих народов сопротивляться как прямому давлению, так и модернизаторским усилиям Москвы подстегнули решимость советского руководства разобраться с ними раз и навсегда. Это был советский вариант «окончательного решения» наболевшей проблемы национального антагонизма.

ДЕПОРТАЦИИ

Вся полнота ответственности за северокавказскую операцию лежала на Лаврентии Берия. Как только в январе–феврале 1943 г. Северный Кавказ был освобожден Красной Армией от немецких захватчиков, Берия завёл речь об операции «Чечевица» (54). В октябре 1943 г. он направил своего заместителя Богдана Кобулова на Кавказ собирать информацию о возможностях проведе-

ния депортации чеченцев и ингушей. В конце 1943 г. на постой в чеченских и ингушских селах и городах были размещены части Красной Армии и войск НКВД. Местному населению объяснили, что у солдат передышка и что они скоро снова отправятся на фронт. Некоторые части создавали видимость проведения тактических учений в горной местности. Солдаты быстро сошлись с местными жителями, нередко ели и спали в их домах, принимали участие в их обрядах. В ночь с 23 на 24 февраля 1944 г. Берия отдал приказ о начале операции (55). Он созвал чеченских партийных руководителей и рассказал им о том, какая судьба ждёт их народ. Представитель Совнаркома Чечено-Ингушской республики товарищ Молаев сначала горько заплакал, но затем обещал сделать всё от него зависящее, чтобы депортации прошли без эксцессов (56). Военные ходили по домам и оповещали жителей о том, что им даётся полчаса (иногда чуть больше, иногда чуть меньше), чтобы собрать вещи и приготовиться к отъезду. Многих мужчин забирали прямо с работы или с поля и доставляли к местам формирования железнодорожных эшелонов (57). Чтобы обеспечить бесперебойность работы, в некоторые опустевшие колхозы временно, до прибытия новых поселенцев, направляли студентов-нечеченцев из Грозного (58). Собранных чеченцев, горожан и сельских жителей, на грузовиках (многие депортированные запомнили, что это были «студебекеры», только-только полученные по ленд-лизу через коридор на иранской границе) везли к заранее намеченным пунктам погрузки в железнодорожные эшелоны (59). За попытку сопротивления расстреливали, но, как отмечалось в отчёте НКВД, случаев сопротивления было немного (60). На железнодорожных станциях чеченцев и ингушей грузили в товарные вагоны и отправляли в Казахстан и Киргизию, которым суждено было стать их местом жительства вплоть до середины 1950-х гг.

Распоряжение о переселении касалось всех чеченцев и ингушей без исключения. Партийных руководителей, героев войны, известных деятелей культуры иногда перевозили отдельно от остальных и в несколько лучших условиях, но остаться не мог никто. Тех, кого невозможно было вывезти, расстреливали. Один

из самых чудовищных случаев произошёл в селе Хайбах Галанчожского района, где войска НКВД, не имея возможности из-за снежных завалов депортировать людей, согнали 730 местных жителей в колхозную конюшню и подожгли; тех, кому удавалось вырваться из пламени, расстреливали (61). Несмотря на тщательную подготовку и безупречное, по заявлениям НКВД, проведение операции, многие чеченские боевики сумели укрыться в недоступных горных районах. К ним присоединялись чеченцы, которым каким-то образом удалось избежать депортации. Все выявленные после официальной депортации чеченцы и ингуши признавались «бандитами» и расстреливались на месте или отправлялись в лагеря (62). Если не считать этого незначительного меньшинства, всё чечено-ингушское население республики, общей численностью 496460 человек, было депортировано с Северного Кавказа (63). Примерно 30 тыс. чеченцев было выселено из Дагестана, такая же судьба постигла чеченцев и ингушей, проживавших в Северной Осетии (64). По идее, депортации подлежали все чеченцы и ингуши, живущие в пределах СССР. Воевавшие на фронте или валившие лес в лагерях НКВД на севере, — все они были высланы в Казахстан и Киргизию.

Как любой случай этнической чистки и насильственной депортации, процесс выселения чеченцев и ингушей сопровождался многочисленными жертвами. Почти 3 тыс. человек погибли ещё до начала депортации (65). Подробные (и, несомненно, заниженные) данные о смертности во время транспортировки — в основном гибли больные, старики и дети — содержатся в отчётах НКВД. По этим данным можно судить о том, что от голода, холода и болезней в пути умерло примерно 10 тыс. человек (66). Вагоны были наглухо запечатаны; люди ехали в антисанитарных условиях, без пищи и воды; тысячами умирали от тифа. Время от времени эшелон останавливался, чтобы избавиться от трупов, но местным жителям запрещалось приближаться к нему и оказывать помощь депортированным. Архивные документы изобилуют жалобами представителей органов здравоохранения на то, что якобы запланированные остановки для пополнения запасов пищи

и оказания медицинской помощи не соблюдаются или запрещаются НКВД (67).

Но самые большие потери депортированные понесли уже по прибытии на место назначения, в первые дни и месяцы. Подсчёты, сделанные на основании статистики НКВД, показывают, что за первые три года умерли примерно 100 тыс. переселенцев (68). Местные власти оказались попросту не готовы к наплыву этих «спецпоселенцев» — термин, прежде применявшийся преимущественно в отношении кулаков (69). Несмотря на то, что руководство Казахской и Киргизской ССР заранее получило распоряжение НКВД СССР позаботиться о предоставлении переселенцам строительных материалов для обустройства, о снабжении их продовольствием и одеждой, о привлечении к труду, чеченцы и ингуши оказались на новом месте без работы, без еды, без одежды и без крова (70). Женщины и дети бродили в степи в поисках съедобных растений. Сироты, грязные и оборванные, бесцельно слонялись по округе. Сами чудовищно нуждавшиеся, местные официальные лица часто не желали им помогать. Десятки тысяч чеченцев и ингушей умерли в жалкой нищете.

ПОСЛЕДСТВИЯ

Некоторые чеченские и ингушские историки убеждены, что депортации 1944 г. представляли собой геноцид, направленный против их народов. Но если это и был геноцид, то геноцид с особым, советским, уклоном. Конечной целью Сталина и Берии — насколько можно судить об этом — было уничтожение чеченского и ингушского народов без поголовного истребления самих чеченцев и ингушей. Судьба Чечено-Ингушской автономной республики заставляет думать, что советские руководители стремились раз и навсегда решить чеченскую проблему. В 1944 г. республика была официально ликвидирована, а её территория разделена между соседними Дагестаном, Северной Осетией,

Грузией и Ставропольским краем (71). Новые хозяева чечено-ингушских земель переименовывали города и села, сравнивали с землей кладбища и монументы, уничтожали малейшие признаки чеченского присутствия в регионе. Ни в газетах, ни в публичных выступлениях о депортациях не говорилось ни слова. Отчёты о заседаниях Грозненского обкома партии в последепортационный период также не содержат упоминаний о народах, некогда живших на этом месте (72). Они исчезли даже из учебников истории и энциклопедий, а чечено-ингушским переселенцам в Казахстане и Киргизии было запрещено обучать детей в школах на родном языке и любым другим публичным способом развивать свою культуру.

Даже после смерти Сталина в марте 1953 г. советские власти не разрешили чеченцам вернуться на родину, хотя некоторые из них подались было в путь. Секретный доклад Хрущёва на XX съезде партии в феврале 1956 г., привлёкший внимание к грубым нарушениям закона и «перегибам» в сталинской национальной политике, был воспринят тысячами чеченцев и ингушей как сигнал к возвращению на Северный Кавказ. Но, в отличие от других депортированных народов, чеченцам и ингушам дали ясно понять, что их возвращение на родину невозможно. И хотя статус спецпоселенцев был с них снят, это не означало, как было сказано в указе Президиума Верховного Совета, что у них есть право на возврат имущества, конфискованного при выселении, или на возвращение в места, откуда их выслали (73). Фактически, Советское государство было намерено воспрепятствовать возвращению чеченцев и ингушей на Северный Кавказ и создать для них автономную область в Казахстане или Узбекистане (в Чимкенте) (74). Однако такой подход к решению чечено-ингушской проблемы был решительно отвергнут чеченскими и ингушскими партийными лидерами и представителями интеллигенции (75). С Северного Кавказа то и дело приходили сообщения о столкновениях, иногда с применением оружия, между чеченцами и ингушами, с одной стороны, и теми, кто занял их дома и сёла после депортации, с другой. Поэтому в 1957 г., несмотря на оппозицию новых хозяев чечено-ингушской территории, советское прави-

тельство всё-таки разрешило примерно 17 тыс. чеченских и ингушских семей вернуться в родные земли. Вернувшиеся — а их было гораздо больше — «категорически» отказывались селиться там, где им было указано, и вместо этого занимали свои бывшие дома, выгоняя из них новых обитателей; были сообщения о перестрелках и даже убийствах (76).

В конце 1957 г. была восстановлена Чечено-Ингушская автономная республика, и все чеченцы и ингуши получили право вернуться в родные дома (77). Однако проблемы на этом не кончились. По сведениям Министерства внутренних дел, в 1958–1972 гг. практически каждый шестой взрослый чеченец или ингуш (т. е., всего 115455 чел.) был привлечён к ответственности по обвинению в преступной деятельности. В январе 1973 г. в Грозном произошли серьёзные беспорядки, вылившиеся в вооружённые столкновения между властями и местным чечено-ингушским населением. КПСС тогда списала проблемы на силу клановых и религиозных (исламских) чувств населения (78). Поверхностная и незавершённая советизация чеченского и ингушского народов, за которую были вынуждены неоднократно расплачиваться они сами, сделала их самым серьёзным внутренним врагом московского режима.

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ

Своим происхождением крымские татары обязаны великой татари-монгольской империи, подчинившей себе просторы Евразии в средние века. Своего наивысшего расцвета Крымское ханство, бывшее одним из наследников империи, достигло в XIV–XV вв. Будучи первоначально союзником турецкого султана, крымский хан со временем был вынужден стать его вассалом. Не желая, однако, расставаться с независимостью, крымские ханы попытались столкнуть между собой Россию и Турцию, противопоставив османскому владычеству в регионе растущие амбиции русских

царей в Северном Причерноморье. Первые серьезные шаги России по проникновению в регион были сделаны в годы правления Петра Великого (1689–1725), а к концу XVIII столетия пришедшая в упадок Османская империя была вынуждена уступить военному натиску Екатерины Великой (1762–1796). В результате победы в русско-турецкой войне Крым и Северное Причерноморье отошли к России. В 1783 г. в чрезвычайно торжественной обстановке Екатерина провозгласила Крымский полуостров частью Российской империи.

Судьба крымских татар в составе Российской империи отличалась от судьбы кавказских чеченцев и ингушей, хотя и те, и другие были мусульманами. Татарская аристократия ассимилировалась в русской среде, вступая в смешанные браки с русскими и войдя составной частью в российскую сословную иерархию. На татарских крестьян (едва ли с целью ассимиляции) было распространено крепостное право. Городские татары нанимались на работу у себя в Крыму или уезжали на заработки дальше на север. Татары по-прежнему возделывали земли на севере полуострова, в то время как южный берег Крыма стремительно превращался в курортную зону и место отдыха элиты российского общества. В Ялте, например, имел дом Антон Чехов; многие представители российской знати украсили скалистое побережье своими особняками. В отличие от Северного Кавказа, где российская колонизация сводилась в основном к казаческому освоению равнинных земель, в то время как горы и предгорья оставались в руках чеченцев и ингушей, Крым был быстро заселён русскими и украинскими крестьянами, а также евреями (в том числе исповедующими иудаизм караимами), греками, армянами и болгарами. Некоторые из этих народов веками жили на Крымском полуострове. С притоком русских и украинцев социальные трения между татарским и нетатарским населением усилились, перерастая иногда в мятежи и погромы. Но в целом, Крым был оплотом относительно стабильной многонациональной культуры (79).

Важным этапом в развитии русско-татарских отношений стала Крымская война (1853–1856). Из-за своих протурецких симпатий татары были обвинены в союзнничестве с противни-

ками русских — англичанами и французами, несмотря на то, что татарские бригады честно сражались на стороне российской армии. Из войны Россия вышла с минимальными территориальными потерями и сохранила за собой Крым, что было закреплено в Парижском мирном договоре (1856). Это позволило царю Александру II осуществить то, что он назвал «добровольной эмиграцией» почти 100 тысяч татар с Крымского полуострова. Большинство из них осело в Османской империи, остальные нашли прибежище в других центрах черноморского региона (80). Крымские татары остались частью той удивительной черноморской цивилизации, представители которой свободно перемещались из города в город и даже с одного берега на другой, если того требовали обстоятельства (81).

В соответствии с принципами новой советской национальной политики, в ноябре 1921 г. Крым стал автономной республикой и сохранял этот статус до вторжения гитлеровской Германии в 1941 г. Несмотря на то, что татарская интеллигенция в большинстве своём поддержала большевистскую революцию, между Советским государством и татарами неоднократно происходили столкновения. Алан Фишер пишет, что за время революции, гражданской войны и коллективизации погибли или были высланы из республики примерно 150 тысяч татар — половина татарского населения Крыма в 1917 г. Кроме того, большой урон крымским татарам, как и другим национальностям, нанесли чистки 1930-х гг (82).

Крым интересовал Москву, во-первых, как база военно-морского флота (Севастополь), а во-вторых, как превосходное место отдыха для советской элиты (Ялта, Алушта). Территория Крыма вскоре оказалась усеяна многочисленными пионерскими лагерями и профсоюзными здравницами. Согласно требованиям советской национальной политики, татары оставались титульной нацией республики. Во главе Крымского обкома партии должен был стоять татарин; русский или украинец мог быть только его заместителем. Но такое распределение полномочий ни о чём не говорило: на самом деле, Крым полностью зависел от прихотей Москвы. Русско-татарские отношения в Крыму в 1930-е гг. про-

должали оставаться напряжёнными, хотя до открытых вооружённых столкновений, как на Северном Кавказе, и не доходило.

ДЕПОРТАЦИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР

Как и в чечено-ингушском случае, советские власти объясняли причину депортации крымских татар в Узбекистан и Таджикистан в мае 1944 г. их сотрудничеством с немецкими захватчиками во время войны. Немцы захватили Крым в октябре 1941 г. и установили там оккупационный режим, просуществовавший до апреля 1944 г. Идея Гитлера и Гимmlера состояла в том, чтобы выгнать из Крыма всех татар и превратить его в «Готландию» — арийский рай для немцев, особенно для выходцев из южного Тироля. Но нежелание ссориться с турками и необходимость использовать татар как рабочую силу заставили нацистов отказаться от этой фантазии, как, впрочем, и от многих других. Нацистская оккупация обнажила проблему недовольства татар русско-советским режимом, и коллаборационизм стал повсеместным явлением (83). Под эгидой нацистской администрации татары создавали отряды вооружённой «самообороны», участвовавшие в акциях против советских партизан. Однако сведений, подтверждающих причастность татар к уничтожению нацистами крымских евреев, что им иногда инкриминируют, нет (84). Тем не менее, воспоминания русских партизан края, собранные советской Академией наук после войны, полны гневных обвинений в адрес крымских татар (85).

Проблемы для татар с советской стороны начались уже в 1943 г., когда партизанские командиры А.Н. Мокроусов и А.В. Мартынов заявили о предательском поведении крымских татар. Секретарь Крымского обкома ВКП(б) В. Булатов, однако, заставил Мокроусова отказаться от этого заявления. Очень многие татары, возражал он, активно участвуют в сопротивлении врагу. Более того, многие русские и украинские партизанские

отряды сами не принимают в свои ряды татар и, вместо того чтобы искать у них поддержки и сотрудничества, нападают на их села и грабят, толкая тем самым в лагерь врага (86). Мартынов и Мокроусов отказались от своих обвинений в адрес татар, однако рядовые русские продолжали жаловаться на излишнее татарское радушие по отношению к немцам (87). Сведения о татарском коллаборационизме дошли до Берии, а он доложил о них Сталину (88). Хотя факт татарского сотрудничества с оккупантами был более очевиден, чем в чечено-ингушском случае, сам коллаборационизм крымских татар едва ли отличался от подобного поведения русских и украинцев в оккупированной зоне (89). Тем не менее, Сталин и Берия воспользовались этими обвинениями, чтобы депортировать крымских татар, приблизительно 189 тыс. чел., из Крыма.

В ночь с 17 на 18 мая 1944 г. войска НКВД и части Красной Армии, уже имевшие опыт подобных операций на Северном Кавказе, окружили татарские селения и велели всем жителям быть готовыми к отправке на восток (90). Как и в чечено-ингушском случае, депортации подлежали все крымские татары до единого, вне зависимости от их социального статуса и наличия русской жены или мужа (среди татар это было более распространено, чем среди чеченцев и ингушей). Женам и мужьям нетатарского происхождения разрешалось выбирать, разделить ли им судьбу супруга (супруги) или остаться. Случаев сопротивления высылке, как с гордостью докладывал Берия Сталину, было очень немного, а эксцессов со стороны военнослужащих не было вовсе (91). Транспортировка в опечатанных товарных вагонах, подобных тем, в которых перевозили чеченцев и ингушей, стоила крымским татарам многих и многих жизней (92). Тысячами они умирали от жажды. «Мы, татары, называли эти советские вагоны “крематориями на колесах”, — вспоминала Айше Сейтмуратова, одна из тех, кому повезло пережить это испытание и рассказать о нем. — Так мы ехали неделями, без пищи и медицинской помощи. Нечем было дышать, поскольку двери и окна были забиты. Трупы лежали вперемешку с живыми. Только в казахской пустыне охранники эшелона открыли двери, чтобы вытащить трупы

и оставить их на обочине. Времени похоронить их нам не дали. Многие сходили с ума» (93).

Несмотря на образованность и высокую адаптационную способность крымских татар, в спецпоселениях, предназначенных для них в Средней Азии, они терпели жестокие лишения. После тяжёлого переезда они были не в состоянии работать, а значит, содержать себя и свои семьи. К тому же, им было недвусмысленно заявлено — как ранее чеченцам и ингушам, балкарцам, карачаевцам и калмыкам — что они высланы «навечно» и «без права возвращения в места прежнего проживания». За попытку покинуть место ссылки спецпоселенцу грозило двадцать лет принудительного труда в лагерях. Уголовная ответственность полагалась и за помощь в побеге или предоставление убежища беглецу: пять лет тюремного заключения (94).

Впрочем, местное население и не стремилось помогать спецпоселенцам; отношение к ним было грубым и презрительным. Были случаи избиения и произвола в отношении спецпоселенцев со стороны охранников из НКВД (95). До начала 1950-х гг., когда ситуация относительно стабилизировалась, умерли десятки тысяч татар (96). По мнению татарских историков, людские потери во время депортации и жизни на спецпоселении могли достигать 45% от общей численности крымско-татарского населения (97). Большинство погибших были женщины и дети (98).

Не вызывает сомнения тот факт, что в основе депортаций лежали причины, связанные с долгосрочной перспективой развития государства, в понимании Сталина и Берии. Советскому руководству нужен был Крым без татар — воплощение мечты всех российских правителей с момента присоединения Крыма к России (99). Теперь, в 1944 г., когда Крым был освобождён от нацистских оккупантов, Сталин и его окружение были решительно настроены очистить полуостров от *всех* чужаков — татар, в первую очередь, а ещё греков (15 040 чел.), болгар (13 422 чел.) и армян (9 621 чел.), депортированных вскоре вслед за татарами (100). Следует заметить, что несмотря на выраженный расовый оттенок, который носили депортации крымских татар (как и чеченцев

с ингушами), в советском сознании расовые соображения не были определяющими. Татары, проживавшие в других частях страны, выселению не подверглись, в то время как крымские татары, отсутствовавшие в Крыму во время оккупации, воевавшие на фронте, по возвращении, так же как и чеченские и ингушские фронтовики, были депортированы.

После войны, когда нескольким сотням крымских татар удалось легально вернуться в Крым, местные власти направили в Москву решительный протест. Иностранные шпионские службы, заявили они, не преминут воспользоваться татарским населением для достижения своих гнусных целей, поэтому нельзя оставлять татар в Крыму. Если статус спецпоселенцев с них будет снят, им следует позволить селиться в любых других областях России, только не в Крыму. После встречи с тов. Булаевым из Крымского обкома Сталин «отдал приказ ни при каких условиях татар в Крым не пускать, поскольку они служат источником для иностранных шпионов» (101). За исключением нескольких случаев, связанных с семейными обстоятельствами, все татары, которым удалось вернуться в Крым, были вновь депортированы в разные регионы страны (102).

Между тем, в Крыму сносили татарские памятники, сжигали книги и рукописи и переписывали историю таким образом, чтобы показать, что татары на протяжении веков были лишь ворами и преступниками, не сделавшими ничего хорошего для своей родины (103). Даже в послевоенных советских шпионских романах татары фигурируют в основном как предатели и вражеские агенты. 14 августа 1944 г. Крымский обком ВКП(б) принял решение о переименовании всех имевших татарские названия районов, городов, сёл, колхозов и совхозов Крыма, «в связи с изменившимися обстоятельствами» (104). Крымская автономная республика после войны была упразднена, а вместо неё создана Крымская область в составе РСФСР. В 1954 г. Никита Хрущёв, в знак «дружбы народов», «подарил» Крымскую область Украине.

Крымские татары, так же как чеченцы и ингуши, не были упомянуты в секретном докладе Хрущёва на XX съезде партии в 1956 г. Практически все попытки татар вернуться в Крым в сере-

дине 1960-х гг. пресекались властями. И хотя Указом Президиума Верховного Совета от 5 сентября 1967 г. обвинения в коллаборационизме в годы войны с татар были сняты, власти дали понять, что «граждане татарской национальности, ранее проживавшие в Крыму» и «расселенные в Узбекской и других союзных республиках», возвращаться в Крым не должны (105).

В отличие от чеченцев и ингушей, крымские татары так и не дождались от Советского правительства разрешения вернуться на родину. В этом смысле, они оказались в наихудшем положении, по сравнению со всеми другими «наказанными народами». Им не было позволено даже называть себя «крымскими татарами», а только, как в официальных бумагах, просто «татарами» или «татарами, ранее проживавшими в Крыму». В годы перестройки, однако, татары начали массово переселяться в Крым и пытаться вернуть себе утраченные дома и земли. Разгоревшаяся тогда борьба продолжается по сей день. Только в 1994 г. вернувшимся в Крым татарам официально было возвращено их прежнее название — «крымские татары» (106).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Депортации чеченцев, ингушей и крымских татар соответствуют определению этнической чистки, предлагаемому в данной книге. Советское руководство и, прежде всего, Сталин и Берия сознательно и намеренно, насильственным путем выселили эти народы из родных мест и депортировали в другие регионы без всякой надежды на возвращение. Тот факт, что десятки тысяч людей умерли во время депортации и в отведенных им спецпоселениях, нисколько не волновал советские власти. В то же время, геноцид, т. е., поголовное истребление этих народов, в намерения сталинского руководства явно не входил. Вместо этого предпринимались усилия по перевоспитанию чеченцев, ингушей и крымских татар, с тем чтобы заставить их забыть свою родину и свою куль-

туру. «Человеческий материал» подлежал сохранению, исчезнуть должны были только сами эти нации — как нации — путём ассимиляции и отрыва от корней. В этом состояло отличие советских депортаций от политики Гитлера в отношении евреев и цыган, в соответствии с которой несправимо испорченными были сами люди и потому подлежали физическому уничтожению.

В отличие от других этнических чисток XX в., в советском случае освободившаяся территория не предназначалась для передачи какой-то конкретной нации. Бывшие чеченские и ингушские земли достались самым разным народам, включая соседей-мусульман из Дагестана. В Крыму, правда, власти позаботились о том, чтобы судьба региона оказалась в руках русских и украинцев. Но в целом советские депортации не были нацелены на создание этнически однородных территорий, как это было, например, во время этнических чисток на Балканах. В то же время, налицо был факт воплощения элиминационных намерений: чуждые элементы были насильственным путем извлечены из тела советского народа.

Сталин воспользовался войной как прикрытием, чтобы завершить то, что он не успел сделать в отношении чеченцев, ингушей и крымских татар. Националистические чувства Сталина и Берии, а также интересы государства убедили их в необходимости убрать с Кавказа чеченцев и ингушей (а также балкарцев и карачаевцев). Опираясь на доступные сегодня источники, можно только рассуждать по поводу истинных мотивов Сталина. Он мог быть, к примеру, заинтересован в создании на границе между Россией и Кавказом некой зоны «христианского» — если не чисто славянского — влияния, за счёт раздела этих земель между грузинами, северными осетинами и русскими из Ставропольского края. Те же ксенофобские соображения могли двигать Сталиным и в крымском случае. Уязвимость Крыма перед лицом западной и турецкой угрозы, с его точки зрения, была достаточным основанием для того, чтобы очистить его от татар, а также болгар, греков и армян. (С евреями и караимами к тому времени уже успели «разобраться» немцы). Заменить их должны были русские и украинцы. Возможно, Сталин думал, что тем самым он завершает

начатое ещё Александром II дело освобождения Крымского полуострова от ненадёжных мусульман.

С точки зрения советского руководства, крымские татары, чеченцы и ингуши были слишком преданы своим традициям, истории и культуре, чтобы стать по-настоящему советскими национальностями. К тому же, они были недостаточно многочисленны для того, чтобы их перемещение вызвало серьёзные проблемы на рынке труда или нарушило баланс межнациональных отношений в регионе. По замыслу Сталина и Берии, если не сами эти народы, то их культуры должны были сгинуть в необъятных просторах Казахстана и Средней Азии, в новых и чуждых для них условиях. Они растворились бы в узбекской, казахской, киргизской культурах, а тем временем, на их прежней родине переписали бы историю, переименовали города и села и поселили в них более «надёжные» народы. Это был скорее советский национализм, нежели расизм, хотя до расизма ему было недалеко. Народам не воспрещалось жить — но не там, где им бы хотелось, не на родине. В этом заключалось важное отличие советских депортаций от обращения с армянами в Османской империи и, особенно, от нацистской политики в отношении евреев.

Советская политика вообще была гораздо более неочевидной, чем политика Третьего рейха, особенно, учитывая скудость документальных источников и ограниченный архивный доступ. Сталин не был склонен к длинным разглагольствованиям, в отличие от Гитлера, чьи высказывания, стараниями стенографов и современников, дошли до потомков. Мы знаем наверняка лишь то, что на решение Сталина и Берии депортировать крымских татар явно повлияли русско-татарские конфликты в регионе, а на решение депортировать чеченцев и ингушей — скорее всего, претензии их ближайших соседей (осетин, грузин и русских) на их земли и грозненскую нефть.

Всякий, кто занимается изучением событий современной истории, знает, что они, как правило, далеки от завершения. Чеченцы продолжают сопротивляться попыткам русских инкорпорировать их в новое российское государство. По мнению Анатолия Ливена, память о депортациях 1944 г. повлияла на чеченцев даже

в большей степени, чем войны Шамиля, и стала «центральным, определяющим событием новой чеченской истории» (107). Каждый чеченский боевик знает наизусть историю «предательства» своего народа советскими (то есть, российскими) властями; чеченцы не могут забыть о том чудовищном наказании, которое понёс их народ (108). В результате, вот уже 150 лет, война продолжается. Существуют серьёзные основания полагать, что в годы первой чеченской войны, в середине 1990-х гг., российское правительство вынашивало планы вторичной депортации чеченцев — в случае, если удалось бы одержать над ними победу (109). Начало второй чеченской войны (1999 г.) показало, что чеченцы не смирились с новыми границами их территории, установленными после их возвращения в 1950-е гг., поэтому они перенесли боевые действия в Дагестан. И вновь появились сведения о том, что массы чеченских беженцев, скопившиеся на территории Ингушетии, могут быть высланы в Алтайский край — инициатива, явно исходившая не от самих чеченцев (110). Время от времени в российской прессе также высказываются предложения расселить чеченцев в северной и восточной Сибири. Возможность новой этнической чистки или даже геноцида продолжает оставаться реальной.

Что касается крымских татар, то они продолжают вести борьбу за возвращение своих домов и земель, пытаясь играть на политических противоречиях между украинскими и российскими партиями в Крыму. (Несмотря на то, что формально Крым принадлежит Украине, Россия по-прежнему пользуется сильным влиянием в регионе). Процесс затягивается из-за разногласий, существующих по данному вопросу между украинским правительством и местными (пророссийскими) властями. Около половины крымских татар до сих пор живёт в Узбекистане, а те, кто вернулся, пытаются по-своему доказать своё право жить на родных землях. На окраинах городов и сел, где когда-то жили их родственники, они строят палаточные городки и временные хижины и поселяются в них (111). Эти татарские поселения время от времени подвергаются нападениям со стороны русских и украинских экстремистов, которые пытаются заставить татар убраться

из Крыма. Имеются случаи убийства татар (112). Нападению и иногда разрушению также подвергаются заново отстроенные мечети и центры татарских общин. Но, движимые памятью о событиях 1944 г., татары полны решимости вновь занять своё, по праву причитающееся им место в их древнем Крыму.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Краткий обзор советской национальной политики 1920–30-х гг. см. в: *Ronald Grigor Suny. The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union.* — Stanford: Stanford University Press, 1993. P.102–106. См. также: *Yuri Slezkine. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism //Slavic Review, 53 (Summer 1994). P.414–452.*

2. *Terry Martin. An Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939.* — Ithaca: Cornell University Press, 2001. См. также его статью: *The Russification of the RSFSR //Cahiers du Monde russe, 39. №1–2 (January–June 1998). P.104.*

3. *Peter Holquist. To Count, to Extract, to Exterminate: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial Russia //Terry Martin and Ronald G. Suny, eds., A State of — Nations: Empire and Nation-Making in the Soviet Union. Ms. P.3–9.*

4. *Eric Lohr. Nationalizing the Russian Empire: The Campaign Against Enemy Aliens During World War I.* — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003. P.1.

5. *Francine Hirsch. The Soviet Union as a Work-in-Progress: Ethnographers and the Category «Nationality» in the 1926, 1937 and 1939 Censuses //Slavic Review, 56. №2 (1997). P.251–275.*

6. *Richard Stites. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution.* — New York: Oxford University Press, 1989. P.19.

7. *Stephen Kotkin. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization.* — Berkeley: University of California Press, 1995. P.34.

8. Hoover Institution Archives (HIA), Nicolaevsky, Series 227, box 294: *Поздняков В. Паспортная система Советского Союза. P.274–291.*

9. См.: *Hiroaki Kuromiya. Stalin's Industrial Revolution: Politics and Workers, 1928–1932.* — Cambridge: Cambridge University Press, 1988; *David Hoffmann. Peasant Metropolis.* — Ithaca: Cornell University Press, 1994.

10. *James Scott*. Seeing Like a State. P.6.
11. Берман — Ягоде, 8 декабря 1933 г. Государственный Архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф.9421. Оп.1. Д.300. Л.10.
12. *Kuromiya*. Stalin's Industrial Revolution. P.27–45.
13. *Amir Weiner*. Nurture, Nature and Memory in a Socialist Utopia: Delineating the Soviet Socio-Ethnic Body in the Age of Socialism // *American Historical Review*, 104. №4 (October 1999). P.13–14 n. 30, 90.
14. *Gerhard Simon*. Nationalism and Policy toward the Nationalities in the Soviet Union: From Totalitarian Dictatorship to Post-Stalinist Society. — Boulder: Westview Press, 1991. P.149.
15. *Terry Martin*. The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // *Journal of Modern History*, 70. №4 (December 1998). P.857.
16. О депортации поляков, немцев, корейцев, иранцев и других см.: *Бугай Н. Ф.* Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию». М.: АИРО-XX, 1995. С.8–27; *Terry Martin*. The Origins of Soviet Ethnic Cleansing. P.852–856. См. также: ГАРФ. Ф.5446. Оп.57. Д.52. Л.29.
17. *Michael Gelb*. The Western Finnic Minorities and the Origins of the Stalinist Nationalities Deportations // *Nationalities Papers*, 24. №2 (1996). P.242–243. Гелб считает, однако, что эти депортации носили как этнический, так и классовый характер.
18. ГАРФ. Ф.5446. Оп.57. Д.52. Л.29.
19. *Бугай*. «Согласно Вашему указанию...». С.26.
20. *Полян Павел*. География принудительных миграций в СССР. Рукопись. Ч.3. С.3.
21. *Alfred Streim*. Die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener im «Fall Barbarossa»: Eine Dokumentation. — Heidelberg: C.F. Müller, 1982. P.41.
22. См.: *Jeffrey Brooks*. Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from the Revolution to Cold War. — Princeton: Princeton University Press, 2000. P.188.
23. *Vladislav Zubok and Constantine Pleshakov*. Inside the Kremlin's Cold War: From Stalin to Khrushchev. — Cambridge: Harvard University Press, 1996. P.7, 16, 28.
24. *Simon*. Nationalism and Policy towards the Nationalities. P.180–182.
25. *Yuri Slezkine*. Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. — Ithaca: Cornell University Press, 1994. P.304.
26. *Gorodetsky*. Grand Delusion. P.23.
27. Цит. по: *Burrin*. Hitler and the Jews. P.79–80.
28. *H.R. Trevor-Roper*. Hitler's Secret Conversations, 1941–1944. — New York: Farrar, Straus and Young, 1953, p. xx.
29. Цит. по: *Tucker*. Stalin in Power. P.275.
30. *Ibid*. P.619.
31. *Shimon Redlich*, ed. War, Holocaust and Stalinism: A Documented History of the Jewish Anti-Fascist Committee in the USSR. — Luxemburg: Harwood, 1995. P.130.

32. *Redlich*, ed. War, Holocaust and Stalinism. P.155, 162; *Ваксберг Аркадий*. Сталин против евреев. — New York: Liberty Publishing House, 1995. С.273–354; *Brooks*. Thank You, Comrade Stalin. P.231.

33. *Slezkine*. Arctic Mirrors. P.304.

34. Этот процесс начался ещё перед войной. См.: *Tucker*. Stalin in Power. P.568–572.

35. *Joanna Nichols*. «Who are the Chechens?» Center for Slavic and East European Studies Newsletter. University of California, — Berkeley: spring 1995. См. также: *John Dunlop*. Russia Confronts Chechnya: Roots of a Separatist Conflict. — Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P.1–2.

36. *Dunlop*. Russia Confronts Chechnya. P.1.

37. *Anatol Lieven*. Chechnya: Tombstone of Russian Power. — New Haven: Yale University Press, 1998. P.327–332.

38. *Nikolai F. Bugai*. The Truth about the Deportation of the Chechen and Ingush Peoples //Soviet Studies in History, 30. №2 (Fall 1991). P.68–69. Эта публикация является переводом статьи Н.Ф. Бугая в журнале «Вопросы истории», №7 (1990).

39. *Aleksandr M. Nekrich*. The Punished Peoples: The Deportation and Fate of Soviet Minorities at the End of the Second World War. — New York: W.W. Norton, 1978. P.43. Некрич пишет о 69 «актах терроризма», имея в виду убийства 69 деятелей партии, НКВД и военных.

40. *Dunlop*. Russia Confronts Chechnya. P.42–45. См. также: *Holquist*. To Count, To Extract, To Exterminate. P.1.

41. Чечня: вооружённая борьба в 1920–30-е годы //Военно-исторический архив. Вып. 2. — М., 1997. С.118–175.

42. *Bugai*. The Truth about the Deportation. P.68, 72. См. также: *Nekrich*. The Punished Peoples. P.48–49.

43. *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах. — М.: Инсан, 1998. С.136–141.

44. *Авторханов А.* Почему ликвидирована Чечено-Ингушская республика (рук). НИА, Dallin, box 2–8. P.55. *Nekrich*. The Punished Peoples. P.45.

45. *Авторханов*. Почему ликвидирована... P.56; *Simon*. Nationalism and Policy towards the Nationalities. P.203; *Бугай, Гонов*. Указ. соч. С.137.

46. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1944 г. ГАРФ. Ф.7523. Оп.4. Д.208. Л.51.

47. *Nekrich*. Punished Peoples. P.57–58; *William Flemming*. The Deportation of the Chechen and Ingush Peoples: A Critical Examination //Ben Fowkes, ed. Russia and Chechnya: Essays on Russo-Chechen Relations. — New York: St. Martin's Press, 1998. P.66.

48. *Dunlop*. Russia Confronts Chechnya. P.58–61. *Robert Conquest*. The Nation Killers, 2nd. ed. — New York: Macmillan, 1970. P.170.

49. Чеченцы: история и современность. Под ред. Ю.А. Айдаева. — М.: Мир дому твоему, 1996. С.276.

50. Яковлев А.Н. По мощам и елей. — М.: Евразия, 1995. С.120–122.
51. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.178. Оп.43. Д.2437, 2438.
52. РГАСПИ. Ф.17. Оп.88. Д.376. Л.5.
53. *Nekrich*. Punished Peoples. P.42–46.
54. *Бугай, Гонов*. Кавказ: народы в эшелонах. С.141–142.
55. Берия — Сталину, 29 февраля 1944 г. ГАРФ. Ф.9401. Оп.2. Д.64. Л.161.
56. Берия — Сталину, 24 февраля 1944 г. Там же. Л.166.
57. *William Flemming*. The Deportation of the Chechen and Ingush Peoples // *Fowkes*, ed. Russian and Chechnia. P.72.
58. *Авторханов*. Почему ликвидирована... P.64.
59. *Nekrich*. The Punished Peoples. P.58–59.
60. Берия — Сталину, 23 февраля 1944 г. ГАРФ. Ф.9401. Оп.2. Д.64. Л.165. См. также: *J. Otto Pohl*. Ethnic Cleansing in the USSR, 1937–1949. — Westport, CT: Greenwood Press, 1999. P.84.
61. *Хожяев Д.* Геноцид: очерк. Кровавый пепел Хайбаха // Так это было: национальные репрессии в СССР в 1919–1952 гг. Т.2. — М.: Российский международный фонд культуры, 1993. С.170, 175–179. См. также: Чеченцы: история и современность. С.276–277.
62. Чеченцы: история и современность. С.277. О попытках спецподразделений горных войск обнаружить укрывшихся в горах чеченцев рассказали военные историки чеченской войны начала 1990-х. См.: Бандиты стремились... сохранить фашистский порядок // Военно-исторический журнал. №5. 1996. С.83–89.
63. В официальных источниках фигурируют разные цифры, обычно от 450 до 500 тыс. чел. Приведённая цифра взята из сообщения Берии Сталину от 9 июля 1944 г. (ГАРФ. Ф.9401. Оп.2. Д.65. Л.311). В отчётах НКВД приводятся до смешного подробные сведения о том, сколько человек было депортировано, а сколько умерло. Такая обманчивая точность (которая, помимо всего прочего, подразумевала, что данные из разных колонок в таблице должны суммироваться) была проявлением особого рода ментальности — ментальности общества тотального контроля, последовательно искажающей реальность.
64. *Dunlop*. Russia Confronts Chechnya. P.65–66.
65. Так это было. Т.2. С.171.
66. Доклад НКВД Казахстана заместителю наркома внутренних дел СССР Чернышову от 21 января 1945 г. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.177. Л.2–4. Бугай и Гонов уверены, что число погибших — как до, так и во время депортации — было много ниже. По их оценкам, 40 чеченцев было убито собственно во время операции. и ещё 1272 чел. умерли в пути. См.: *Бугай, Гонов*. Кавказ. С.148.
67. А. Соколов — Ворошилову, 21 июня 1944 г. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1с. Д.152. Л.4.

68. Официальные данные о смертности и рождаемости в ссылке содержится в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). Ф.2. Оп.1. Д.65. Л.14, 17, 65.

69. Линн Виола описала ужасные условия жизни кулаков-спецпереселенцев в своих недавних статьях: *Lynne Viola. The Other Archipelago: Kulak Deportations to the North in 1930 //Slavic Review, 60. №4 (Winter 2001). P.730–756; and: Tear the Evil from the Roots: The Children of the Spetspereselentsy of the North //Studia Slavic Finlandensia, 17 (2000). P.34–42.*

70. О положении переселенцев красноречиво повествуют отчёты местных казахских и киргизских отделов НКВД. См.: ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.153. Л.14–20, 37, 42–43. О попытках протеста со стороны чеченцев против тяжёлого положения см. там же. Д.183. Л.46–48.

71. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве её территории» от 7 марта 1944 г. ГАРФ. Ф.7523. Оп.4. Д.208. Л.51. См. также: Ф.9401. Оп.2. Д.64. Л.161.

72. См. РГАСПИ. Ф.17. Оп.45. Д.423, 424. Кстати, то же можно сказать и о Крымском обкоме. См. там же. Оп.44. Д.758.

73. Указ от 16 июля 1956 г. ГАРФ. Ф.7523. Оп.4. Д.629. Л.201.

74. *Dunlop. Russia Confronts Chechnya. P.76.*

75. См. резолюцию ЦК КПСС «О территории Чечено-Ингушской АССР» от 25 декабря 1956 г. РГАНИ. Ф.5. Оп.32. Д.56. Л.103–104.

76. См.: «Националистические элементы постоянно провоцировали выступления»: Как накалялась обстановка в Чечено-Ингушетии //Источник. 1997. №4. С.51–52.

77. «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР» (январь 1957 г). ГАРФ. Ф.7523. Оп.72. Д.701. Л.72.

78. «Националистические элементы...». С.62–63.

79. *Nekrich. The Punished Peoples. P.13–14.*

80. *Alan W. Fisher. The Crimean Tatars. — Stanford: Hoover Institution Press, 1978. P.89.*

81. *Neal Ascherson. Black Sea. — New York: Hill and Wang, 1995. P.29–30.*

82. *Fisher. The Crimean Tatars. P.145.*

83. *Alexander Dallin. German Rule in Russia 1941–1945 //A Study of Occupation Policies, 2nd. ed. — Boulder: Westview Press, 1981. P.253–269.*

84. Еврейское население Крыма было полностью уничтожено, и 16 апреля 1942 г. — тогда же, когда начали создаваться татарские отряды «самообороны» — руководство СС сообщило в Берлин: «Крым от евреев очищен». *Gilbert. Atlas of the Holocaust. P.86; Nekrich. The Punished Peoples. P.24–25; Dallin. German Rule in Russia. P.258.*

85. Эти воспоминания составили коллекцию, хранящуюся в архиве Института российской истории РАН. См. особенно: Предательская роль татарского населения в период оккупации Крыма. Л.1–17.

86. Этот острый конфликт в Крымском обкоме партии нашёл отражение в протоколах заседаний бюро обкома от 18 ноября 1942 г. и 21 июля 1943 г. РГАСПИ. Ф.17. Оп.43. Д.1045. Л.74–84; д. 1044. Л.251–282.

87. Каменев — Маленкову, 11 мая 1944 г. РГАСПИ. Ф.17. Оп.123. Д.306. Л.7.

88. Уже в марте 1944 г. Берия подготовил компрометирующие материалы против Булатова. См.: Сергиенко — Берии, 31 марта 1944 г. ГАРФ. Ф.9401. Оп.2. Д.64. Л.258.

89. В защиту татар см.: *Fisher*. The Crimean Tatars. P.159.

90. Имена ведущих советских деятелей, имевших отношение к депортациям крымских татар, а также чеченцев и ингушей, см. *Michael Parrish*. The Lesser Terror: Soviet State Security, 1939–1953. — Westport, CN: Praeger, 1996. P.101–105.

91. Берия — Сталину и Молотову, 19 мая 1944 г. ГАРФ. Ф.9401. Оп.2. Д.65. Л.115.

92. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.177. Л.2–3.

93. *Ayshe Seytmuratova*. The Elders of the New National Movement: Recollections // *Edward A. Allworth*, ed. The Tatars of Crimea: Return to the Homeland: Studies and Documents, 2nd. ed. — Durham: Duke University Press, 1998. P.155.

94. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. Текст Указа приведен в книге: *Allworth*, ed. The Tatars of Crimea. P.182.

95. Слепов — Маленкову, 30 ноября 1945 г. РГАСПИ. Ф.17. Оп.122. Д.122. Л.42.

96. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.183. Л.290; д. 153. Л.20.

97. *Василий Субботин*. Борьба с историей // Литературная газета. 1991. 30 января. В кн.: Так это было. Т.3. 1993. С.71. Советский диссидент, защитник прав крымских татар Петро Григоренко приводит цифру 46%. См.: *Petro Grigorenko*. Memoirs. — New York: W. W. Norton, 1982. P.347.

98. Отдельной проблемой НКВД было большое количество бездомных детей-сирот. Многие из них были помещены в спецприюты НКВД. РГАСПИ. Ф.17. Оп.118. Д.512. Л.24. Для сравнения: в августе 1946 г., два с половиной года спустя после депортации, только 20% чеченских и ингушских детей школьного возраста посещали школу. *Flemming*. The Deportation of Chechen and Ingush Peoples. P.81.

99. *Edige Kirimal*. «The Crimean Turks», Genocide in the USSR. — New York: Scarecrow Press, 1958. P.20; Nekrich, Punished Peoples. P.106.

100. Берия — Сталину, 9 июля 1944 г. ГАРФ. Ф.9401. Оп.2. Д.65. Л.275.

101. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.401. Л.8.

102. По поводу повторной депортации татар см.: ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.402. Л.17–29; Д.401. Л.2–6.

103. К переписыванию татарской истории приложили руку такие известные советские историки, как Б.Д. Греков и Ю.В. Бромлей, которые

писали об отсутствии у татар тяги к прогрессу и экономическому развитию и их склонности к грабежу и разбою. См.: *Субботин*. Борьба с историей. С.85.

104. О переименовании районов, районных центров, МТС и совхозов Крыма. РГАСПИ. Ф.17. Оп.122. Д.83. Л.55.

105. *Andrew Wilson*. Politics in and around Crimea: A Difficult Homecoming // *Allworth*, ed. The Tatars of Crimea. P.281.

106. *Edward A. Allworth*. Renewing Self-Awareness // *Allworth*, ed. The Tatars of Crimea. P.13.

107. *Lieven*. Chechnya: Tombstone of Russian Power. P.321.

108. *Sebastian Smith*. Allah's Mountains: Politics and War in the Russian Caucasus. — London: I. B. Tauris, 1998. P.60.

109. Распоряжение Правительства Российской Федерации №1887-р от 1 декабря 1994 г. Был разработан также «План мероприятий по обеспечению эвакуации населения Чеченской республики». Автор благодарит Центр Дэвиса Гарвардского университета за любезно предоставленные копии этих документов.

110. «Сегодня». 1999. 8 октября. См. также: *Dunlop*. Second Time Around May Be Worse // *Los Angeles Times*. October 24, 1999.

111. *Allworth*, ed. The Tatars of Crimea. P.246, 269.

112. *Ascherson*. Black Sea. P.33.

Глава 4

ИЗГНАНИЕ НЕМЦЕВ ИЗ ПОЛЬШИ И ЧЕХОСЛОВАКИИ

Вторая мировая война не успела начаться, а польское и чехословацкое правительства в эмиграции уже заговорили об изгнании немцев с территории своих стран после победы. При этом и то, и другое правительство часто ссылались на якобы успешный опыт перемещения греков и турок после Первой мировой войны в рамках Лозаннского договора 1923 г. Этот договор они считали юридическим прецедентом для подобных акций: великие державы осуществляют контроль за процессом перемещения населения и обеспечивают его финансовую поддержку (1). Принцип насильственного перемещения национальных меньшинств под контролем международных организаций был положен в основу действий польских и чехословацких властей. Оба правительства, оказавшиеся вместе в лондонской эмиграции, вели между собой переговоры об изгнании немецкого меньшинства из их стран и о необходимости лоббировать этот вопрос среди руководства союзных держав (2). Даже после войны, когда между Польшей и Чехословакией наметилась напряженность в связи с тешинским конфликтом, сопровождавшимся вооружёнными стычками и взаимными публичными претензиями, правительства обеих стран сохранили одинаковую позицию по вопросу о необходимости изгнать немецкое меньшинство и надавить на союзников с целью «уточнить срок» (3).

Впрочем, волноваться польскому и чехословацкому правительствам в изгнании было не о чем: союзники были абсолютно согласны с тем, что немцы должны покинуть послевоенную Польшу и Судетскую область Чехии. После мировой войны с её

глобальными передвижениями людских масс сам факт перемещения населения, особенно ненавистных немцев, не представлялся чем-то проблематичным. Кроме того, опыт депортаций в СССР в предвоенный период и особенно в годы войны заставлял советское руководство с пониманием отнестись к просьбам польского и чехословацкого правительств (4). Как показывают недавно опубликованные документы из российских архивов, Сталин и Молотов были хорошо осведомлены о восточноевропейских планах депортации немцев. Во время частых встреч с чехословацкими и польскими коллегами советские лидеры неизменно заявляли, что они не только «в принципе» не имеют возражений против депортаций, но и относятся к ним «положительно» (5). В частности, в разговоре с премьер-министром Чехословакии Зденеком Фирлингером и заместителем министра иностранных дел Владо Клементисом 28 июня 1945 г. Сталин однозначно поддерживал депортации: «Мы мешать вам не будем. Прогоняйте их. Пусть испытают на себе, что значит господство над другими». Однако просьбу Фирлингера дать указание советским войскам о содействии выселению немцев и венгров Сталин оставил без ответа (6). А в разговоре с лидером польских коммунистов Владиславом Гомулкой он дал понять, что депортации — дело поляков и чехов, а не Красной Армии, и посоветовал создать для немцев такие условия, чтобы они сами захотели уехать (7).

Президент Чехословакии Эдвард Бенеш неоднократно и с полным основанием заявлял, что он получил «добро» на депортации от Черчилля и даже Рузвельта (8). Американцев, правда, слегка беспокоило, что массовые депортации могут негативно сказаться на экономической жизнеспособности оккупированной Германии. Тем не менее, и американское, и британское руководство с пониманием отнеслись к польско-чехословацкой проблеме и, как и СССР, «не имели принципиальных возражений» против выселения германского населения (9). Черчилль был особенно безжалостно настроен по отношению к немцам. Уже 9 октября 1944 г. в беседе со Сталиным он заметил, что, по его подсчётам, в войне будет убито 7 миллионов немцев, следовательно, в Германии освободится достаточно места, для того чтобы переселить

туда немцев из Силезии и Восточной Пруссии (10). Во время встречи в Ялте в феврале 1945 г. Черчилль заявил Сталину, что он ничуть не «шокирован идеей насильственного перемещения миллионов людей». Далее последовал такой диалог:

Сталин: Немцев там больше не будет, поскольку, когда придут наши войска, немцы побегут прочь, немцев не останется.

Черчилль: Тогда встаёт проблема, что с ними делать в Германии. Мы уже убили шесть или семь миллионов и, вероятно, до конца войны уьем ещё миллион.

Сталин: Один или два?

Черчилль: О, я не предлагаю устанавливать ограничений. Так что в Германии будет место для тех, кому придётся заполнять вакансию (11).

Черчилль не преминул воспользоваться сталинскими аргументами, для того чтобы убедить в собственной правоте британцев. 23 февраля 1945 г. на встрече с младшими членами кабинета министров он посетовал, что люди по-прежнему говорят об «огромных трудностях» перемещения германского населения на запад, а, между тем, «большинство немцев уже сбежало с территорий, ныне занятых русскими», что значительно упростило задачу (12).

В качестве правового прецедента для депортации немцев Черчилль неоднократно использовал пример греко-турецкого обмена населением в рамках Лозаннского договора после Первой мировой войны, который тоже «сначала казался невозможным». По мнению Клауса Дитмара Хенке, для Черчилля и других лидеров антигитлеровской коалиции Лозанна была «идеей фикс» (13). Она вселяла в британского лидера уверенность, что союзники могут раз и навсегда решить проблему германского меньшинства в Восточной Европе. В своей речи в Британской палате общин 15 декабря 1944 г. Черчилль откровенно заявил: «Изгнание есть метод, который, как мы имели возможность убедиться, даёт самый удовлетворительный и долговременный эффект. Не будет смешанного населения, порождающего бесконечные проблемы, как в Эльзасе-Лотарингии. Будет произведена чистка. При этом меня не пугает перспектива отделения одного населения от дру-

гого, как не пугают и сами эти крупномасштабные перемещения, для которых в современных условиях существует больше возможностей, чем было раньше» (14).

Рузвельт также мыслил в категориях Лозанны. В разговоре с британским министром иностранных дел Энтони Иденом американский президент заявил: «Мы должны принять меры к тому, чтобы убрать пруссаков из Восточной Пруссии таким же образом, как после предыдущей войны греков убрали из Турции» (15). Именно дух Лозанны, причём, как показала война, не до конца понятый лидерами «большой тройки», лежал в основе их согласия с перемещением немецкого населения из Восточной Европы в оккупированную Германию.

Хотя порознь Сталин, Рузвельт и Черчилль согласились с необходимостью выселения немцев из Восточной Европы, совместные дискуссии по этому вопросу на Потсдамской конференции показали, что американцы и британцы не прочь пойти на попятную. Трумэн беспокоился по поводу того, куда поедут «девять миллионов» немцев. Сталин заверил его, что все они уже уехали. На одном из следующих заседаний советский лидер отметил, что поляки оставили какое-то количество немцев для использования на полевых работах, но как только урожай будет собран, поляки их вышлют. «Поляки нас не спрашивают. Они делают, что хотят, так же, как и чехи» (16). Заявление Черчилля о «моральных угрызениях», терзающих его при мысли о перемещении масс населения, прозвучало несколько неискренне. Затем он добавил, что, возможно, тем немцам, про которых Сталин говорит, что они уже покинули Силезию, стоило разрешить вернуться. «Если они вернуться, поляки их повесят», — парировал Сталин. По поводу изгнания немцев из Чехословакии Черчилль предложил поговорить с Бенешем, прежде чем продолжить обсуждение данного вопроса. И снова Сталин попытался объяснить своим партнерам по коалиции, что проблема уже решена: «Чехи дали им [немцам] два часа на сборы, а затем выкинули их». Что касается переговоров с Бенешем, Сталин предположил, что это будет выглядеть, как «предложение горчицы после ужина», поскольку немцы всё равно уже выселены (17).

Для Сталина депортация немцев была *fait accompli**. Но американцев и британцев всё больше волновало, в какую сумму обойдётся бюджетам их стран принятие и размещение немцев в их зонах оккупации Германии. Это наложило существенный отпечаток на дискуссии о германских репарациях, что ещё более усилило беспокойство западных союзников по поводу притока германских репатриантов из Польши и Чехословакии. Поэтому США и Великобритания настояли на том, чтобы процесс депортации был замедлен и легализован. СССР согласился, и это согласие запечатлела 13-я статья Потсдамского договора, в которой говорилось, что три правительства, обсудив вопрос всесторонне, признают как неизбежность перемещения в Германию немецкого населения из Польши, Чехословакии и Венгрии, так и необходимость осуществлять это перемещение организованным и гуманным образом (18).

К моменту начала Потсдамской конференции от 700 до 800 тыс. немцев уже выехали или были высланы из Судетской области, и примерно столько же — из Польши. (В польском случае не учитываются 3,5 млн. немецких беженцев, бежавших от советского наступления сначала, в октябре 1944 г., в Восточную Пруссию, а затем, в январе 1945 г. — в Силезию, восточную Померанию и восточный Бранденбург) (19). По мнению большинства историков, после Потсдама, узаконившего и упорядочившего депортации немцев, количество насилия, сопровождавшего переселенческий процесс, заметно снизилось. В целом, безусловно, это было так, но в каждом отдельном случае переселение по-прежнему стоило немцам огромных жертв, как людских, так и материальных.

* Сверхившийся факт (фр). — Прим. перев.

ИЗГНАНИЕ НЕМЦЕВ ИЗ СУДЕТ

Хотя процесс «очистки» Чехословакии от немецкого населения был столь же тотальным и безжалостным, как и советские чистки в Крыму и на Северном Кавказе, причины этой тотальности и безжалостности в чешском случае были куда более очевидны. К тому же, в Чехословакии (и в Польше) государство не имело возможности непосредственно влиять на характер насилия и направлять его в «нужное» русло, поэтому там оно носило более беспорядочный и спонтанный характер. Подобно чеченцам, ингушам и крымским татарам, немцы в Чехословакии были обвинены в предательстве интересов государства (20), и в данном случае это было более оправдано, учитывая деятельность немцев в республике в межвоенный период и, особенно, прогерманские симпатии судетских немцев и их участие в нацистской оккупации. Оглушительный успех Конрада Генлейна и его Судето-немецкой нацистской партии привел к тому, что все немцы в регионе приобрели в глазах чехов репутацию изменников родины и гитлеровских пособников. Как неоднократно повторял Бенеш: «Наши немцы... предали наше государство, предали нашу демократию, предали нас, предали человечность и предали человечество» (21).

Ещё одной важной чертой, роднившей советский и восточноевропейский случаи, было то, что и там, и там права национального меньшинства уничтожались во имя модернизации государства. В случае советских депортаций эта рационализаторская цель была выражена неявно: подразумевалось, что чеченцы, ингуши и крымские татары препятствуют советизации и социалистической мобилизации своих регионов, поэтому подлежат устраниению. В Чехословакии и Польше немецкое меньшинство мешало нормальному функционированию демократических национальных правительств этих стран. Во время войны Чехословацкое правительство в эмиграции было готово предоставить

чехословацкое гражданство тем немцам, которые заслужили его своей антифашистской деятельностью, если они присягнут на верность новой Чехословацкой республике. Масарик и Бенеш делали серьёзные попытки заключить союз с судетскими немцами-антифашистами за рубежом (22). Но, к разочарованию судетских немцев, особенно социал-демократов, тесно сотрудничавших с Чехословацким правительством в Лондоне, чехи отказались предоставить немцам права меньшинства, не без основания полагая, что это приведёт к закрытию немецких школ и других образовательных учреждений, в том числе Немецкого университета (такая же судьба ждала венгерские школы и институты в Словакии) (23). В беседе с Молотовым в марте 1945 г. Бенеш заявил, что не менее 2 миллионов немцев придётся выселить, а оставшиеся приблизительно 800 тысяч рабочих будут размещены среди чешского населения и ассимилированы (24).

Проблема изгнания немецкого населения поставила в трудное положение чехословацких коммунистов (как и коммунистов других стран). Дело в том, что позиция Коминтерна по национальному вопросу в Восточной Европе заключалась в неизменной поддержке прав национального меньшинства. Во время войны отношение коммунистов к «германскому вопросу» озвучил Георгий Димитров: за преступления нацистов нельзя судить весь немецкий народ; те немцы, которые были виновны в развязывании войны и военных преступлениях, должны быть преданы суду и наказаны, а немецкие рабочие и крестьяне перевоспитаны. Однако чехословацкие коммунисты быстро поняли, что в их стране «германский вопрос» обладает огромным политическим потенциалом, поэтому к концу войны глава компартии Клемент Готвальд, как и Бенеш, уже всюду призывал изгнать немцев из чешских земель, а венгров — из Словакии (25). Свой призыв Готвальд облёк в революционную терминологию, но суть осталась та же: «Власть перешла из рук нации угнетателей, нации оккупантов, германской нации в руки бывшей угнетённой нации, нации чехов и словаков. В этом смысле, наша революция есть национальная революция» (26). Бенеш также назвал изгнание немцев «великой революцией» (27). СССР с готовностью поддержал политиче-

скую линию коммунистов и Бенеша в этом отношении. Сталин согласился с тем, что в центре Восточной Европы будут созданы национальные государства, поскольку венгры, поляки и чехи и словаки не желают делить суверенитет с другими национальностями (28). В конце концов, позиции коммунистических и некоммунистических политиков по вопросу об изгнании немцев из послевоенных Польши и Чехословакии практически сравнялись. Когда речь шла о депортациях немцев, Бенеш и Готвальд, Миколайчик и Берут, Сталин и Черчилль, — все плясали под одну дудку.

С самого начала установления в Богемии и Моравии германского протектората эмигрировавшее в Лондон Чехословацкое правительство заявляло, что после войны государство будет восстановлено в прежних границах (29). При этом особую настойчивость оно проявляло именно в вопросе о западных границах, имея в виду, что после войны придётся так или иначе иметь дело с теми 3,2 миллиона немцев, которые поселились на западе страны. (Чехословацкие лидеры в конце концов даже согласились на изменение восточной границы в пользу СССР, уступив Сталину Закарпатскую Украину (30)). В годы войны в чешских кругах обсуждались различные подходы к решению германской проблемы, некоторые из которых имели ещё австро-венгерское происхождение. В частности, рассматривались возможности для федерализации и ассимиляции (31). Но, учитывая, что чехи в полной мере ощутили на себе «прелести» режима Протектората Рихарда Гейдриха, а также последствия его убийства в ходе резни в Лидице в мае–июне 1942 г., правительство Чехословакии решило, что изгнание будет наилучшим выходом. Сначала Бенеш призвал к изгнанию одного миллиона немецких фашистов, генлейнистов и сочувствующих им. Позднее речь уже шла о двух миллионах немцев (32). В 1943 г. заместитель Бенеша Эдвард Таборски предложил план, в соответствии с которым немецкие антифашисты, социал-демократы и те, кто пострадал от рук нацистов, могли остаться в новом Чехословацком демократическом государстве. На возможность остаться могли также рассчитывать незажиточные немецкие крестьяне при условии, что они не при-

нимали участия в политике и не эксплуатировали своих чешских соседей (33). Однако во время встречи со Сталиным 16 декабря 1943 г. Бенеш заявил, что он хотел бы решить германскую проблему раз и навсегда и создать славянское Чехословацкое государство, свободное от немцев и венгров. Поражение Германии, говорил он, предоставляет нам уникальный исторический шанс радикально очистить наше государство от немецкого элемента. Будущее государство будет республикой чехов, словаков и карпатских украинцев, то есть республикой славянских народов. Все немецкие учителя, профессора, служащие СС и гестапо, члены гитлер-югенда, партии Генлейна и все немецкие буржуа и богатеи должны быть в обязательном порядке высланы из Чехословакии (34).

ТРАНСФЕР («ОДСУН»)

На протяжении всей войны Бенеш и его советники твердили о неких «хороших» немцах, которым будет позволено остаться в Чехословакии. Однако поднявшаяся к концу войны волна антигерманских настроений и чешского национализма, сопровождавшаяся требованиями отомстить за мюнхенский позор, утрату суверенитета и тяготы войны вообще, заставила их отказаться от первоначальных намерений. Слишком сильны оказались последствия Лидице и Терезиенштадта. Выжившие участники чешского движения Сопротивления требовали мести. Бенешу было рекомендовано довести кампанию по выселению немцев до конца; в противном случае, полагали некоторые чешские политики, может объявиться демагог, который воспользуется ситуацией в собственных целях (35). В коммюнике министерства иностранных дел, направленном 5 июля 1945 г. в госдепартамент США, чехи подчёркивали, что изгнание немцев является самой важной задачей послевоенного периода, «самой насущной из всех проблем, стоящих перед чешским правительством» (36). До тех пор

пока этот вопрос не будет разрешён, писал Владо Клементис, мы не можем приступить к решению других важных социальных, экономических и институциональных проблем страны (37).

Чехословацкая пропаганда намеренно раздувала антинемецкие настроения в стране. Тема резни в Лидице не сходила со страниц чешских газет. «Ответственность за Лидице лежит на всём германском народе», — гласил заголовок одной из таких статей (38). Конечно, праведный гнев был не единственным двигателем антигерманской кампании, учитывая количество чешских мародеров, прибывавших в Судеты даже из других концов страны, чтобы поживиться немецким имуществом. Но в основном насилие совершалось во имя чешского государства и интересов чешской нации. Коммунистическая партия Чехословакии в своём воззвании от 13 мая 1945 г. потребовала от своих членов «очистить Отечество от агентов предательства, равного которому не было в истории нашего народа!» (39). В том же духе разжигания национальной ненависти писала 18 августа 1945 г. газета «Ново слово»: «У немца нет души, и самым понятным для него, по мнению Яна Масарика, является язык пулёмётных очередей» (40). Лидер «либеральной» Национально-социалистической партии Проккоп Дртина заявил 17 мая 1945 г., что «полная и всеобщая очистка республики от немцев» является первоочередной задачей чешского народа, и дело чести каждого — помочь своей родине в этом (41). В кампанию включилась даже Чешская католическая церковь. Монсенъёр Богумил Стасек, каноник из Вышеграда, заявил: «Пришло время, впервые за тысячу лет, свести счёты с немцами, которые есть зло и к которым, следовательно, требование возлюбить ближнего своего неприменимо» (42).

Вдохновлённые подобного рода пропагандой, части чешской милиции (многие из них были сформированы в Праге после восстания), группы коммунистических активистов и так называемая Армия генерала Свободы, вступили в освобождённые Красной Армией районы на западе страны, громя находившиеся там немецкие поселения. Эти вооружённые формирования, как правило, не делали различий между немцами-антифашистами, сторонниками Генлейна и мирными фермерами. В приступе злобы и нена-

висти, потрясшем даже выдавших виды советских военных, чехи избивали, расстреливали и глумились над немцами, действуя без разбора и без капли жалости. Они сжигали дотла немецкие деревни, а их обитателей подвешивали за ноги на деревьях или, облив бензином, превращали в факелы (43). Чешская милиция чинила погромы в городах и деревнях, расстреливая немцев налево и направо (44). Позднее тысячи немецких беженцев из Судетской области описали во всех подробностях жестокости чехов, при этом лишь в редких случаях обнаруживая хоть какое-то понимание причин происходящего (45).

Один из самых вопиющих случаев проявления немотивированного насилия произошел в местечке Усти-над-Лабем 31 июля 1945 г. Всё началось с серии взрывов на местных складах боеприпасов, в результате которых двадцать восемь человек погибли и множество было ранено, в том числе и немцы, и чехи (46). Во взрывах обвинили «Вервольф» — организации экстремистски настроенной немецкой молодежи, которые якобы не были довольны назначением чехов на официальные посты и планировали убийство ряда чешских официальных лиц (47). Хотя доказательства этой версии найдено не было, чешская милиция и рядовые горожане поверили слухам и принялись громить немцев. Погромщики хватали немецких женщин и детей и бросали их с моста в Лабу (Эльбу), а затем палили по головам несчастных, пока они навсегда не скрывались под водой. Медсестра из немецкого «Красного креста» видела, как «чехи толпами неслись по улицам, избивали встречных немцев, швыряли их на землю, а если те пытались бежать, расстреливали» (48). Полиция и военные не только не пытались остановить насилие, сообщал другой очевидец, но и сами принимали в нём участие (49). Число жертв этой трагедии оценивается по-разному: от нескольких сотен до 2700 человек (50). Следует отметить, что чешское правительство использовало события в Усти-над-Лабем, для того чтобы ускорить депортацию германского населения. «Нужно понимать, — говорил, выступая по радио, министр внешней торговли Чехословакии Губерт Рипка, — чувства наших людей, которые подвергаются постоянным атакам “Вервольфа”, чьё имущество

уничтожается... Многие наши люди не могут чувствовать себя в безопасности до тех пор, пока не будут знать, что немцы уехали» (51).

В тех районах, куда после отступления немецких войск первыми вошли части Красной Армии, насилия и разрушений тоже было предостаточно. Особенно жестокому обращению подвергались немецкие женщины и девушки, изнасилование (в том числе групповое) и убийство которых было формой мести советских солдат за ужасы войны (52). Один очевидец вспоминал, что русские вошли в его город 10 мая, а «19 мая пришли долгожданные чешские войска. Вот теперь наступит порядок — во всяком случае, мы все на это надеялись. Но какое разочарование! Настоящий ад только начался. Зачастую нам приходилось обращаться к русским за помощью против чехов, и они нам помогали, если только речь не шла о преследовании женщин» (53). Сами немцы — и в Чехословакии, и в Польше — считали советских военных гораздо более гуманными и достойными доверия, чем чехи или поляки. Русские подкармливали голодных немецких детей, подвозили уставших немцев, бредущих прочь из страны, на своих танках и автомобилях, в то время как чехи взирали на их страдания с равнодушием или презрением. Кроме того, советских офицеров иногда коробило то, что чехи рисовали на спинах немцев свастику или заставляли их носить на рукаве белую повязку с буквой «N» (от *netec* — немец). Иногда советские военные даже вмешивались, нарушая чешские порядки, но чаще предпочитали оставаться в стороне (54).

Очень скоро стало очевидно, что все три миллиона чехословацких немцев будут выдворены из страны, и союзные державы не собираются мешать этому процессу. Немцам давалось очень короткое время на сборы (иногда не более 15 минут) и позволялось брать с собой только самое необходимое. Средства к существованию, работа, дом, — всего этого они лишались. Не желающих выселяться добровольно новые власти выгоняли силой, а их дома подвергались разграблению (55). Бедственное положение и отсутствие жизненных перспектив приводило к массовым самоубийствам среди немцев, покидающих Судетскую область.

Иногда, писал один врач, эти самоубийства были тщательно подготовлены. Целые семьи, надев свои лучшие воскресные костюмы, в окружении цветов, распятий и семейных альбомов, совместно вешались или принимали яд (56). Генерал Серов 14 июня 1945 г. сообщал Берии, что случаи самоубийств среди судетских немцев не прекращаются даже после пересечения ими германской границы: «Ежедневно в Германию прибывает из Чехословакии до 5000 немцев, большинство которых женщины, старики и дети. Будучи разорены и не имея перспектив на жизнь, некоторые из них кончают жизнь самоубийством, вскрывая бритвой вены на руках». Например, 8 июня, продолжал Серов, районным комендантом был найден 71 труп со вскрытыми венами (57).

«Дикие», неконтролируемые депортации весны и начала лета 1945 г. заставили судетских немцев искать убежища в более безопасных, с их точки зрения, Силезии, Австрии, Баварии и Саксонии. Потсдамское соглашение, заключённое в августе 1945 г., узаконило трансферы немецкого населения из Польши и Чехословакии, но потребовало проведения их «гуманным и упорядоченным образом». Впрочем, это предписание не улучшило, а, скорее, усугубило ситуацию. Поток беженцев был временно остановлен на границе до выяснения обстоятельств их прибытия в места назначения на территории оккупированной Германии. Не имея возможности идти вперёд или вернуться назад, немцы оказались беззащитны перед чешским возмездием.

Подавляющее большинство судетских немцев переселялось в американскую зону оккупации, в Баварию, и американцы, вознамерившись гарантировать переселенцам достойные условия трансфера и размещения, на месяцы приостановили процесс депортации. Проблема заключалась в том, что, несмотря на протесты союзников, чехи продолжали преследовать немцев, загоняя их в трудовые лагеря, где они тысячами умирали от невыносимых условий, голода и болезней (58). Как пишет Томаш Станек, ведущий чешский историк депортаций, «акты [насилия], совершенные против немцев сразу после войны, отличались во многих случаях предельной жестокостью, а зачастую даже бесчеловечностью» (59).

Оказавшиеся в бывшем нацистском концлагере в г. Терезиенштадт (Терезин), интернированные немцы открыто беспокоились по поводу того, что будет с ними, если советский комендант не защитит их от произвола чехов. Как отмечалось в одном секретном сообщении, направленном в ЦК ВКП(б), немцы неоднократно просили русских остаться: «Если Красная Армия уйдёт, — говорили они, — нам конец!». Советские военные сами видели проявления ненависти к немцам, которых чехи хотя и не убивали, но мучили и обращались, как со скотом (60). Беспомощность перед произволом порождала в немцах отчаяние и нежелание жить. Согласно чешской статистике, только в 1946 г. 5558 немцев покончили жизнь самоубийством (61).

Условия содержания в пятидесяти или около того трудовых лагерях для интернированных немцев были далеки от гуманных (62). Ясно было, что чехи не упустят шанс поквитаться с немцами. «Садизм не знал границ», — писал переживший лагерь бывший заключённый (63). Перед входом в лагерь в Будвайзе (Будеёвице) была прибита надпись: «Око за око, зуб за зуб», и комендант-чех старательно следовал этому лозунгу. На заключённых постоянно кричали, их избивали и оскорбляли. Один немец вспоминал: «Нас часто поднимали посреди ночи, выводили во двор и заставляли петь, танцевать, хлопать друг друга по голове, ползать на четвереньках и так далее». После 12 часов изнурительного дневного труда практически на голодный желудок многие просто не выдерживали и кончали с собой (64).

Подавляющее большинство заключённых в лагерях были женщины и дети. Как часто бывает в случае этнической чистки, женщины были отделены от мужчин и подвергались сексуальному насилию и оскорблению. Их называли не иначе как «свиньями» и «нацистскими шлюхами» и избивали просто ради развлечения охранников (65). Немецкие женщины, решившиеся поведать о том, что им довелось пережить в чешских лагерях, просто не в состоянии были перечислять все подробности. «Нас, женщин, постоянно насиловали, срывали одежду... Я не могу вслух рассказать о тех животных извращениях, которые немецкие женщины были вынуждены с омерзением сносить» (66). Другая женщи-

на пишет о сексуальном насилии и надругательстве: «Что творилось в этом отношении, мне просто трудно передать. Если кто-то может представить себе самое худшее, так вот этому худшему всё равно будет далеко до истины» (67). В своих мемуарах судетские немцы обычно хорошо отзывались о советских солдатах и их отношении к себе, особенно по сравнению с отношением чехов, однако это не касалось области сексуального насилия и сексуальной эксплуатации. Советские военные выбирали в трудовых батальонах самых привлекательных женщин, забирали их с собой и многократно насиловали, а затем возвращали на работу. Чешские лагерные коменданты пускали советских солдат группами в женские бараки, где те гонялись за женщинами, хватали их и насиловали. Кое-где подобное стало обычной еженощной практикой (68). Немецкие женщины называли такие ситуации «охотой на дичь», и, в определённом смысле, это очень точно отражало суть происходящего.

Угроза оказаться в одном из подобных лагерей нависла над теми немцами, которые всё ещё оставались в бывшей Судетской области. Ограниченные во всём, что касалось их жизни и прав, они изо всех сил старались быть незаметными. Им не позволялось сидеть на скамейках в парке и гулять по тротуару. Они не могли поехать куда-то на поезде, а ходить в магазины могли только в определённые часы. Часто появляться в кафе и ресторанах, ходить в кинотеатры они тоже не имели права. Некоторые чехи жалели немцев и старались хоть чем-то помочь им (69). Следует заметить, что иногда, особенно после Потсдама, депортации проводились вполне цивилизованно, без издевательств, побоев и грабежей, столь часто сопровождавших более ранние трансферы. Очень многие чешские официальные лица обращались с немцами хорошо и были «честными, лояльными и справедливыми, в меру своих возможностей» (70). Но чаще чехи использовали депортации как возможность выместить на немцах свой гнев и недовольство. Во время знаменитого «марша смерти» из Брюнна (Брно) 30 мая 1945 г. чехи выгнали всё немецкое население города, примерно 30 тысяч человек, из своих домов и отправили их пешком в лагеря на границе с Австрией, по пути нещадно избивая (71). В итоге погибли примерно 1 700 немцев.

Согласно судето-немецким источникам, примерно 272 тысячи немцев (около 8% всего немецкого населения Чехословакии) умерли в процессе переселения. Эта цифра включает в себя многочисленную категорию «пропавших без вести» (72). Эти данные оспариваются чешскими и германскими историками, которые считают их почти десятикратно завышенными. Так, совместная чешско-германская историческая комиссия недавно установила, что число жертв немецкого переселения составляет от 19 до 30 тысяч человек (73). Цифру «30 тысяч» приводит марбургский историк Ганс Лемберг, написавший о работе комиссии (74). Филип Тер настаивает на 40 тысячах (75). Дерек Сэйер вообще полагает, что число жертв «могло достигать четверти миллиона человек», однако добавляет, что «в этом случае любые цифры являются неточными и спорными» (76).

Количественные показатели часто зависят от того, кого и как считают (иногда в число жертв включают немецких и/или чешских евреев) и причисляют ли к числу погибших пропавших без вести (77). Больше всего немцев умерло от различных болезней, косивших их по дороге и по приезде в оккупированную Германию. Суицид, голод и холод также унесли немало жизней. Иными словами, более низкие цифры скорее всего отражают реальное количество жертв насилия в ходе депортации, в то время как более высокие учитывают и тех, кто погиб от других причин на разных стадиях процесса. Говоря о цене этнической чистки (не важно, о ком идёт речь: греках или армянах, чеченцах или судетских немцах), необходимо учитывать все потери, от начала до конца процесса. Последствия отрыва людей от их корней, привычной жизни не проходят бесследно. Поэтому депортированные народы платят дважды: не только в начале, но и в конце пути.

К концу 1947 г. почти всё немецкое население Судетской области было выселено в Германию. Более миллиона немцев, в том числе большое число антифашистов, коммунистов и социал-демократов с семьями, осели в советской зоне оккупации (78). После 1 января 1946 г. 1 млн. 239 тыс. немцев были вывезены в западные оккупационные зоны, в основном американскую. В американской зоне, в конце концов, оказалась и большая часть из тех

примерно 750 тысяч беженцев, покинувших Чехословакию до Потсдама, в ходе так называемых «диких» депортаций (79). Из 200 тысяч немцев, оставшихся в Чехословакии, большинство составляли промышленные рабочие и их семьи (40 тысяч), немцы, состоявшие в смешанных браках, и те немногие антифашисты, которые связали свою жизнь с чешской культурой (80).

Но даже эти, относительно немногочисленные, оставшиеся немцы испытывали сильное давление со стороны чехов. Чехи имели право претендовать на любое рабочее место, занимаемое немцем, и работодатель, отказавшийся взять на работу вместо немца чеха, должен был в письменной форме доказать правомерность своего решения (81). Впрочем иногда отличить чеха от немца было не слишком-то просто. Когда депортации только начались, чешским мародерам не было дела до документов и юридических тонкостей, а местные суды не хотели соблюдением правовых норм тормозить процесс выселения немцев. «Изгнание, а не судебное преследование было главной заботой правительства», — пишет Бенджамин Фроммер (82). Однако после Потсдама чехословацкое правительство попыталось придать более культурный оттенок определению чешской национальности и, тем самым, позволить тем немцам, которые оказались в достаточной степени ассимилированы чешской культурой, остаться в стране. Как отмечает Джереми Кинг, политический принцип «немец всегда немец» сменился принципом «чех всегда чех» (83). По новым правилам, те, кто были «этническими» немцами, но во время нацистской оккупации провозгласили себя чехами или словаками, изгнанию не подлежали. Согласно изданному 24 августа 1945 г. циркуляру министра внутренних дел, суды должны были обращать внимание на «обычные [необязательно “расовые”] признаки, по которым определяется национальность». Следовало учитывать субъективные факторы, как то: как был зарегистрирован человек в довоенных переписях? Как он идентифицирует себя на бытовом уровне, когда обращается за продовольственными карточками, записывает ребенка в школу, регистрируется в полиции? Принадлежит ли он к чешским или немецким политическим партиям, клубам, союзам, к религиозным группам? Какого

наследия придерживались его родители? Наконец, говорилось в циркуляре, «подобные разрозненные факты должны оцениваться в связи друг с другом, нельзя ограничиваться лишь каким-то одним признаком [национальности], особенно, когда мы имеем дело с обстоятельствами, легко меняющимися со временем» (84). Даже стремясь полностью размежеваться с немцами и провести резкую черту между чешской и немецкой национальностью, чешские власти не хотели использовать для этого нацистские расовые критерии. Кроме того, как показывает работа Бенджамина Фроммера о смешанных браках этого периода, после того как основная масса немцев покинула Чехословакию, чешское правительство было готово говорить о возможности «выбора» национальности (85).

Гибкость в определении границ национальности не означала, что чехи потеряли бы присутствие «немецкости» в своей воссоздаваемой республике. Как и в других случаях этнической чистки, власти делали всё возможное, чтобы стереть даже память о немецкой культуре и цивилизации в Судетской области. Как пояснял Бенеш, уйти должны не только сами немцы, но и их цивилизация: «Пусть нашим лозунгом будет окончательная дегерманизация страны — культурная, политическая, экономическая» (86). Немецкие названия менялись на чешские, немецкие памятники уничтожались, кладбища сравнивались с землёй. Немецкая собственность экспроприировалась и в некоторых случаях передавалась чешским поселенцам из городских областей. Гордость и слава немецкой Праги, пишет Дерек Сэйер, также стиралась с внешнего облика города. Построенный немцами в духе неоренессанса в 1886–1887 гг. Neues Deutsches Theater стал Театром Сметаны. Казино, которое «более семидесяти лет было центром общественной жизни немецкой Праги», стало «Славянским домом». «Всё, что осталось, — пишет Сэйер, — это голый пейзаж, лишённый своей этнической и социальной многосложности и готовый к восприятию национально-унитарного сценария» (87).

Этническая чистка Богемии и Моравии, так же, как и прочие, о которых идёт речь в этой книге, представляла собой кульминацию накопившейся ненависти и обиды — в данном случае, в от-

ношении германского владычества над чехами, восходившего к временам Белой горы и включавшего притеснения со стороны Габсбургской монархии (88). Коммунисты и некоммунисты в равной степени приветствовали и даже настаивали на скорейшем изгнании немцев как составляющей нового этапа социально-экономического развития Чехословакии. Вышедшая на поверхность как естественное следствие войны, национальная ненависть придала выселению немцев характер спонтанной мести за тяготы германской оккупации. Что касается чешского политического руководства, то оно постаралось облечь это национальное возмущение в форму социальной революции, призванной отстранить немецких помещиков и капиталистов от власти, а их собственность отобрать в пользу радикально-демократического, антифашистского государства (89). «Мы покончили с немцами в Чехословакии, — заявил Ян Масарик. — Ничто не может нас заставить вернуться к прежней жизни» (90).

ПОЛЬСКИЕ ПЛАНЫ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Польский случай изгнания немцев был одновременно и сложнее, и легче чехословацкого. Легче, потому что сама природа германской оккупации Польши, во время которой поляки подвергались жестокой эксплуатации, издевательствам и убийствам, делала объяснимым их стремление к мести и ответной жестокости. Чехам господство немцев не принесло тех страданий, которые выпали на долю поляков. Чешская экономика сохранила жизнеспособность, потери чешского населения в войне были относительно невелики, а вмешательство оккупантов в повседневную жизнь чешского общества не было чрезмерным (91). Всего этого нельзя сказать о Польше.

Были и другие причины, делавшие ситуацию в Польше более сложной, во сравнении с Чехословакией. Во-первых, польские требования изгнания немцев во многом определялись ме-

няющимися в ходе войны территориальными претензиями Польши. Советский Союз неуклонно настаивал на включении в состав своей территории восточнопольских земель (Западной Украины и Западной Белоруссии) и, тем самым, легализации результатов германо-советского пакта 1939 г. По мере того как становилась очевидной готовность союзников пойти навстречу СССР в этом вопросе, а Советская Армия реализовывала эти планы на практике, поляки всё решительнее были настроены искать компенсации у немцев на западе. Впрочем, свои претензии на Гданьск (Данциг), Восточную Пруссию и немецкие территории к востоку от Одера поляки предъявили союзникам задолго до того, как стала очевидной утрата территории на востоке. Переписка между членами польского кабинета в эмиграции в 1942 г. показывает, что поляки, будучи заинтересованными в землях к востоку от Одера, вместе с тем, были готовы согласиться на Восточную Нейсе в качестве юго-западного участка границы с Германией. Причина уступки заключалась в том, что область между Восточной и Западной Нейсе была населена преимущественно немцами, и поляки опасались, что ассимилировать их по причине «фанатически антипольских взглядов» не удастся, а изгнание, как считалось, будет негативно воспринято общественным, прежде всего британским, мнением (92). Однако, по мере того как война продолжалась, амбиции поляков росли. Они заявили свои претензии на почти полностью немецкий город Штеттин (Щецин) и прилегающие к нему острова на Одере, назвав их «ключом к Центральной Европе». Они даже потребовали передать им оккупационные права на балтийское побережье вплоть до Ростока-Варнемюнде и острова Рюген, а также заявили о своём желании участвовать в оккупации Кильского канала (93). Нижняя Силезия с её почти трехмиллионным немецким населением тоже оказалась в числе главных польских притязаний.

Другим осложняющим польский случай обстоятельством был тот факт, что в апреле 1943 г., якобы в связи с «катынским делом», Советский Союз разорвал отношения с польским правительством в эмиграции. Впрочем, в том, что касалось изгнания немцев, больших различий между коммунистами и некоммуни-

стами не было. Ещё в феврале 1940 г. польский министр иностранных дел Залеский включил депортацию немецкого населения с территории довоенной Польши и из Восточной Пруссии в число приоритетных для Польши военных целей (94). А польский президент генерал Сикорский после возвращения из Москвы в 1941 г. заявил, что «германская орда, которая веками рвалась на восток, должна быть разбита и отброшена далеко назад [на запад]» (95). Находясь в эмиграции в Лондоне, польское руководство разрабатывало юридические процедуры, которые позволили бы лишать немцев польского гражданства и имущества (96). Обсуждался также вопрос о том, кого считать поляком, а кого — нет (97). Но конечный результат должен был оставаться неизменным: полное изгнание немцев из западных польских земель. Поляки и немцы не могут жить вместе в одной стране, говорилось в министерском документе, датированном августом 1944 г. «Немцы, не покинувшие территорию Польши после войны добровольно, должны быть выселены» (98). Польское подполье поддерживало эту политику своими действиями, руководствуясь при этом принципом коллективной вины всего немецкого народа. «Теперь они узнают, что значит коллективная вина» (99).

Речи Станислава Миколайчика, вернувшегося в июне 1945 г. в Польшу, чтобы войти в состав польского Временного правительства национального единства (договорённость о его создании была достигнута на конференции глав трёх держав в Ялте) звучали не менее воинственно в отношении выселения немцев, чем речи коммунистического лидера, министра «отвоеванных территорий» (т. наз. Западных земель), Владислава Гомулки. Как заместитель премьер-министра и глава польской крестьянской партии, Миколайчик видел в выселении немцев акт не только национального, но и социального значения: польское крестьянство освобождалось от власти немецких помещиков (100). Так же, как в Чехословакии, изгнание немцев воспринималось в Польше как революционный акт. Между тем, призывая деятелей партии повсеместно избавляться от немцев, Гомулка писал: «Мы должны изгнать немцев, потому что страны строятся по национальному, а не многонациональному принципу» (101).

ИЗГНАНИЕ

Положение немцев в западных областях Польши, в отличие от Судетской области, было гораздо более зыбким и неопределённым. Красная Армия, достигнув берегов Одера в январе–феврале 1945 г., остановилась для стратегической перегруппировки перед решающим наступлением на Берлин. Сотни тысяч немцев бежали тогда на запад, но после подписания акта о капитуляции Германии в начале мая 1945 г. потянулись обратно. К примеру, в город Вроцлав (Бреслау) вернулось несколько десятков тысяч немцев, полагавших, что их родной город после подписания мирного договора останется таким, каким он был на протяжении веков, — немецким (102). В период между капитуляцией и открывшейся в конце июля Потсдамской конференцией десятки тысяч немцев двигались двумя потоками — с востока на запад и с запада на восток, предупреждая встречных о том, что их ждёт впереди (103). (Это напоминало печальную ситуацию, в которой оказались евреи после подписания германо-советского пакта 1939 г. Толпы их, в панике переправлявшиеся через разделившую советскую и нацистскую зоны оккупации реку Буг, отчаянно жестикулировали, пытаясь показать таким же толпам, плывущим во встречном направлении, что те сошли с ума и нужно плыть обратно). Немцы, возвращавшиеся в свои дома в Силезии и Померании, рассчитывали на то, что эти области, временно, по решению Ялтинской конференции, оккупированные Польшей, условиями окончательного мирного договора будут вновь признаны немецкими. Многие поляки, по сведениям польских органов безопасности, также полагали, что эти земли будут возвращены Германии (104).

Даже после Потсдама, где союзниками было принято решение о перемещении немцев с оккупированных Польшей территорий, немцы продолжали надеяться, что эти земли вернутся под

германскую юрисдикцию — либо по какому-нибудь мирному соглашению, либо в результате распада союзнической коалиции (105). Дело в том, что вопрос о правах поляков на оккупированные западные территории на Потсдамской конференции так и не был решён. Когда немцы вернулись в свои дома, их глазам предстала ужасная картина: скот перерезан, а дома разграблены. Голод, анархия и хаос, — вот всё, что им осталось. «В нашей родной деревне, — писал один из возвратившихся, — мы обнаружили пустые и разрушенные дома и фермы. Вся сельскохозяйственная техника исчезла, а скот был перерезан или украден» (106). Но как только немцы отстроили свои дома и начали возвращаться к нормальной жизни, новые польские власти заставили их уехать снова. Вдоль всей новой границы по Одеру и Нейсе были расставлены полицейские подразделения, в чьи обязанности входило обеспечение миграции немцев только в одном направлении — на запад, в советскую оккупационную зону Германии. «Что касается тех немцев, которые ещё не уехали, — писал Гомулка, — для них нужно создать такие условия, чтобы они сами не захотели остаться» (107).

Но и те, кто выбрал бегство, не чувствовали себя в безопасности. Ненависть поляков к немцам, родившаяся в годы оккупации как ответ на действия самих немцев, не знала границ, и, по свидетельству Герхарда Хауптмана, немецкого писателя, жившего в Силезии, это было закономерно. Ещё 30 декабря 1939 г. Хауптман записал в своём дневнике: «Проснувшись, я ощущаю, как ужас войны сдавливает мне грудь: Польша! Сколько ненависти разлито здесь. Мы уничтожили Польшу, отдали половину её территории русским и на сто лет обрекли себя на месть [поляков] во всех проявлениях. Вот откуда берётся этот безжалостный национализм во всём и всюду» (108).

За время нацистской оккупации ненависть поляков к немцам настолько укоренилась в их природе, что о ней даже не говорилось; она стала чем-то естественным. Когда война закончилась, ненависть стала частью общества, общественной жизни: угнетателям нации не могло быть прощения (109). Поэтому польские немцы, так же как и чешские, стали объектом нападения, подчи-

нения и унижения. Их добро подвергалось разграблению, а их самих нередко выбрасывали из домов, избивали и убивали. Немецкие женщины подвергались изнасилованиям и оскорблениям. Немцы тысячами кончали с собой, причём чаще — целыми семьями. Нередко поводом к самоубийствам служила весть о приближении Красной Армии или объявление польских властей о депортации (110).

Сколько немцев погибло в процессе переселения из Польши, выяснить едва ли удастся. Голод и болезни унесли бессчётное количество жизней. Много мирных жителей погибло также при наступлении советских войск и в результате насильственной депортации. Немцы гибли в лагерях на территории СССР и Польши и по дороге в эти лагеря. Непосредственно в ходе депортаций погибло приблизительно полмиллиона немцев, и, по всей видимости, как минимум, в два раза больше — в результате этнической чистки Польши в целом (111). Некоторые исследования, основанные на местных источниках, дают представление о разнообразии смертельных опасностей, поджидавших немцев в конце и сразу по окончании войны. По свидетельству польского историка Петра Мадайчика, в селе Бойков (Шёнвальд) 250 немецких жителей было ранено в годы войны, 180 погибли, сражаясь в рядах вермахта, 30 чел. умерли естественной смертью, 200 чел. были убиты в январе 1945 г. во время советского наступления, 30 чел. погибли в польских лагерях, 70 чел. погибли во время бегства и 100 чел. были отправлены в Советский Союз. Другой автор, анализируя причины немецкой смертности в местечке Бычин (Прудницкий район), рисует следующую картину: из 219 чел. — общего числа умерших немцев — 18 погибли на фронте, 11 чел. были убиты во время оккупации как члены «фолькштурма» (местных народных дружин), 7 чел. покончили жизнь самоубийством, 1 чел. умер во время депортации, 69 чел. — во время бегства (в Дрезден) и 2 чел. — в лагерях (112).

С ужасом встретило немецкое население Польши (так же как и Чехословакии) советскую оккупацию, принёсшую ему немало страданий. Изнасилования и убийства стали частью повседневной жизни (113). Советские солдаты грабили немцев, врывались

в их дома и не колеблясь выносили всё, что им понравилось. И всё-таки, как свидетельствуют многочисленные немецкие мемуаристы, советская жестокость по отношению к немцам не шла ни в какое сравнение с польской (114). Русские проявляли большую терпимость в отношении немецкого языка, который они, похоже, знали лучше, чем польский. Они не настаивали на замене немецких названий улиц, городов и сёл на польские, пользовались немецкими картами и полагались на немецких поставщиков продовольствия.

Следует также отметить, что советские войска, заинтересованные в получении экономических контрибуций с Германии, в отличие от поляков, не стремились изгонять немцев с успешно работающих и прибыльных ферм и промышленных предприятий. «Неудивительно, — пишет Рудольф фон Тадден, — что уход русских из того или иного конкретного места часто сопровождался депортацией остатков немецкого населения» (115). Действия поляков нередко встречали непонимание и у самих русских. Политуправление Северной группы советских войск доносило в Москву 30 августа 1945 г.: «Немецкое население во многих районах голодает, в других районах находится под непосредственной угрозой наступления голода в ближайшем будущем. Не прекращается, а, наоборот, всё время усиливается ограбление немцев со стороны польского населения. Участились случаи произвольных убийств немецких жителей поляками, необоснованных арестов, длительного тюремного заключения с применением издевательств, насилия, побоев и оскорблений» (116). Положение настолько серьезное, говорилось в донесении, что военнослужащие Красной Армии вынуждены вмешиваться, что нередко приводит к конфликтам между советскими войсками и поляками (117).

На польском «диком западе» орудовали банды мародёров, обычно из центральных областей страны. Награбив столько, сколько могли унести, они возвращались домой, нагруженные «добычей»: немецкой мебелью, одеждой, ценностями и продуктами (118). Грабили и насильовали поляки, как правило, без разбора, не делая различия между фашистами и антифашистами. Немецкие дома были для поляков открытой территорией; они

могли входить туда, когда хотели, и забирать, что хотели, иногда даже сам дом. За попытку защитить себя и своё имущество немцы подвергались избиению и могли оказаться в лагере для интернированных (119). Чтобы получить законный доступ к имуществу немца, достаточно было «разоблачить» в нём нациста. Побои, пишет в этой связи Пётр Мадайчик, стали в этот период главным следственным методом в отношении немцев (120).

Положение осложнялось ещё и тем, что польская полиция и гражданские власти были слишком слабы и не способны справиться со всеми этими преступлениями, а зачастую просто не желали этого делать. Органы безопасности держались в стороне, полагая, что им хватает работы на поприще борьбы с польскими (а иногда и немецкими) подпольными антиправительственными группами (121). Милиция, между тем, пугая немцев вполне реальной угрозой интернирования, заставляла их расплачиваться деньгами и продуктами. В Силезии, отмечали советские военные, «польские власти не ведут никакой борьбы с грабежами [немецкого] населения», а иногда и сами «выступают в качестве организаторов изъятия имущества у населения» (122). Беззаконие царило повсюду. В Опольском районе Силезии, писал один польский партийный деятель, «чудовищный произвол стал правилом. Люди утратили всякое представление о добре и зле, никакое преступление их не трогает. Милиция и отчасти силы госбезопасности насилуют и грабят население, так что люди впадают в панику, едва завидев милиционера», а женщины спасаются бегством (123). Советские военные иногда защищали немцев от поляков, но это не было правилом (124).

В конце 1945 г. в западные земли прибыли десятки тысяч польских переселенцев из восточных областей Польши, переданных СССР. Претерпевшие насилие и лишения в ходе депортации, переселенцы сами находились в бедственном положении. Многие из них прибыли с пустыми руками (125). Результат оказался предсказуемым: давление на оставшихся немцев ещё более возросло. Немцы старались воспользоваться предоставляемой союзниками возможностью уехать в оккупированную Германию железнодорожным транспортом. Но железная дорога из-за скопившихся

эшелонов работала с перебоями, и уехать сразу огромные толпы немцев не могли. Многие вместо Германии оказывались в трудовых батальонах и лагерях, другие неделями жили на станциях в ожидании поезда. Помимо «пробок», перебои вызывались проблемами с подвижным составом и состоянием путей. Без крыши над головой, без пищи и возможности что-то купить по причине обесценившихся денег, немцы во множестве умирали (126). Зимой 1945/46 г. транспортировка немцев из Польши была вынужденно прервана из-за холодов: эшелоны приходили в Германию, полные замёрзших трупов. Следующая зима выдалась ещё более морозной, и, хотя ситуация с отоплением на сборных пунктах и в вагонах несколько улучшилась, число замёрзших насмерть осталось значительным (127). Так, когда железнодорожный эшелон, вышедший из Вроцлава (Бреслау) 23 декабря 1946 г., прибыл на конечную станцию, в нем было 66 трупов, и ещё 141 человек нуждался в госпитализации по причине обморожений различной степени, пневмонии и шокового состояния (128).

Не уехавшие немцы в некоторых случаях перемещались из своих домов в гетто, под которые отводились худшие городские (и иногда сельские) кварталы. Работы для них практически не было, они получали мизерный продовольственный паек и влачили жалкое существование (129). Как и в Чехословакии, немцы были обязаны носить на рукаве букву «N» от *niemiec* (немец); им было запрещено появляться в театрах, ресторанах и тавернах; их правовой статус был — вне закона. «Немцев мы будем использовать как рабочий скот», — заявил представитель польского правительства в г. Валбжих (Вальденбург), почти дословно повторяя нацистские заявления об их намерениях в отношении поляков. «Они не должны ничего знать, не должны ничем интересоваться. Они должны знать только своё рабочее место и свою койку» (130). Немецкие газеты запрещались, а школы закрывались (131). Распоряжения центрального польского правительства по поводу нормализации отношений с немецким населением и отмены практики клеймения их буквой «N» не доходили до ушей местных властей (132).

Бывшие концентрационные лагеря и другие места заключения Третьего рейха: Аушвиц (Освенцим), Биркенау, Ламсдорф (Ламбиновиц), Явожно, Светохловиц и другие, — поляки приспособили под содержание нацистов и тех, кого подозревали в связях с нацистами. Некоторые из них использовали просто для того, чтобы временно разместить немцев, ожидающих депортации. По данным Бернадетты Нитчке, из 235 подобных учреждений (концлагеря, лагеря для интернированных, тюрьмы), находившихся на территории Польши в этот период, многие использовались для содержания немцев (это без учёта лагерей для немцев, работающих в угледобывающей промышленности) (133). Немцы, оказавшиеся в этих лагерях (всего 105 тыс. чел., включая детей), страдали от болезней, недоедания и плохого обращения. Издевательства начинались уже на стадии сборов в лагерь: на то, чтобы собрать положенные им 10 кг личных вещей, немцам порой давалось не более 15 минут. Впоследствии им и вовсе запретили брать с собой хоть что-нибудь, но это уже ничего не значило, поскольку всё их добро всё равно оказывалось в руках лагерного начальства (134). Малолетних детей часто отбирали у матерей и отправляли в приюты и дома для беспризорников. Лагерный распорядок и дисциплинарный устав, казалось, были списаны с нацистских образцов; то же относилось и к продовольственным нормам (135). Среди смертельных болезней лидировал брюшной тиф. Большое распространение также получили венерические заболевания, лечить которые из-за нехватки пенициллина и сульфамидных препаратов было нечем (136).

Среди начальников лагерей, по некоторым сведениям, было немало поляков еврейского происхождения, которые стремились отомстить немцам за судьбу своего народа и вымещали свои чувства на заключённых (137). Так или не так, но то, что руководителями подобных учреждений иногда оказывались садисты, намеренно выбиравшие для издевательств немцев с арийской внешностью, не вызывает сомнения. Так, Соломон Морель, начальник Светохловицкого лагеря, прославился тем, что имел обыкновение разгуливать с важным видом по территории лагеря, избивая заключённых рукояткой пистолета (138). Немцев в лагерях

заставляли петь нацистский гимн «Хорст Вессель» и совершать различные унижительные действия (139). По подсчётам Томаса Урбана, почти три четверти от общего количества заключённых (8064 чел.) одного из самых печально известных лагерей — Ламбиновица (Ламсдорфа), находившегося к юго-западу от Ополе, не дожили до лета 1946 г. По другим оценкам, смертность была значительно ниже (140). Зигмунт Возничка считает, что процент смертей по всем лагерям колебался от 20% до 50% от общего числа заключённых (141). Но если цифры, предложенные Урбаном, можно оспаривать, сомневаться в перечисленных им причинах смертности: голод, болезни, инфекции, изнурительный труд, физические увечья и казни, — не приходится (142).

В 1959 г. бывший начальник лагеря в Ламбиновице Чеслав Геборский был привлечён польскими властями к суду по обвинению в чрезмерно жестоком обращении с немецкими заключёнными. На процессе он признался в том, что, принимая это назначение, руководствовался единственной целью — отомстить немцам за собственные страдания в годы войны (143). Самый вопиющий эпизод имел место 4 октября 1945 г., когда загорелся один из лагерных барачков, и Геборский приказал охранникам стрелять по людям, пытающимся выбраться из огня. В тот день погибло не менее 48 заключённых, а возможно, много больше (144). Охранники в Ламбиновице постоянно избивали заключённых и воровали у них вещи. Партийные инспекторы отмечали, что «пьянки и насилие — обыденное явление в этом лагере» (145). Причина во многом заключалась в том, что лагерному персоналу в Ламбиновице, как и в большинстве других лагерей, зарплату платили весьма нерегулярно, и охранники «выбивали» положенное им у заключённых (146). Страшным и печальным местом был Ламбиновиц. Люди умирали в нем десятками и сотнями от голода и болезней. Даже охранники не могли забыть глаза голодных детей, выпрашивающих у них крошки хлеба (147).

То, как поляки обращались с немцами, во многом зависело от того, к какой категории *Volkliste* («народный перечень» — расовая иерархия польского и немецкого населения, составленная нацистской администрацией генерал-губернаторства) они были

отнесены. Немецкое меньшинство, проживавшее в Польше до 1939 г., именовалось *Volksdeutsche* («местные немцы») и составляло 2-ю категорию «Перечня». По польским законам, «местные немцы» лишались гражданских прав и собственности, их как предателей могли подвергнуть немедленной казни или сослать в лагерь или другое место заключения. Немцы 1-й категории, так называемые *Reichsdeutsche* («немцы рейха»), либо подвергались преследованию и суду как военные преступники, либо немедленно депортировались. Примерно 100 тысяч немцев двух первых категорий были отправлены в лагеря на территории СССР. Коренные жители Силезии и другие так называемые автохтоны, входившие в 3-ю и 4-ю категории «Перечня», могли быть «верифицированы» как поляки (148).

Отношение к немцам в Польше имело также серьёзные региональные различия (149). В преддверии Потсдама, в июне–июле 1945 г., несколько сотен тысяч немцев, живших в пограничных районах вдоль Одера и Нейсе, были принудительно перевезены в советскую зону оккупации Германии. Немцы, проживавшие на территории довоенной Польши (включая многочисленное немецкое население Верхней Силезии, входившей в состав Второй республики), подверглись особенно суровому обращению. Они были лишены всех гражданских прав, арестованы и сосланы на принудительные работы. Примерно 100 тысяч из них были депортированы в Советский Союз. Судьбой немецкого населения новых областей, отданных под оккупацию Польши: Нижней Силезии, бывшей немецкой Верхней Силезии (Опольской Силезии), Восточной Померании, Восточного Бранденбурга и южной части Восточной Пруссии, — была принудительная депортация в оккупированную Германию. Советские войска нанесли значительный ущерб юго-восточной Пруссии, а те из прусских немцев, кто не успел убежать и не погиб от рук русских, оказались предметом насилия и издевательств новой польской администрации (150). Благодаря своему статусу автохтонов, некоторые мазурские немцы сумели не только пережить депортации, но и сохранить в неприкосновенности свой жизненный и хозяйственный уклад (151). Немецким жителям портовых городов Штетин (Ще-

цин) и Данциг (Гданьск), через которые шла отправка трофейных грузов в Советский Союз, также было позволено остаться, по крайней мере, до конца Потсдамской конференции, так что их депортации происходили уже относительно цивилизованным путём.

О том, что за процессом изгнания немцев из Польши стояли государственные интересы, можно судить по важным исключениям, сделанным в ходе этого процесса. И коммунисты, и некоммунисты в польском руководстве прекрасно понимали, что их способность удержать «отвоёванные земли» зависела от двух взаимно противоречащих условий: с одной стороны, чтобы ослабить германские притязания на эти территории, необходимо было полностью «очистить» их от немецкого населения, но с другой стороны, нужно было сохранить экономическое значение этого региона для Польши и всей Европы, а добиться этого, изгнав всех немцев, было невозможно. Найденное компромиссное решение заключалось в том, что, не отказываясь в принципе от идеи изгнания всех немцев, поляки либерально подошли к определению того, кого считать немцем. Тем полякам, которые во время войны были вынуждены, ради собственной безопасности, принять германское гражданство, было позволено снова стать польскими гражданами. Автохтоны: мазуры, силезцы, кашубы и другие, — также получили определение «германизированных поляков» и возможность «реполонизироваться» и остаться (152). Кроме того, возможность остаться и даже некоторые бытовые привилегии получили несколько тысяч немецких рабочих, признанных необходимыми для восстановления польской экономической инфраструктуры (153). По совету Миколайчика правительство приняло программы переподготовки для польских крестьян и рабочих, переселившихся с востока, чтобы они могли занять рабочие места выселяемых немцев. Одновременно Миколайчик выражал абсолютную убеждённость в необходимости изгнания всех немцев до последнего. «Для нас не может быть сомнения в том, — говорил он, — что каждый немец прежде всего есть германский националист» (154).

В Польше в меньшей степени, чем в Чехословакии, проявилась негативная роль немецкого меньшинства в межвоенный период, но сожаления по поводу отмены прав этого самого меньшинства поляки тоже не испытали. Как и чехи, они намеревались строить новое государство после войны, и для этого им было необходимо иметь однородное население, без крупных чужеродных вкраплений типа немцев, евреев и украинцев, способных помешать этому процессу. Немецкая проблема была решена путём выселения. Чудом выжившие или вернувшиеся после войны польские евреи (примерно 225 тыс. чел.) столкнулись с шокирующим разгулом польского антисемитизма, проявившимся в череде погромов, самым страшным из которых был погром в г. Кельце в 1946 г. При этом было очевидно, что власти не только безразличны к антисемитским выступлениям, но и, в ряде случаев, поддерживают их (155). Украинскую проблему частично удалось решить за счёт «обмена населением» между Польшей и Советским Союзом на основе соответствующего соглашения между польским и советским правительствами. В ходе обмена примерно 480 тыс. украинцев, проживавших на юго-востоке Польши, были отправлены на Украину, а 2,1 млн. поляков из Белоруссии, Украины и Литвы «репатриированы» в Польшу (156). Однако предельная напряжённость, возникшая в отношениях между поляками и украинцами в годы войны, сохранилась и в послевоенный период. Украинцы активно сопротивлялись выселению, и весной 1947 г. польское правительство предприняло военную акцию с целью поголовного выселения оставшихся 140 тыс. украинцев из юго-восточных воеводств и расселения их на новых землях на севере и западе страны (так называемая «операция Висла»). В ходе акции погибло около 5,5 тыс. украинцев. Этническая чистка юго-восточной Польши от украинцев была завершена (157).

По иронии судьбы, своими действиями польские коммунисты невольно воплотили ультранационалистическую мечту Романа Дмовского о «Польше для поляков». Однако не стоит забывать также о том, что важным условием присоединения (в отличие от оккупации) новых земель к Польше союзные державы назвали

существенную полонизацию и интеграцию этих территорий (158). В свою очередь, поляки, чтобы оправдать свою позицию, использовали стратегические аргументы: необходимо было обезопасить от германской угрозы балтийское побережье Польши от восточной Пруссии до Одера. А Миколайчик даже считал, что контроль над Одером и его притоками является ключом к германскому господству на востоке Центральной Европы. Следовательно, польско-германская граница по Одеру и западной Нейсе играет важную сдерживающую роль в обуздании экспансионистских устремлений Германии (159).

ДЕГЕРМАНИЗАЦИЯ И ПОЛОНИЗАЦИЯ ПОЛЬШИ

Бегство и депортации немцев, лишение их свободы путём заключения в лагеря и тюрьмы было только началом долгого и трудного процесса «дегерманизации» новой Польской народной республики. В отличие от Чехословакии, Польша получила после войны большие территории, прежде веками принадлежавшие Германии. Задача дегерманизации поэтому смыкалась с задачей полонизации — или, говоря языком того времени, реполонизации — и имела первостепенное значение, ввиду того что большая часть этих территорий была передана полякам решениями Ялтинской и Потсдамской конференций для оккупации и администрации, но не была *de jure* признана частью Польши (непризнанной международным законодательством она оставалась до 1990 г.). Болезненность этой темы для поляков нетрудно понять, особенно в связи с реваншистскими заявлениями различных политических организаций ФРГ, в том числе и представлявших интересы бывших депортированных немцев. В 1970-е гг. на бывшем германском, ныне польском, балтийском побережье даже появились надписи, утверждающие: «Эта земля была и навсегда останется польской».

Полонизация и дегерманизация Польши означали, в первую очередь, устранение немецкого населения и иммиграцию поляков из центральных и восточных областей. И коммунисты (ППР), и социалисты (ППС) устраивали пропагандистские кампании, призывая своих активистов на местах принять участие в изгнании немцев. Многочисленные петиции и лозунги были призваны популяризировать идею депортации в массах. Типичными, например, были лозунги ППС, распространявшиеся в Белостоке в январе 1946 г.: «Все немцы должны немедленно покинуть Польшу!», «Ни одного пруссака на польской земле от Буга до Нисы [Нейсе]», «Польша для поляков», «Немцам нет места на польской земле», «Наказывайте всякого, кто тянет с изгнанием» (160). Эти кампании часто сопровождались проявлениями насилия. Немцев пугали лагерями, где они могут оказаться, если не уберутся добровольно.

Александр Завадский, первый губернатор Опольской Силезии (впоследствии польский министр внутренних дел), был яростным приверженцем идеи депортации немцев любыми средствами. Он считал, что поляки должны культивировать своё чувство ненависти к немцам, поскольку проблема стоит так: «либо они, либо мы. Сегодня нет времени на проявление слабости, сочувствие немцам... Немцы — наши смертельные враги, и мы должны бороться с ними всеми доступными нам средствами» (161). Особенно подозрительно он относился к немецкому духовенству, представителей которого он считал проводниками германской культуры. Все они были поспешно высланы из страны или упрятаны в лагеря. (При этом католические священники сумели удержаться дольше протестантских). Он хотел, чтобы в Силезии не осталось больше ни одного немца. «Каждый гражданин имеет право, не дожидаясь милиции, арестовать немца... И если кто-то заметит, что какая-то женщина или ребенок общается с этими немцами, то должен схватить и этого немца, и эту женщину» (162). Завадский клятвенно пообещал, цитируя известный лозунг: «Не отдадим ни единой польской души, а ни одной немецкой нам не надо» (163).

За этими действиями закономерно последовала дегерманизация территории. Города и улицы переименовывались; с магазинов срывались немецкие вывески и рекламные плакаты; стирались надписи на немецком языке с домов, церквей и надгробий; памятники и памятные знаки, связанные с Пруссией и Гитлером, уничтожались (164). Из библиотек изымались книги на немецком языке, была также сделана попытка очистить польский язык от «германизмов». Один польский мемуарист писал, имея в виду вполне реальные случаи сжигания немецких книг и архивов: «Мы подошли к проблеме уничтожения остатков немецкого влияния на западных территориях варварски, без всякой тонкости. Сегодня об этом невозможно думать без огромного чувства стыда» (165).

Запрет на немецкий язык касался даже автохтонов, признанных поляками (в общей сложности, 850 тыс. чел.), хотя многие из них, особенно в Силезии, польского практически не знали. Правительственный указ от 17 апреля 1946 г. запретил использование немецкого языка в публичных местах и даже дома. Полиции было дано право арестовывать любого говорящего по-немецки как «провокатора» (166). Имена и фамилии также подлежали полонизации: бывший Ганс становился Яном, Георг — Ежи и т. д. К немецким фамилиям прибавлялись польские окончания: *-ский*, *-вич* или *-чик*.

Но самой трудной задачей польского руководства было добиться того, чтобы население новых областей осознавало себя как часть единой польской нации. Губернатор Силезии Завадский жаловался, что жители области смотрят на себя как на отдельную национальность, не совсем поляков и не совсем немцев. Этому надо положить конец, настаивал он. В ряде своих речей предельно националистического толка Завадский дал понять, что всякий, кто будет продолжать считать себя немцем, должен очистить территорию или попадёт в тюрьму. Те силезцы, которые «прошли проверку», обязаны немедля «реполонизироваться». Общение между поляками и немцами, а также смешанные браки запрещались. Ему очень не нравилось, когда смешанные браки признавались законными на том основании, что немецкий супруг выражал

преданность польскому государству и обещал воспитывать детей в польском духе (167). «Мы не дадим поливать немецкое мясо польским соусом. Мы должны твёрдо сказать себе, что в Опольской области правят единственно и исключительно поляки» (168).

Проблему в регионе составляли не только силезцы. Польские переселенцы из Украины и Белоруссии — так называемые крессы — насчитывавшие 2,1 млн. чел., также отличали себя от поляков из Варшавы, Кракова или Люблина. Из них тоже ещё требовалось сделать граждан новой единой Польши, а это подразумевало не просто обучение их польскому языку, традициям и законам. Как заявил 22 марта 1945 г. сотрудник министерства Западных земель Йозеф Дюбель, «задача осуществления полной реполонизации Опольской Силезии не сводится лишь к верификации [силезских] поляков... и приёму ещё нескольких эшелонов репатриантов [с востока]. Задача заключается в том, чтобы сформировать из двух этих разных биологических групп единую общность» (169).

Попытки Завадского, Дюбеля и других чиновников полонизировать Силезию и прочие бывшие германские территории часто разбивались о нежелание силезцев, мазуров, кашубов и других автохтонов расставаться со своим специфическим культурным наследием. Многие мазуры, например, изо всех сил держались за свою немецкую национальность. Мазурские женщины боялись, что если они получают польские документы, их «немецкие» мужья, отбыв срок в лагерях для военнопленных, не смогут к ним вернуться (170). Для многих силезцев даже после страшной войны немецкая культура была ближе польской, но они были вынуждены скрывать свои чувства, чтобы остаться жить в своих родных городах и селах. Их привязанность к месту оказывалась сильнее, чем привязанность к нации, польской или немецкой (171). Они знали, что условия в оккупационных зонах Германии были хуже, чем в Польше; поэтому, ради получения статуса поляков, силезцы, даже те, кто отождествлял себя с немецкой нацией, были готовы пойти на формальности полонизации.

Многие силезцы с опаской относились к полякам из центральных областей страны и не находили общего языка с выход-

цами с востока. В свою очередь, и те, и другие относились с презрением к силезцам. Порой отношение польских властей заставляло силезцев ещё острее ощущать свою близость к немцам, хотя большинство из них вовсе не стремилось в Германию (172). То, что многие силезцы, прежде чем быть допущенными к «верификации», подверглись выселению из своих домов и интернированию в лагерях, явно не способствовало их желанию ощущать себя поляками (173). «Болезненным» назвал Завадский тот факт, что в ходе «очищения от немцев возвращенных земель» в лагерях оказались многие поляки, которые знают польский язык и «считают себя поляками». Завадский признался, что такое обращение с силезцами было вызвано тем, что вновь прибывшие поляки претендовали на их дома и их земли (174). Обида и негативное отношение силезцев к «пришельцам» нашли выражение в продолжении использования немецкого языка в быту, а впоследствии, в 1970–1980-е гг., — в многочисленных случаях эмиграции в Федеративную Республику Германию.

В сентябре 1947 г., три года спустя после принятия в Силезии антинемецкого законодательства, немецкая речь продолжала звучать на улицах и в домах, вызывая раздражение губернатора Завадского. Он предложил начать новую войну против немецкого языка и перенести её в дома с целью убрать немецкий язык из альбомов, с открыток и настенных календарей. Особенно обидно, отмечал он, когда польские (в смысле — силезские) семьи спокойно относятся к немецким надписям на надгробиях, под которыми покоится прах их умерших родственников (175).

ИТОГИ

Воспользовавшись условиями войны и послевоенного перехода к миру как прикрытием, чехи и поляки поспешили свести старые счёты и изгнать немцев из своих стран. Проблема немецкого меньшинства была весьма мучительной для обеих стран в межво-

енный период. Поэтому, когда пришло время свести счёты, поляки и чехи были преисполнены националистическими чувствами и вполне понятным желанием отомстить. Война и оккупация только обострили эти чувства, и главной причиной раскручивания механизма национальной ненависти были, конечно, нацисты и проводимая ими политика. В этом смысле, можно сказать, что немцы пожали то, что посеяли. Жестокость, с которой чехи и поляки осуществляли этническую чистку, объяснялась жестокостью нацистской политики в Центрально-Восточной Европе.

Но главная причина изгнания немцев из Польши и Чехословакии кроется в желании новых послевоенных правительств этих стран (и их предшественников в лондонской эмиграции) иметь этнически однородное, а значит, более управляемое и отвечающее целям и интересам главной нации общество. Не нашедшие разрешения в межвоенный период противоречия между немцами и чехами, немцами и поляками только усилили это желание. В Польше в жертву богу этнической чистоты были принесены не только немцы, но и украинцы. Не сумевшие ассимилироваться в новой польской коммунистической культуре евреи также пришлось не ко двору в послевоенной Польше. Большинство оставшихся польских евреев (примерно 25 тыс. чел.), в конце концов, было выслано из страны в 1968 г. В Чехословакии выселению, помимо немцев, подверглись словацкие венгры. Лишь по настоянию советской военной администрации в Венгрии эти депортации были прекращены. Национализм стал главным мотивом начавшегося в конце Второй мировой войны нового этапа государственного строительства в странах Европы и в Советском Союзе. Принцип признания прав меньшинства, являвшийся, по крайней мере, формально, одной из основ послевоенного устройства Европы с 1918 г., потерпел сокрушительное поражение. От вильсоновской Европы не осталось и следа.

В послевоенных Польше и Чехословакии политика играла ещё более важную роль, чем в Советском Союзе в ту пору, когда Сталин и Берия принимали решение о депортации чеченцев, ингушей и крымских татар. Яростная антинемецкая позиция увеличивала шансы на успех любого чешского или польского

политика, будь он коммунист или некоммунист. Обоюдное стремление коммунистов и демократов к созданию новой структуры власти и её консолидации заглушало голоса тех немногих, кто пытался доказать, что немецкие антифашисты, игравшие прогрессивную роль в межвоенный период, не враги Польше и Чехословакии и имеют право остаться. Трудно сказать, что думали о депортациях чеченцев, ингушей и крымских татар рядовые советские граждане — особенно учитывая, что мало кто из них вообще знал об этом. Напротив, изгнание немцев из Польши и Чехословакии происходило у всех на виду и было общенародным делом. Выдвигались стратегические, исторические и экономические обоснования депортации; считалось, что нельзя оставлять немцев на тех территориях, принадлежность которых в будущем наверняка будет оспорена правительством объединённой Германии.

Травма, нанесённая войной, нацистской оккупацией Польши и последовавшим за ними изгнанием немцев, оказалась настолько глубокой, что понадобилось длительное время, чтобы залечить её последствия. Большой шаг вперёд был сделан канцлером ФРГ Вилли Брандтом, который во время своего визита в Польшу в 1971 г. в скорбном молчании преклонил колени перед монументом памяти жертв восстания в Варшавском гетто. Однако немцам и полякам потребовалось ещё двадцать лет кропотливых дипломатических переговоров, чтобы подписать договор, положивший конец надоевшей неопределённости в отношении присоединения к Польше западных территорий. Лишь после этого смогли поляки принести свои извинения немцам за жестокость и произвол послевоенных депортаций, а немцы, в свою очередь, попросить у поляков прощения за страшные годы оккупации. Обе стороны близки к согласию в вопросе о взаимной ответственности и вине (176). Закономерным итогом стало заметное улучшение отношений между двумя странами.

Чехам и немцам пришлось пройти более длинный путь, чтобы достичь тех же соглашений, которые были достигнуты поляками и немцами в начале 1990-х гг. Причиной тому была политика. Влиятельное судето-немецкое лобби, базирующееся в Баварии

и имеющее влияние на Христианско-социальный союз, а через него — на политику правящего Христианско-демократического союза, мешало последнему вступить в диалог с чехами. Но и чехи не были безгрешны. Отрицание жестокости, с которой проводились изгнания, и непрекращающееся чувство вины за то, что они не сумели вовремя дать отпор нацистам, сыграли свою роль. Только в январе 1997 г. усилиями президента Чешской республики Вацлава Гавела был подписан договор о том, что Чехия и Германия приносят друг другу взаимные извинения за жестокости, совершенные во время и после войны, и соглашаются признать необратимость изгнания немцев. Однако многие вопросы до сих пор остаются нерешёнными, и многое ещё предстоит сделать, чтобы нормализовать отношения между двумя народами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Stephen P. Ladas*. The Exchange of Minorities: Bulgaria, Greece and Turkey. — New York: Macmillan, 1932. P.3 ff.

2. *Detlef Brandes*. Grossbritannien und seine osteuropäischen Alliierten 1939–1943. — Munich: R. Oldenbourg Verlag, 1988. P.230–231.

3. Лебедев — Вышинскому, 10 ноября 1945 г. См.: Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953 гг. Под ред. Волокитиной Т.М. и др. Т. 1. М.: Сибирский хронограф, 1997. С.292 (прим. 2).

4. *Aleksei Filitov*. Problems of Postwar Construction in Soviet Foreign Policy Conceptions during World War II // *Francesca Gori and Silvio Pons*, eds. The Soviet Union and Europe in the Cold War, 1943–1953. — New York: St. Martin's Press, 1996. P.9. Ссылка на меморандум Майского от 11 января 1944 г.

5. Запись разговоров Молотова с Бенешем, 21 марта 1945 г. См.: Восточная Европа в документах... Т. 1. С.174–176.

6. Запись разговора Сталина с Фирлингером и Клементисом, 28 июня 1945 г. См.: Восточная Европа в документах... Т. 1. С.232.

7. Отчёт Гомулки о беседе со Сталиным, третий квартал 1945 г. См.: Cold War International History Project Bulletin, Winter 2000 (далее — CWHIP Bulletin). P.273.

8. *Eduard Benes*. «Draft of Conversations between President Benes and Mr. Compton Mackenzie», interview by Compton Mackenzie, transcript, 1944. P.5–6, HIA, Taborsky Collection, box 4.

9. Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers: The Conference of Berlin, 1945, Vol. 1. — Washington: U.S. Government Printing Office, 1960 (далее — FRUS, Potsdam). P.643, 648, 649.

10. Record of Meeting at the Kremlin, October 9, 1944 (Churchill, Stalin, Molotov, et al.), CWHIP Bulletin (Winter 2000). P.36.

11. Foreign Relations of the United States, Diplomatic — Papers: The Conferences at Malta and Yalta, 1945. — Washington: U.S. Government Printing Office, 1955. P.720.

12. The Second World War Diary of Hugh Dalton, 1940–1945, ed. Ben Pimlott //CWHIP Bulletin (Winter 2000). P.133.

13. *Klaus-Dietmar Hencke*. Der Weg nach Potsdam — Die Alliierten und die Vertreibung //Wolfgang Benz. Die Vertreibung der Deutschen aus dem Osten: Ursachen, Ereignisse, Folgen. — Frankfurt am Main: Deutschen Taschenbuch Verlag, 1985. P.50, 56.

14. См.: *Schechtman*. Postwar Population Transfers. P.186; *Benz*. Die Vertreibung der Deutschen aus dem Osten. P.8.

15. FRUS, 1943, Vol.3. P.15. См. также: *Benz*. Die Vertreibung der Deutschen aus dem Osten. P.56.

16. FRUS, Potsdam, Vol.2. P.262, 389.

17. Ibid. P.218, 383–384, 388–391.

18. Ibid. P.1495.

19. *Hencke*. Der Weg nach Potsdam. P.66.

20. См. речи Бенеша в Пльзене и Мельнике летом 1945 г.: Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mitteleuropa IV. Die Vertreibung der Deutschen Bevölkerung aus der Tschechoslowakei, Band 1 (rpt). — Munich: Deutsche Taschenbuch Verlag, 1984. P.114, fn. 1.

21. Цит. по: *Heinz Nawratil*. Vertreibungs-Verbrechen an Deutschen. — Munich: Ullstein, 1987. P.96.

22. *Jaromir Smutny*. Svedectvy prezidentova kanclere. — Prague: Mlada Fronta, 1996. P.274.

23. Ibid. P.279–281.

24. Восточная Европа в документах российских архивов. Т.1. С.176.

25. Воззвание Готвальда от 11 мая 1945 г. Dokumentation der Vertreibung, Vol. 1. P.75 fn. 4.

26. Выступление К. Готвальда перед партийными руководителями в Праге 5 июля 1945 г. цит. по: *Bradley Adams*. «The Struggle for the Soul of the Nation»: Czech Culture and Socialism 1945–1948. Ph. D. Dissertation, Stanford University, 1998. P.265.

27. *Tomas Stanek*. Odsun Nemcu z Cekoslovenska 1945–1947. — Prague: Academia Nase Vojsko, 1991. P.127.

28. Record of meeting at the Kremlin, October 17, 1944 (Churchill, Eden, Stalin, Molotov, et al.), CWHIP Bulletin, Winter 2000. P.67.

29. *Hans Lemberg*. Die Entwicklung der Pläne für die Aussiedlung der Deutschen aus der Tschechoslowakei // *Detlef Brandes and Vaclav Kural*, eds. Der Weg in die Katastrophe: Deutsch-tschechoslowakische Beziehungen 1938–1947. — Essen: Klartext, 1994. P.80–82.
30. См.: Готвальд — Прохазке, 21 ноября 1944 г. и запись беседы Молотова с Бенешем 21 марта 1945 г. // *Восточная Европа в документах...* Т. 1. С.100, 176–177.
31. *Lemberg*. Die Entwicklung der Pläne. P.84–86.
32. *Nawratil*. Vertreibungs-Verbrechen an Deutschen. P.95.
33. НИА, Taborsky, box 8, Edward Taborsky, «Minority Regimes and the Transfer of Populations in Central Europe after This War» (prepared for Benes, 1943–44). P.42–49.
34. См.: *Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Национально-территориальный вопрос в контексте послевоенных реальностей Восточной Европы // *Национальный вопрос в Восточной Европе*. М.: РАН, 1995. С.231.
35. Alfred W. Klieforth to Foreign Minister, June 28, 1945. P.288 // *FRUS*, Potsdam, Vol. 1. P.644.
36. *Ibid*. P.644.
37. *Ibid*. P.647.
38. Archives of the Herder Institute (АНИ), «Pravo Lidu», June 12, 1945. О Лидице см. также «Pravo Lidu», June 10, 1945.
39. *Dokumenten zur Sudetenfrage: Veröffentlichung des Sudetendeutschen Archivs*. — Munich: Fritz Peter Habel, Langen Mueller, 1984. P.287.
40. *Dokumentation der Vertreibung*, Vol.2. P.71 n. 2.
41. *Derek Sayer*. The Coasts of — Bohemia: A Czech History. — Princeton: Princeton University Press, 1998. P.240.
42. *Ibid*. P.239–240.
43. АНИ, «Vertreibungsbericht von Frau Erna Pätzold», November 1945.
44. По поводу жестокостей чехов см. советские отчёты: «Об отношении чехословацкого населения к немцам», 18 мая 1945 г. РГАСПИ. Ф.17. Оп.128. Д.320. Л.161; Серов — Берии, 4 июля 1945 г. ГАРФ. Ф.9401. Оп.2. Д.97. Л.143–144. О «погромной атмосфере» этого периода говорил и Томаш Станек. *Stanek*. *Odsun Nemcu*. P.378.
45. См.: *Dokumentation der Vertreibung*, Vol. 2.
46. *Stanek*. *Odsun Nemcu*. P.76–77; *Sayer*. *The Coasts of Bohemia*. P.243.
47. АНИ, «Vyridit kriminalni pripad palicu a vlkodlaku», «Mlada Fronta», August 1, 1945.
48. *Dokumentation der Vertreibung*, Vol. 2. P.123.
49. *Ibid*. P.72.
50. *Ibid*. P.71–72, 81, 122; *Stanek*. *Odsun Nemcu*. P.77; *Sayer*. *The Coasts of Bohemia*. P.243.
51. *Dokumenten zur Sudetenfrage: Veröffentlichung des Sudetendeutschen Archivs*. P.71–72.

52. Подробнее об этом см.: *Naimark*. The Russians in Germany. P.69–121.
53. Dokumentation der Vertreibung, Vol.2. P.277.
54. Ibid. P.458.
55. См. об этом любопытные мемуары Эриха Гелферга: *Erich Anton Helfert*. Valley of Shadow: After the Turmoil My Heart Cries No More. — Berkeley: Creative Arts Book Company, 1997.
56. Dokumentation der Vertreibung, Vol.2. P.86.
57. Восточная Европа в документах... Т. 1. С.223.
58. Основываясь на заведомо неполных сведениях, Томаш Станек заявляет, что в лагерях умерло порядка 6–7 тысяч немцев. *Tomas Stanek*. Tabory v ceskych zemich 1945–1948. — Орава: Nakladatelstvi Tilia, 1996. P.196.
59. *Stanek*. Odsun Nemcu. P.378.
60. *Мурашко, Носкова*. Национально-территориальный вопрос... С.235.
61. *Jaroslav Kucera*. Odsunove ztraty sudetonemeckeho obyvatelstva. — Prague: Federalni ministerstvo zahranicnich veci. 1992. P.24.
62. АНН. *R. Stokes*. House of Commons, «Camps in Czechoslovakia» //Manchester Guardian, October 10, 1946.
63. Dokumentation der Vertreibung, Vol.2. P.271.
64. *Alois Harasko*. Die Vertreibung der Sudetendeutschen: Sechs Erlebnisberichte //Benz. Die Vertreibung der Deutschen. P.108. См. также: *Jeremy King*. Budweisers into Czechs and Germans: A Local History of Bohemian Politics 1848–1948. — Princeton: Princeton University Press, 2002. P.193.
65. *Harasko*. Die Vertreibung der Sudetendeutschen. P.117.
66. Dokumentation der Vertreibung, Vol.2. P.330.
67. Ibid. P.34
68. *Harasko*. Die Vertreibung der Sudetendeutschen. P.108; Dokumenten der Vertreibung, Vol.2. P.158, 202, 210, 330–331, etc.
69. Dokumentation der Vertreibung. Vol.2. P.195.
70. Ibid. P.567.
71. *Harasko*. Die Vertreibung der Sudetendeutschen. P.109–111; *Alfred-Maurice de Zayas*. A Terrible Revenge: The Ethnic Cleansing of the East European Germans, 1944–1950. — New York: St. Martin's, 1994. P.86.
72. *Nawratil*. Vertreibungsverbrechen an Deutschen. P.71. Некоторые немецкие источники называют ещё более высокую цифру — 500 тысяч чел. См.: *Luza*. The Transfer of the Sudeten Germans. P.293.
73. Konfliktni Spolecenstvi. Katastrofa, Uvolneni: Nactr vykladu nemecko-ceskych dejin of 19 stoleti. — Prague: Spolecna nemecko-ceska komise historiku. P.71.
74. *Hans Lemberg*. Die Arbeit der deutsch-tschechischen Historiker-kommission //Zeitschrift zur politischen Bildung, 34. №4 (1998). P.94.
75. *Philipp Ther*. A Century of Forced Migration: «Ethnic Cleansing» in the 20th. Century //Expulsion, Settlement, Integration, Transformation: The Conseq-

ences of Forced Migration for the Postwar History of Central and Eastern Europe. — Rowan and Littlefield, 2001. P.35.

76. *Luza*. The Transfer of Sudeten Germans. P.131; *Sayer*. The Shores of Bohemia. P.243.

77. По поводу споров о статистике потерь среди судетских немцев см.: *Luza*. The Transfer of Sudeten Germans. P.293–300; *Kucera*. Odsunove ztraty sudetonemeckeho obyvateľstva. P.2–38. Кучера полагает, что наиболее достоверной цифрой является 24 тысячи, Луза своего мнения по этому поводу не имеет.

78. О выселении коммунистов см.: *Rudolf Slansky*. Nedopustime pripravovaneho Mnichova. — Prague: Vydava Kulturni a propagacni, 1945. P.7–8.

79. *Ibid*. P.34.

80. *Luza*. The Transfer of the Sudeten Germans. P.129.

81. *Ibid*. P.320.

82. *Benjamin Frommer*. To Prosecute or to Expel? Czechoslovak Retribution and the «Transfer» of Sudeten Germans // *Ther*, ed. Expulsion, Settlement, Integration, Transformation. P.1.

83. *King*. Loyalty and Polity. P.167.

84. Dokumentation der Vertreibung, Vol.2. P.247.

85. *Benjamin Frommer*. Expulsion or Integration: Unmixing Interethnic Marriage in Postwar Czechoslovakia // *East European Politics and Societies*, 14. №1 (2000). P.381–410.

86. *Sayer*. The Coasts of Bohemia. P.241.

87. *Ibid*. P.248.

88. *Nawratil*. Vertreibungs-Verbrechen an Deutschen. P.69, 96–97.

89. *Brandes*. Grossbritannien und seine osteuropäischen Alliierten. P.505. Бенеш говорил об изгнании немцев как о «политическом, экономическом и социальном пятилетнем плане».

90. *New York Times*, December 5, 1945.

91. *King*. Loyalty and Polity. P.146; *Vojtech Mastny*. The Czechs under Nazi Rule: The Failure of National Resistance, 1939–1942. — New York: Columbia University Press, 1971. P.206, 224.

92. HIA, Polish Foreign Ministry, «Granice zachodne», 341. To Vice Minister of Military Affairs from Ministry of Preparatory Work Concerning the Peace Conference, August 21, 1942. P.1–2; Seyda to Mikolajczyk, June 28, 1943. См. также: *Sarah Meiklejohn Terry*. Poland's Place in Europe: General Sikorski and the Origin of the Oder-Neisse Line, 1939–1943. — Princeton: Princeton University Press, 1983. P.100; *Brandes*. Grossbritannien und seine osteuropäischen Alliierten. P.406.

93. HIA, «Postwar Borders Poland», Kierownictwo Marynarki Wojennej, «Potrzeba Polityczno-Militarna Szczecina», November 1943. P.7–8.

94. *Detlef Brandes*. «Vorgeschichte von Flucht und Vertreibung», «Wach auf, mein Herz, und danke»: Zur Geschichte der Beziehungen zwischen Schlesien

und Berlin-Brandenburg von 1740 bis heute... — Berlin: Gesellschaft für interregionalen Kulturaustausch, Stowarzyszenie Instytut Slaski, 1995. P.384.

95. Ibid. P.385.

96. «Projekt dekretu o likwidacji niemczyzny w Polsce», «Dekret o szczególnych przypadkach straty obywatelstwa», and «Sprawa wysiedlen i wywlaszczen na przyszłych terytoriach //HIA, Polish Foreign Ministry, box 78, folder 20.

97. HIA, Polish Foreign Ministry, Granice zachodnie, 341, notes, September 25, 1944.

98. HIA, Ministerstwo Prac Kongresowych, London, August 1944.

99. Information Bulletin of the Home Army, July 1944, cited in *Brandes*, «Vorgeschichte von Flucht und Vertreibung». P.387.

100. HIA, Mikolajczyk, box 72, «Rezolucje Rady Naczelny P.S. L.», October 6–7, 1946. P.6. См. также: HIA, «Postwar Borders», «Tezy w Sprawie Wyssiedlenia Niemcow z Polski», August 1944.

101. Цит. по: *Anthony Polonsky and Boleslaw Drukier*, eds. The Beginnings of Communist Rule in Poland. — London: Routledge and Kegan Paul, 1980. P.425.

102. *Padraic Kenney*. Rebuilding Poland: Workers and Communists, 1945–1950. — Ithaca: Cornell University Press, 1997. P.152.

103. *Chiodo*. Sterben und Vertreibung. P.220.

104. *Andrzej Paczkowski*, ed. Dokumenty do dziejow PRL: Aparat bezpieczenstwa v latach 1944–1956, part 1, 1945–1947. — Warsaw: Instytut Studiow Politycznych PAN, 1994. P.109.

105. О том, что многие немцы не пожелали смириться с утратой своих домов, см.: *Der Vertreibung der deutschen Bevölkerung aus den Gebieten östlich der Oder-Neisse*, Bände 1 und 2, rpt. — Munich: Weltbild Verlag, 1993.

106. Интервью с Лотаром Бааром, 1995, см.: «Wach auf, mein Herz, und Danke...». P.416.

107. *Borodziej, Hajnicz*. Der Komplex der Vertreibung. P.30.

108. Цит. по: *Brandes*. Vorgeschichte von Flucht und Vertreibung. P.389.

109. Российский историк войны Елена Зубкова пишет, что жестокость войны пропитала общество насковзь и не исчезла после объявления мира. *Зубкова Е.Ю.* Общество, вышедшее из войны: Русские и немцы в 1945 г. //Отечественная история. 1996. №3. С.97.

110. *M. Sobkow*. Do innego kraju //«Wach auf, mein Herz, und Danke...». P.433.

111. Прежде всего, неизвестно, в отличие от чехословацкого случая, сколько немцев было выслано из страны. Согласно ранним немецким источникам, только из Силезии было изгнано 3 миллиона немцев, а в целом из Польши (в новых границах) — 4,5 миллиона. *Stanislaw Senft*. Werifikacja Narodowa i repolonizacja na slasku w latach 1945–1950 //«Wach auf, mein Herz...». P.448. Совместная польско-германская историческая комиссия оперирует (вынужденно) цифрой 3,5 миллиона немцев, высланных с поль-

ских территорий, находившихся под управлением как польской, так и советской администрации (имеется в виду, прежде всего, Восточная Пруссия). Из них приблизительно 400 тысяч умерли от различных причин. *Włodzimirz Borodziej and Artur Hajnicz*. Der Komplex der Vertreibung: Abschlussbericht. — Warsaw, December 7, 1996. P.34. Однако количество 3,5 млн. относится только к перемещённым после ноября 1945 г. *Bernadetta Nitschke*. Wysziedlenie Ludnosci Niemeckiej z Polski w latach 1945–1949. — Zielona Gora: Wyzsza Szkola Pedagogiczna, 1999. P.305. В одном недавнем статистическом исследовании фигурируют следующие цифры: всего погибших — 473013 чел., из них 58256 чел. расстреляно, 14356 чел. совершили самоубийство, 80522 чел. умерли в лагерях, 93283 чел. погибли при транспортировке и ещё 63876 чел. — при выселении из своих домов. *Gert von Pistohlkors*. Informationen zur Klärung der Schicksale von Flüchtlingen aus der Vertreibungsgebieten östlich von Oder und Neisse // *Rainer Schulze, Doris von der Brelie-Lewien, and Helga Grebing* eds. Flüchtlinge und Vertreibene in der westdeutscher Nachkriegsgeschichte: Bilanzierung der Forschung und Perspektiven für die künftige Forschungsarbeit. — Hildesheim: Verlag August Lax, 1987. P.5. А по подсчётам Роберта Трана, в процессе польской и советской оккупации и вынужденной депортации (на западных территориях) от насилия, голода и болезней погибло примерно 2 миллиона немцев. *Robert Trana*. Wysziedlenia Niemcow z Polski — refleksje na marginesie literatury najnowszej // *Tematy polskoniemieckie*. — Olsztyn: Wspolnota Kulturowa, 1997. P.28–29.

112. *Madajczyk*. Przyłączenie Slaska Opolskiego do Polski. P.88.

113. *Naimark*. The Russians in Germany. P.71–76.

114. *Ibid*. P.146–150.

115. *Rudolf von Thadden*. Die Gebiete östlich der Oder-Neisse in den Übergangsjahren 1945–1949: Eine Vorstudie // *Flüchtlinge und Vertreibene in der westdeutschen Nachkriegsgeschichte*. P.119, 124.

116. Восточная Европа в документах... Т.1. С.260.

117. Там же. С.262.

118. *Kenney*. Rebuilding Poland. P.140–141.

119. *Madajczyk*. Przyłączenie Slaska Opolskiego do Polski. P.222.

120. *Ibid*. P.102.

121. Dokumenty do dziejow PRL: Aparat bezpieczenstwa. P.108–109.

122. Восточная Европа в документах... Т.1. С.261.

123. *Edmund Nowak*. Cien Laminowic. — Opole: Centralne Muzeum Jen-cow Wojennych w Laminowicach, 1991. P.51, 55.

124. *Naimark*. The Russians in Germany. P.75–76.

125. *Karol Jonca, Marek Maciejewski, et al.*, eds. Wysziedlenia Niemcow i osadnictwo ludnosci polskiej na obszarze Krzyzowa-Swidnica (Kreisau-Schweidnitz) w latach 1945–1948: Wybor dokumentow // *Die Aussiedlung der Deutschen und die Ansiedlung der polnischen Bevölkerung im Raum Krzyzowa-Swidnica (Kreisau-Schweidnitz) 1945–1948*. — Wroclaw: Wydawnictwo Leopoldium, 1997. P.88.

126. *Madajczyk*. Przyłączenie slaska opolskiego do Polski. P.227.
127. *Nitschke*. Wsysiedlenie ludnosci niemieckiej. P.309.
128. *AHI*, «Freie Presse», January 8, 1947.
129. *Madajczyk*. Przyłączenie slaska opolskiego do Polski. P.220.
130. Восточная Европа в документах... Т. 1. С.261.
131. *Von Thadden*. Die Gebiete östlich der Oder-Neisse. P.121.
132. *Nitschke*. Wsysiedlenie ludnosci niemieckiej. P.306.
133. *Ibid*. P.307.
134. *Madajczyk*. Przyłączenie slaska opolskiego do Polski. P.220; *Nowak*. Cien Lambinowic. P.73.
135. *Helga Hirsch*. Die Rache der Opfer: Deutsche in polnischen Lagern 1944–1950. — Berlin: Rowohlt, 1998. P.93.
136. *Nitschke*. Wsysiedlenie ludnosci niemieckiej. P.307.
137. *Hirsch*. Die Rache der Opfer. P.35–36, 39.
138. *Zygmunt Woznicka*. Oboz pracy w Swietochlowicach //Dzieje Najnowsze, rocznik, 31. №4 (1999). P.29.
139. *Madajczyk*. Przyłączenie slaska opolskiego do Polski. P.220.
140. *Nowak*. Cien Lambinowic. P.111.
141. *Wozniczka*. Oboz pracy w Swietochlowicach. P.18.
142. *Senft*. Werifikacja Narodowa i repolonizacja na Slasku w latach 1945–1949. P.452–453; *Hirsch*. Die Rache der Opfer. P.200.
143. *Nowak*. Cien Lambinowic. P.111.
144. *Ibid*. Некоторые бывшие заключённые утверждали, что в ходе этого инцидента было убито до 500 человек.
145. *Ibid*. P.73.
146. *Borodziej, Hajnicz*. Der Komplex der Vertreibung. P.34.
147. *Nowak*. Cien Lambinowic. P.106.
148. *Hirsch*. Die Rache der Opfer. P.187–191.
149. *Ibid*. P.182; *Von Thadden*. Die Gebiete östlich der Oder-Neisse. P.118; *Senft*. Verifikacja narodowa i repolonizacja na slasku. P.445.
150. См.: *Naimark*. The Russians in Germany. P.71–74.
151. *Chiodo*. Sterben und Vertreibung der Deutschen. P.239–244.
152. См. министерские циркуляры от 5 июня и 9 августа 1947 г. Die Vertreibung der deutschen Bevölkerung aus den Gebieten östlich der Oder-Neisse: Polnische Gesetze und Verordnungen 1944–1955, Vol.3. P.387, 46.
153. *Kenney*. Rebuilding Poland. P.153.
154. Выступление Миколайчика на заседании Госсовета 6 октября 1946 г. HIA, Mikołajczyk, box 76. P.6.
155. См.: *Krystyna Kersten*. Miedzy wyzwoleniem a zniewoleniem: Polska 1944–1956. — London: Aneks, 1993. P.37–42; *Jan Tomasz Gross*. Upiorna Dekada. — Krakow: Universitas, 1998. P.93–113.
156. *Ther*. Deutsche und polnische Vertreibene. P.45 n. 51.
157. *Ther*. A Century of Forced Migration. P.35–42; *Marek Jasiak*. Ukrainian Resistance in Poland and the Origins of Akcja Specjalna Wisla //Ther, ed.

Expulsion, Settlement, Integration, Transformation. P.20–22. По мнению Тимоти Снайдера, в ходе операции было убито от 1 до 2 тыс. украинцев. См. его «To Resolve the Ukrainian Problem Once and for All: The Ethnic Cleansing of Ukrainians in Poland, 1943–1947», *Journal of Cold War Studies*, 1. №2 (Spring 1999). P.111–115.

158. Протокол совместного заседания руководства ППС и ППР, 28 сентября 1945 г. НИА, Mikołajczyk, box 40. P.6.

159. Речь Миколайчика в г. Ополе 8 апреля 1946 г. НИА, Mikołajczyk, box 38. №46.

160. Archiwum Akt Nowych (AAN), PPS Wydział Ziem Odzyskanych, collection, 235/XXXIII–9, 1. 25–27a.

161. *Madajczyk*. Przyłączenie slaska opolskiego do Polski. P.111.

162. *Linek*. «Odniemczenie» województwa slaskiego w latach 1945–1950. — Opolo: Wydawnictwo Instytut Slaski. P.42.

163. *Danuta Berlinska*. Narodno-etniczne stosunki miedzygrupowe na Slasku Opolskim: ciaglosc i zmiana // *Krzysztof Fryszlacki*, ed. Polacy, Slazacy, Niemcy: Studia nad stosunkami spoleczno-kulturowymi na Slasku Opolskim. — Krakow: Universitas, 1998. P.36.

164. *Linek*. «Odniemczenie» województwa slaskiego. P.11.

165. «Wach auf, mein Herz, und danke...». P.433.

166. *Linek*. «Odniemczenie» województwa slaskiego. P.50.

167. *Senft*. Weryfikacja narodowa i repolonizacja na slasku w latach 1945–1949 // «Wach auf, mein Herz...». P.449.

168. *Linek*. «Odniemczenie» województwa slaskiego. P.23 n. 7.

169. *Ibid*. P.14.

170. *Chiodo*. Sterben und Vertreibung der Deutschen. P.241–242.

171. *Berlinska*. Narodowo-etniczne stosunki. P.43.

172. *Ibid*.

173. *Gerhard Koselleck*. Deutsche und Polen in Silesia // *Valeria Heuberger, Arnold Suppan, and Elisabeth Vyslonzil*, eds. Das Bild vom Anderen. — Frankfurt an Main: Peter Lang, 1998. P.80–81.

174. AAN, PPS, Wydział Ziem Odzyskanych, Zawadzki memorandum, October 24, 1945, 235/XXXIII–11. P.5.

175. *Linek*. «Odniemczenie» województwa slaskiego. P.72–73.

176. Впервые об изгнании немцев откровенно заговорили польские школьные учебники. См.: *Jacek Kowalski, Miroslaw Sietatycki, Wieslawa E. Kozłowska*. Polacy i niemcy w nowej Europie: Partnerzy. — Warsaw: Wydawnictwa CODN, 1998.

Глава 5

ВОЙНЫ ЗА ЮГОСЛАВСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Этническая чистка в бывшей Югославии и сопровождавшие её вспышки геноцида были нераздельно связаны с крахом югославской идеи в XIX в., крахом югославского государства в XX в. и недавними войнами за югославское наследство. Ещё более непосредственным образом этническая чистка была связана с созданием в начале 1990-х гг. независимых южнославянских государств: Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Боснии и Герцеговины, — ставших наследниками прежней югославской федерации. Процесс этот ещё не закончился, и очень вероятно, что на развалинах бывшей Югославии вскоре могут возникнуть новые государства — например, Черногория и Косово. Корни обоих процессов: и распада Югославии, и создания вслед за ним новых национальных государств, — кроются в истории национализма и войн на Балканах в XX в., а вовсе не в шестисотлетнем балканском конфликте, как принято считать. Конечно, современные националистические движения в балканских странах — в том виде, в каком они сформировались в XIX в., — имеют свои, весьма специфические, особенности. Однако этническая чистка в бывшей Югославии не являлась неизбежным результатом процесса национально-государственного строительства; это был осознанный выбор конкретных правительственных элит, вынашивавших конкретные политические цели. Личная позиция Милошевича или Туджмана, поддержанная их политическими сторонниками в Сербии и Хорватии, сыграла не меньшую роль, чем куда более абстрактные процессы дезинтеграции в республиках

бывшей Югославии и создания на её основе новой многогосударственной структуры.

ПРЕДЫСТОРИЯ

В XX в. существовало два югославских государства, и оба не сумели справиться с трудностями, связанными с их многонациональным составом. Первое, Королевство сербов, хорватов и словенцев, было создано после Первой мировой войны, в декабре 1918 г. В результате краха Османской и Австро-Венгерской империй границы на Балканах были перечерчены, и возникла абсолютно новая южнославянская общность. Своё официальное название — Югославия — она получила после государственного переворота 1929 г., установившего диктатуру короля Александра. В период между двумя мировыми войнами две крупнейшие нации, входившие в состав Югославии, сербы и хорваты, не сумели поделить между собой власть, тем самым значительно ослабив единство страны. Некоторые историки полагают, что первая серьезная попытка заключить компромисс (так называемый «спорацум» 1939 г.) могла бы спасти Югославию от краха, если бы не последовавшая вскоре война. Впрочем зерна будущего конфликта содержались и в самом этом договоре, предусматривавшем существование в составе нового национально-территориального образования, бановины Хорватии, крупных сербских и мусульманских меньшинств (1). Так или иначе, вторжение на Балканы в начале Второй мировой войны войск фашистской Италии и Третьего рейха уничтожило непрочное югославское государство. Конец кровавой братоубийственной вражде, которой сопровождалась военная деятельность на Балканах, положили партизаны и Тито, начавшие создавать новое югославское государство. Его децентрализованная федеральная структура и крайне централизованная политическая были направлены на то, чтобы разрешить этнические противоречия в стране, углубившиеся

в межвоенный период и усугубившие и без того тяжёлые последствия войны.

Распад коммунистической Югославии, пришедший на конец 1980-х гг., высвободил националистические силы, дремавшие со времён Второй мировой войны. Об опыте Второй мировой войны, сильно мифологизированном в партизанском фольклоре, напоминал и военный язык нового конфликта. Сербы заявляли, что они сражаются с хорватскими «ушашами» и боснийскими «фашистами», а хорваты и боснийские мусульмане противостояли сербским «четникам». Сербские и хорватские боевики носили униформу и нашивки своих националистических предшественников полувековой давности, четников и усташей, тем самым подчёркивая, что война в Боснии есть «продолжение Второй мировой войны», как выразился Радован Караджич (2). Сопоставление со Второй мировой войной только подтверждает тот факт, что этническая чистка в Боснии и Косово связана с проблемами XX в.

Большинство ученых, пишущих о югославской войне, не согласны с утверждением, что она явилась порождением «застарелой ненависти», веками копившейся в нациях региона (3). Многие из этих «наций», подчёркивают они, возникли сравнительно недавно и не имели или почти не имели исторического опыта закоренелой вражды с соседями. Но и нации, имевшие более почтенное средневековое происхождение, такие как сербы, хорваты и боснийцы, не были заняты столетиями только тем, что воевали друг с другом. Распространенное в современной Югославии и на Западе представление о вековом конфликте между турками и сербами, мусульманами и христианами нуждается в существенном пересмотре. Длившийся 600 лет *Pax Ottomanica*, позволял балканским народам жить на территории империи своими религиозно-национальными общинами, хотя и под Османским владычеством. К концу XIX в. обращённые в ислам христиане балканского происхождения: албанцы, греки, сербы, черногорцы и другие, — составляли значительный процент османского руководства. Десятки великих везирей и бесчисленные генералы, министры и губернаторы — выходцы с Балкан играли важную

роль в управлении империей. Войны и конфликты сопровождали завоевание Османами Балкан в XIV–XV вв., а также закат империи и её вытеснение из региона в XIX — начале XX в. Но эти конфликты сами по себе имели гораздо меньшее значение для объяснения войн за югославское наследство конца XX в., чем хотелось бы политикам и идеологам.

Конечно, эксплуатация исторической памяти в национальных целях началась не с Милошевича, Туджмана, Караджича и им подобным. Упадок Османской империи и подъём национализма в период после Великой французской революции подарили сербам, грекам, болгарам и другим балканским народам идею и шанс начать борьбу за национальный суверенитет. Подобные требования исходили в основном от «протонационалистов» начала современной эпохи, пронесших идеи национальной исключительности через весь период австрийского и турецкого господства (4). Подобно народным сказителям, передававшим из уст в уста эпос балканских народов, грамотные священники, учителя и писатели культивировали историческую память о своих «великих» сербском, хорватском, болгарском, албанском, боснийском и других средневековых балканских княжествах и королевствах.

В XIX в. в регионе шёл активный процесс складывания наций. Первыми результата достигли сербы и греки; албанцы и македонцы пришли к финишу гораздо позже, но схема везде была примерно одинаковой. Сначала идея национальной общности рождалась в головах горстки интеллектуалов. Затем возникали националистические движения, имеющие хотя и узкую, но значимую социальную базу. На третьей стадии политическое руководство этих националистических движений начинало добиваться политической власти либо в рамках более крупной многонациональной общности, либо в движении за независимость. Четвертая стадия характеризовалась образованием независимых государств или автономных единиц со своими границами и этнонациональной идентичностью. На финальной стадии новые государства стремились привить национальные ценности своему населению, которое в массе своей нередко оставалось изолированным от самого процесса складывания нации (5).

Для сербского национального самосознания центральной темой стала тема героизма и самопожертвования сербского народа, метафорически сформулированная в ставшей всемирно известной эпической поэме о битве на Косовом поле. В день святого Вита, 28 июня 1389 г. на Косовом поле сербо-боснийское войско во главе с князем Лазарем было разбито турецкой армией султана Мурада. Князь Лазарь предпочёл выполнить священный долг — свой и своего народа — и погибнуть, но не уронить сербского достоинства унижительной просьбой мира. Косовский миф поддерживает в сербах память о коварстве турок, о предательстве знати в лице Вука Бранковича, а сверх всего — о героизме и самопожертвовании Милоша Обилича, который, будучи обвинён в измене, храбро проник в шатер Мурада, убил султана и сам пал геройской смертью. В одном из самых трогательных эпизодов рассказывается, как Косовская Дева, символ сербской женщины, ищет на поле брани, среди истекающих кровью героев тело своего убитого суженого.

Если видит живого юнака,
Умывает холодной водицей,
Причащает вином тёмно-красным,
Белым хлебом его подкрепляет (6).

Эпические поэмы, увековечившие память о Косовской битве, передавались, отдельными фрагментами и частями, из поколения в поколение. При этом их значение менялось, в зависимости от интересов тех или иных сербских общин и желания рассказчика (7). Тот факт, что христиане и мусульмане сражались в этой битве бок о бок — сербы, хорваты, албанцы и турки были представлены и в той, и в другой армии, — очень скоро был забыт. Забыто было и то, что Косовская битва, по сути, ничего не решала и закончилась безрезультатно, а вовсе не трагическим поражением. Марицкая битва (1371 г.), с точки зрения истории, была куда более значимой для дальнейшей судьбы сербского народа. Однако для сербских сказителей и отцов церкви, стремившихся сформировать у сербов сознание общности судьбы, это

было так же неважно, как для Милошевича, собравшего 28 июня 1989 г. на Косовом поле более миллиона сербов, чтобы отметить 600-летнюю годовщину битвы (8).

В 40-е гг. XIX в. великий черногорский «князь-поэт» Пётр Петрович Негош воспользовался косовским мифом, чтобы создать свою версию истории Черногории, изложенную им в поэме «Горный венец» (9). В ней повествуется о том, как черногорские сербы, движимые чувством мести за жертву, принесённую сербами на Косовом поле, объединяются для борьбы с турками. Проблема, с точки зрения Негоша, заключалась не столько во внешней исламской опасности, сколько во внутренней: дело в том, что многие черногорские кланы к тому времени приняли мусульманство. В поэме митрополит Данило, правивший Черногорией с 1700 по 1735 г., ведёт спор с самим собой и своей знатью о том, как решить проблему. В конце концов, после долгих размышлений и колебаний, он приходит к выводу, что у него нет иного выбора: черногорские «турки» должны быть уничтожены. И вот один из его военачальников, воевода Батрич, докладывает ему о выполнении задания:

Хоть и велико Цетиня поле,
не смогли сбежать и все пропали,
каково им было, не расскажут,
острой саблей всех мы положили,
кто не захотел принять крещенья;
ну а кто пред Рождеством склонился
и святым крестом перекрестился,
того взяли за родного брата.
Все дома турецкие спалили,
чтоб следа и духа не осталось
от поганого врага-соседа.
Подались из Цетиня мы в Чеклич.
Разбежались чекличские турки,
мало мы кого из них срубили,
но дома их начисто спалили;
их мечети в камни превратили
и сгребли в одну большую кучу,
пусть лежит, о зле напоминая (10).

К концу XIX в., несмотря на то, что говорить о какой-то единой сложившейся сербской национальной идеологии не приходилось, её центральная идея — об особой роли сербов в защите южных славян от турок (и православных от мусульман) — обозначилась довольно чётко. Весь XIX в. сербское государство боролось за освобождение от османского владычества, расширяло границы и укрепляло армию и госаппарат. Сербские правители, выгодно используя существующие мифы, представляли в роли защитников южных славян от османских турок и Габсбургов. Однако мало кто из них, в контексте идеи «собираения земель», мог сравниться по кровожадности с негошским Данило.

Как пишет Иво Ледерер, неотъемлемой чертой сербской национальной программы был присущий ей экспансионизм. Тот факт, что «границы сербского государства не совпадали с границами расселения сербской нации, придавал будоражащее свойство самому понятию сербской национальности, в то время как политически и идеологически каждая сербская национальная программа была вынуждена ориентироваться на изменения в международном *status quo*» (11). Но, расширяя свои границы и объединяя сербов в единое государство, Сербия неизбежно должна была столкнуться с проблемой присутствия хорватов и боснийских мусульман. Последних, в соответствии с большинством сербских (и хорватских) национальных программ, ждала принудительная ассимиляция. Но оставалось ещё одно нерешенное противоречие, присутствующее, к примеру, в «Начертании» (1844) Илии Гарашанина или в политической программе Сербской радикальной партии Николы Пашича, — противоречие между «узкой» идеей «Великой Сербии», исключавшей хорватов, и желанием объединить в единое государство всех южных славян (12). Как справедливо заметил Николас Миллер, как раз накануне Первой мировой войны «этническая модель политического действия одержала верх над гражданской моделью» (13). Среди сербских политиков и интеллектуалов оказалось слишком мало деятелей с более широким, югославянским, мышлением (14).

Слишком глубоко развитое национальное самосознание сербской политической и культурной элиты в XIX в. вступило в противоречие с получившим распространение в регионе движением иллиризма, пропагандирующим идею равноправного объединения югославянских народов в единое союзное государство. Известный хорватский юрист и литературный деятель, Людевит Гай полагал, что объединяющим фактором могло бы послужить создание единого для всех народов региона иллирийского языка. «Струны этой лиры, — заявлял он в 1836 г., — Карниола, Каринтия, Истрия, Крайна, Штирия, Хорватия, Славония, Далмация, Дубровник, Босния, Черногория, Герцеговина, Сербия, Болгария и Нижняя Венгрия, — звучат вразнобой... Давайте прекратим брэнчать каждый на своей струне и настроим эту лиру на единый лад» (15). Противоречия между сербской национальной идеей и надеждами других балканских народов на «единый лад» ещё больше обострились в ходе Балканских и Первой мировой войн. После того как 28 июня 1914 г. (в годовщину Косовской битвы) в Сараево сербским террористом-патриотом из организации «Млада Босния» был убит эрц-герцог Франц Фердинанд, сербы снова бросили вызов превосходящему по силе противнику, Австро-Венгерской монархии, снова принесли свою молодежь в жертву молоху войны и снова потерпели жестокое, пусть и героическое, поражение. Тем временем, другие южнославянские народы, освободившись от османского и австрийского господства, принялись создавать свои мифологии о жертвах в борьбе за независимость, настаивавшие на равноправии наций в новой, послевоенной Югославии.

С самого начала своего существования первое югославское государство содержало изъян, приведший к фатальным последствиям. Две крупнейшие и наиболее влиятельные нации, входившие в его состав, — сербы и хорваты — абсолютно по-разному смотрели на устройство и задачи нового государства (16). Сербь видели в создании государства награду, ознаменовавшую конец их долгого пути борьбы и жертв во имя освобождения южных славян, и считали, что править в нём должны они, сербы, в соответствии с их историей и опытом. Этой цели соответствовала

унитарная и централизованная структура государства. Хорватов и другие нации такой подход не устраивал. Они стремились защитить свои интересы, поэтому стояли за децентрализацию и конфедерацию, за равноправный союз равных народов. Сербы, не утратившие полностью традиций довоенного королевского правления, взирали на попытки хорватов сохранить определённую автономию как на что-то ненужное и устаревшее. «Сербское господство в межвоенный период, — пишет Гейл Стоукс, — доказало, что Югославия останется нестабильной, если вопрос о равенстве не будет поставлен ребром» (17).

Многие политики и деятели культуры всех югославских национальностей бились над созданием формулы, которая позволила бы предотвратить национальные конфликты, ослабляющие государство и представляющие угрозу для его будущего (18). Неудача этого эксперимента стала очевидной во время Второй мировой войны, сопровождавшейся взрывом национализма. Резни, которые устраивали хорватские усташи в сербских деревнях; коллаборационизм сербских четников; отряды СС, набранные из боснийских мусульман; нападения косовских албанцев на бывших сербских колонистов, — всё это явилось следствием неспособности межвоенной Югославии удовлетворить нужды входивших в её состав национальностей. То безжалостное упорство, с которым югославские партизаны уничтожали во время и после войны «буржуазных националистов» всех мастей: четников, усташей, мусульман, — также показывает, что первое югославское государство не только не сумело навести мосты между различными позициями своих национальных субъектов, но и, напротив, сделало пропасть между ними непреодолимой (19).

Решение проблемы, предложенное Тито, заключалось в том, чтобы предоставить каждой нации свою территорию и свой государственный аппарат. По аналогии с советской моделью, эти территориальные единицы должны были быть «национальными по форме, социалистическими по содержанию». Единство при этом обеспечивала коммунистическая партия посредством соблюдения ленинского принципа демократического централизма. «Щит и меч» партии, тайная полиция, держала под неусыпным

контролем все проявления национализма. Важным противовесом сепаратистским тенденциям служила также Югославская народная армия, выросшая из партизанского движения и пропитанная партизанской этикой югославского патриотизма. Во главе этой влиятельной коммунистической триады: партия, полиция, армия, — находился сам Тито, и его власть над ней особенно упрочилась после разрыва с Советским Союзом в 1948 г. Тито и его соратники, пишет Иво Банац, поддерживали единство государства за счёт «искусного использования страха». «Без коммунизма, считает он, — не было бы послевоенного югославского государства» (20). Усилиями новых коммунистических деятелей после войны был достигнут значительный прогресс в деле создания «наднациональной югославской культуры». Эти усилия нашли определённую поддержку в работах писателей Иво Андрича и Мирослава Крлежа, скульптора Ивана Мештровича и других (21). Многочисленные препятствия на пути идеологии югославизма возникли ещё до смерти Тито в 1980 г. Однако после его смерти противоречия между нациями обнажились настолько, что стали угрожать единству государства, а наднациональная югославская культура оказалась объектом всё более резкой националистической критики.

Для объяснения причин вспыхнувшей в Югославии после смерти Тито межнациональной борьбы обычно используют две модели. Первая, которую условно можно назвать «морозильной камерой», подразумевает, что именно благодаря диктатуре Тито удавалось держать под контролем («замороженными») националистические устремления югославских народов и заставлять их считать себя единой нацией. Сторонники этой модели полагают, что как только этот сдерживающий фактор исчез, национализм тут же поднял свою уродливую голову и принялся разрушать то, что удалось сохранить и приумножить после Второй мировой войны. Вторая модель, условно названная «инкубатор», гораздо критичнее оценивает роль Тито в развитии национализма в послевоенной Югославии. Его излюбленный способ поддержания баланса между национальностями: одному дать, у другого отнять, — в конце концов, только обострил межнациональные противоре-

чия и взаимные претензии народов друг к другу. С одной стороны, его готовность «до определённой степени» пойти навстречу национальным интересам Хорватии и Словении породила в этих республиках надежды на автономию и покончила с отчуждением местных националистов, не желавших мириться с ограничениями своей деятельности, особенно в сфере культуры. С другой стороны, эта политика вызвала раздражение сербских унитаристов, которые и без того чувствовали себя оскорблёнными и обделёнными из-за неблагодарных хорватов и словенцев. Крах хорватской попытки добиться полной культурной автономии в 1971 г. явился предвестником того, что неизбежно должно было случиться.

Во многом так же, как и в Советском Союзе, политика, призванная обеспечивать национальную «форму» и социалистическое «содержание», на деле к 1970–1980-м гг. возымела обратный эффект: республики, которые внешне выглядели и действовали по-социалистически, по своей внутренней сути становились всё более националистическими (22). Признание боснийских мусульман национальностью в 1968 г., каким бы оправданным оно ни было, имело во многом такие же последствия, что и зафиксированная Конституцией 1974 г. автономия Косова и косовских албанцев (23). Это привело к росту мусульманских притязаний внутри югославской федерации и росту возмущения среди сербских лидеров в Белграде, не говоря уже о сербах, проживавших в Боснии и Косово. «Братство народов», создания которого так добивался режим Тито, особенно в 1960-е гг., оказалось губительным для Югославии. Каждый народ беспокоился больше о своих нуждах, чем о нуждах своего братства (24).

Как многие диктаторы, Тито позаботился о том, чтобы не оставлять возможным наследникам свой трон. Он учредил пост сменяемого президента, узаконив, тем самым, порочный торг между нациями за место на самом верху федерального правительства. Передача властных полномочий республикам углубила паралич федерального уровня законодательной и исполнительной власти. Сепаратизм и национализм, в результате, получили дальнейшее развитие. Две крупнейшие нации Югославии, Сербия

и Хорватия, стремились заполучить доступ к манипулированию федеральной системой, чтобы проводить свои узконационалистические интересы (25). Внутриэкономические трудности 1980-х гг., включая высокий уровень инфляции и безработицы, усугублялись внешним давлением на Югославию со стороны стран-кредиторов. Экономический кризис подталкивал более развитые республики, Словению и Хорватию, избавиться от балласта более бедных, в том числе Сербии (26). Между тем, сербы тоже ощущали себя обиженными Тито и теперь стремились изменить ситуацию в свою пользу, добиваясь политического превосходства как в федерации в целом, так и в сербских землях (особенно в Косово), в частности. Крутые перемены в жизни Югославии происходили в условиях близящегося краха коммунизма в Восточной Европе и Советском Союзе, но в то время трудно было представить, что именно Югославия станет самой кровавой жертвой этого процесса.

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ УГАР 1980-Х

Ускоренный рост национальных противоречий, приведших Югославию к войне и этнической чистке 1990-х гг., имел ряд важных опорных точек в предыдущем десятилетии. И хотя предсказать то, что случилось после, по тем событиям — взятым в отдельности или в совокупности — было трудно, никто не сомневался, что конфликт витал в воздухе и нужно было проявить политическую волю, чтобы избежать кровопролития. Одной из таких опорных точек было Косово, где сложившаяся ситуация: господство сербского меньшинства над подавляющим албанским большинством (к концу 1980-х гг. албанцы составляли около 90% населения края), — не могла длиться вечно. Однако любая попытка косовских албанцев увеличить меру своего участия в управлении собственными делами натыкалась на жестокое противодействие сербов. Так, студенческие демонстрации протеста, прокатившие-

ся по краю весной 1981 г., привели к введению в Косове чрезвычайного положения и новым репрессиям против албанского населения, не прекращавшимся, в той или иной форме, всё десятилетие (27).

Другой опорной точкой было растущее противоречие внутри югославской федерации между сербами, с одной стороны, и хорватами и словенцами, с другой. В 1985–1986 гг. словенское правительство предприняло ряд односторонних шагов с целью добиться полного контроля над республиканским бюджетом и судебной системой. Тем временем, словенский нонконформистский молодежный журнал «Младина» не уставал критиковать и высмеивать югославский федеральный парламент и вооружённые силы СФРЮ (28). Хорваты в середине 1980-х гг. также выступали за введение подлинно конфедеративного устройства, которое позволило бы им в большей степени контролировать доходы от прибыльных отраслей республиканской экономики, включая переживающий бум туристический бизнес Далмации. Однако засилье консервативных сил в хорватской компартии и периодические репрессии против проявлений национализма не давали хорватскому недовольству выплеснуться наружу (29).

Ещё одной, не менее важной, хотя и менее заметной, опорной точкой было растущее национальное сознание боснийских мусульман. Мусульманская община Боснии стремилась углубить своё влияние на республиканскую политику, соперничая в этом процессе как с сербами, так и с хорватами. В 1983 г. тринадцать боснийских мусульманских интеллектуалов во главе с Алией Изетбеговичем, будущим президентом Боснии и Герцеговины, были привлечены к суду по обвинению во «враждебных контрреволюционных действиях, проистекающих из мусульманского национализма» (30). Главной уликой, использованной против Изетбеговича, стало его авторство так называемой «Исламской декларации» 1970 г. На суде «Изетбегович указал, — пишет Ноэль Малколм, — что в тексте [декларации] нет ни слова о том, чтобы сделать Боснию этнически чистой, и вообще Босния не упоминается. Но такие мелочи не остановили судей, приговоривших его к 14 годам тюремного заключения с одиннадцатилет-

ним запретом на апелляцию» (31). Мусульмане в Боснии (и не только в Боснии) были прекрасно осведомлены о своём второстепенном статусе в коммунистической Югославии и были решительно настроены отмежеваться от своих славянских, сербских и хорватских, «братьев».

Процессы, шедшие в Косове, Хорватии и Боснии, были тесно связаны с тем, что происходило в Белграде — четвёртой и наиболее важной, с точки зрения развития межнациональных противоречий, опорной точке. Сербь чувствовали растущую враждебность к себе со стороны других наций и истолковывали её по-своему. Подобно русским в Советском Союзе, сербы ощущали себя гарантами и защитниками югославского единства и целостности и, так же, как и русские, считали, что пожертвовали собственными национальными интересами ради сохранения этого единства. Так что, если кому и было жаловаться на судьбу, так именно им, а не хорватам, словенцам или боснийским мусульманам. С точки зрения сербов, именно на их плечи легла главная тяжесть двух мировых войн, лучшие сербские сыны пали на полях сражений, а теперь их обвиняют в гегемонизме. Хорваты и словенцы живут гораздо лучше, чем они, и при этом претендуют на больший контроль над ресурсами. Ещё более неприятным было для сербов осознание того, что рост национализма других народов Югославии представляет угрозу для жизни и имущества сербов, живущих за пределами собственно Сербии. В Хорватии, Косово, Боснии и Герцеговине сербы ощущали, что их положение шатко и небезопасно.

По мнению Уоррена Циммермана, бывшего посла США в Югославии, который лишь слегка переоценивал ситуацию, «главными носителями национализма на Балканах обычно являются интеллектуалы, но в Сербии эта тенденция доходит до размеров фетишизма» (32). Неудивительно поэтому, что первым открытым проявлением сербского национализма стало опубликование в сентябре 1986 г. печально знаменитого «Меморандума Сербской Академии наук» (33). Важность этого документа заключалась не столько в его реальном содержании, сколько в том, что за ним стояло. Ведущие сербские писатели и учёные во главе

с Добрицей Чосичем и Антоние Исаковичем дали понять, что в идеологии сербской интеллигенции произошла смена курса: от югославизма с оттенком сербского патриотизма к откровенному сербскому национализму и даже пансербизму.

Принятие «Меморандума» для некоторых сербских интеллектуалов, таких как Михайло Маркович или Светозар Стоянович, означало отказ от гуманистического марксизма эпохи «Праксиса» («Praxis» — всемирно известный марксистский демократический журнал) и переориентацию исключительно на сербские национальные интересы (34). Многие представители сербской интеллигенции были глубоко разочарованы результатами югославского эксперимента и испытывали досаду от того, что выгоду от него получили другие члены федерации. «Не все национальные группы [в Югославии] были равны, — утверждалось в “Меморандуме”, — Сербской нации, к примеру, не было дано право иметь собственное государство. Большие группы сербов, проживавших в других республиках, в отличие от национальных меньшинств, не имели права пользоваться своим языком и письмом; не имели права создавать свои политические и культурные организации или развивать культурные традиции своей нации» (35).

Особое негодование выражалось в «Меморандуме» по поводу положения сербов в Косове, где они стали объектом «геноцида». Косово, говорилось в «Меморандуме», есть символ «исторического поражения» сербов в Югославии. «Весной 1981 г. сербскому народу была объявлена открытая тотальная война... Если положение дел коренным образом не изменится, меньше чем через десять лет сербов в Косове не останется, и “этнически чистое” Косово — цель, недвусмысленно провозглашенная великоалбанскими расистами и фигурировавшая ещё в программах и действиях Призренской лиги 1878–1881 гг., будет достигнута» (36).

«Меморандум» не только точно уловил настроения националистически настроенной белградской интеллигенции середины 1980-х гг., но и с пугающей прозорливостью предсказал дальнейший кровавый ход событий. Он обозначил потенциально взрывоопасное настроение сербов и сам способствовал его усу-

гублению: «Современное состояние депрессии сербского народа, на фоне набирающих силу в определённой среде шовинизма и сербофобии, представляет плодородную почву для ещё более решительных проявлений национальных чувств сербского народа и пожароопасных реакций» (37). Он точно указал на Косово как на важный прецедент в судьбе югославского единства. Хорваты, словенцы, боснийцы и другие народы внимательно следили за тем, как сербы пытаются разрешить косовскую ситуацию.

К сожалению, «Меморандум» не нашёл ничего лучшего, как призвать к крайним мерам. Сербия, говорилось в нём, не может позволить другим республикам вмешиваться в её действия, направленные на то, чтобы поставить «на место» «агрессивный албанский национализм в Косово». Воеводина и Косово «должны стать подлинно неотъемлемыми частями Сербской республики, получив при этом ту степень автономии, которая не нарушает единства республики и которая будет отвечать интересам сообщества в целом» (38). Иначе говоря, «Меморандум» предложил ликвидировать автономию Косова и подчинить интересы косовских албанцев сербским интересам. Этот гибельный курс, взятый Милошевичем в 1989 г., привел к этнической чистке Косова от албанцев и натовским бомбардировкам Сербии в 1999 г.

Подобно тому, как «Меморандум Сербской Академии наук» явился выражением идейной трансформации сербских интеллектуалов из сторонников федерации в пропагандистов национализма, карьера Слободана Милошевича знаменовала собой соответствующий поворот в сербской политике. Бывший юрист и банкир, возглавивший в середине 1980-х гг. сербское отделение Югославской социалистической партии, Милошевич был амбициозным и харизматичным политиком. Его стремление к власти некоторые биографы объясняют психозом, доставшимся ему в наследство от несчастных родителей, покончивших жизнь самоубийством. Кое-кто приписывает его влиянию жены, Миряны Маркович, с которой Милошевич был близок со школьной скамьи и которая на всю жизнь стала его политическим соратником (39). Маркович возглавила свою собственную политическую партию коммунистического толка — Югославскую единую левую. Когда Мило-

шевич в апреле 1987 г. посетил город Косово Поле, никто не мог себе представить, что этот визит «изменит ход истории» (40). Милошевич призвал ультранационалистов из числа косовских сербов взять судьбу в свои руки. Обратившись к собравшейся толпе со словами: «Отныне никто не имеет права обидеть вас!» — он дал понять и косовским, и белградским сербам, что сила югославского государства будет направлена на то, чтобы поддержать сербский контроль над Косово. В ответ толпа начала скандировать «Слобо, Слобо», и Милошевич ощутил пьянящую мощь националистической риторики. Момент экзальтации Милошевича был тогда заснят на пленку и вошёл в документальный фильм британских кинематографистов «Югославия: смерть нации» (41).

В следующий раз Милошевич выразился ещё решительнее, призвав косовских сербов к активной борьбе против албанцев. «Это ваша земля, это ваши дома, поля и сады, ваша память. Вы не станете покидать вашу землю, только потому что жизнь стала трудной, потому что вы страдаете от несправедливости и унижения. Не в характере сербского и черногорского народов отступить перед трудностями, отказываться от борьбы и терять присутствие духа в трудной ситуации. Вы должны остаться здесь ради ваших предков и ваших потомков» (42).

Вскоре после своего визита в Косово Милошевич захватил контроль над правительством и партийными структурами Сербии, сместив своего бывшего учителя Ивана Стамболича и устранив противников своего националистического курса. Затем он принялся за сербскую конституцию, вознамерившись убрать из неё параграфы об автономном статусе Косова (и Воеводины) внутри Сербии и, следовательно, Югославии в целом. Действия Милошевича были направлены на то, чтобы лишить косовских албанцев прав, которые они получили в 1974 г., благодаря Тито и новой югославской конституции. Косовские албанцы, естественно, выступили против ограничения своей автономии, организовав забастовки и митинги по всей стране. Милошевичу только того и нужно было, чтобы ввести в край войска и объявить там чрезвычайное положение. К концу марта 1989 г. Милошевич добился

желаемого: «от косовской автономии остался один только символ» (43).

Но это было только начало косовских проблем. Непрерывающиеся столкновения с полицией привели к аресту большинства албанских активистов. Албанские школы закрывались, а сами албанцы являлись объектом постоянного и повсеместного преследования. Из-за дискриминации многие потеряли работу. Приоритетом в экономической политике открыто пользовались сербы. Многие молодые и талантливые косовские албанцы были вынуждены покинуть страну и искать работу в Западной Европе. Косово по сути оказалось на военном положении, и сложившаяся ситуация не предвещала ничего хорошего.

Тем временем, Милошевич продолжал подстёгивать националистические настроения, используя их для устранения политических оппонентов и консолидации собственной власти. Его дар изолировать и уничтожать потенциальные центры политической оппозиции был, похоже, не меньшим, чем дар находить поддержку у сербских националистов (44). 28 июня 1989 г., в 600-ую годовщину Косовской битвы, Милошевич созвал массовый митинг на Косовом поле, на который съехалось более миллиона сербов. Подобно Гитлеру, спустившемуся из-за облаков на аэроплане, чтобы присутствовать на Нюрнбергском митинге, и запечатленному в фильме Лени Рифеншталь «Триумф воли», Милошевич посадил вертолет прямо посреди восторженной толпы своих сторонников и заявил: «Никогда в своей истории сербы не завоевывали и не эксплуатировали других. В двух мировых войнах они освобождали себя и, когда могли, помогали освободиться другим... Героизм косовских защитников не позволяет нам забыть, что когда-то мы были храбрыми и гордыми, одними из немногих, кто не сдавался без боя... Шесть столетий спустя, у нас снова битвы и ссоры. И хотя это не вооружённые битвы, такие вещи нельзя исключать» (45). Окружённый сербскими православными священниками, Милошевич повторял, что Сербия слишком много страдала в своей истории, чтобы позволить Югославии распасться на составные части в результате автономии или отделения. Там, где в земле лежат сербские кости, настаивал Милошевич,

там сербская территория. Там, где пролилась сербская кровь, там сербское наследие.

Как и «Меморандум Сербской Академии наук», речи Милошевича на митингах в Косово в 1987 и 1989 гг. были националистическими по содержанию, но едва ли нацистскими. Не было в них и расизма и упоения насилием, что будет присуще войнам 1990-х гг. Однако очевидность поворота к национализму, как в сербской интеллектуальной, так и в сербской политической жизни, не вызывала сомнения. Главные соперники Милошевича на сербской политической сцене, Вук Драшкович из Сербского движения обновления и Воислав Шешель из Сербской радикальной партии, выдвинули уже ультранационалистические программы. Так, призыв, напечатанный на задней обложке программы радикалов, гласил: «Серб, брат, не забудь! / Это сербские земли! / Реки крови были пролиты за них / И, значит, они должны принадлежать сербскому государству» (46). А Сербское национальное обновление заявило, что во всём виноват «большевицкоститовский» заговор, якобы доведший славную сербскую нацию до состояния «цивилизационной нищеты» и поставивший её «на самую грань биологического уничтожения» (47). Свою лепту в разжигание националистических настроений внесла и сербская деревня. Религиозная нетерпимость и возмущение космополитическими городскими порядками в деревнях оказались созвучными «антибюрократической революции» Милошевича. Большую популярность приобрел лозунг народного, религиозного и национального единства (48). Социализм и югославизм остались в прошлом: крах одного означал кончину другого (49). Будущему предстояло иметь дело с Сербией, причём вооружённой и опасной.

Эти изменения в мышлении сербских политиков и интеллектуалов в конце 1980-х гг. были частью резкого, даже революционного, и одновременно показательного изменения в жизни Югославии и всего коммунистического блока. Социализм как экономическая и политическая система потерпел поражение. Этот факт не стал чем-то неожиданным для жителей Восточной Европы; проблема заключалась в том, что теперь с этим надо

было что-то делать. Один за другим европейские коммунистические режимы прекратили своё существование в 1989 г. и на смену им пришли другие, якобы демократические. Наконец, и сам Советский Союз распался в 1991 г., а возникшие на его основе новые государства отказались от социализма в пользу «капитализма» и «демократии», по крайней мере, в помыслах их новых лидеров. Но отсутствие исторического опыта в деле рыночной экономики или парламентской демократии мешало быстрому переходу к капитализму. Даже при наличии всех необходимых и правильно функционирующих институтов трудно было изменить привычки и сознание людей. Процветала коррупция, свободный рынок обернулся грабительским капитализмом, а естественные ресурсы и важнейшие производства оказались в руках номенклатуры. Быстрый рост числа политических партий и привилегий политических лидеров породил у большинства простых граждан цинизм и индифферентность по отношению к политике и выборам. Из всех демократических прав и свобод «привились», по сути, лишь свобода передвижения и свобода слова, да и те порой оказывались под угрозой.

Между тем, без реально работающих демократии и рыночной экономики многонациональные гражданские общества не могли рассчитывать на процветание и целиком оказывались во власти национализма. Во времена долгого авторитарного правления компартий и тайной полиции национализм выполнял позитивную функцию, противостоя коммунизму и идейно спланивая людей. После 1989 г., лишённые привычных институтов и чувства безопасности, народы региона нашли утешение в идеях национальной солидарности и патриотизма. Бедность, безработица и обманутые ожидания подтолкнули многих из них в объятия националистических партий. После поражения и ухода с политической сцены главного врага национализма — коммунизма советского толка, ему, естественно, понадобились новые враги, и они быстро были найдены в лице «других» наций, будь то соседи или инациональные меньшинства внутри «своей» нации. Именно национализм, в большей степени, чем какой-либо иной фактор, ускорил гибель таких многонациональных государств, как Чехо-

словакия, СССР и Югославия. Но и раскол этих федераций не разрешил в полной мере проблем национализма. Просто теперь главным объектом националистических нападков для эстонцев стали русские, для грузин — абхазы, для армян — азербайджанцы, для словаков — венгры, для чехов — цыгане и т. д.

Слабость новых политических структур и неразвитость демократии и рыночной экономики делали Югославию и другие бывшие социалистические страны подходящим топливом для разжигания пламени национализма. В этом смысле, Словения, Македония, Сербия и Хорватия лишь слегка отличались по степени «горючести». Учитывая, что сербо-хорватские противоречия на протяжении столетия только накапливались, хорватский национализм был просто обречён на столкновение с сербским. Уже в конце 1960-х гг. хорваты начали добиваться большей культурной и политической автономии внутри югославской федерации. Хорватская культурная организация «Матица хрватска» настаивала на признании самостоятельности хорватской культуры и языка. В 1971 г. Тито попытался обуздать волну хорватского национализма внутри партии и за её пределами, предприняв шаги против Лиги коммунистов Хорватии и её растущего либерализма. Однако «ящик Пандоры» уже был открыт. К концу 1980-х гг. хорватская интеллигенция была окончательно убеждена, что либо Югославия станет подлинной конфедерацией, либо югославского государства не будет вовсе. Мысль о полной независимости всё больше овладевала умами хорватских националистов.

Среди тех, кто разделял идею независимости хорватского государства, был историк и бывший партизан, дослужившийся до генерала, Франьо Туджман. Будучи хорватским националистом, Туджман написал в 1989 г. книгу «Нелепости исторической реальности», в которой отверг сербские обвинения об участии усташей в геноциде сербского народа в годы Второй мировой войны и попытался представить в ином свете усташские преступления против евреев (50). И хотя попытки обелить Холокост в Хорватии Туджман впоследствии оставил, он продолжал настаивать на том, что хорватское государство усташского образца было достойным предшественником будущей Хорватии. Партия Туджмана, Хор-

ватский демократический союз, была создана летом 1989 г. и в декабре была признана официально. В ходе избирательной кампании 1990 г. Туджман всю эксплуатацию ресурса национализма, набирая голоса поддержки не только в стране, но и за рубежом, среди богатой и влиятельной хорватской эмиграции. Не смотря на попытки сербского политического и военного руководства запугать хорватов, Туджман дал понять, что на меньшее, чем независимость Хорватии, он не согласится.

30 мая 1990 г. в обстановке, изобилующей элементами хорватской национальной символики, Туджман вступил в должность президента Хорватии. Вот как описывают эту сцену и то, что стояло за ней, исследователи Зильбер и Литтл: «На нём [Туджмане] была красно-бело-синяя лента. На заднем плане была изображена “шаховница” [традиционный герб Хорватии, состоящий из красно-белых квадратов, использовавшийся также усташиами], но уже без коммунистической звезды. Хорватский президент, однако, ещё не добился всего, чего хотел. Его мечта о хорватском государстве оставалась недостижимой. Проблема была в одном — сербы» (51).

Между Милошевичем и Туджманом было одновременно много общего и много различного. Сербский лидер никогда полностью не отрекался от своего коммунистического прошлого (52). После 1990 г. его Социалистическая партия Сербии вобрала в себя, вперемешку, идеи нео-югославизма и сербского национализма, партизанские традиции и опыт четников, воинственность и агрессивность и пафос жертвенности (53). Возглавляя сербский государственный аппарат, он использовал популистскую риторику и апеллировал к антиправительственным настроениям крестьянства (54). Смесь сербского шовинизма и югославского интеграционализма в нем означала, что любой другой, не сербский, национализм воспринимался им однозначно как реакционный и сепаратистский. Если для Туджмана проблемой была в сербах, то для Милошевича проблемой были все нации бывшей Югославии: хорваты, словенцы, боснийские мусульмане, косовские албанцы, — стоявшие у него на пути.

ВОЙНА В ЮГОСЛАВИИ

25 июня 1991 г. Словения объявила о своей независимости от Югославии; несколько часов спустя то же самое сделала Хорватия. Обе республики были до предела возмущены действиями Сербии в Косово и спешили покинуть тонущий югославский корабль, пока у них ещё была такая возможность. Обе не без основания надеялись, что поддержка Европейского сообщества и особенно Германии послужит им надёжной защитой. Но они ошибались. Войска Югославской народной армии (ЮНА) выдвинулись на защиту рубежей и жизненно важных транспортных коммуникаций страны. Словенцы приняли решение сражаться. После короткой десятидневной войны, унесшей, по счастью, немного жизней, Милошевич и его сторонники в Белграде продемонстрировали, что они не заинтересованы в кровавой схватке со словенцами. В Словении проживало очень мало сербов, между двумя республиками не было общих границ, и Милошевич дал понять, что он готов отпустить Словению.

Другое дело — Хорватия. Здесь сербская милиция при поддержке ЮНА начала устанавливать контроль над территориями, населёнными сербами — новоиспечённой республикой Сербская Крайна, «чистить» регион от хорватов и воздвигать вооружённые блокпосты на дорогах в Загреб и к побережью. Центрами сербской агрессии служили бывшие опорные пункты четников времён Второй мировой войны — Книн, например (55). Хорваты тысячами бежали из Крайны на побережье, ища спасения от сербских милиционеров. Хорватское село Киево на территории Сербской Крайны первым подверглось этнической чистке и положило начало процессу, ставшему неотъемлемой частью войн за югославское наследство. Тогда это было названо «чисткой почвы» (*чишћење терена*) (56). Как и в последующих случаях этнических чисток в Хорватии, Боснии и Косово, изгнание хорватов из Киево

и разрушение села были спланированы и осуществлялись при поддержке и координации сербских войск.

Напуганные перспективой открытых вооружённых столкновений с ЮНА, хорваты поначалу не хотели вступать в войну. Однако после случившегося в конце августа 1991 г. нападения сербов на Вуковар в восточной Славонии у них не осталось выбора. И если главной целью Словении в её десятидневной войне с ЮНА было право на выход из Югославии, то Хорватия воевала конкретно с Сербией за право контроля над той хорватской территорией, которая была населена сербами и на которую претендовали Милошевич и националистически настроенное руководство хорватских сербов. Сербы заявляли, что их народ нуждается в «жизненном пространстве» и они намерены обрести его в Хорватии (57). ЮНА, тем временем, превратилась почти исключительно в сербскую армию. Военнослужащие других национальностей или дезертировали, или соглашались служить целям преимущественно сербского военного командования.

Вуковар пал 20 ноября 1991 г. после трёх месяцев бомбардировок и ожесточённой борьбы. Как пишет Небойса Попов, Вуковар стал «Хиросимой наших дней» (58). Паника охватила и расположенный поблизости Осиек, а сербские офицеры между собой предрекали скорое падение Загреба (59). Однако хорватам удалось тогда не только сформировать армию, но и оказать сербам достаточно серьёзное сопротивление, чтобы заставить Милошевича уступить международному давлению и позволить разместить между хорватскими и сербскими войсками миротворческие силы. В тылу, однако, Милошевич продолжал проводить политику поглощения хорватских территорий новым югославским государством во главе с Сербией. Желько Ражнатович, известный как Аркан, и его военизированные отряды «тигров» нанесли большой урон хорватскому населению, грабя, убивая и запугивая местных жителей. Но сербы не только делали всё от них зависящее, чтобы заставить хорватов покинуть спорную территорию; они также разрушали их дома, предприятия, культурные памятники, чтобы быть уверенными, что хорваты никогда не вернуться.

Если Киево стало примером этнической чистки, впоследствии, в течение 1990-х гг., неоднократно повторившимся, то занятие сербами Вуковара и оккупация восточной Славонии привнесли в этнические чистки элемент геноцида. 19 ноября 1991 г. солдаты ЮНА и военизированные сербские подразделения захватили госпиталь в Вуковаре. Большинство пациентов госпиталя было эвакуировано в «центр временного содержания», расположенный на ближайшем складе, и подверглось грабежам и избиениям. Часть раненых солдат была переведена затем в тюрьму в Сремске Митровице (в Воеводине). На следующее утро, как следует из материалов дела Гаагского международного трибунала, офицеры ЮНА отделили женщин и детей от оставшихся мужчин, многие из которых всё ещё пребывали на носилках, и увезли их из «центра». Мужчины же, как военные, так и гражданские, подверглись бессмысленным пыткам и избиениям, причём двое из них были забиты насмерть. Деннис Миллер, следователь Международного Гаагского трибунала, впоследствии писал о регулярных «оргиях избиения» в Вуковаре (60). Затем двести узников были вывезены в пригород Вуковара, убиты и похоронены в общей могиле (61). Это был первый, хотя, как оказалось, далеко не последний случай в истории югославской войны, когда этническая чистка сопровождалась актами геноцида.

На протяжении шестимесячной войны между сербами и хорватами и те, и другие старались поднять свои ставки, апеллируя к памяти Второй мировой войны. Так, для сербов в Крайне мобилизационным моментом стала угроза нового Ясеноваца — усташского лагеря смерти, где в своё время были умерщвлены десятки тысяч сербов, евреев и других противников фашистского режима. «Второй раз за полвека, — утверждали сербы, — хорватские правительственные органы и их незаконные повстанческие формирования совершают геноцид против сербского народа в Хорватии» (62). Сербь сильно преувеличивали численность погибших в Ясеноваце представителей своего народа: одни говорили о полумиллионе жертв, другие — о миллионе и более, в то время как истинные цифры не превышали, скорее всего, 100 тысяч человек (63). Хорваты, между тем, вспоминали о том, как партизаны

Тито расправлялись с хорватскими войсками в 1945 г., и также нещадно преувеличивали количество жертв. Эта «словесная гражданская война», особую остроту которой придавал почти полный контроль над средствами массовой информации со стороны Милошевича и Туджмана, подкреплялась вполне реальными действиями милицейских формирований (64). Болезненная память о войне и истреблении, покоившаяся на дне народного сознания, подавляемая и искажаемая режимом Тито, стала инструментом политической борьбы и братоубийственной войны (65).

Война, тем временем, стала элементом повседневной жизни городов и деревень, расположенных в зоне конфликта. Сербы и хорваты взрывали дома друг друга, уничтожали колодцы и другие источники воды, травили скот. Они громили кладбища, церкви и памятники «врага». Март Боукс, своими глазами увидевший разрушенный хорватами монумент жертвам фашизма, так описывает свои впечатления: «Мы молча поднялись по частично разрушенной лестнице — шестьдесят восемь ступеней, я запомнил. Она привела нас на площадку с развалинами монумента. “Товарищи взорвали эту чёртову четникову штуку”, — сообщил мне Франьо [проводник], сопроводив эту информацию потоком брани. И на школьном английском эмоционально добавил: “Мы убили их мёртвых, потому что они продолжали считать их живыми”. Крайняя форма этнической чистки, подумал я. Он в сердцах сплюнул на развалины и, развернувшись, пошёл прочь» (66). Неудивительно, что сербы с гневом восприняли планы Туджмана превратить Ясеновац в мемориал «всех жертв войны», включая тех, кто погиб от рук партизан, и тех, кто пал в войнах 1990-х гг. (67). В свою очередь, сербские бомбардировки, разрушившие красивейший средневековый город Дубровник, и уничтожение хорватских памятников в Крайне подлили ещё больше масла в огонь.

Следует добавить, что жестокость балканского конфликта не имела никакого отношения к особенностям так называемой «динарской расы» — сербов, хорватов и черногорцев, живущих в Динарских горах и слывущих более «кровожадными», чем их равнинные собратья. В классических исследованиях Фернана

Броделя по истории средиземноморской цивилизации XVI в. горцы из динарских кланов играют важную роль. Их традиции рукопашного боя, кровная вражда и «долгая» память, несомненно, были составной частью военной истории региона. Не стоит также забывать о военных традициях ускоков (пиратов) и гайдуков, промышлявших на границах между Европой и Османской империей. Однако в жестокости и бескомпромиссности войны в Хорватии, а затем в Боснии и Косово в 1990-е гг. гораздо больше виновата была новейшая история региона после 1940 г., чем наследие далекого прошлого.

БОСНИЯ

К началу 1992 г. стало ясно, что следующей по счёту кризисной точкой Югославии будет Босния. На территории Боснии и Герцеговины Милошевичем были сформированы несколько частей ЮНА, почти целиком состоящие из боснийских сербов. После того как в мае войска ЮНА были официально выведены из оккупированных ими территорий, боснийские сербы смогли на вполне законных основаниях остаться, сохранив при этом технику и вооружение. В январе 1992 г. боснийские сербы, возглавляемые яростным националистом Радованом Караджичем, создали Боснийскую Сербскую республику, чтобы предотвратить отделение Боснии и Герцеговины от Югославии. Если Босния и Герцеговина провозгласят независимость, предупредил Караджич, она не продлится и дня (68). Тем не менее, Алия Изетбегович, президент Боснии и Герцеговины и лидер Боснийской мусульманской партии, всё-таки взял курс на независимость. Он стремился во что бы то ни стало сохранить единство и целостность республики и не собирался делить власть ни с воинствующим сербским (31%), ни с не менее националистически настроенным хорватским (17%) меньшинством. Сербы и хорваты, между тем, уже поделили Боснию между собой: в ходе переговоров, состоявшихся между Ми-

лошевичем и Туджманом 25 марта 1991 г., два якобы непримиримых лидера договорились оставить мусульманам лишь небольшой анклав вокруг Сараево. Военные действия начались в апреле 1992 г. на севере республики, в городе Зворнике, а затем переместились в Сараево. На три с половиной года Босния превратилась в арену самых кровавых столкновений в Европе со времён Второй мировой войны.

Перевес, особенно в начале войны, явно был за сербами. Полицейские формирования боснийских мусульман не могли соперничать с регулярными частями сербской армии, унаследовавшими вооружение и организацию от ЮНА. Военные атаки сербов сопровождались чудовищными кампаниями, связанными с насильственным изгнанием боснийских мусульман из городов и деревень, на которые претендовали сербы. За этим процессом очень быстро закрепился термин «этническая чистка». Осуществляли эту неприятную работу в основном сербские боевики из нерегулярных вооружённых формирований, которые избивали и изгоняли мусульман, попутно грабя их, убивая и насилая. К боевикам часто присоединялись местные сербские добровольцы, действовавшие обычно в окрестностях своего города или деревни (69). Это позволяло сводить старые счёты и делало насилие более близким и личностным. Сербы, которые пытались помочь своим соседям-мусульманам, подвергались изоляции и нападкам (70). Все эти действия были направлены на то, чтобы нагнать страх на местное мусульманское население и заставить боснийцев бежать ради спасения собственных жизней.

Расчёт оказался верным. До конца 1992 г. два миллиона боснийцев, подавляющее большинство которых составляли мусульмане, покинули родные места. Ближе к концу лета в боевые действия вступили хорваты, также принявшие участие в этнической чистке боснийских городов и сёл от мусульман. Как заявил корреспонденту «Уолл стрит джорнал» Эду Вульями Мате Бобан, президент новоиспеченного национально-территориального образования «Хорватское содружество Герцег-Босна», «духовно, культурно и экономически Герцег-Босна есть часть Хорватии... исторически хорватское жизненное пространство» (71). Во имя

сербского и хорватского *Lebensraum* боснийских мусульман били, насиловали, убивали и изгоняли.

В первые месяцы войны воплощением политики геноцида в отношении мусульманского населения служил целый ряд импровизированных лагерей и тюрем, созданных боснийскими сербами для своих жертв. Этническая чистка — это не только нападение, насилие и изгнание; почти всегда она подразумевает ещё и наказание. Изгнанников наказывают за сам факт их существования, за необходимость их изгонять. В районе города Приедор несербов изолировали и заставляли носить белые повязки на рукавах, что делало их уязвимыми для сербских нападков и издевательств. Более 47 тысяч домов, принадлежащих несербам, были разрушены. Женщин вывезли в лагерь Трнополе, а ещё 6 тыс. чел., в основном мужчин, поместили в лагерь Омарска (72). В этом страшном лагере, об ужасах которого впервые поведал миру журналист Рой Гутман, боснийских мусульман ждали все круги ада (73). С мая по август 1992 г., согласно документам Гаагского трибунала, лагерные охранники «регулярно и в открытую убивали, насиловали, пытали, избивали и иным образом подвергали узников состоянию постоянного унижения, деградации и страха смерти» (74). Начальник Омарского лагеря Желько Меякич стал первым, кого Гаагский трибунал осудил за геноцид. (Однако лишь в 2003 г. он лично предстал перед трибуналом).

Ещё хуже, чем Омарска, был лагерь Кератерм в окрестностях Приедора. Согласно обвинительному заключению Гаагского трибунала, с конца мая до начала сентября 1992 г. около 3 тысяч боснийских мусульман и боснийских хорватов из Приедорского района были интернированы и размещены в цехах и складах бывшего керамического завода. Здесь их подвергали регулярным избиениям и издевательствам, от которых их охранники и надзиратели, похоже, получали удовольствие. Орудиями избиения служили любые предметы, которые попадали под руку: «деревянные палки, металлические пруты, бейсбольные биты, куски промышленного кабеля с привязанными к концу металлическими шарами, винтовочные приклады и ножи». Кого бить, тоже не имело значения: молодые, старые, мужчины, женщины, дети, —

все были потенциальными жертвами. Те, кто прошёл через это, зачастую оставались искалеченными на всю жизнь. Многие узники скончались в результате побоев, других просто расстреляли. Самый отвратительный случай произошёл в Кератерме в конце июля 1992 г., когда 140 заключённых из местечка Брдо близ Приедора были заперты в одном из помещений бывшего завода, а затем расстреляны из пулемётов, расставленных вокруг здания по периметру. Стрельба велась в течение нескольких часов, и если на то и были какие-то причины, они остались неизвестными. Выжили в мясорубке единицы, благодаря которым эта история и получила известность (75).

Наибольшую угрозу жизни и безопасности людей в бывшей Югославии представляли отряды боевиков, базировавшиеся непосредственно на территории Сербии. Многие из них ранее служили или проходили подготовку в войсках сербского министерства внутренних дел. Командиры этих отрядов подчинялись так называемой «военной линии» (*война линия*) — небольшой группе высокопоставленных офицеров тайной полиции, подотчётных непосредственно Милошевичу (76). Часть боевиков носила форму военнослужащих Боснийской Сербской армии, другие — просто униформу без всяких знаков отличия. Прошлые у этих людей тоже было разным: там были бывшие военнослужащие ЮНА, просто сменившие униформу; амнистированные преступники, ищущие приключений; воинствующие националисты, которые в других условиях стали бы скинхедами и, сбившись в шайки, преследовали представителей нацменьшинств или совершали другие преступления. Действовали боевики иногда согласованно с ЮНА, а иногда самостоятельно.

Особой жестокостью прославился отряд боевиков, возглавляемый ранее судимым Желько Ражнатовичем по кличке Аркан. Его «бойцами» были в основном молодые здоровые парни, бывшие члены его команды футбольных фанатов, поддерживавших белградский клуб «Чрвена звезда» (77). Теперь они были одеты в чёрное и хаки и носили повязки на головах, обритых налысо или почти налысо, на манер европейских неонацистов. На нашивках у них имелась надпись «Сербские волонтёры» и изображение ти-

гра (78). За этими «аркановичами», или «тиграми», тянулся след из бесчисленных злодеяний, совершённых ими на территории Хорватии, Боснии и Косова. В одном из интервью Аркан дал понять, что действовали они не от себя лично: «Давайте поймём друг друга. Мы говорим не только о боевиках. Каждый из них, прежде всего, несёт ответственность перед сербским народом и должен уважать парламент и президента республики» (79). Иными словами, за преступлениями его отряда стояло сербское государство.

Одна женщина из района Сански Мост рассказывала, что «тигры» так сильно избивали группу мусульман, что «те едва дышали, и в них осталась разве что душа». Тело её мужа, которого приняли за военнослужащего армии Боснии, было изуродовано до неузнаваемого состояния, после того как его привязали веревкой к машине и проволокли по дороге (80). Пятнадцатилетний мусульманский подросток из местечка Босанска Градишка описал, как его и других систематически избивали сербские боевики. Техника очень напоминала пытку «бастинадо», которую в своё время применяли турки к армянам (а ещё ранее — испанская Инквизиция к еретикам): «Били в основном по пяткам. Мы должны были стоять на коленях, руки за головой, а голова на полу, а они били по пяткам. Если вскрикнешь — получишь на 20–30 ударов больше. Трёх или четырёх из нас били резиновым шлангом... Их было примерно двадцать человек, тебя бьют сразу пятеро, и они били нас по очереди.» Пытка была превращена сербами в повседневный ритуал. Людей отпускали домой, давали время прийти в себя, а затем (иногда в тот же день или на следующий) снова забирали в полицейский участок, чтобы избить (81).

В городе Сански Мост «аркановичи» ходили по домам. Обычно кто-то из соседей-сербов указывал им, где живут мусульмане, и отправлялся туда в сопровождении двух-трёх боевиков. Один свидетель так описывал типичную сцену, повторявшуюся затем тысячи раз по всей Боснии, лишь с незначительными вариациями. «Тигры» пришли в сентябре 1995 г. «В четверг, около 11 часов утра, когда мы пили кофе, в дом вошли три человека

и попросили предъявить удостоверения. Они искали оружие и деньги. Они стали избивать меня. Били по голове. Но мужу пришлось хуже. Он был весь в крови. Они били моего мужа пистолетами. Я отдала им деньги и они прекратили. Они пересчитали деньги и ушли» (82). Очень часто они возвращались и избивали обитателей дома до тех пор, пока у тех не заканчивались деньги. Тогда они выбрасывали их из дома, а дом либо поджигали, либо оставляли для сербских переселенцев.

За право сесть на автобус и уехать прочь с захваченной сербами территории боснийские мусульмане были вынуждены платить огромные деньги. В ожидании автобуса они неделями жили в гетто — временных пунктах размещения в школах и других учреждениях — где становились легкой добычей для грабителей и садистов. Одной мусульманской группе, для того чтобы попасть в своё временное убежище, приходилось буквально проходить сквозь строй. В Шеговичах, где транспортировки ожидали около 3 тысяч человек, в лагерь ночью заявились сербы и, угрожая убить детей, потребовали денег. Когда беженцы погрузились в автобусы, их снова избили и отобрали деньги, ювелирные изделия и другие ценности. От Приедора до границы автобусы миновали тринадцать или около того пропускных пунктов, на каждом из которых их останавливали и повторялась одна и та же картина: внутрь входили сербы, проверяли документы, оскорбляли женщин и, под угрозой жизни детей, требовали у несчастных мусульман ещё денег. Так же, как в своё время турки обирали «богатых» армян, а немцы — «зажиточных» евреев, сербы, по видимому, считавшие мусульман бесконечно богатыми, превратили их в источник собственного обогащения и грабили до тех пор, пока было что брать.

Последняя стадия этнической чистки часто становилась самым большим испытанием для беженцев. Во время транспортировки мужчин призывного возраста снимали с автобусов и грузовиков. Выкупить своих мужей и сыновей мало кому было под силу, особенно к концу поездки. Мусульманских мужчин сажали в тюрьмы или набирали из них трудовые батальоны. Кое-кого убивали на месте. Молодых хорватов отправляли служить в Бос-

нийскую Сербскую армию; отказаться смели немногие. Остальных беженцев довозили до нейтральной территории и, ещё раз избив и ограбив напоследок, высаживали в чистом поле в нескольких километрах от границы, откуда им предстояло пешком, через леса и реки, добираться до мусульманской части Боснии. «Люди были все в крови, — писала одна женщина. — Я видела нескольких мертвых женщин, лежащих на земле... Когда кто-то умирал, они не разрешали оставлять трупы на “их” земле; мы должны были нести их на боснийскую сторону» (83). Британский дипломат Дэвид Оуэн пересказывал отчёт одного сотрудника комиссии по делам беженцев при ООН, который наблюдал, как мусульманские беженцы пересекали «ничью землю»: «Когда они шли, нагруженные баулами с немногочисленными пожитками, которые им удалось собрать, сербы начали стрелять по верх их голов из ручного огнестрельного оружия, и несколько человек упали, раненые или убитые. Потом, когда они отошли на достаточно большое расстояние, по ним стали палить из артиллерийских орудий, и он видел, как они бежали изо всех сил, спотыкаясь, а снаряды ложились вокруг них. Несколько человек накрыло» (84).

Такой устойчивый цикл насилия: побои, грабеж, издевательства, ещё раз побои, грабеж, издевательства, а затем выселение, — не был присущ только Аркану и сербам. Но, в отличие от их нацистских, польских или турецких предшественников, у сербских боевиков был некий заведённый порядок. Молодых мужчин они били больше, чем старых; мужчин больше, чем женщин. У них были списки боснийских мусульман, которые, по их сведениям, были военнослужащими боснийской армии, правительственными агентами, шпионами, и членов их семей. С ними они обращались безжалостней, чем с остальными. Сербские боевики также практиковали убийство на месте. По всей Боснии молодых мусульманских мужчин расстреливали группами и хоронили в братских могилах.

Самый шокирующий случай массового расстрела имел место в Сребренице в июле 1995 г. Журналисты, активисты борьбы за права человека и следователи Международного Гаагского

трибунала собрали достаточно свидетельств, чтобы воссоздать чудовищную картину этнической чистки, переросшей в геноцид (85). Сребреница, согласно решению ООН, имела статус «зоны безопасности», охраняемой, теоретически, небольшим контингентом датских войск. 6 июля генерал Ратко Младич, безрассудный и воинственный командующий Боснийской Сербской армией, предпринял атаку, которая завершилась десять дней спустя захватом Сребреницы. Мусульманские войска в зоне, которыми командовал босниец Насер Орич, бросили Сребреницу на произвол судьбы. Датские миротворцы безучастно взирали на успехи сербов. По некоторым утверждениям, они даже помогали сербам устанавливать контроль над регионом (и его мусульманским населением) (86). Итоговый доклад ООН по делу о резне в Сребренице подтверждает обвинения в бездействии перед лицом сербской агрессии: «Боснийские сербские войска проигнорировали Совет Безопасности, отбросили миротворческие силы и здраво рассудили, что удары с воздуха по ним никто наносить не будет. Они легко захватили зону безопасности Сребреница и приступили к задаче освобождения территории от населения в течение 48 часов. В то время как их лидеры вели переговоры на высшем уровне с представителями международного сообщества, [сербские] военные в регионе всего за несколько дней убили и похоронили тысячи мужчин и юношей» (87).

Тысячи мусульман из района Сребреницы: мужчины, женщины, дети, старики, — бежали через леса и горы в Тузлу. Не всем удалось добраться до места назначения; несколько сотен, может быть, тысяча человек пали жертвой сербских атак, а также собственной слабости и истощения. В самой Сребренице войска боснийских сербов захватили всех мужчин предположительно призывного возраста, от 16 до 65 лет, и загнали их на городской футбольный стадион. В течение 7–10 дней их партиями вывозили в разные места, где расстреливали и хоронили в братских могилах. Всё это время их избивали, заставляли маршировать ускоренным шагом и, опустившись на колени, молиться Аллаху (88). Некоторые из них, как рассказал Дражен Эрдемович, осуждённый впоследствии как военный преступник, предпочли на месте

перерезать себе горло (89). С завязанными глазами и связанными позади руками мусульманских мужчин везли в автобусах к месту казни, где их расстреливали специальные расстрельные команды. Эрдемович описал, как это было: «Прибыл ещё один автобус. В каждом — порядка 60 человек. По мере того как светало, расстрельная команда перемещалась на новые позиции. Ряды мертвых тел постепенно покрывали всё поле» (90). Трупы хоронили при помощи бульдозеров. По оценке Эрдемовича, только на его «участке» за один день было убито 1–1,2 тыс. чел. Общее количество погибших оценивается приблизительно в 6–8 тыс. чел.; точнее узнать едва ли когда-нибудь доведется (91). ООН взяла на себя ответственность за ошибочное истолкование ситуации: «Из-за ошибки, непонимания, неспособности оценить масштаб зла, противостоящего нам, мы не смогли выполнить свою миссию по спасению народа Сребреницы от сербской кампании массового убийства» (92).

Сребреница была местом совершения самого серьёзного акта геноцида из всех, сопровождавших этническую чистку в Боснии и Герцеговине. «Это поистине сцены ада, написанные на самых чёрных страницах человеческой истории», — заявил судья Международного Гаагского трибунала (93). Но страх этнической чистки ощущался не только в Сребренице, но и в других районах Боснии, контролируемых сербами, и даже там, где они только грозили установить контроль. В Сараево страх пришёл, как только сербская артиллерия начала методически бомбить город с высоты горы Игман. В среднем в день на Сараево, признанный ООН, как и Сребреница, «зоной безопасности», сыпалось до тысячи артиллерийских снарядов, нацеленных преимущественно на гражданские объекты (94). Караджич был решительно настроен не только уничтожить Сараево как вотчину боснийских мусульман, но и превратить его в сербский город. Замысел сербов, пишет Сретен Вуйович, состоял не только в том, чтобы разбомбить Сараево, «убить в нём город» и «наказать его за прошлый дух терпимости и космополитизма», но и в том, чтобы «очистить его этнически», а затем воссоздать на новой национальной основе (95). Временами полностью изолированный и отрезанный от

всего мира, с минимумом жизненно важных запасов, Сараево серьёзно пострадал в годы войны и до сих не до конца восстановился от последствий.

Баня Лука, второй крупнейший город Боснии, был превращён в «сердце тьмы», по выражению Верховного Комиссара ООН по делам беженцев, «худшее место в Боснии, с точки зрения нарушения прав человека» (96). С начала 1992 г. мусульман и хорватов в Бане Луке запугивали, травили, выгоняли с работы, иногда били и убивали. Сербская полиция и военные практиковали ночные рейды по домам: людей поднимали среди ночи, выволакивали мужчин и отправляли их в лагеря и трудовые батальоны, грабили и конфисковывали собственность.

Однако покинуть Баню Луку тоже было непросто. Мусульмане, желавшие сделать это, сталкивались с бюрократической волокитой, напоминавшей описанные Виктором Клемперером мытарства и финансовую эксплуатацию евреев, стремившихся покинуть Третий рейх в конце 1930-х гг. Правительства в обоих случаях настаивали на том, чтобы ненавистные меньшинства убралась как можно скорее, но при этом делали всё, чтобы затруднить их отъезд. Дайана Пол, представитель комиссии по правам человека в Бане Луке, описала, как это делалось в Боснии: «Те, кто хотел уехать, должны были в течение определённого времени обойти многочисленные муниципальные ведомства, заплатив в каждом определённый взнос. Размер взносов и правила постоянно менялись... И всякий раз надо было брать справку из телефонного ведомства, из электрического, из банка, подтверждающую, что ты им ничего не должен. Словом, чтобы быть изгнанным, нужно было получить разрешение» (97). Мусульманская собственность (так же, как и еврейская в Германии в конце 1930-х гг.) систематически перерегистрировалась властями Бани Луки, а затем изымалась.

К весне 1995 г. в районе Бани Луки оставалось не более 10% мусульманского населения и 15% хорватского. А после того как в августе–сентябре 1995 г. хорваты изгнали со своей территории около 200 тысяч крайних сербов и многие из этих и других сербских беженцев осели в Бане Луке, положение мусульманско-

хорватского меньшинства там ещё более ухудшилось. В октябре 1995 г. менее 15 тысяч жителей региона имели несербское происхождение, в то время как до войны их было 500 тысяч. Из 60 тысяч несербских жителей собственно Бани Луки осталось лишь несколько тысяч. Радослав Брчанин, директор телевидения Бани Луки, приветствовал этническую чистку и считал, что в городе должно остаться не более 2 тысяч пожилых мусульман — ровно столько, сколько необходимо, «чтобы убирать наши улицы и чистить нашу обувь» (98).

Город Брчко, расположенный на севере Боснии, оказался в самом центре подковы, которую представляла собой территория Сербской республики Боснии и Герцеговины, протянувшаяся от западной Боснии с центром в Бане Луке до восточной Герцеговины с центром в Пале, столице Сербской Боснии. В результате, он одним из первых подвергся атаке сербов — в мае 1992 г. Около 2 тысяч мусульман и хорватов были убиты на месте, и более 90% были вынуждены покинуть город. Хуже всех пришлось тем, кто оказался в лагере для интернированных в Луке, начальником которого был Горан Елишич, называвший себя «сербский Адольф» (99). Елишич заставлял заключённых петь патриотические сербские песни, и если кто-нибудь забывал или путал слова, его наказывали: избивали или даже казнили. Елишич открыто приветствовал «очищение территории для сербского народа» и уничтожение тех мусульман, которые не желали уезжать добровольно. Говорили, что на его совести «истребление», по меньшей мере, сотни мусульманских мужчин. И хотя в Луке, как и в других лагерях, насиловали мусульманских женщин, Елишич утверждал, что он лично не принимал в этом участия по причине того, что «мусульманские женщины грязные». Однако список его преступлений и без того был настолько велик, что даже сербские власти заволновались и сместили его с поста начальника лагеря (100). 19 октября 1999 г. Трибунал признал Елишича виновным по 31 пункту обвинения в военных преступлениях и приговорил к 40 годам тюремного заключения (101).

СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ

Изнасилование и сексуальное оскорбление женщин — одна из характерных черт этнических чисток в XX в. Но ни в одном из исследованных нами случаев сексуальное насилие не играло такую большую роль в деле наказания и изгнания «чужих», как в Боснии. Все главные участники конфликта: сербы, хорваты, боснийские мусульмане, — были замешаны в сексуальных преступлениях против женщин. И хотя чувство стыда не позволило очень многим женщинам рассказать о том, что с ними случилось, активистам правозащитных организаций удалось собрать достаточно свидетельств, чтобы попытаться обобщить ситуацию и сделать выводы. Очевидно, что жертвами были в основном мусульманские женщины, а насильниками — сербские военные и боевики. Вот что сообщает доклад Хельсинкской группы по Боснии, основанный на интервью множества жертв: «Военные, штурмовавшие деревни, насиловали женщин и девушек в их домах, на глазах у родных, и на деревенской площади. Женщин арестовывали и насиловали во время допроса. В некоторых городах и деревнях женщин и девушек собирали вместе и помещали в центры задержания (обычно школы и спортзалы), где их неоднократно насиловали, в том числе коллективно, и сексуально оскорбляли, причём это могло длиться днями и даже неделями. В других случаях изнасилованными оказывались женщины, выбранные военными, по всей видимости, произвольно, наугад из общины или группы беженцев». Далее в докладе говорится о том, что все случаи сексуального насилия имели политическую целесообразность: «запугать, унизить и опозорить женщину и тех, кого касались её страдания». Иными словами, изнасилование женщин было направлено на то, чтобы вынудить их семьи бежать и никогда не возвращаться туда, где осталась честь их женщин. Впрочем, Хельсинкский доклад не скрывает, что, как и в случае с избие-

ниями, мусульманских женщин наказывали уже за один факт их существования. Женщины, согласившиеся на интервью, рассказывали, «как их насиловали несколько человек, обзывая и оскорбляя их ругательствами, обидными для их национального достоинства; при этом насильники не скрывали, что намеренно добиваются их беременности, чтобы заставить их помнить об изнасиловании и страдать ещё больше» (102). Насильственная беременность и, в некоторых случаях, заключение беременных женщин под стражу с целью заставить их выносить и родить ребенка были частью изощренного издевательства над мусульманскими женщинами, вынужденными вынашивать «маленьких четников».

В лагерях в районе Бани Луки, таких как Трнполье или Котор Варош, женщин-заключённых подвергали сексуальному насилию, сексуальным пыткам и садистским издевательствам. Изнасилование, в том числе групповое, было далеко не самым страшным из того, что там происходило. Как свидетельствуют документы Гаагского трибунала, ««посетители» специально приходили в лагерь, чтобы испытать удовольствие от жестокости» (103). Своеобразный «режим» сексуального насилия получил наибольшее развитие в г. Фока. Там в период с апреля 1992 г. до февраля 1993 г. существовали многочисленные «дома насилия» — некое подобие борделей — куда свозили и содержали под стражей мусульманских женщин, чтобы сербские солдаты и боевики могли бить и издеваться над ними в качестве вечернего развлечения. «Посетители» брили женщин налысо, витатуировывали на их телах собственные имена и принуждали их осуществлять свои садистские фантазии, порождённые разгорячённым алкоголем и наркотиками воображением. Согласно обвинительному заключению, вынесенному Международным трибуналом в отношении этого случая в июне 1996 г., некоторым из жертв не было и 12 лет, и ужасные условия, в которых они содержались, только усугубляли и без того отвратительную картину преступления (104).

Младен Вуксанович зафиксировал в своём дневнике разговор с сербским солдатом, который пытался убедить его в том, что

убийство человека есть разновидность сексуального наслаждения (105). Похоже, издевательства над мусульманскими женщинами порождали у сербских солдат сходные чувства. Как пишет Кэтрин Маккиннон, война и этнический конфликт предоставляют потенциальным насильникам возможность воплотить их женоненавистнические и порнографические фантазии (106). Но проблема, возможно, была психологически более сложной, и эта сложность заключалась в сидящем глубоко внутри гонителя чувстве влечения и, одновременно, отталкивания, которое он испытывает к женщинам (и даже мужчинам) гонимой нации (107). В своё время эти факторы сыграли свою роль и в отношении немцев к еврейским женщинам, и в отношении турок к армянским женщинам. Теперь психосексуальная агрессия проявилась в отношении сербских солдат к боснийским женщинам.

Один из самых сложных вопросов, связанных с сексуальным насилием в Боснии (как, впрочем, и с убийствами, избиениями, поджогами домов и собственности), заключался в том, что всё это происходило среди бывших соседей по деревне или городской улице. Похоже, что сербы считали, что таким образом они сводят старые счёты, оплачивают старые обиды и сбивают спесь со своих «высокомерных» соседей-мусульман. У «пришлых» сербов мотивы были другие: деморализовать противника, вывести его из строя, — поскольку мусульманские солдаты, как правило, не были профессиональными военными, а всего лишь «отцами, сыновьями и братьями местных жителей» (108). В лагерях мусульманские женщины часто встречали сербов из своих деревень и умоляли их помочь, и иногда сербы действительно помогали им и защищали (109). Но насильников среди сербов было больше, и знакомства здесь не помогали. Иногда они утверждали, что им приказали насиловать, а иногда просто молчали. Одна 38-летняя мусульманская женщина рассказала, что её изнасиловал 19-летний сосед-серб: «Он так часто бывал у нас дома, пил с нами кофе. Он даже выполнял кое-какую работу для меня», — сетовала женщина (110).

Были случаи, когда сербские женщины пытались защитить своих мусульманских подруг от разъяренных боевиков, но столь же

часто они оставались безучастны. Одна сербская женщина объясняла это тем, что мусульманские женщины якобы развратны. Другая утверждала: «Они врут всему миру, будто наши скромные молодые люди изнасиловали столько мусульманских женщин, а сами рожают чёрных младенцев в европейских клиниках, забеременев от миротворцев» (111). На обвинения в изнасиловании сербы обычно отвечали и отвечают отрицанием. К примеру, генерал Младич категорически заявил, что его люди никогда не насиловали мусульманских женщин. «Мы, сербы, — ухмыльнулся он в ответ на вопрос американского репортёра, — слишком разборчивы» (112).

Беверли Аллен, однако, убеждена в обратном. Она утверждает, что во время войны против Боснии сербы совершили «десятки тысяч» изнасилований, главной целью которых была именно беременность мусульманских женщин (113). Сербь полагали, что боснийские мусульмане — это бывшие сербы, некогда насильно обращённые в ислам. Поэтому дети, которые родятся от них, помогут спасти сербскую нацию, в то время как их матери и другие боснийские родственники вымрут, не выдержав жизненных испытаний. Так что в более широком смысле, пишет Аллен, изнасилования были нацелены на уничтожение нации боснийских мусульман. Иными словами, изнасилование было не просто инструментом этнической чистки, а формой геноцида.

По оценкам Европейского Союза, в Боснии было совершено порядка 20 тысяч изнасилований, по утверждению боснийского правительства — почти 50 тысяч (114). Но какими бы ни были реальные цифры, очевидно, что сексуальное насилие в Боснии не было просто очередным военным эксцессом или даже побочным продуктом этнической чистки, как это было не раз в XX в. (115). Мы знаем, в частности, что сербским военнотружущим, по их собственным словам, приказывали насиловать. Это чувствовали и жертвы: «Эти приказы, они все приходили из Сербии. Это были сербские директивы, — заявляла одна мусульманская женщина из г. Добой. — Я знаю некоторых, кто был вынужден делать это, кого заставили делать это, они не делали это ради собственного удовольствия» (116). Лагерь, в которых практиковалось сексу-

альное насилие, получали организационную и финансовую поддержку от правительства Боснийской Сербской республики. Государственное внимание к этой проблеме объяснялось двумя причинами. Во-первых, сербы знали, что для мусульман изнасилование означает пятно на чести всей семьи, и сама угроза изнасилования может заставить их бежать из мест, которые сербы считали своими. Таким образом, сексуальное насилие позволило бы ускорить этническую чистку. А во-вторых, насильственная беременность боснийских женщин и попытка заставить их рожать «маленьких четников» указывали на то, что сербское правительство стремилось достигнуть двоякой цели: унижить мусульманских женщин и их семьи и добиться роста численности сербской нации.

ХОРВАТЫ И БОСНИЙСКИЕ МУСУЛЬМАНЕ

По размаху и интенсивности этническая чистка, устроенная сербами в Боснии, не шла ни в какое сравнение с другими подобными явлениями на Балканах. Тот факт, что свою чистку в Боснии проводили и хорваты и что мусульмане также чинили насилие против сербов, ни в коей мере не уменьшает преступного характера сербских деяний. По своей деструктивности это были явления разного порядка. Тем не менее, хорваты своими действиями внесли заметный вклад в разрушение и опустошение региона. Сербы и хорваты разделили ответственность за выполнение «контристорической» и «антитрадиционной» программы этнической чистки в Боснии (117). Оба лидера — и Милошевич, и Туджман — осознавали, что этнически чистое государство будет способствовать укреплению и консолидации их политической власти (118). Мусульманское же насилие, куда менее масштабное, было направлено против сторонников раскола и предателей Боснии и Герцеговины.

Во взглядах Франьо Туджмана на боснийских мусульман было много общего с его предполагаемым антагонистом Милошевичем. «Два этих человека были странным образом связаны между собой, — писали Душко Додер и Луис Брансон. — Они были, как сиамские близнецы с общим сердцем. И этим сердцем была Босния» (119). Если сербские националисты утверждали, что боснийцы — это, на самом деле, сербы, насильно обращённые в мусульманство, то сторонники Туджмана считали их обращёнными хорватами. Как и сербы, хорватские националисты считали значительную часть Боснии своей территорией. 25 марта 1991 г. на секретной встрече Туджмана и Милошевича в Караджорджаево два лидера договорились о разделе Боснии, которая, по их общему убеждению, не должна существовать как самостоятельное государство (120). Посол США Циммерман вспоминал о своей встрече с Туджманом летом 1991 г., во время которой хорватский лидер «разразился гневной речью в адрес Изетбеговича и боснийских мусульман», утверждая, что они «опасные фундаменталисты», от которых исходит угроза всем «цивилизованным нациям». «Боснии, на самом деле, никогда не существовало, — заявил он. — Она должна быть разделена между Сербией и Хорватией» (121).

Как и Милошевич, Туджман говорил о переселении народов как о естественном историческом порядке. Это может быть сделано мирным и гуманным путем, но иного способа обращения с народами, «не имеющими шансов на выживание», просто нет (122). Вслед за Черчиллем и Бенешем, Туджман ссылался на успех переселения греческого населения, произведенного на основе Лозаннского договора и благодаря которому «Турция обрела условия для развития в качестве национального государства» (123). То же самое говорили и сербские лидеры. Караджич назвал «этническое перемещение» совершенно нормальным явлением в международных отношениях, необходимым для того, чтобы народы не враждовали между собой, «как кошки с собаками». Когда Младича обвинили в том, что он был «главным этническим чистильщиком», он ответил, что был обязан защищать свой народ: «Это священный долг» (124).

Разговоры о разделе Боснии продолжились во время войны. Степан Клоич, первый президент партии Хорватский демократический союз Боснии и член верховного правления Боснии и Герцеговины в 1992–1993 г., свидетельствовал, что в начале 1993 г. он имел беседу с Туджманом, во время которой хорватский президент подтвердил своё намерение разделить Боснию как страну, явившуюся результатом турецкого «колониального завоевания» (125). Даже уже в мае 1995 г., на официальном приёме в Лондоне по поводу пятидесятилетия победы над нацизмом, Туджман говорил своему соседу за столом, лидеру Либерально-демократической партии Великобритании Пэдди Эшдауну, что Босния будет разделена. На карточке меню он изобразил карту Боснии и разделил её на две части, сербскую и хорватскую. «А мусульманской части не будет», — якобы заявил он Эшдауну, — но мусульманское население будет включено в Хорватское государство в качестве «не играющего роли» меньшинства. Затем Туджман повторил мысль о том, что мусульмане — это «всего лишь сербы и хорваты, которые не сумели противостоять туркам во времена Османской империи». Эшдауну якобы покорило откровенно расистское отношение Туджмана к лидеру боснийских мусульман Алие Изетбеговичу, которого тот называл «фундаменталистом, алжирцем и чёрным» (126). Иван Звонимир Чичак, глава хорватского отделения Хельсинкского комитета, также отмечал, что Туджман неоднократно отзывался о мусульманах как о «грязных, вонючих азиатах», а сербов называл «нашими христианскими братьями» (127).

Позиция Туджмана в искусственном хорватском государстве Герцег-Босна заметно упрочилась зимой 1992 г., после перехода власти в Хорватском демократическом союзе Боснии в руки Мате Бобана, экстремистски настроенного хорватского националиста из Герцеговины. «План Вэнса-Оуэна» (март 1993 г.), предусматривавший, в случае его осуществления, передачу трёх боснийских «кантонов» Хорватии, подтолкнул Бобана и его сторонников к захвату «их» части Боснии (128). Заручившись поддержкой Загреба, военное командование Хорватской Боснии, Хорватский совет обороны (ХСО), потребовал от боснийского правительства

в Сараево вывести войска с территории, контролируемой хорватами, согласно «плану Вэнса-Оуэна» (129). Когда Изетбегович отказался, ХСО приступил к оккупации и этнической чистке. Первой целью хорватов стала стратегически выгодно расположенная долина Ласвы. 16 апреля 1993 г. хорватские войска атаковали крупнейший город региона Витез и осадили его мусульманский квартал, Старый Витез. Хорваты принялись поливать город огнём из различных артиллерийских орудий, разрушая дома и целые кварталы. Чтобы уничтожить центр мусульманского квартала, они использовали грузовик, начинённый взрывчаткой. Также они использовали около тысячи взрывных устройств, замаскированных под огнетушители, наполненные взрывчатым веществом и металлическими предметами. Вслед за артподготовкой в город вошли войска, которые поджигали мусульманские дома и депортировали их жителей.

В Старом Витезе и повсюду в регионе выселение мусульман сопровождалось насилием и жестокостью. Как и в сербском случае, военным «ассистировали» боевики, которые зачастую немногим отличались от банд головорезов. Особо усердствовали «рыцари» из хорватского Витеза и «джокеры», носившие чёрную униформу и знаки отличия усташского движения. «Мы оказались свидетелями такого, чего прежде никогда не видели, и мы были потрясены и шокированы... уровнем разрушения и насилия», — свидетельствовал британский полковник Джеффри Томас (130). Особенно вопиющий случай насилия имел место в деревне Ахмичи. В середине апреля 1993 г. в неохраямую деревню пришли хорватские войска. По уже знакомой схеме, местные хорваты указали военным, какие из домов принадлежат мусульманам, и те были сожжены. Не меньше сотни мусульман были убиты на месте или сгорели вместе со своими домами (131). Сахиб Ахмич, очевидец, рассказывал, как в его дом ворвались двое хорватских солдат, выстрелами в упор ранили его сына и, облив бензином мебель, подожгли дом. Он сам едва спасся, получив многочисленные ожоги, а его свояченица сгорела заживо (132).

У хорватов в долине Ласвы были и свои лагеря для мусульман, где заключённых пытали и избивали. В одном из самых

известных своим произволом, в Каонике, заключённых использовали на тяжёлых работах: рытье траншей, ремонте дорог, — а также в качестве «живого щита» против потенциальных боснийских контратак. Так же как и в сербских лагерях, хорватские охранники грабили своих подопечных и регулярными побоями «выбивали» из них последние ценности. Каоник также «прославился» своей перенаселённостью: временами в комнатах площадью два на три метра ютилось по двадцать заключённых. Проводились и ночные оргии. Даже честные охранники не могли ничего поделаться с «ночными звонками» — нечаянными визитами пьяных или обкурившихся хорватских военных, жаждавших развлечений, в основном сексуального характера (133). Изнасилование и оскорбление мусульманских женщин также имели место. Прокурор Гаагского трибунала рассказал о садистском обращении боевиков отряда «джокеров» с одной мусульманской женщиной. Во время допроса, который вёл Анто Фурундзия, его помощник по имени Чичко «схватил жертву за волосы, заставил раздеться и начал водить по её обнажённому телу ножом, угрожая вонзить его ей в половой орган, если она не скажет правду, а затем изнасиловал в естественной и извращённой форме». Фурундзия, между тем, продолжал задавать вопросы, и всякий раз, когда её ответ был или казался неудовлетворительным, Чичко насиловал её. Вместе с этой женщиной в заключении находился один боснийский хорват, которого посадили за помощь ей и её семье. Во время «допроса» этой женщины он был жестоко избит (134).

Город Мостар в Герцеговине с сохранившимся с турецких времен красивым и изящным мостом через реку Неретва стал ареной жестокой этнической чистки, проводимой ХСО. Большую часть грязной работы здесь проделал так называемый батальон заключённых, или штрафной батальон. С мая 1993 г. по январь 1994 г. тысячи мусульман, живших на западном берегу Неретвы, лишились своих домов и имущества и оказались затем в печальном знаменитом лагере в Дретели. Особое внимание хорваты уделили разрушению турецкого моста, имевшему место 9 ноября 1993 г. Это был намеренный и осознанный акт культурного вандализма,

стоявший в одном ряду с сербскими бомбардировками Дубровника. Практический смысл хорватского намерения тоже был понятен: разделить город, создав на западном берегу чисто хорватский Мостар (136).

Своего пика хорватская этническая чистка достигла позже, когда её объектом стали крайнинские сербы. В результате двух исключительно успешных военных операций: «Вспышка» в Восточной Славонии в мае и «Буря», начавшаяся в августе 1995 г., — хорватские войска изгнали из региона от 180 до 200 тысяч сербов. Документы Гаагского трибунала показывают, что в изгнании непосредственное участие принимала регулярная хорватская армия. Хорватские военные «осуществляли... неоправданные убийства мирного населения и “этническую чистку”» (137).

Этническая чистка была неотъемлемой частью сербской и хорватской стратегии в отношении Боснии — тех её частей, которые они считали своими. Если они не могли раз и навсегда поделить Боснию «сверху», как того хотелось Милошевичу и Туджману, они решили сделать это насильственным путём «снизу». В этом заключался главный смысл войны против мусульман, главная причина убийств, грабежей, поджогов, побоев и изнасилований. По справедливому замечанию журналиста Эда Вульями, эта война велась в большей степени против гражданского населения, нежели против армии противника. «Очень малая часть того, что произошло в Боснии, может быть названо войной между армиями. Мы любим использовать термин “беженцы”, имея в виду побочный продукт войны армий, но в этом конфликте беженцы были исходным материалом, *raison d'etre* * войны, и в этом заключалась вся проблема: устранение населения — вот ради чего велась война» (138). Впрочем, в отличие от геноцида, этническая чистка в не меньшей степени (если не в большей) связана с обретением и сохранением контроля за определённой территорией, чем с уничтожением той или иной группы населения как таковой (139).

* Причина существования (фр). — Прим. перев.

Что касается боснийских мусульман, то их поведение, строго говоря, не имело отношения к этнической чистке. Их цель заключалась в сохранении единства и целостности территории Боснии и Герцеговины. Любое разделение или «кantonизация» страны противоречили их интересам как доминирующей национальности. Включая сербов и хорватов в состав вооружённых сил и правительственного аппарата, они стремились к идеалу — сохранению Боснии и Герцеговины как многонационального государства, в чём были заинтересованы и поддерживавшие их страны НАТО. Но это не означало, что мусульмане вовсе не нападали на сербских и хорватских мирных жителей и не совершали военных преступлений — хотя, по оценке Госдепартамента США, на долю мусульман приходится не более 8% всех зафиксированных преступлений в регионе (140).

Отчёты о действиях 7-й мусульманской бригады, противостоявшей хорватским войскам в долине Ласвы и в других районах, показывают, что и мусульмане периодически убивали гражданских лиц и сжигали их дома (141). На сессии Гаагского трибунала одна хорватская свидетельница рассказала, как мусульманские солдаты закололи и распилили надвое её мужа; другая описала убийство трёх её сыновей (142). Особое внимание Трибунала привлекли военные преступления, совершённые в лагере Челебичи, где над сербами из Коничского района издевались два охранника-садиста — Хазим Делич и Эсад Ландзо. Бывший заключённый этого лагеря рассказывал, что когда его вместе с группой жителей его деревни привезли в лагерь, их «поставили к стенке и несколько часов нещадно били». Затем пятнадцать или около того человек затолкали в «туннель № 9» шириной один и длиной двадцать метров. Узников избивали бейсбольными битами и пытали электрическим током. Иногда сербские заключённые просто исчезали, замученные насмерть в ходе «допросов четников». В арсенале Ландзо распространённой пыткой было облить узника бензином и поджечь за руки и за ноги (впрочем, сам он уверял, что делал это по приказу). Его обвиняли также в том, что он выжигал «раскалённым добела ножом» кресты на

ладонях заключённых. На суде Ландзо признался в совершении целого ряда садистских актов в отношении заключённых (143).

КОСОВО

Этническая чистка в Косово в 1998–1999 гг. во многом напоминала боснийскую. Так же как и в Боснии, сербские армейские и полицейские подразделения и отряды боевиков систематически нападали на албанские деревни, убивая, грабя и сжигая дома, с одной целью — заставить косовских албанцев убраться прочь. В крупных городах, таких как Приштина или Призрен, сербские власти — совсем как в боснийских Бане Луке или Брчко — стремились сделать жизнь албанцев невыносимой настолько, чтобы им захотелось уехать из Косова. Результатом стало всеобщее бегство косовских албанцев, искавших спасения от сербских репрессий в соседних странах (144). Как и в боснийском случае, исключения не было сделано ни для кого: интеллигенция и образованные слои изгонялись наряду с крестьянами и ремесленниками; старики наряду с молодыми. Натовские бомбардировки, начатые 24 марта 1999 г. с целью прекратить сербскую агрессию, лишь драматическим образом ускорили развязку. Сотни тысяч косовских албанцев, бросив свои дома, теперь искали спасения и от сербов, и от бомб НАТО.

После 78 дней бомбардировок, 10 июня 1999 г., Милошевич признал поражение, и войска НАТО взяли Косово под свой контроль. Теперь этническая чистка пошла в противоположном направлении, хотя по своим масштабам она не могла сравниться с той, что проводили сербы. Относительно малочисленное само по себе, сербское население Косово (примерно 8% общей численности населения края в начале 1990-х гг.) подверглась гонениям со стороны возвращающихся албанцев. Кое-где, однако, сербские общины сохранились — в частности, в северной половине разде-

лённого города Митровица — но политика Милошевича обрекла их на изоляцию и существование в некоем подобии резерваций.

При всем сходстве косовского и боснийского случаев этнической чистки у них были немаловажные отличия. Несмотря на то, что Босния в годы Второй мировой войны стала ареной жестокого братоубийственного конфликта между сербами, хорватами и мусульманами, этот регион столетиями развивался как многонациональное общество с присущей ему терпимостью к культурным и религиозным различиям (145). Все три народа, хотя и исповедовали разные религии, имели общее славянское происхождение, имели похожую внешность и разговаривали на одном, сербохорватском, языке. В Косово всё было по-другому. Там длившийся почти сто лет конфликт между сербами и албанцами был конфликтом между абсолютно разными народами, говорившими на абсолютно разных языках. В пору принадлежности Османской империи Косово был более гостеприимным краем для албанских мусульман, нежели для православных сербов. Однако сербы хорошо помнили о своих культурных корнях, оставшихся в косовской земле, и в ходе Балканских войн отвоевали Косово у турок. Возникшая в 1912–1913 гг. независимая Албания на Косово не претендовала. После того как Косово стало частью Королевства сербов, хорватов и словенцев (позже — Югославии), сербы начали проводить в нем активную кампанию сербской колонизации, сопровождавшуюся дискриминацией местного албанского населения, в том числе в отношении права на землю. Итальянская оккупация Албании и западного Косова в годы Второй мировой войны изменила расстановку сил в крае. Теперь албанцы получили возможность изгонять сербов, как новопривыбывших, так и коренных жителей Косова, и лишать их собственности и земли (146).

Борьба между сербами и албанцами за Косово продолжилась в коммунистический период. Первоначально возглавляемое Тито коммунистическое руководство благоволило сербам, поддерживая, в частности, возобновившуюся кампанию сербской колонизации Косова. Однако в конце 1960-х гг., под воздействием объективных факторов: экономического, интеллектуального и демографи-

ческого роста косовских албанцев, — в политике Тито произошёл сдвиг в сторону признания их прав как национальности. Процесс завершила Конституция 1974 г., закрепившая за Косово статус автономного края в составе Сербской республики и официального субъекта Югославской федерации. Ситуация вновь изменилась, и уже сербы жаловались на дискриминацию со стороны албанцев по «этническому признаку», призванную вытеснить сербов из края. Националистический «Меморандум Сербской Академии наук» в значительной мере был ответом на очевидное албанское давление на сербов в Косове. Как известно, эксплуатация этой темы помогла Милошевичу обрести политический вес среди бывших коммунистов.

Приход Милошевича к власти не сулил косовским албанцам ничего хорошего с самого начала. Ещё весной 1987 г. он возглавил атаку сербских националистов, направленную на лишение Косова права самостоятельного голоса в делах Югославии и резкое сокращение его автономии, дарованной Тито и Конституцией 1974 г. 8 марта 1989 г. Милошевич официально объявил о ликвидации автономии Косова (и Воеводины) в рамках Сербской республики, чем вызвал шестидневные волнения в Приштине, во время которых 100 албанцев были убиты и ещё 900 арестованы. 5 июля 1990 г. косовская полиция, находившаяся в руках албанцев, приказом из Белграда была распущена, и в крае введено чрезвычайное положение. Приштинский университет был закрыт, как и значительное число албанских школ. Сербы взяли под свой контроль албанские средства массовой информации и прикрыли деятельность албанских политических, культурных и спортивных ассоциаций (147). Отношения между сербами и албанцами в Косово настолько обострились, что в Приштине и других городах края они предпочитали ходить по разным сторонам улицы (148).

Лидеры косовской автономии подверглись издевательствам и политическому преследованию со стороны сербских властей. Рядовые албанцы, лишившиеся в результате дискриминации работы и средств к существованию, тысячами устремились в страны Западной Европы на поиски лучшей доли. В марте 1991 г. албан-

цы организовали в Приштине грандиозную демонстрацию в знак протеста против отмены своих прав. Но выступление было жестоко подавлено сербскими властями. Тысячи демонстрантов были арестованы и, возможно, сотни погибли (149). Другие республики Югославии были шокированы и обеспокоены этими репрессивными акциями. Видя, как бесцеремонно сербы обращаются с косовской автономией, словенцы, хорваты, боснийцы и другие опасались, как бы то же самое не произошло с ними. Результатом, как мы знаем, стала серия выходов республик из состава Югославии в начале 1990-х гг., повлёкшая за собой сербскую военную интервенцию. В этом смысле, можно сказать, что войны за югославское наследство начались в Косово и закончились в Косово.

Косовские албанцы не желали мириться с сербским диктатором и, по сути, военным положением, установленным сербскими властями в крае в начале 1990-х гг. Под руководством последователя Ганди, пацифиста Ибрагима Руговы они создали теневое государство и полностью обособились от сербов. Подобно польской «Солидарности», они создали свои школы, свой университет, проводили собственные культурные мероприятия, издавали свои газеты и книги и проводили свою собственную внешнюю политику. К сожалению, война в Боснии помешала мировому сообществу обратить достаточно серьезное внимание на движение Руговы. Зато на него обратила внимание сербская полиция, которая время от времени совершала рейды на подпольные албанские школы и культурные учреждения, арестовывала учителей и активных правозащитников, сажала их в тюрьмы и чинила другой произвол (150). В 1981–1988 гг., как подтверждает официальная югославская статистика, более 7 тысяч косовских албанцев подверглись тюремному заключению. Примерно 586 тысяч — более четверти всего населения — оказались в эти годы жертвами полицейского произвола (были безосновательно остановлены на улице, задержаны, арестованы, подверглись приводу в полицейский участок, допросу, угрозам и т. д.) (151).

Окончание войны в Боснии и начало переговоров в Дэйтоне в ноябре 1995 г. вселили в косовских албанцев некоторую надеж-

ду на то, что НАТО и Соединенные Штаты теперь займутся их делом. Но союзники были чересчур озабочены ликвидацией беспорядка в Боснии, к которому они тоже приложили руку, чтобы «утяжелить» Дэйтонские договоренности непростой ситуацией в Косово; Милошевич был слишком важен для них как гарант успешного выполнения Дэйтонского соглашения. Тогда косоварские активисты, особенно молодое поколение, не знавшее иной ситуации, кроме сербского произвола и дискриминации, пришли к выводу, что Ругова с его ненасильственными методами сопротивления ничего не достиг и не мог достичь. Дэйтон ещё больше укрепил этих молодых людей в уверенности, что только вооружённым путем можно разрешить ситуацию, а заодно привлечь внимание Запада к проблеме. Ещё один эффект Дэйтона состоял в том, что он укрепил позиции Милошевича, как на международной арене, так и в Косово (152). Неудивительно, что созданная албанскими радикалами ещё в 1993 г. Армия освобождения Косова (АОК) только после Дэйтона, в 1996 г., превратилась в реальную действующую силу, косовскую «интифаду», способную дать вооружённый отпор сербам (153). Неожиданную поддержку делу АОК оказала гражданская война в Албании весной 1997 г., в результате которой в стране «высвободилось» большое количество оружия.

Первый этап войны в Косово начался 28 февраля 1998 г., когда на безлюдной дороге между Приштиной и Подуево бойцы АОК внезапно напали на четырёх сербских полицейских и убили их. Ответ сербов был силовым и незамедлительным: 20 вооружённых вертолётов и 30 бронетранспортёров атаковали отряды АОК в районе Дреницы. Целые семьи и кланы из двух албанских деревень, заподозренные в связях с АОК, были уничтожены в период с 4 по 7 марта. Всего в ходе «дреницкой резни» погибли 85 албанцев, из них 25 — женщины и дети (154). Эскалация насилия была практически неизбежной. Репрессии против косовских албанцев усилились, и всё больше и больше молодых людей, часто голодных и безработных, брали в руки оружие и направляли его против сербов. Финансируемая албанской зарубежной общиной, в которой также росли радикальные настрое-

ния, АОК превратилась в хорошо вооружённого противника сербской экспансии. При всей слабости её политической организации и отсутствии единого военного командования АОК, тем не менее, была в состоянии контролировать почти 30% территории Косова в середине 1998 г. (155).

Нетрудно предсказать, что сербская реакция на усиление АОК и сопротивления в Косово была жестокой и безжалостной. Более того, начиная с февраля 1998 г. сербские силовые подразделения начали систематическую кампанию этнической чистки, направленную (по крайней мере, тогда так казалось) на сохранения контроля над регионом и вынуждавшую сотни тысяч албанцев покинуть Косово. Эта выборочная этническая чистка была частью тактики «антиповстанческой» борьбы сербов и, по крайней мере, одной из её целей было лишить АОК инфраструктуры поддержки (156). Как говорил Милошевич американскому послу в Македонии Кристоферу Хиллу, сербы могли бы изгнать всех албанцев, если бы захотели, но они не хотели. «Мы не нацисты», — якобы заявил он (157). Сербь настаивали, что они хотели изгнать только тех, кто прибыл в Косово недавно из Албании или других зарубежных стран. Но за этим заявлением скрывалось намерение Милошевича добиться перевеса сербского населения в Косово над албанским за счёт изгнания сотен тысяч албанцев и привлечения в край сербов, как собственно из Сербии, так и беженцев из Хорватии. Однако, согласно данным правозащитных организаций, только 16 тысяч сербов переселилось в Косово, причём большинство из них проживало в ужасных условиях (158).

Ситуацию ещё более усложнил ввод в Косово в октябре 1998 г. первых контингентов наблюдателей от ОБСЕ, явившийся результатом переговоров о судьбе региона между Милошевичем и Ричардом Холбруком (159). Однако, несмотря на присутствие почти 1300 наблюдателей, сербы продолжали атаковать албанцев, а АОК продолжала нападать на сербов и предполагаемых албанских коллаборационистов. Короткая мирная передышка, которой добилась ОБСЕ в конце декабря 1998 г., была нарушена 8 января 1999 г., когда бойцы АОК захватили в плен восьмерых солдат

югославской армии, ошибочно захвативших на албанскую территорию. И хотя ОБСЕ удалось добиться их освобождения, сербы не преминули отомстить и напали на «виновную» деревню Рачак, убив 45 албанских мирных жителей (160). Очевидцы рассказывали, что они видели «людей в капюшонах и во всём чёрном», которые осуществляли убийства, скорее похожие на казни (161).

Рачак оказал мгновенно мобилизующее воздействие на союзников, чувствовавших себя виноватыми после бездействия в Сребренице. Лидеры НАТО сделали попытку заставить сербов и косовских албанцев подписать соглашение в Рамбуйе (6–23 февраля 1999 г.), дававшее войскам НАТО право контролировать ситуацию в Косово и обещавшее албанцам референдум о независимости через три года. Ультиматум с самого начала не устроил ни одну из сторон. Сербы отказались уступить право контроля над своим воздушным пространством, тем более над Косово, а албанцы не желали ждать три года, чтобы обрести независимость (162). В конце концов, союзники всё-таки убедили албанцев подписать соглашение (это произошло 18 марта), и после вывода из Косова 19 марта миссии ОБСЕ всё было готово для натовских бомбардировок территории Сербии и Косова, которые и последовали 24 марта.

Вопреки ожиданиям западных политиков, за 78 дней бомбардировок сербы не отступили, а, напротив, только ускорили свои действия по очистке Косова от албанцев. Теперь они уже не лицемерили, заявляя, что изгнанию подвергаются лишь члены АОК и их сторонники. Похоже было, что Милошевич вознамерился изменить процентное соотношение населения в Косово на прямо противоположное: то, что раньше было 90% албанцев и 10% сербов, на 10% албанцев и 90% сербов. Кроме того, он надеялся дестабилизировать обстановку в соседних Албании, Македонии и Черногории хлынувшим туда потоком беженцев (163). Что конкретно стояло за сербской операцией с предположительным названием «Подкова», нельзя сказать наверняка по причине отсутствия достоверных данных (164). Зато очевидно, что за этот период были изгнаны 800–900 тысяч албанцев, из ещё остающихся в крае 600 тыс. чел. многие жили на нелегальном положении,

а ещё 400 тыс. чел. — за рубежом. «Не мог же Милошевич “вычистить” 1,8 миллиона человек?» — спросил Тимоти Гартон Эш у президента Словении Милана Кучана полгода спустя. «Вы не знаете Милошевича», — ответил Кучан (165).

Многие приёмы этнической чистки в Косово были уже опробованы в Боснии. Местные сербы (а также цыгане) указывали, где живут албанцы; боевики врвались в дома, избивали жителей, отбирали деньги и ценности, а затем выгоняли. Дома часто сжигали, иногда вместе с обитателями (166). В городах албанцев выгоняли из квартир. Сербские военные в Приштине ходили по улицам, выкрикивая в мегафон и распространяя листовки с угрозами в адрес оставшихся албанцев. Десятки тысяч приштинских албанцев были собраны в городском спортивном комплексе, прежде чем быть отправленными на поездах, автобусах и грузовиках к македонской границе. Причём, как и в Боснии, беженцы были вынуждены платить астрономические суммы за билеты, чтобы наконец-то оказаться в битком набитом вагоне. Характерной чертой косовской чистки была особая заинтересованность сербских военных в конфискации у албанцев документов. На пропускных пунктах внутри страны и в лагерях беженцев возле границы албанцев «освобождали» не только от денег, но и от паспортов. Смысл заключался в том, чтобы лишить албанцев малейшей претензии на гражданство и собственность в Косово. С ними обращались как с албанцами из Албании, которых сербы обвиняли в незаконном проникновении в страну. Уничтожению также подвергались номерные знаки автомобилей, списки избирателей и другие регистрационные документы — словом, всё, что хотя бы косвенно свидетельствовало об албанском присутствии в Косово (167).

Так же, как и в Боснии, этническая чистка в Косово сопровождалась изнасилованиями женщин, что служило одновременно наказанием албанцев и способом заставить их убраться поскорее. В докладе госдепартамента США об этнической чистке в Косово говорится об «организованном и систематическом» изнасиловании сербскими военными албанских женщин и девушек в городах Дьяковица и Печ (168). О действительном масштабе пробле-

мы судить очень трудно в силу традиционной мусульманской культуры значительной части албанского населения в Косово. Для любой женщины рассказ об изнасиловании очень непростое дело, это всегда унижительный и психологически болезненный акт. Но для мусульманских женщин во многих районах Боснии и особенно в Косово это было практически невозможно.

Похищения, аресты, пытки, побои и убийства были так же типичны для Косово, как и для Боснии, но ещё слишком рано говорить о том, сколько же на самом деле жизней унесла эта этническая чистка и сколько без вести пропавших до сих пор живёт, скрываясь, в горах или за границей. По данным немецкого эксперта Стефана Требста, в период с декабря 1998 г. по май 1999 г. в Косово было убито 30 тысяч албанцев, 960 тысяч человек стали беженцами и ещё 550 тысяч сменили место жительства внутри страны. В результате натовских бомбардировок погибли около 1 тысячи сербов, в том числе 114 полицейских и 462 военнослужащих (169). Однако на 11 ноября 1999 г. следователями Гаагского трибунала было обнаружено только 2108 тел погибших — ничтожно малая часть того количества, которое, по оценкам, было на самом деле убито и покоится в массовых захоронениях в Косово (170). Главная проблема, связанная с подсчётом количества жертв, заключается в том, что сербы постарались уничтожить следы массовых захоронений. Однако, судя по тому, что нам известно о зверствах сербских боевиков и полиции в Косово, точку в расследовании ставить ещё рано.

Подобно тому, как этническая чистка в Боснии не завершилась подписанием Дэйтонского договора, этническая чистка в Косово тоже не закончилась после окончания бомбардировок и подписания соглашения о прекращении огня. Возвращение албанских беженцев в Косово привело к существенному обострению жилищной проблемы, в силу того что значительная часть жилого фонда была разрушена сербами и натовскими бомбардировками. Размещённый в Косово международный воинский контингент не обладал достаточной силой и полномочиями, чтобы предотвратить агрессию косовских албанцев против сербов, а также цыган, турок и горан (сербских горцев-мусульман), обвинённых

ими в сотрудничестве с сербами. Были случаи, когда албанцы отбирали у сербов собственность, а их самих выгоняли из Косова; были и такие, когда албанцы избивали и даже убивали сербов. Всё это заставило известного косоварского журналиста Ветона Сурроя выразить горькое сожаление по поводу ожесточения собственного народа и озабоченность в связи с его будущим и будущим косовских сербов, ставших «жертвами жертв» (171).

Мост через реку, разделяющую город Косовска Митровица на северную и южную половины, охраняют французские войска. В их обязанности входит удерживать албанцев, проживающих в южной части, от нападения на сербов, проживающих в северной. Время от времени толпы албанцев обстреливают солдат камнями и пытаются прорвать их ряды. В числе других воинских контингентов, американские солдаты, в полной боевой амуниции, патрулируют северную часть города в поисках оружия и боеприпасов. Сложившееся *de facto* разделение Косовского края: сербы на севере, албанцы на юге, — похоже, становится перманентным. И те, и другие продолжают ущемлять «чужаков» на своей половине. Атмосфера и там, и там напряженная. В Косово, как и в Боснии представители НАТО и ООН не прекращают говорить о своей приверженности многонациональным общностям, но при этом раскол, порождённый войной, ни в том, ни в другом регионе не становится менее заметным. Напротив, создаются этнически «чистые» анклавов, которые отгораживаются от бывших соседей стенами, колючей проволокой и хорошо вооружёнными силами ООН.

ИТОГИ

Этническая чистка в бывшей Югославии явилась событием, омрачившим конец XX в. Запад был поставлен перед прискорбным фактом, что опять миллионы европейцев (на сей раз боснийцев, косовских албанцев, сербов и хорватов) оказались изгнанными из

своих домов, ограбленными, изнасилованными и убитыми. Опять доминирующие этнические группы совершали преступления против человечности ради освобождения того, что они считали своей территорией, от «других» — якобы чуждых и культурно отличных от них меньшинств. Опять акты геноцида оказывались составными частями государственных программ этнической чистки. Сотни тысяч людей погибли, в основном от рук сербских военных и боевиков, и многие из погибших остались лежать в безымянных коллективных захоронениях (172). Опять сексуальное насилие и надругательство над женщинами стало обычным делом. Память о преступлениях, совершённых сербскими боевиками, не покинет мусульманских женщин до конца жизни.

Государства и другие национально-территориальные образования, возникшие в результате распада Югославии, путем этнической гомогенизации стремятся добиться социальной сплочённости и политической стабильности. Методы и приёмы этнической чистки переносятся из войны в мирное время. Почти повсюду в регионе принцип национальной исключительности занял доминирующее место в политических программах. Это относится сегодня не только к сербам, хорватам и словенцам, но и к боснийским мусульманам и косовским албанцам (173). Политики используют подконтрольные государству средства массовой информации, чтобы пропагандировать идею органичного единства своего народа. Историки переписывают истории с целью вычеркнуть роль меньшинств как из прошлой, так и из будущей жизни своих народов. Глубина и ожесточённость недавнего конфликта показали, что надеяться на многонациональный подход к решению насущных задач, стоящих сегодня перед странами региона, практически не приходится.

При этом новые югославянские страны стремятся к участию в европейских форумах и мечтают, в конце концов, войти в Европейский союз и в НАТО. Каждая на свой манер хочет добиться перестройки, модернизации и присоединения к современному сообществу наций. Смогут ли они достичь этого как демократические государства, будет зависеть от конструктивной позиции их собственного руководства и политической воли Запада. Тито

стремился ликвидировать отсталость и этническое противостояние югославских народов с помощью модернизаторских методов, предлагаемых марксистско-ленинской идеологией. Эксперимент провалился. Сегодня новые мононациональные государства, опираясь на современные национальные и демократические идеологии, стремятся мобилизовать свои народы для дальнейшего экономического и политического развития. Словения и, недавно, Хорватия уже сделали важные шаги в этом направлении. Сумеет ли того же добиться Сербия (вместе с Косово и Черногорией или без них), покажет время. Что касается Македонии и Боснии с Герцеговиной, то они всё ещё находятся в состоянии борьбы с многонациональным подходом к решению демократических проблем.

Босния и Косово ещё раз подтвердили неспособность международного сообщества что-нибудь поделаться с этническими чистками в XX веке. Бомбы, сброшенные НАТО, заставили сербов подписать Дэйтонский договор, но это произошло спустя три с половиной года после начала этнической чистки, завершившейся перемещением более двух миллионов человек. Страны НАТО не смогли организовать достаточно убедительного наземного противостояния процессу, поэтому им пришлось бомбить Косово с воздуха, но это только ускорило этническую чистку и лишило крова почти миллион косовских албанцев. Едва ли не самый печальный итог этнической чистки на Балканах заключается в очевидной необратимости её результатов. Боснии в XXI веке суждено стать территорией сосуществования двух различных и раздельных национальных общностей — сербской и хорватско-мусульманской. Ещё более предсказуем подобный результат в Косово. Все разговоры, ведущиеся на Западе по поводу возвращения сербов, попросту смехотворны. Впрочем, смешного во всём этом мало. Армяне и греки, навсегда покинувшие Турцию, сделали эту страну беднее во всех отношениях. Хотя некоторые евреи после Второй мировой войны вернулись в Германию (показавшуюся раем советским и российским евреям), это была уже другая страна; та Германия, что дала миру Альберта Эйнштейна и Вальтера Бенджамина, осталась в прошлом. Чехи и поляки пока не успели

пожалеть о том, что они наделали, изгнав немецкое меньшинство, но этот момент не за горами, потому что потеряли они гораздо больше, чем им кажется. А отзвуки советских депортаций чеченцев, ингушей и крымских татар явственно слышны сегодня в непрекращающейся войне на Кавказе. Народы бывшей Югославии в будущем тоже будут оглядываться с грустью и сожалением на последнее десятилетие XX века. Даже когда наконец затянутся душевные раны, связанные с потерей родных и близких, и народы воспрянут экономически, они почувствуют себя обеднёнными в результате этнической чистки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ivo Banac*. The Demise of Yugoslavia (draft ms., April 2000). P.4.
2. Newsweek. February 19, 1996. P.30.
3. По поводу историографии вопроса см.: *Gale Stokes, John Lampe, Dennison Rusinow, Julie Mostov*. Instant History: Understanding the Wars of Yugoslav Succession //Slavic Review, 55. №1 (Spring 1996). P.136–160.
4. *Ivo Banac*. Nationalism in Southeastern Europe //Nationalism and Nationalities in the New Europe. — Ithaca: Cornell University Press, 1995. P.109–111.
5. По поводу данной схемы см.: *Miroslav Hroch*. Die Vorkämpfer der nationalen Bewegungen bei den kleinen Völkern Europas. — Prague: Historia Monographa XXIV, 1968. Краткая англоязычная версия опубликована в сборнике: *Eley and Suny*, eds. Becoming National. P.60–77.
6. Kosovo: Heroic Song of the Serbs. Tr. Helen Rootham. — Boston: Houghton Mifflin, 1920. P.75. Русский текст в переводе П. Эрастова цит. по изданию: Сербский эпос. В 2-х томах. М.: Художественная литература, 1960. Т.1. С.141.
7. *Wayne S. Vucinich, and Thomas A. Emmert*, eds. Kosovo: The Legacy of a Medieval Battle. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 1991.
8. Косовский миф оказал огромное влияние даже на современную научную литературу. См., напр.: *Branimir Anzulovic*. Heavenly Serbia: From Myth to Genocide. — New York: New York University Press, 1999. P.11–44.
9. О необычной жизни Негоша см.: *Milovan Djilas*. Njegos: Poet, Prince, Bishop. — New York: Harcourt, Brace and World, 1966.

10. The Mountain Wreath of P.P. Nyegosh, Prince-Bishop of Montenegro, 1390–1851. Tr. James W. Wiles. — London, 1930. P.209. Этот фрагмент также приводится в книге: *Tim Judah. The Serbs: History, Myth and the Destruction of Yugoslavia*. — New Haven: Yale University Press, 1997. P.77. Русский текст цитируется по изданию: *Пётр Негош. Горный венец*. Пер. Ю. Кузнецова. — М.: Художественная литература, 1988. С.143.

11. *Ivo J. Lederer. Nationalism and the Yugoslavs //Peter F. Sugar and Ivo J. Lederer. Nationalism in Eastern Europe*. — Seattle: University of Washington Press, 1994. P.405.

12. См.: *Mirjana Gross. Social Structures and National Movements among the Yugoslav Peoples on the Eve of the First World War //Slavic Review*, 36. №4 (December 1977). P.643; *David Mackenzie. Serbia as Piedmont and the Yugoslav Idea, East European Quarterly*, 28. №2 (June 1994). P.176; *Serbian Nationalist and Military Organizations and the Piedmont Idea, East European Quarterly*, 16. №3 (September 1982). P.323. О Пашиче см.: *Djordje Stankovic. Nikola Pasic i jugoslovensko pitanje. Vol.2*. — Belgrade: Izdavacko-graficki zavod, 1985. P.274–275.

13. *Nicholas J. Miller. Between Nation and State: Serbian Politics in Croatia Before the First World War*. — Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1997. P.179.

14. *Wolf Dietrich Behschnitt. Nationalismus bei Serben und Kroaten 1830–1914: Analyse und Typologie der nationalen Ideologie*. — Munich: Oldenbourg Verlag, 1980. P.233.

15. Цит. по: *Andrew Baruch Wachtel. Making a Nation, Breaking a Nation: Literature and Cultural Politics in Yugoslavia*. — Stanford: Stanford University Press, 1998. P.27. См. также: *John Lampe. Yugoslavia as History: Twice There Was a Country*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P.43–46.

16. *Ivo Banac. The National Question in Yugoslavia: Origins, History, Politics*. — Ithaca: Cornell University Press, 1984.

17. *Gale Stokes. Nationalism in the Balkans: An Annotated Bibliography*. — New York: Garland Publishing, 1984. P.xv.

18. См.: *Wachtel. Making a Nation, Breaking a Nation*. P.67–127.

19. По утверждению Ноэля Малколма (впрочем, не достаточно документально подтвержденному), 250 тыс. чел. было убито партизанами Тито в 1945–46 гг. *Noel Malcolm. Bosnia: A Short History*. — New York: New York University Press, 1994. P.193.

20. *Ivo Banac. The Fearful Asymmetry of War: The Causes and Consequences of Yugoslavia's Demise //Daedalus. №121 (Spring 1992)*. P.148.

21. *Wachtel. Making a Nation, Breaking a Nation*. P.165–172.

22. О роли «самоуправления» в этом процессе см.: *Jill A. Irvine. The Croat Question: Partisan Politics in the Formation of the Yugoslav State*. — Boulder: Westview Press, 1984. P.254–257.

23. *Noel Malcolm*. Bosnia: A Short History. P.200–201; *Malcolm*. Kosovo: A Short History. — New York: New York University Press, 1998. P.327–328.
24. *Wachtel*. Making a Nation, Breaking a Nation. P.226.
25. *Irvine*. The Croat Question. P.290.
26. *Susan Woodward*. Balkan Tragedy: Chaos and Dissolution after the Cold War. — Washington DC: The Brookings Institute, 1995. P.73.
27. *Malcolm*. Kosovo: A Short History. P.334–346.
28. *Woodward*. Balkan Tragedy. P.74–75.
29. *Marcus Tanner*. Croatia: A Nation Forged in War. — New Haven: Yale University Press, 1997. P.203–206.
30. *Malcolm*. Bosnia: A Short History. P.208.
31. *Ibid*.
32. *Warren Zimmermann*. The Last Ambassador: A Memoir of the Collapse of Yugoslavia //Foreign Affairs, 74. №2 (March–April 1995). P.3.
33. *Olivera Miloslavljjevic*. Zloupotreba autoriteta nauke //Nebojsa Popov, ed. Sprska strana rata. — Belgrade: Republica, 1996. P.306–307. Английский перевод этой статьи см.: *Nebojsa Popov*, ed. The Road to War in Serbia: Trauma and Catharsis. — Budapest: Central European University Press, 2000. P.274–302.
34. *Laura Secor*. Testaments Betrayed: Yugoslavian Intellectuals and the Road to War //Lingua Franca, September 1999. P.26–42.
35. *Kosta Mihailovic, Vasilije Krestic*. Memorandum of the Serbian Academy of Sciences and Arts: Answers to Criticisms. — Belgrade: Serbian Academy of Sciences, 1995. P.118.
36. *Ibid*. P.119, 127.
37. *Ibid*. P.138.
38. *Ibid*. P.139.
39. *Laura Silber and Alan Little*. Yugoslavia: Death of a Nation. — New York: TV Books, 1995. P.42. *Dusko Doder and Louise Branson*. Milosevic: Portrait of a Tyrant. — New York: The Free Press, 1999. P.16–17.
40. *Silber, Little*. Yugoslavia: Death of a Nation. P.37.
41. *Ibid*. P.38.
42. Цит. по: *Veljko Vujacic*. Serbian Nationalism, Slobodan Milosevic and the Origins of the Yugoslav War //Harriman Review, 8. №4 (December 1995). P.29.
43. *Malcolm*. Kosovo: A Short History. P.344.
44. *Eric D. Gordy*. The Culture of Power in Serbia: Nationalism and the Destruction of Alternatives. — University Park: Pennsylvania University Press, 1999. P.23–30.
45. *Judah*. The Serbs. P.164.
46. Program Sprske Radikalne Stranke //Velika Srbija, 7 (1997). P.401.
47. Sprska Narodna Obnova. P.50.
48. *Xavier Bougarel*. Yugoslav Wars: The Revenge of the Countryside //East European Quarterly, 32. №2 (June 1999). P.165; *Sabina Ramet*. National-

ism and the «Idiocy» of the Countryside: The Case of Serbia //Ethnic and Racial Studies, 19. №1 (January 1996). P.71–77.

49. *Stokes*. The Walls Came Tumbling Down. P.223.

50. *Sabrina Petra Ramet*. Balkan Babel: The Disintegration of Yugoslavia from the Death of Tito to the War for Kosovo. — Boulder: Westview Press, 1999. P.51; *Mihailo Crnobrnja*. The Yugoslav Drama. — Montreal: McGill-Queens University Press, 1994. P.151–152.

51. *Silber and Little*. Yugoslavia: Death of a Nation. P.91–92.

52. *Kosta Cavoski*. Slobodan protiv slobode. — Belgrade: Dosije, 1991. P.17.

53. *Vujacic*. Serbian Nationalism. P.28–30. *Ivo Banac*. Historiography of the Countries of Eastern Europe: Yugoslavia //American Historical Review, 97. №4 (October 1992). P.1088.

54. *Ramet*. Nationalism and the «Idiocy» of the Countryside. P.77.

55. *Stokes, Lampe, Rusinow*. Instant History. P.145.

56. *Silber and Little*. Yugoslavia: Death of a Nation. P.171.

57. *Zoran Kalicanin*, ed. Republika Sprska Krajina. — Belgrade: Radnicka Stampa, 1996. P.9.

58. *Popov*. The Road to War in Serbia. P.88.

59. *Tanner*. Croatia: A Nation Forged in War. P.267.

60. New York Times, March 21, 1996.

61. Tribunal Update. February 2–6, 1998.

62. Memorandum Vlade Jugoslavije o zlocinima genocida u Hrvatskoj i skrnjavanju Spomen-produkcija Jasenovac, 31 januar 1992 //Radovan Samardzic, ed. Ratni zlocini i zlocini genocida, 1991–1992. — Belgrade: SANU, 1993. P.117.

63. *Lampe*. Yugoslavia as History. P.207. *Anzulovic*. Heavenly Serbia. P.103–104.

64. *Robert M. Hayden*. Recounting the Dead: Rediscovery and Redefinition of Wartime Massacres in Late- and Post-Communist Yugoslavia //Rubie S. Watson, ed. Memory, History and Opposition under State Socialism. — Santa Fe: School of American Research Press, 1994. P.171.

65. *Bette Denich*. Dismembering Yugoslavia: Nationalist Ideologies and the Symbolic Revival of Genocide //American Ethnologist, 21. №2 (1994). P.369, 383.

66. *Mart Boax*. War in Bosnia //Ethnologia Europea. №26 (1996). P.18. См. также его статью: Civilization and Decivilization in Bosnia: A Case Study from a Mountain Community in Herzegovina //Ethnologia Europea. №27 (1997). P.169.

67. *Sabrina P. Ramet*. Liberalism, Morality, and the Social Order: The Case of Croatia's Corrupt Populist Pluralism //Ohio Northern University Law Review, 25. №3 (1999). P.352.

68. *Silber and Little*. Yugoslavia: Death of a Nation. P.228.

69. United Nations General Assembly, Report of the Secretary-General pursuant to General Assembly resolution 53/35 //The Fall of Srebrenica, November 15, 1999. P.9.
70. New York Times, February 7, 1993.
71. Tribunal Update. April 20–25, 1998.
72. *Louis Sell*. Slobodan Milosevic: A Political Biography //Problems of Post-Communism, 46. №6 (November-December 1999). P.25.
73. *Roy Gutman*. A Witness to Genocide. — New York: Macmillan, 1993. P.44–52.
74. Tribunal Update. April 6–11, 1998.
75. Tribunal Update. 129, July 7–13, 1999.
76. *Sell*. Slobodan Milosevic. P.24; *Malcolm*. Kosovo: A Short History. P.147; The Guardian (London), February 3, 1997.
77. *Ivan Colovic*. Football, Hooligans and War //Popov, ed. The Road to War in Serbia. P.387.
78. Banja Luka — Ethnic Cleansing Paradigm, or Counterpoint to a Radical Future. CSCE Briefing, Washington DC, June 11, 1996. P.51 n. 16.
79. *Sell*. Slobodan Milosevic. P.25.
80. Banja Luka — Ethnic Cleansing Paradigm. P.53.
81. Ibid. P.76, 81.
82. Ibid. P.56.
83. Ibid. P.63.
84. *David Owen*. Balkan Odyssey. — New York: Harcourt, Brace & Co., 1995. P.58.
85. См.: *David Rohde*. Endgame: The Betrayal and Fall of Srebrenica, Europe's Worst Massacre since WW II. — New York: Farrar, Straus and Giroux, 1997; *Chuck Sudetic*. Blood and Vengeance: One Family's Story of the War in Bosnia. — New York: W. W. Norton, 1998. P.253–325; *Jan Willem Honig and Norbert Roth*. Srebrenica: Record of a War Crime. — New York: Penguin, 1996; U.N. General Assembly. The Fall of Srebrenica. P.59–107.
86. *Rohde*. Endgame. P.274–280.
87. U. N. General Assembly. The Fall of Srebrenica. P.105.
88. *Honig and Roth*. Srebrenica. P.62; U.N. General Assembly. The Fall of Srebrenica. P.82.
89. *Rohde*. Endgame. P.169.
90. Ibid. P.313.
91. *Sudetic*. Blood and Vengeance. P.317; *Honig and Roth*. Srebrenica. P.65.
92. U. N. General Assembly. The Fall of Srebrenica. P.111.
93. Ibid. P.6.
94. Ibid. P.26.
95. *Sreten Vujovic*. An Uneasy View of the City //Popov, ed. The Road to War in Serbia. P.145 n. 3.

96. Banja Luka: Ethic Cleansing Paradigm. P.10, 44.
97. Ibid. P.11.
98. Ibid. P.13.
99. Tribunal Update. 143, September 13–18, 1999.
100. Ibid. September 6–12, 1999.
101. New York Times, December 15, 1999.
102. *Helsinki Watch*. War Crimes in Bosnia-Herzegovina, Vol.2. — New York: Human Rights Watch, 1993. P.21.
103. Tribunal Update. 133, July 5–11, 1999.
104. Ibid. 66, March 2–7, 1998.
105. *Mladen Vuksanovic*. Pale — Im Herzen der Finsternis, Tagebuch, tr. Detlef Olef. — Vienna: Folio, 1997. P.25.
106. *Catherine MacKinnon*. Turning Rape into Pornography: Turning Rape into Genocide // *Alexandra Stiglmayer*, ed. Mass Rape: The War against Women in Bosnia-Herzegovina. — Lincoln: University of Nebraska Press, 1992. P.73–81.
107. См.: *Klaus Theweleit*. Male Fantasies. 2 vols. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987.
108. *Woodward*. Balkan Tragedy. P.245.
109. *Jasmina Mertus, Jasmina Tesandovic et al.*, eds. The Suitcase: Refugee Voices from Bosnia and Croatia. — Berkeley: University of California Press, 1997. P.38, 43.
110. Ibid. P.13.
111. Цит. по: *Norman Cigar*. Genocide in Bosnia: The Policy of Ethnic Cleansing. — College Station: Texas A&M University Press, 1995. P.92.
112. Newsweek. April 22, 1996. P.50.
113. *Beverly Allen*. Rape Warfare: The Hidden Genocide in Bosnia-Herzegovina and Croatia. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. P.71.
114. *Francis A. Boyle*. The Bosnian People Charge Genocide: Proceeding at the International Court of Justice Concerning Bosnia v. Serbia on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide. — Amherst, MA: Aletheia Press, 1996. P.30.
115. *Sabrina Ramet*. Balkan Babel. 2nd. ed. — Boulder: Westview, 1996. P.258–259, 284.
116. *Stiglmayer*. ed. Mass Rape. P.160.
117. *Adil Zulfikarpasic, Vlado Gotovac, Miko Tripalo, Ivo Banac*. Okovana Bosna: Razgovor. — Zurich: Bosnjacki Institut, 1995. P.53. См. также *Banac*. Nationalism in Southeastern Europe // *Nationalism and Nationalities*. P.119–120.
118. The Demise of Yugoslavia. P.27.
119. *Doder and Branson*. Milosevic. P.88.
120. Tribunal Update, 68, March 16–21, 1998. В марте 1992 г. в Граце состоялась встреча лидера боснийских сербов Радована Караджича и лидера

боснийских хорватов Мате Бобана, на которой, надо думать, речь также шла о разделе Боснии.

121. *Zimmermann*. The Last Ambassador. P.15.

122. *Gordana Uzelak*. Franjo Tudjman's Nationalist Ideology //East European Quarterly, 31. №4 (January 1998). P.464.

123. *Banac*. The Demise of Yugoslavia. P.25. Банац здесь цитирует книгу Туджмана «Национальный вопрос в современной Европе».

124. New York Times, March 3, 1993; August 8, 1993.

125. Tribunal Update. 136, July 26–31, 1999.

126. Ibid., 68, March 16–21, 1998.

127. *Jasminka Udovicki and James Ridgeway*, eds. Burn This House: The Making and Unmaking of Yugoslavia. — Durham: Duke University Press, 1997. P.210 n. 59.

128. Дэвид Оуэн категорически не согласен с утверждением, будто бы «план Вэнса-Оуэна» способствовал или придавал законный статус этнической чистке в Боснии. См.: *Owen*. Balkan Odyssey. P.62, 116.

129. *Tanner*. Croatia. P.288–289; Tribunal Update, 34, June 23–28, 1997.

130. Tribunal Update. 146, October 4–9, 1999; *Tanner*. Croatia. P.289–290.

131. Британцы обнаружили 96 обугленных тел. Tribunal Update, 34, June 23–28, 1997.

132. Tribunal Update. September 29—October 3, 1997.

133. Ibid., 65, February 13–28, 1998.

134. Ibid., 80, June 8–13, 1998; 57, June 15–20, 1997.

136. *Tanner*. Croatia. P.290; *Veljko Vujacic*. Historical Legacies, Nationalist Mobilization, and Political Outcomes in Russia and Serbia: A Weberian View //Theory and Society, 25. №28 (1996). P.795; Tribunal Update, 107, December 20, 1998 — January 10, 1999.

137. New York Times, March 21, 1999; Tribunal Update, 118, March 22–27, 1999.

138. Tribunal Update. 76, May 11–16, 1998.

139. См.: *Susan Woodward*. Balkan Tragedy. P.236–237, 242.

140. *Wohlstetter*. Creating a Greater Serbia. P.24.

141. Tribunal Update. 129, June 7–13, 1999.

142. Ibid., 105, December 7–12, 1998.

143. Ibid., 48, October 13–17, 1997; 87, July 27 — August 1, 1998; 40, August 4–7, 1997.

144. Некоторые исследователи предлагают использовать термин «этническая самоочистка» («ethnic self-cleansing») для описания процесса превентивного бегства боснийских мусульман как «благоразумного» предпочтения перед лицом сербской и хорватской агрессии. См.: *Burg and Shoup*. The War in Bosnia-Herzegovina. P.172.

145. *Okovana Bosna*. P.22, 52–53, 78.

146. *Malcolm*. Kosovo. P.239–313.

147. *Stefan Troebst*. The Kosovo War, Round One: 1998 //Europe and the Balkans: Occasional Papers. №15. — Ravenna: Longo Editore, 1998. P.5–6.
148. *Ramet*. Nationalism and the «Idiocy» of the Countryside. P.82.
149. *Malcolm*. Kosovo. P.325. По поводу разнообразных «теорий заговора», связанных с выступлениями, см.: The 1981 Student Demonstrations //Julie A. Mertus. Kosovo: How Myths and Truths Started a War. — Berkeley: University of California Press, 1999. P.17–55.
150. Spotlight On: Human Rights in Serbia and Montenegro. — Belgrade: Humanitarian Law Center, 1996, 64–65.
151. «Repression and Violence in Kosovo», March 18, 1998; «Kosovo — The Humanitarian Perspective», June 25, 1998 //Two Hearings before the Commission On Security and Cooperation in Europe. — Washington, DC: U.S. Government Printing Office, 1998. P.64.
152. *Malcolm*. Kosovo. P.353.
153. *Sell*. Milosevic. P.8; *Banac*. The Demise of Yugoslavia. P.33.
154. *Doder and Branson*. Milosevic. P.241; *Troebst*. The Kosovo War. P.12.
155. *Mertus*. Kosovo. P.6.
156. *Christopher Layne and Benjamin Schwarz*. For the Record //The National Interest (Fall 1999). P.10.
157. *Tim Judah*. Inside the KLA //New York Review of Books, June 10, 1999. P.19.
158. Yugoslavia (Serbia and Montenegro). Human Rights Watch /Helsinki, 8. №18 (December 1996). P.36.
159. Первые наблюдатели появились в Косово уже в июле 1998 г. — около 400 чел. членов дипломатической миссии, которые слились затем с группой ОБСЕ. *Stefan Troebst*. Chronologie einer gescheiterten Prävention: Vom Konflikt zum Krieg im Kosovo, 1989–1999 //Osteuropa, 49. №8 (1999). P.786; *Layne and Schwarz*. «For the Record». P.14.
160. *Troebst*. Chronologie einer gescheiterten Prävention. P.790.
161. *Doder and Branson*. Milosevic. P.249.
162. *Ibid*. P.250–251; *Troebst*. Chronologie einer gescheiterten Prävention. P.791.
163. *Banac*. The Demise of Yugoslavia. P.19.
164. *Judah*. Inside the KLA. P.22; *Timothy Garton Ash*. Kosovo and Beyond //New York Review of Books, June 24, 1999. P.4; *Doder and Branson*. Milosevic. P.247–248, 259.
165. *T. G. Ash*. Kosovo and Beyond. P.4.
166. U. S. Department of State. Erasing History: Ethnic Cleansing in Kosovo (May 1999). P.12.
167. *Ibid*. P.14.
168. *Ibid*. P.12–13.
169. *Troebst*. Chronologie einer gescheiterten Prävention. P.792.

170. Early Count Hints at Fewer Kosovo Deaths //New York Times, November 11, 1999.

171. *Veton Surroi*. Victims of Victims //New York Review of Books, October 7, 1999.

172. Установить точное число погибших в ходе войн за югославское наследство в 1991–1999 гг. или конкретно в ходе этнической чистки чрезвычайно сложно. Джордж Кенней полагает, что журналисты склонны преувеличивать количество жертв. *George Kenney*. The Bosnia Calculation //New York Times Magazine, April 23, 1995. P.42–43.

173. *Banac*. The Demise of Yugoslavia. P.23.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Характер массового насилия в Европе претерпел в течение XX в. глубокие и серьёзные изменения. На смену мировым войнам 1914–1918 гг. и 1939–1945 гг. пришли гражданские, «национально-освободительные» и этнические войны. Этническая чистка, однако, на протяжении ста лет сохранила удивительную последовательность в формах и результатах. Начиная с Балканских войн и до сего дня политические элиты современных (и стремящихся к этому состоянию) государств ведут борьбу за дело национализма, преследуя и изгоняя национальные меньшинства. Этническая чистка продолжается на Балканах: её потенциал далеко не исчерпан. Она грозит также вспыхнуть в других регионах, от новых посткоммунистических государств на Кавказе и в Центральной Азии до вступившего на путь модернизации «полумесяца» — стран Западной, Южной и Юго-Восточной Азии, от Турции до Индонезии. В более широкой перспективе, ни одно государство не застраховано от этой потенциальной опасности. И поскольку вероятность возникновения новой этнической чистки весьма высока, международное сообщество должно быть подготовлено к ней. В этой связи мне хотелось бы в заключении ещё раз обратить внимание на характерные черты этнической чистки и способы её воплощения в конкретных случаях — в надежде, что, может быть, это поможет найти способы предотвращения подобных сюжетов в будущем или, по крайней мере, пресечения их на ранней стадии, до того как они перерастут в геноцид.

НАСИЛИЕ

Этническая чистка невозможна без насилия. Люди обычно не бросают свои дома по доброй воле. Их нужно заставить сделать это, причём иногда в самой грубой форме. Но если война в принципе есть противоборство двух групп вооружённых людей, столкновение их воли, численности и техники, то в этнической чистке вооружённому гонителю обычно противостоит невооружённая жертва, нередко старик, женщина или ребенок. Насилие приобретает личностную и крайне жестокую форму. Безличного в этнической чистке вообще очень мало. Арнольд Тойнби, пытаясь подчеркнуть особый характер греко-турецкой войны 1921–1922 гг. и изгнания греков из Анатолии, использовал метафору охотника и жертвы, kota и мыши. Во всех чистках, от армянского геноцида до Косово, мужчин, женщин, детей жестоко убивали, а затем хоронили без разбора в общих могилах. Бывали случаи, когда людей хоронили заживо, и те немногие из них, кому повезло выжить, поведали о своих ощущениях. Размах физического насилия и оскорбления во время этнической чистки наводит на мысль, что людей заставляют расплачиваться за преступную «инакость». И хотя насилие против человека чаще всего является неоправданным в любом случае, тот ужас, которому подвергаются и с которым сталкиваются жертвы этнической чистки: отрезанные уши и пальцы, отрубленные гениталии, следы раскалённого железа на теле, разможжённые о стену головы младенцев, — находится вообще за гранью всяких объяснений и оправданий. Бесконечный шлейф из жестокости и преступлений тянется за любой этнической чисткой в XX веке и каждый раз повторяется снова.

Этническую чистку всегда сопровождают значительные человеческие жертвы. Иногда убийство является целью, как для нацистов, убивших почти шесть миллионов евреев. Правительст-

во младотурок также не имело ничего против истребления армянского меньшинства, в результате чего примерно 800 тысяч армян погибли в ходе выселения из Турции. Но даже в тех случаях, когда непосредственной цели «убить» не стояло, болезни, голод и тяготы переселения уносили большое количество жизней. Так, из 300 тысяч анатолийских греков, умерших в ходе «трансфера» в Грецию и на острова, значительная часть скончалась от тифа, туберкулеза, других болезней и голода, несмотря на все усилия спасительных миссий. Даже относительно хорошо организованные и подготовленные депортации чеченцев, ингушей и крымских татар стоили депортированным народам десятков тысяч жизней. Отсутствие элементарных условий: еды, воды, воздуха, — в опечатанных вагонах, отсутствие крова, работы, медицинской помощи по приезду, сделали своё чёрное дело.

Вагоны-теплушки, битком набитые умирающими от голода, жажды и удушья беженцами, мертвыми вперемешку с живыми, могут быть названы центральным образом зла, чинимого людьми в XX в. Для своих пассажиров, от армян, которых везли по недавно построенной магистрали Берлин–Багдад, до мусульман, бежавших из Боснии и Косово, эти вагоны означали не столько спасение, сколько болезнь и смерть. В греческом случае аналогичную роль играли корабельные трюмы. Номинально причинами смерти жертв этнической чистки были тиф, дизентерия, обезвоживание, истощение и голод, но реальными их убийцами были политические лидеры и исполнявшие их волю охранники и военные, лишившие этих людей родины.

В изгнании немцев из Польши и Чехословакии часто выделяют два этапа: «дикий» — до Потсдама и упорядоченный «трансфер» — после него. В «дикий» период было много бессмысленных убийств, резни, массовых самоубийств среди затравленного немецкого населения. Зато на «трансферном» этапе немцев отправляли в лагеря, морили голодом и подвергали издевательствам. Сегодня невозможно точно сказать, сколько немцев погибло на каждом из этапов насильственной депортации. (Определённая часть их погибла, не выдержав ужасных условий содержания в лагерях для перемещённых лиц уже на территории

Германии). Но лично мне цифры погибших: 30 тысяч немцев из Судетской области и 500 тысяч из Польши, — не кажутся слишком высокими. Число жертв войны на территории Боснии и Герцеговины составило около 250 тысяч человек. И здесь отделить жертв собственно войны от жертв этнической чистки очень трудно, поскольку война велась *по поводу* этнической чистки. Некоторую трудность представляет подсчет жертв этнической чистки в Косово. Найдено, как уже говорилось, было только около 2 тысяч тел, однако, по оценкам Госдепартамента США на 9 декабря 1999 г., полное число жертв может составить 10 тысяч человек (1).

ВОЙНА

Очень часто этническая чистка тесно связана с войной. Все случаи, проанализированные в этой книге, произошли или во время войны, или во время неразберихи переходного периода от войны к миру. Война служит прикрытием для правителей, выдвигающих планы этнической чистки, которые в мирное время подверглись бы критике и даже осуждению со стороны общественности страны и международного сообщества. Война даёт возможность легально применить для решения проблемы надоевшего меньшинства законы и методы военного времени. В частности, военная цензура существенно ограничивает свободу средств массовой информации, да и внимание общественности во время войны сосредоточено на других проблемах. И младотурки, и нацисты приурочили решение своих национальных «вопросов» к мировым войнам, стремясь скрыть за ними подлинный размах своих действий. Трудно представить, что произошло бы в обоих случаях в мирное время. Выселение греков стало непосредственным итогом греко-турецкой войны. Сталин и Берия депортировали чеченцев, ингушей и крымских татар в годы войны, а поляки и чехи начали изгонять немцев на последнем этапе войны, продолжив после её

окончания. Этническая чистка в Боснии сопровождала военные действия и являлась их логическим продолжением. Но особенно показателен в этом отношении случай Косово. Милошевич начал этническую чистку в Косово параллельно с борьбой против АОК зимой 1998–1999 гг. Когда в марте 1999 г. войска НАТО принялись бомбить территорию Сербии и Косова, к удивлению Запада, этническая чистка только усилилась. Это означало, что Милошевич решил воспользоваться бомбардировками как прикрытием для завершения решения албанской проблемы. Вслед за младотурками, нацистами и сталинским руководством, бросившими на осуществление этнической чистки столь ценные в военное время материальные и людские ресурсы, Милошевич, похоже, был готов пожертвовать и ресурсами, и разрушенной бомбардировками сербской инфраструктурой ради изгнания албанцев из Косова.

Война приучает людей, особенно участников боевых действий, к убийствам и подчинению приказам. Конечно, полностью привыкнуть к кровопролитию и зрелищу разлагающихся трупов невозможно, но солдат привыкает быстрее, чем остальные. Регулярные армии почти всегда были активными участниками этнической чистки, будь то турецкая армия, вермахт, Красная Армия, армии послевоенных Польши и Чехословакии или ЮНА. Но в войнах обычно участвуют не только регулярные войска, но и всевозможные военизированные соединения, которые тоже вовлекаются в этническую чистку. За счёт того, что эти отряды часто становятся прибежищем преступников и разного рода асоциальных личностей, они являются наиболее разрушительной силой этнической чистки (достаточно вспомнить турецких и греческих четтов или «тигров» Аркана). В тоталитарных обществах, таких как Советский Союз и нацистская Германия, нерегулярные войска были представлены особыми частями НКВД и СС, входившими в структуру государственной власти. Они также играли ведущую роль в этнической чистке. Однако, несмотря на то, что эти нерегулярные части и боевики, как правило, были главными виновниками «эксцессов» во время этнических чисток, следует повторить, что главная ответственность за изгнание

и перемещение народов лежала на правительствах. Как бы хаотично и бесцельно ни выглядели действия боевиков, какими бы автономными ни казались мероприятия НКВД и СС, все они были лишь инструментами в руках государства и политических лидеров.

Война предоставляет политикам не только условия, но и стратегическое обоснование для этнической чистки. Младотурки обвинили армян в том, что они помогают России — противнику Турции в начавшейся Первой мировой войне. На своей исторической родине в восточной Анатолии, оказавшейся в непосредственной близости от русского фронта, они якобы представляли опасность и потому подлежали перемещению туда, где они не смогли бы контактировать с врагом. Точно так же правительство Мустафы Кемалья обвинило анатолийских греков, проживавших на эгейском и черноморском побережьях, в поддержке вторгшихся в Турцию греческих войск и их британских союзников. Следовательно, и их переселение было обусловлено стратегической необходимостью избавления от «пятой колонны». Нацистское утверждение о том, что евреи поддерживают врагов Третьего рейха — большевизм и международный капитализм, вытекало не из факта географического соседства, а, скорее, из антисемитской идеологии самих нацистов. Тем не менее, они были абсолютно уверены в существовании направленного против Германии заговора мирового еврейства. Отсюда печально знаменитый обет Гитлера, данный им в январе 1939 г. в рейхстаге: если евреи начнут новую мировую войну, они поплатятся за это уничтожением. Гитлер, Геббельс и другие нацисты впоследствии неоднократно вспоминали о нем.

Стратегическими интересами объясняли необходимость изгнания немецкого меньшинства также чехи и поляки. В качестве подтверждения они ссылались на недавний опыт войны, когда немецкое меньшинство использовалось Гитлером для подрыва национального единства их стран. Чехи и поляки в один голос утверждали, что изгнание немцев является фактором, гарантирующим восстановление порядка и безопасности в Центральной Восточной Европе. На этой совместной почве велись даже разго-

воры о польско-чехословацкой конфедерации, которые, впрочем, зашли не слишком далеко по причине конфликта из-за Тешенской области. Сталин и Берия, в отличие от других лидеров, о геостратегических мотивах депортации чеченцев, ингушей и крымских татар не говорили. Они говорили о том, что эти народы — наряду с карачаевцами, балкарцами, калмыками и другими — сотрудничали с нацистами в годы оккупации. Тем не менее, стратегические соображения в их мотивации, несомненно, присутствовали. Чечено-ингушская территория на Северном Кавказе являлась воротами в двух стратегически важных направлениях: северно-южном — из России в Закавказье и в западно-восточном — из Черного моря в Каспийское. Кроме того, Чечня обладала запасами нефти и газа, необходимыми для завершения военных усилий и послевоенного восстановления. Что касается крымских татар, то там стратегические аргументы были ещё более весомыми. Поскольку татары были традиционно союзниками турок, их проживание в Крыму делало СССР потенциально уязвимым перед лицом возможного предательства со стороны татар. Ещё в XIX в. Россия мечтала видеть Крым без татар; десятки тысяч их были депортированы с полуострова по окончании Крымской войны. Вторая мировая война предоставила Москве шанс завершить начатое.

Стратегические соображения, как тайные, так и явные, сказались и на этнической чистке в Боснии. Боснийские сербы (и хорваты) добивались создания внутри Боснии и Герцеговины этнически чистых территорий, во-первых, как *fait accompli* на случай международных переговоров, а во-вторых, чтобы гарантировать бесперебойность военных поставок и коммуникаций между боснийскими территориями и метрополиями — Сербией и Хорватией. Эти аргументы часто приводили в оправдание этнической чистки. Изгнание хорватами сербов из Краины сопровождалось заявлениями, сходными с теми, что звучали в польском и чешском случаях: мол, крайнинские сербы предали хорватское государство и представляли явную угрозу безопасности Хорватии. Что касается Косова, то сербы утверждали, что рост албанского населения края, будто бы обязанный своим происхождени-

ем прежде всего нелегальной иммиграции из Албании, угрожает безопасности Сербии и руководимой сербами Югославии. Этнические атаки сербов зимой 1998–1999 гг. подавались как кампании, направленные на подавление антиправительственных выступлений мятежников из АОК. В целом, стратегические цели, стоявшие за сербской этнической чисткой, можно определить как обретение военного контроля над регионом и защита жизненно важных путей и коммуникаций.

ТОТАЛЬНОСТЬ

Аспектом, связывающим этническую чистку с «высоким модернизмом» и амбициями современного государства, как и с амбициями его руководителей, является её тотальный характер. Во всех случаях, проанализированных в этой книге, цель заключалась в устранении нации до последнего члена. Исключения были крайне редки. В досовременных стадиях существования государства, когда один народ нападал на другой, этот другой мог сдать, перейти на другую сторону, сменить веру, заплатить выкуп или присоединиться к атакующим. Этническая чистка, движимая идеологией современного национализма и опирающаяся на военную и технологическую мощь современного государства, не склонна прощать, делать исключения для кого-то или закрывать глаза на что-то. В ней действует к тому же некая внутренняя логика, в соответствии с которой, если позволить кому-то из представителей гонимой нации остаться, их оппозиционность по отношению к власти гонителей (и, следовательно, исходящая от них потенциальная угроза) только усилится; значит, оставаться не может быть позволено никому.

Наиболее показательны в этом отношении советские депортации, во время которых все до единого представителя (по паспорту) чеченского, ингушского и крымско-татарского народов подверглись переселению, будь то партийные руководители,

Герои Советского Союза или спортивные чемпионы. Те, кому каким-то образом удалось в конце 1940-х гг. вернуться на родину, подверглись повторному выселению. Так же и нацисты во время войны стремились депортировать, а позднее убить каждого, кого они, в соответствии с Нюрнбергскими законами, считали евреем и кого могли достать, независимо от того, иудей он или выкрест, женат на еврейке или на немке, торгует в лавке или работает на военном предприятии. Политика турок по отношению к армянам и грекам, однако, подразумевала некоторые исключения. Армянские женщины, например, имели возможность обратиться в мусульманство и искать спасения в мусульманской семье. Армянам в Смирне и Константинополе, где сильно было влияние иностранных миссий, иногда удавалось избежать геноцида. Константинопольские греки после окончания греко-турецкой войны смогли остаться на месте, хотя впоследствии всё же были депортированы (значительная часть — в конце 1920-х гг., остальные — в 1955 г.).

В польском и чешском случаях некоторые немцы получили официальное разрешение остаться, так как работали на важных промышленных предприятиях и (в Польше) в шахтах. Однако это разрешение было, во-первых, временным, действующим лишь до тех пор, пока не будет подготовлено достаточное количество квалифицированных польских и чешских специалистов. А во-вторых, особенно в первые полтора года этнической чистки, националистические и коммунистические «активисты», изгонявшие немцев, не очень-то обращали внимание на юридические формальности. Позднее значение приобрела судебная процедура установления национальной принадлежности, где применялись расовые критерии, и все, кого таким образом признали немцем, должны были уехать. В Чехословакии возможность остаться получили немецкие супруги чешских граждан, а в Польше — так называемые автохтоны (силезцы, мазуры, кашубы и др.), записавшиеся поляками. Но в принципе, в обоих случаях все немцы были лишены гражданства и должны были покинуть страну.

Тотальность была присуща и этнической чистке в бывшей Югославии. Сербь в Боснии и хорваты в Крайне не оставляли

никого, даже стариков, едва ли способных причинить вред господствующей нации. Что касается Косова, то неясно, хотел ли Милошевич изгнать албанцев полностью или изменить процентное соотношение сербского и албанского населения с 1:9 на 9:1. Зато ясно, что косовские албанцы определённо намерены изгнать всех сербов без исключения.

ПАМЯТНИКИ И ПАМЯТЬ

Этническая чистка подразумевает не только насильственное устранение той или иной нации, но и искоренение памяти о её присутствии. Материальные следы присутствия нации подлежат уничтожению в первую очередь. Турки в Анатолии взрывали, разрушали и обезобразивали армянские храмы и другие архитектурные памятники. После греко-турецкой войны греки грабили и оскверняли мусульманские мечети, турки делали то же самое с христианскими церквями. Многие из греческих православных храмов были переделаны в мечети. Дома греков и армян сжигались; в Смирне были выжжены полностью Армянский и Греческий кварталы. Разрушение еврейских синагог началось в Германии в «хрустальную ночь» 9 ноября 1938 г., а после оккупации Восточной Европы сожжение деревянных синагог и иудейских священных книг стало систематическим. Пусть Геринг собирал по всей Европе иудейские древности для Еврейского музея в Берлине, немецкое желание уничтожить всё еврейское в Германии и Восточной Европе всё равно преобладало. Советские власти уничтожали бульдозерами чеченские и ингушские кладбища и архитектурные памятники, а могильными плитами мостили дороги и тротуары — совсем как нацисты, которые то же делали с еврейскими могильными плитами. Поляки и чехи, в свою очередь, разрушали немецкие памятники и стирали немецкие надписи со стен церквей и могильных надгробий. Немецкие дома, правда, представляли слишком большую ценность, чтобы их

сжигать, но их быстро перестраивали, видоизменяя внешний облик и убирая запрещённые немецкие надписи с дверей и стен. Религиозно-этнический вандализм проявился в полной мере и в Югославии. В одной только Бане Луке было взорвано 14 мечетей, две из них — XVII века. В городе Требинье был сожжён дотла красивейший турецкий дворец. Любые следы пребывания «чужих» сжигались, взрывались и разбирались на части. С особым усердием сербы, хорваты и мусульмане уничтожали дома друг друга. Сербы так «преуспели» в поджогах албанских домов в Косово, что оставили регион в состоянии тяжёлого жилищного кризиса.

Помимо разрушения домов, церквей и могил, ревнители этнической чистоты жгли книги, энциклопедии и словари. Язык и культура гонимой нации должны были исчезнуть вместе с нею. В бывших немецких областях Польши и Чехословакии поляки и чехи сжигали местные архивы, ради того чтобы отныне никто из немцев никогда не смог доказать своё право на проживание на этой территории. Немецкие названия городов, улиц, даже названия магазинов менялись на польские и чешские. Поджоги ведомств гражданской регистрации имели место и в Косово и объяснялись теми же причинами. Но, по-видимому, нигде память о народах не подвергалась такой решительной и всеобъемлющей атаке, как в Советском Союзе. Чечено-Ингушская автономная республика была ликвидирована, а все чеченские названия стёрты. То же произошло и в Крыму, где татарские названия городов, сёл, улиц и школ были в большинстве своём заменены русскими. Не позволялось даже говорить о самом факте депортации. Всё выглядело так, будто эти народы испарились, растаяли в воздухе и никогда не жили в первоначальном месте. Остались лишь разговоры о их предательстве. Учебники истории переписывались с целью принизить роль татар в развитии Крыма, а чеченцы с ингушами и вовсе исчезли из них.

Сербские и хорватские националисты в один голос утверждали, что такой нации, как «боснийцы», не существует, что это всего лишь сербы и хорваты, некогда насильно обращённые турками в ислам. Если бы планам Милошевича и Туджмана по раз-

делу Боснии суждено было сбыться, никто бы, скорее всего, и не вспомнил, что «боснийские мусульмане» как нация когда-то существовали. Переписывание истории также стало неотъемлемой частью этнической чистки в Югославии. Если верить сербам, албанцы пришли в Косово только после того, как там обосновались сербы. А большинство косовских албанцев, по официальной сербской версии, вообще никакие не косовары, а самые настоящие албанцы, нелегальные иммигранты из Албании или их потомки. Нацисты также вычеркнули главы о евреях и немцах еврейского происхождения из своих книг, а остальное сожгли в шокировавших весь мир книжных кострах начала гитлеровского правления. Сожжение книг и разрушение могил и храмов стали такой же неотъемлемой частью этнической чистки, как и изгнание народов.

СОБСТВЕННОСТЬ

В этнической чистке нет ничего «чистого». Жестокость и насилие, которые сопутствуют ей, обычно принимают самую крайнюю форму. Но этническая чистка связана с преступлениями не только против личности, но и против собственности — кражей и грабежом, в том числе и со стороны государства. И хотя во всех исследованных случаях мотивы этнических гонений были прежде всего политическими и идеологическими, а не экономическими, идея о том, что жертвы: армяне, греки, евреи, чеченцы, ингуши, крымские татары, немцы, боснийцы и косовские албанцы, — были богатыми и разбогатели на эксплуатации своих гонителей, а посему заслуживают экспроприации, повсюду преобладала. Местные османские власти забирали у армян собственность и помещали её в хранилища — якобы для того, чтобы вернуть, когда окончится срок их ссылки. Но, на самом деле, эта собственность, часто весьма значительная, тут же оседала в карманах

государства, местных чиновников и отдельных личностей. Грабёж не прекращался и после конфискации. Армян обманывали извозчики и владельцы экипажей, пообещавшие переправить их и их семьи на юг. На самом деле — и это повторялось раз от раза, снова и снова — возницы брали деньги, вывозили армян за город и бросали несчастных на дороге. Охранники, охранявшие пешие марши армян, брали деньги за всё, от корки хлеба до глотка воды из реки. К концу маршрута у армян, как правило, не оставалось ничего, даже тех денег, которые сходилившие с ума от беспокойства родственники умудрялись передать им через местных миссионеров. Греки, стремясь изо всех сил скорее покинуть понтийское побережье и окрестности Смирны, платили бешеные деньги турецким лодочникам — иногда, похоже, только затем, чтобы те, отплыв подальше от берега, сбросили своих пассажиров в воду и вернулись за новыми. Грабили их и во время погрузки на суда. В Лозанне было много разговоров о компенсациях грекам за утраченную в ходе этнической чистки и обмена населением собственность. Но этого не произошло; всё досталось туркам и турецкому правительству. В свою очередь, греческое правительство так и не компенсировало туркам их собственность, брошенную в Греции, особенно в районе Салоников.

Похожая судьба ждала и евреев, вынужденных платить и платить — сначала, чтобы избежать депортации, затем, чтобы избежать гетто, а затем, чтобы выжить в гетто. Чтобы остаться в Германии в условиях ужесточающихся законов, евреи непрерывно платили. Их собственность либо присваивалась государством — национализировалась, либо пропала, став добычей эсэсовских охранников, по дороге в концлагеря. В Польше и Чехословакии немцев грабили без разбора. Даже к концу депортаций, когда немцев перевозили в оккупированную Германию под наблюдением союзников, польские и чешские таможенники заходили в поезда и, под видом досмотра, обирали пассажиров. Если кто-то начинал возмущаться, его били и иногда ссаживали с поезда. Документы о советских депортациях не содержат свидетельств о грабежах. Однако и чеченцы с ингушами, и крымские татары, как и все депортированные, получали право взять с собой

лишь минимум вещей. Следовательно, остальное оставалось, и, как только людей увозили, их дома и всё, что в них, доставались мародёрам. Чеченцы и ингуши, зная это, старались спрятать как можно больше ценных вещей в тайниках в стенах домов, но они не знали, что вернуться им удастся не раньше, чем через двенадцать лет.

Там, где приказы о депортации обнародовались заранее, у дверей потенциальных изгнанников собирались толпы охотников за дешёвизной. Особенно в этом отношении пострадали армяне, которым их соседи-турки помогли «избавиться» дёшево или задаром от мебели и вещей. То же произошло и с евреями, вынужденными бежать из Германии или депортируемыми из оккупированных нацистами польских областей. Чехи и поляки после войны просто входили в любой немецкий дом и брали там всё, что им понравилось, бесцеремонно выпроваживая при этом его обитателей. В бывшей Югославии боснийские мусульмане подвергались в ходе выселения неоднократным избиениям и грабёжам. В Косово сербы обшаривали албанские дома в поисках золота, денег и, особенно, немецких марок — в ту пору самой почитаемой у сербов валюты. Сегодня албанцы грабят сербов, и сербская собственность страдает в той же мере, что и албанская в начале конфликта в регионе.

ГЕНДЕР

Этнической чистке присуще женоненавистничество. Если в войнах обычно мужчины борются с мужчинами, то в этнической чистке гораздо чаще мужчины нападают на женщин. С точки зрения идеологии «интегрального национализма», женщины являются носителями, практически в буквальном смысле, следующего поколения нации. Причём женщины обеспечивают не только биологическое продолжение нации, но и отвечают за пе-

редачу детям и внукам национальных культурных и духовных ценностей. Вот почему этническая чистка часто направлена против женщин.

Частично тот факт, что в этнической чистке страдает так много женщин, объясняется ещё и обстоятельствами. Как правило, когда возникает угроза нации, мужчины эмигрируют первыми, надеясь затем вывезти семьи. Так было в армянском, греческом и еврейском случаях. Кроме того, мужчины первыми берут в руки оружие, уходят в горы, организуют сопротивление или вступают в иностранные бригады (когда есть такая возможность). И снова женщины и дети остаются дома одни, без защиты. Так было в случае с армянами и греками, а также чеченцами и ингушами, косовскими албанцами и боснийскими мусульманами. Во время войны часть мужчин участвует непосредственно в боевых действиях. Многие греки сражались и погибли в боях против турок. Немецкие мужчины, воевавшие в вермахте и оставившие свои семьи в Польше и Чехословакии, также не все вернулись домой. На фронте сражались, не щадя себя, и многие чеченцы, ингуши и крымские татары, когда в их дома в 1944 г. пришла этническая чистка.

В некоторых случаях мужчин, способных держать в руках оружие, отделяют от общей массы и уничтожают в первую очередь. Так было с армянами в феврале 1915 г. В греческом случае мужчин от 16 до 60 лет собрали и депортировали в глубь страны, где многие из них умерли. В июне–июле 1941 г. нацистские айнзатцгруппы расстреляли сначала большое количество еврейских мужчин, хотя убийства женщин и детей не замедлили последовать. В ходе войны в Боснии около 6700 боснийских мужчин призывного возраста были расстреляны и похоронены в массовых захоронениях в Сребренице.

Разобравшись с мужчинами, этническая чистка принимается за женщин, являющихся её главными жертвами. Женщины, девушки и девочки подвергаются оскорблению, глумлению и сексуальному насилию в разных формах. Садисты из числа гонителей принуждают их осуществлять свои самые изощрённые сексуальные фантазии. Многочисленные примеры этого можно наблюдать в армянском и греческом случае. Армянские женщи-

ны, как известно, искали спасения от агрессии, добровольно поступая в гаремы и обращаясь в мусульманство. Турецкие женщины, в свою очередь, страдали от рук греческих солдат во время оккупации и наступления греческой армии. Нацисты заставляли еврейских женщин танцевать обнажёнными и избивали их, прогоняя сквозь строй, иногда до смерти. Немецкие мужчины редко насильствовали евреек — это считалось «расовым преступлением» — но они любили организовывать и смотреть, как это делают другие: украинцы, литовцы, поляки. Еврейских женщин подвергали насильственной стерилизации, а в лагерях они служили материалом для экспериментов, направленных на то, чтобы сделать стерилизацию более простой, дешевой и эффективной.

После войны немецких женщин насильствовали чехи и поляки, а также советские военнослужащие, приставленные их охранять в лагерях для интернированных в Польше и Чехословакии. В Советском Союзе, насколько мы можем судить, сексуальное домогательство и изнасилование не были частью этнической чистки, но и там главными жертвами насильственных депортаций были женщины. Большинство мужчин сражались на фронте или, как в случае с чеченцами, ушли в горы. Женщин же выволакивали из домов, грузили в закрытые вагоны и везли в Казахстан и Узбекистан. Для мусульманских женщин уже одно это насилие плюс долгое и тяжёлое путешествие в битком набитых вагонах совместно с представителями противоположного пола было унижительным и непереносимым.

Обращение с женщинами во время войны в бывшей Югославии повторяло опыт предыдущих этнических чисток. Боснийские мужчины или сражались в вооружённых отрядах, или эмигрировали в поисках работы на Запад. Оставшихся сербы интернировали или попросту, как в Сребренице, уничтожали. Боснийские женщины, дети и старики оставались беззащитными перед насилием и произволом сербских солдат и боевиков. Похожую картину можно было наблюдать и в Косово. В любом случае, женщины становились легкой добычей сербских военных, которые иногда утверждали, что получали приказы насильствовать мусульманских женщин. Сексуальное насилие служило орудием этнической чистки в Боснии и Косово, способом запугать мусульманское

население и сделать его возвращение в родные места невозможным. Кроме того, это была форма наказания: насилуя мусульманских женщин, сербы тем самым ущемляли национальное достоинство противника и оскорбляли мусульман как нацию. Мы знаем, что сербы даже заставляли мусульманских женщин вынашивать насильно зачатых детей и рожать «маленьких четников». Что впоследствии случилось с этими женщинами и этими детьми, сказать трудно. Известно, что многие женщины просто оставляли новорождённых в роддомах. Оценить подлинные размеры сексуального насилия в Боснии и Косово трудно ещё и потому, что воспитанные в традиционной культуре мусульманки предпочитают скрывать этот порочащий их факт. Тем не менее, очевидно, что изнасилование было неотъемлемой частью сербской и, в некоторой степени, хорватской этнической чистки в Боснии и Косово. Оно стало позорным символом этой войны и грязной страницей истории 1990-х гг.

Смертность в результате насильственного изгнания и перемещения также была намного выше среди женщин, чем среди мужчин. Именно армянские женщины и дети умирали десятками тысяч во время марша через Сирийскую пустыню, оставаясь лежать на обочинах дорог. Именно греческие женщины толпились в основном в порту Смирны, отчаянно стремясь покинуть страну, и именно они страдали больше всего от действий турок и смертельных невзгод, поджидавших их в лагерях беженцев в Греции и на островах. В нацистских концлагерных «экспериментах» и газовых камерах погибло больше еврейских женщин, чем евреев-мужчин. Больше немецких женщин, чем мужчин, погибло во время изгнания из Польши и Чехословакии, и больше чеченских, ингушских и татарских женщин пострадало в ходе насильственной депортации в Центральную Азию. Что касается недавнего югославского конфликта, то в Боснии и Косово погибло, вероятно, больше мужчин, чем женщин, но, всё равно, не настолько больше, чем в «обычной» войне.

БУДУЩЕЕ

История этнических чисток в XX в. не даёт оснований надеяться, что такое не повторится в XXI в. Регулярно возникают государства, которые в своём стремлении к модернизации пытаются гомогенизировать своё население и избавиться от «других». Политические элиты продолжают использовать идеологию «интегрального национализма» для достижения власти и борьбы с оппонентами. Они подключают к этому процессу средства массовой информации, которые создают исторические образы, эксплуатирующие, с одной стороны, чувства национального унижения и страдания, а с другой — национальной гордости и мести. Национализм, таким образом, остаётся невероятно мощным средством мобилизации народов. Мы можем наблюдать это на Западе (например, во Франции и Австрии), но в гораздо большей степени это очевидно в случае с бывшими коммунистическими государствами Европы и Евразии, на смену которым пришли страны с неразвитым гражданским обществом, слабым конституционным устройством, проблемной экономикой и смутной идеологией. Включить эти страны в их нынешнем виде в НАТО и Европейский Союз значит оказаться перед вполне реальной угрозой этнической чистки.

Ещё более важно то, что международное сообщество по-прежнему бессильно предотвратить, остановить или хотя бы ослабить этническую чистку. В своё время все газеты на Западе кричали об ужасах армянской резни, но ничего не было сделано, чтобы пресечь её. То же самое можно сказать и о греческой катастрофе. В обоих случаях Запад удовлетворился оказанием эпизодической помощи беженцам, выжившим в ходе событий. Во Второй мировой войне державы сражались не из-за того, что нацисты преследовали и истребляли евреев. Тот факт, что так мало было сделано, чтобы заклеить нацистские преступления

против евреев, и ещё меньше, чтобы реально помочь: принять еврейских беженцев или бомбить железные дороги, ведущие к концлагерям, — остаётся тёмным пятном на совести всего мира, в том числе Соединённых Штатов. О жестоком обращении с немцами в Польше и Чехословакии после войны говорили лишь немногочисленные политики и журналисты, но практически никто, кроме самих немцев, не выразил сочувствия к их судьбе. О депортациях народов в СССР никому не было известно, но даже если бы люди знали об этом, скорее всего, ничего бы не изменилось. Даже в наши дни относительно недавние российские бомбардировки Грозного и других районов Чечни не затронули моральных чувств мирового сообщества.

Проблема частично объясняется приверженностью международного сообщества идеалам Вестфальского суверенитета* и принципу невмешательства во внутренние дела другого государства. В случае с Боснией и Герцеговиной инерцию удалось преодолеть лишь после того, как было объявлено, что Босния является независимым и суверенным государством, подвергшемся нападению извне со стороны Сербии и Хорватии. И, всё равно, понадобилось три с половиной года страшной этнической чистки, чтобы США и НАТО решились наконец выступить против Милошевича и сербской агрессии. В Косово ситуация была принципиально иной. Его территория входила в состав международно признанного государства Югославия. Конфликт сербов и косовских албанцев (так же как и русско-чеченский конфликт) был их внутренним делом. Тем не менее, международное сообщество действовало гораздо быстрее и решительнее, чем раньше, что, возможно, свидетельствовало о корректировке международных норм невмешательства в случае этнической чистки. По крайней мере, НАТО и американцы дали понять, что не намерены мириться с то и дело устраиваемыми сербами кампаниями этниче-

* Вестфальский мир (1648), завершивший Тридцатилетнюю войну в Европе, считается первым международным документом, провозгласившим принцип государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела другого государства. — *Прим. перев.*

ской чистки. Но что случится в следующий раз, особенно, если этот следующий случай не будет связан с Милошевичем? Достанет ли международному сообществу желания и воли действовать решительно и без промедления? Если нет, то ужасы, о которых говорится в этой книге, неизбежно произойдут снова.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. New York Times, December 10, 1999.

Международный совет издательских программ и научных проектов АИРО-XX

Г.А. Бордюгов	главный редактор
А.И. Ушаков	генеральный директор
К. Аймермахер	Рурский университет в Бохуме
Д. Байрау	Тюбингенский университет
В. Берелович	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Б. Бонвеч	Рурский университет
Р. Бургер	INTAS, Брюссель
Х. Вада	Токийский университет
А.Ю. Ватлин	МГУ им. М.В. Ломоносова
Л.С. Гагагова	Институт российской истории РАН
П. Гобл	Фонд Потомак
Г. Горцка	Кассельский университет
А. Грациози	Университет Неаполя
Р.У. Дэвис	Бирмингемский университет
Е.Ю. Зубкова	Институт российской истории РАН
Ст. Козн	Принстонский, Нью-йоркский университеты
Дж. Д. Морисон	Лидский университет
В.Э. Молодяков	АИРО-XX, университет Такусёку
И.В. Нарский	Южно-Уральский государственный университет
В.А. Неужин	Институт российской истории РАН
Н. Неймарк	Стэнфордский университет
Д. Рейли	Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
Б.В. Соколов	Московский государственный социальный университет
Т.А. Филиппова	Российский исторический журнал «Родина»
Я. Хоуллетт	Кембриджский университет
Ю. Шеррер	Высшая школа по социальным наукам, Париж

Представители АИРО-XX в Российской Федерации

В.М. Бухараев	Казань
А.В. Венков	Ростов-на-Дону
В.И. Голдин	Архангельск
В.А. Дробышев	Старый Оскол
В.А. Исаев	Новосибирск
В.В. Канищев	Тамбов
А.Г. Макаров	Москва
Н.А. Постников	Курск
Е.М. Раскатова	Иваново
В.П. Федюк	Ярославль
Т.А. Чумаченко	Челябинск

В серии
«АИРО – первая публикация в России»,
основанной в 1995 году,
под редакцией Г. А. Бордюгова опубликованы:

Маргарете Бубер-Нейман. Мировая революция и сталинский режим. Записки очевидца о деятельности Коминтерна в 1920–1930-х гг. (1995).

Андреа Грациози. Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 гг. Очерк о большевизмах, национал-социализмах и крестьянских движениях (1997).

Дирк Кречмар. Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970–1985 гг. (1997).

Карл Аймермахер. Политика и культура при Ленине и Сталине. 1917–1932 гг. (1998).

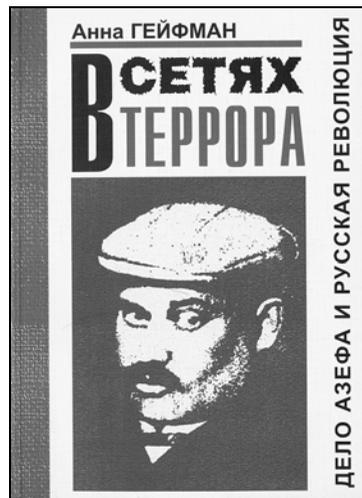
Вольфрам Эггелинг. Политика и культура при Хрущеве и Брежневе. 1953–1970 гг. (1999).

Харуки Вада. Россия как проблема всемирной истории. Избранные труды (1999).

Кевин Макдермотт, Джереми Агню. Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина (2000).

Стивен Коэн. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России (2001).

- Ленарт Самуэльсон.* Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941 гг. (2001).
- Анна Гейфман.* В сетях террора. Дело Азефа и Русская революция (2002).
- Марк Юнге.* Страх перед прошлым. Реабилитация Н.И. Бухарина от Хрущёва до Горбачева (2003).
- Марк Юнге, Рольф Биннер.* Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения (2004).
- Норман Неймарк.* Пламя ненависти. Этнические чистки в истории Европы в XX веке (2005).

«АИРО-XX» В XXI ВЕКЕ*

2000

- Ю.А. Рыбалкин.* Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании. Серия «АИРО — Первая монография».
- А.Ю. Бахтурина.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. Серия «АИРО — Первая монография».
- Д.Ю. Гузевич.* Кентавр или к вопросу о бинарности русской культуры. Серия «АИРО — Научные доклады и дискуссии. темы для XXI века». Вып. 7.
- Е.А. Котеленец.* «Харизматический властный союз». Новейшие исследования о Ленине и его политическом окружении. Серия «АИРО — Научные доклады и дискуссии. темы для XXI века». Вып. 8.
- Дирк Кречмар.* Искусство и культура России XVIII–XIX в. в свете теории систем Никласа Лумана. Серия «АИРО — Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 9.
- В.Э. Молодяков.* Берлин–Москва–Токио: к истории несостоявшейся «оси». 1939–1941. Серия «АИРО — Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 10.

* Об изданиях АИРО в 1993–1999 гг. см. подробнее: Г.А. Бордюгов, А.И. Ушаков. Поиски альтернативных структур в исторической науке. АИРО-XX: издательским программам 5 лет. М., 1998; Они же. Развитие альтернативных структур в исторической науке. АИРО-XX: издательским программам и научным проектам 10 лет. М., 2003.

О.Г. Буховец. Постсоветское «великое переселение народов»: Россия, Беларусь, Украина и другие. Серия «АИРО — Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 11.

Историки России. Послевоенное поколение. Сост. *Л.В. Максакова.*

Ф.Ф. Торнау. Воспоминания кавказского офицера.

Б. Чишков. Подмосковные усадьбы сегодня. Путеводитель с картой-схемой.

Мифы и мифология в современной России /Под редакцией *К. Аймермахера* и *Г. Бордюгова.* Предисловие *Ф. Бомсдорфа.*

Политика по контролю кризисной смертности в России в переходный период. (Программа развития ООН/Россия).

Policies for the Control of the Transition's Mortality Crisis in Russia. (United Nations Development Programme/Russia).

2001

Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX — начало XX вв.). *Сборник документов.* Серия «АИРО — Первая публикация».

А.П. Ненароков. Последняя эмиграция Павла Аксельрода. Из цикла «В поисках жанра». Серия «АИРО — Монография».

И. Ротарь. Под зеленым знаменем. Исламские радикалы в России и СНГ. Серия «АИРО — Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 12.

Новые концепции российских учебников по истории /Сост. *К. Аймермахер, Г. Бордюгов, А. Ушаков.* Серия «АИРО — Научные доклады и дискуссии. темы для XXI века». Вып. 13.

Новый мир истории России. *Форум японских и российских исследователей — к 60-летию профессора Харуки Вада* /Под редакцией *Г. Бордюгова, Н. Исии, Т. Томита.*

Magister vitae. К 80-летию Л.И. Мильграма /Составители *М.Я. Шнейдер, Г.А. Бордюгов.*

Элита средств массовой информации. Россия 2001 год. *Опрос руководителей и журналистов в электронных и печатных средствах массовой информации.*

Человек и война (Война как явление культуры). *Сборник статей* /Под редакцией *И.В. Нарского* и *О.Ю. Никоновой.*

С.В. Константинов, А.И. Ушаков. История после истории. Образы России на постсоветском пространстве.

А.Г. Макаров, С.Э. Макарова. Цветок-татарник. В поисках автора «Тихого Дона»: от Михаила Шолохова к Фёдору Крюкову.

В углу: начало Гражданской войны глазами русских писателей. П.Н. Краснов, Ф.Д. Крюков, И.А. Родионов /Составители *А.Г. Макаров, С.Э. Макарова.*

2002

Беттина Зибер. «Русская идея» обязывает!? Поиск русской идентичности в общественных дискуссиях конца XX век. Серия «АИРО — Научные доклады и дискуссии. темы для XXI века». Вып. 14.

Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков. *Международная конференция. Москва, 15 мая 2001 г.* /Под редакцией *К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.*

Промышленность Урала в XIX–XX веках. *Сборник научных трудов* /Под редакцией *В.П. Черновина.*

Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы /Под редакцией *К. Аймермахера и Г. Бордюгова.*

Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века. *Форум немецких и российских культурологов* /Под редакцией *К. Аймермахера, Г. Бордюгова, И. Грабовского.*

Б.И. Чехонин. Как богатеют, не воруя (по странам и континентам).

Synopsis operandi профессора Аймермахера /Составитель *А.И. Ушаков.*

С.Б. Веселовский. Подмосковье в древности. Три очерка.

Федору Крюкову, певцу Тихого Дона.

Вадим Смиренский. Разбор сюжетов.

2003

Развитие альтернативных структур в исторической науке. АИРО-XX: издательским программам и научным проектам 10 лет /Составители *Г.А. Бордюгов, А.И. Ушаков.*

И.А. Гордеева. «Забытые люди». История российского коммунитарного движения. Серия «АИРО — Первая монография».

Исторические исследования в России–II. Семь лет спустя /Под редакцией *Г.А. Бордюгова.*

In Memoriam. Г.М. Адибеков, С.В. Константинов, Ю.В. Соколов /Составители *Г.А. Бордюгов и А.И. Ушаков.*

- Мифы и мифология в современной России /Под редакцией К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. Изд. 2-е, дополн.
- Национальные истории в советском и постсоветских государствах /Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предисловие Ф. Бомсдорфа. Изд. 2-е, испр. и дополн.
- Богатые и бедные в современной России. Аналитический доклад.
- Валерий Брюсов. Мировое состязание. Политические комментарии. 1902–1924 /Составитель В. Э. Молодяков. Серия «АИРО — Первая публикация в России».
- Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в современных учебниках истории. Научные доклады и сообщения /Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.
- Мегаполисы и провинции в современной России: образы и реальность. Аналитический доклад.
- Застольные речи Сталина. Документы и материалы /Сост., введение, коммент. В.А. Невежина.

2004

- Д.А. Андреев, Г.А. Бордюгов. Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. Краткий курс, X–XXI вв.
- Булавинский бунт (1707–1708). Эюд из истории отношений Петра В. к Донским казакам. Неизвестная рукопись из Донского архива Федора Крюкова.
- Из старых тетрадей. С.Б. Веселовский. Страницы из Дневника. 1917–1923. В.С. Веселовский. Встречи с И.А. Буниным в 1917 году. Итог революции и Гражданской войны.
- Die Russischen Mittelschichten: Dynamik ihrer Entwicklung (1999–2003). Ein Analytischer Bericht.
- Экономическая элита России в зеркале общественного мнения. Аналитический доклад.
- Russlands «Oligarchen»: Die Russen und ihre Wirtschaftselite. Ein Analytischer Bericht.
- Moskau und die Provinz: Wie groß sind die Gegensätze? Ein Analytischer Bericht.
- Василий Молодяков. Бумажный парус. Стихотворения 1988–2000.
- Ю. Сигов. Многоликая Малайзия.
- А.А. Куреньшев. Всероссийский крестьянский союз. 1905–1930 гг. Мифы и реальность. Серия «АИРО — Монография».

Россия: удачи минувшего века /Г. Бордюгов, В. Молодяков, Б. Соколов, а также: В. Есаков, Е. Левина, Л. Мазун, Э. Молодякова, А. Полунов, Л. Федянина, Г. Ульянова.

Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. Сб. статей.

2005

Никита Дедков. Консервативный либерализм Василия Маклакова. Серия «АИРО — Первая монография».

1917: частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. Серия «АИРО — Первая публикация» (совместно с Издательством РУДН) /Под редакцией Г.А. Бордюгова и Е.А. Котеленец, сост. Н.С. Антонова и Л.А. Роговая, введ. Лотара Майера.

П.Б. Уваров. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. Серия «АИРО—Монография».

С.И. Валянский. Теория информации и образование. Об условиях выживания России. Серия «АИРО—Монография».

Прошлое и будущее российско-японских отношений: по следам Кацуро Таро, Гото Симпэй, Нитобо Инадзо. Материалы симпозиума (Москва, 4 октября 2004 г.) /Под редакцией Г. Бордюгова и В. Молодякова.

Стивен Коэн. Можно ли было реформировать Советскую систему. Серия «АИРО — Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 16.

Б.Г. Тартаковский. Всё это было... Воспоминания об исчезающем поколении. Серия «АИРО — Первая публикация».

Н.С. Сидоренко. С мечтой о великой России. Уральские консерваторы и либералы в Государственной Думе (1906–1917 гг.). Серия «АИРО—Монография».

К 60-летию Победы:

Б.Г. Тартаковский. Из дневников военных лет. Серия «АИРО — Первая публикация».

Россия и тотальная война в XX столетии: взгляд из удаляющейся перспективы. Материалы Международного интернет-семинара.

Истребительная война на Востоке. Сб. докладов российских и немецких историков. Серия «АИРО — Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 17.

НОВОЕ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»

ГОТОВЯТСЯ К ВЫХОДУ

Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, 1040 стр., пер. ISBN 5-86007-436-0.

Репринтное издание трехтомника, в котором приведено описание более 2300 православных монастырей, когда-либо существовавших на Руси со времени введения христианства. Приведены географическая справка о каждом из описываемых объектов, дата основания или сведения о первом упоминании в исторических источниках. В свою задачу автор включил также описание погостов и сел, деревень и урочищ, часовен и церквей, развалин, священных предметов, мощей, сохранившихся в каждом из монастырей на момент создания его обзора. Справочник замечателен богатством библиографического материала.

Киселева Л. И. Латинские рукописи XIII в.: Описание рукописей Российской национальной библиотеки, 296 стр., ил., пер. ISBN 5-86007-458-1.

Книга подготовлена к 200-летию Отдела рукописей Российской национальной библиотеки и представляет собой подробное научное описание хранящихся в библиотеке латинских рукописей XIII в. По оставленным на рукописях пометам восстанавливается история каждой рукописи, реконструируются библиотеки, в которых хранилась каждая из них. Раскрывается малоизвестный пласт в истории западноевропейской и русской культуры, поскольку благодаря русским коллекционерам рукописи оказались в России.

Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика /Отв. ред. С. А. Семячко, 600 стр., пер. ISBN 5-86007-442-5.

Сборник научных работ посвящён наиболее сложным и спорным вопросам методики изучения русской агиографии. В нём рассмотрены репертуар русской агиографической литературы, разные типы житий, вопрос о формировании агиографических традиций, проблемы источниковедения, текстологии и поэтики русских житий и др. Ряд статей представляет собой образцы исследования и издания агиографических памятников, среди них жития митрополита Филиппа, Петра

и Февронии Муромских, Никиты Переяславского, Кирилла Новоезерского и Нифонта Новгородского, Варлаама Важского, Филиппа Ирапского, Вассы Нижегородской и др. Сборник рассчитан на специалистов в области агиологии, истории литературы и культуры.

Каждан А.П. Никита Хониат и его время /Под ред. Я.Н. Любарского, 526 стр., пер. ISBN 5-86007-449-2.

Книга, посвященная творчеству одного из самых интересных и талантливых византийских историков Никиты Хониата (конец XII — начало XIII вв.), была закончена А.П. Кажданом еще в 1978 г., перед самой его эмиграцией в США. Название книги точно определяет её содержание. Первая часть каждой из трех глав представляет собой анализ основных социально-экономических и культурных процессов в византийском обществе XI–XII вв. Вторая часть — исследование того, как эти процессы отразились в творчестве Хониата. Написанная четверть века назад, работа А.П. Каждана сохраняет свое научное значение. В приложении печатаются одиннадцать статей А.П. Каждана о Хониате, опубликованные в различных изданиях еще при жизни писателя.

Словарь промысловой лексики Северной Руси. Вып. 2: К–О /Под ред. Ю.И. Чайкиной, 336 стр., пер. ISBN 5-86007-451-4.

Словарь содержит описание промыслово-ремесленной лексики в начальный период формирования русского национального языка (XV–XVII вв.). В словаре представлена лексика, относящаяся к основным промыслам и ремеслам Северной Руси — железоделательному, соляному, строительному, лесному, рыболовецкому, судостроению, а также к художественному творчеству (иконопись, ювелирное дело, шитье и др.).

От заката до рассвета: Ночь как культурологический феномен. Сб. статей / Отв. ред. Е. В. Дуков, 320 стр., пер. ISBN 5-86007-453-0.

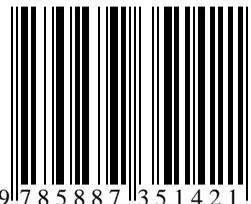
Сборник составлен по материалам конференции, проведенной отделом массовых жанров Государственного института искусствознания в 2003 г. В центре — размышления над проблематикой ночи, ее ролью в современном бытии искусства, ее семантики и истоков отношения к ней в культуре. Книга предназначена для культурологов, искусствоведов и широкого круга читателей, интересующихся менталитетом современного человека.

Заказы присылать по адресу:
 ДМИТРИЙ БУЛАНИН
 199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4,
 Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
 Российской Академии наук.
 Телефон/телефакс: (812) 542 52 23
 E-mail: dbulanin@sp.ru
<http://www.dbulanin.ru>

Норман М. НЕЙМАРК
ПЛАМЯ НЕНАВИСТИ:
ЭТНИЧЕСКИЕ ЧИСТКИ В ЕВРОПЕ XX ВЕКА

Компьютерная верстка и техническое редактирование — С.П. Щербина

ISBN 5 - 88735 - 142 - X

9 785887 1351421

ИД №01428 от 05.04.2000
Подписано в печать с оригинал-макета 09.04.2005
Формат 60×80 1/16.
Тираж 1000 экз. Усл. печ. л. 20,0. Зак.

Научно-исследовательский центр АИРО-XX
E-mail: airoxx@online.ru

ДМИТРИЙ БУЛАНИН
199034, С.-Петербург
наб. Макарова, 4
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон/телефакс: (812) 542-5223
E-mail: dbulanin@sp.ru
<http://www.dbulanin.ru>